

*Низбеленные
сердца*

Э. Абрам

ШЕПОТ ВЕТРА

Издательство

Annotation

Амелия Дивайн, молодая наследница трагически погибших богатых родителей, направляется к своим опекунам в Кенгуру-Айленд, но корабль попадает в шторм и разбивается о риф. Очнувшись, девушка обнаруживает, что из всех пассажиров в живых остались только двое: она и Сара Джонс, условно освобожденная заключенная, направляющаяся на работу к многодетному фермеру. Когда Сара понимает, что Амелия, ударившись головой, теряет память, ей в голову приходит хитроумный план...

- [Элизабет Хэран](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)
 - [Глава 16](#)
 - [Глава 17](#)
 - [Глава 18](#)
 - [Глава 19](#)
 - [Глава 20](#)
 - [Глава 21](#)
 - [Глава 22](#)
 - [Глава 23](#)
 - [Глава 24](#)
 - [Глава 25](#)

- [Глава 26](#)
 - [Глава 27](#)
 - [Глава 28](#)
 - [Глава 29](#)
 - [Глава 30](#)
 - [Глава 31](#)
 - [Глава 32](#)
 - [Глава 33](#)
 - [Глава 34](#)
 - [Глава 35](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
-

Элизабет Хэран

Шепот ветра

Глава 1

Австралия, сентябрь 1845 года

Южное побережье Австралии

— Люси! Немедленно принеси мой зонтик, ты слышишь? — нетерпеливо прокричала прелестная девушка, с пышными темными волосами. Она очень волновалась за свою светлую кожу, цвета персика с молоком.

— Если ваша кожа такая нежная, мисс Дивайн, вам лучше уйти с солнца, — вежливо посоветовала Люси своей госпоже.

Она хорошо знала, как обжигают кожу лучи, отраженные от поверхности океана. Люси была блондинкой с очень светлой кожей и обгорала на солнце за считанные минуты. Она стояла в тени кормовой палубы, закрывающей ее как от палящего солнца, так и от ветра, который нес «Антилопу» по волнам. Корабль шел вдоль южного побережья Австралии, направляясь в Бэкстэйрс-Пэсэдж, печально известное место, где сильное течение отделяет материк от Кенгуру-Айленд. Но, по словам команды, при таком сильном встречном ветре они смогут добраться туда только к вечеру. Стояли последние дни сентября, и должно было потеплеть, но холодный ветер обжигал кожу, как по утрам зимой.

Амелия Дивайн стояла у борта корабля и смотрела на свою служанку.

— Мне нехорошо от этой ужасной качки, Люси. Если я не буду дышать свежим воздухом, то, весьма вероятно, скормлю рыбам все жаркое из баранины, что мы ели на обед.

Люси застонала. Все пять дней, с тех пор как они отправились из порта Ван-Демьенз-Лэнд на корабле «Леди Розалинда», Амелия постоянно жаловалась. Слишком жарко. Слишком холодно. Еда отвратительная. В команде одни грубияны. Почему они общаются с пассажирами третьего и четвертого класса? И все в таком же духе... Даже короткая остановка в Мельбурне, где они пересели на пароход «Антилопа», не улучшила настроения ее хозяйки.

Люси была уверена, что сейчас слишком ветрено, стоять с зонтиком в руках нельзя. Но она сходила за ним, не желая сердить хозяйку. Как только Амелия взяла зонтик, порыв ветра тут же вырвал его из рук девушки и бросил в море, и он мгновенно исчез в волнах.

— Пожалуй, разумнее спуститься в каюту, мисс Дивайн, —

предложила Люси.

Амелия была очень хрупкой девушкой, и Люси опасалась, что сильный порыв ветра может бросить ее хозяйку за борт, вслед за зонтиком.

— Я же сказала тебе, меня тогда стошнит. И если у тебя больше нет дельных предложений, оставь меня, — сердилась Амелия.

Люси заметила, что лицо у госпожи зеленеет. Значит, хозяйка опять злится. За последние несколько недель это повторялось не раз. Люси вернулась в свою каюту, где ее уже ждала попутчица, которая представилась ранее как Сара Джонс.

Сара слышала злые указания Амелии.

— Не знаю, как вы миритесь с этими постоянными жалобами и с тем, как она обращается с вами, — заговорила она, разглядывая, как Амелия с важным видом стоит у борта, вцепившись в ограждение.

За многие годы своей жизни Саре, к несчастью, пришлось повидать немало таких, как Амелия Дивайн. С ней часто разговаривали столь высокомерно. Тогда, учитывая ее личные обстоятельства, Саре приходилось мириться с таким обращением, но она не могла понять, почему Люси такая покорная. Да, Люси служанка, но она человек свободный.

Сара безошибочно определяла тех людей, кто был с ней в одном положении, но Люси определенно не была такой девушкой. На месте Люси Сара обязательно сказала бы мисс Дивайн все, что о ней думает. Возможно, она тогда лишилась бы работы, но удовольствие отстоять свою независимость стоило бы того.

— Мне нужна эта работа и крыша над головой, — ответила Люси. — Я отправилась в Австралию полтора года назад со ста пятьюдесятью шестью сиротами из Лондонского приюта. Считается, что как только тебе исполнилось шестнадцать, ты должна сама пробиваться в жизни. Мне исполнилось шестнадцать лишь месяц назад, но мне очень повезло, что я получила эту работу.

— Мисс Дивайн не намного старше вас, — заметила Сара, по-прежнему разглядывая хозяйку Люси. — Где ее родители? Они наверняка были богачами и приучили дочь смотреть на простых людей сверху вниз. Поэтому Сара неприязненно смотрела на Амелию.

— Ей девятнадцать. Раньше ее жизни можно было только позавидовать... но две недели назад ее родители и младший брат погибли.

— Что случилось?

— Во время сильной бури в Хобарт-Таун на их экипаж упало огромное дерево. У них не было ни единого шанса. Меня наняли, чтобы

сопровождать Амелию к попечителям, которые живут в Кингскоте, на острове. Последний раз Амелия виделась с ними, когда ей было одиннадцать лет, но дворецкий ее семьи сказал мне, что они замечательные люди, поэтому я уверена, что они будут добры к ней. Я продолжаю молить Господа, чтобы Амелия оставила меня при себе, так как, несмотря на ее характер, присматривать за ней не такая уж и тяжелая работа. — Добрая Люси не могла злиться на Амелию, у мисс Дивайн была приятная внешность, открытая и теплая улыбка, мягкий характер.

Сара так взглянула на Люси, словно хотела дать ей понять, что никакая трудная работа не заставит ее согласиться быть рядом с Амелией.

— Если бы я не оказалась с Амелией, то сейчас работала бы на фабрике или убирала, что мне не очень-то нравится, — призналась Люси.

Она взглянула на загрубевшие от работы руки Сары. У Люси были такие же руки, когда она жила в приюте.

Услышав о горе Амелии, Сара не пожалела девушку. Сара была убеждена, что у той осталось достаточное состояние, а теперь есть и попечители. Сара была уверена, что в будущем девушку ждет безоблачная жизнь. Впрочем, она слишком красива, и поэтому не стоит ее жалеть. Амелия так не понравилась Саре и потому, что они были с ней совершенно разными. Правда, у обеих были длинные каштановые волосы, карие глаза и светлая кожа, но Амелия была очень красивой, а Сара непривлекательной. Теперь они станут жить на одном острове, но их новые дома будут сильно отличаться. У Амелии были богатые родители, а у Сары — простые рабочие.

Сара понимала Люси. Но ее раздражало, что такие, как Амелия Дивайн, думают, что им позволено грубо обращаться с простыми людьми.

Люси заметила, как над материком собираются темные тучи, и стала молиться, чтобы они успели добраться до острова, пока не началась буря.

— Мне очень хочется скорее увидеть остров. Один пассажир мне рассказывал, что там пляжи с белоснежным песком и отличная рыбалка. Амелия немного расстроилась, узнав, что на острове немного жителей. Она думает, что там будет мало магазинов, а мне не терпится увидеть морских котиков и пингвинов. Я также слышала, что климат там, как на Ван-Демьенз-Лэнд, поэтому будет не так много жарких дней.

Сара пожалала плечами. Ей было абсолютно все равно, что представлял собой этот остров. Она ехала сюда не по своей воле.

— Какая у вас там будет работа? — спросила Люси Сару.

Это был вполне невинный вопрос, но Сара не собиралась рассказывать Люси всю правду.

— Я буду жить на ферме и заботиться о детях, которые потеряли свою мать примерно год тому назад.

— О боже, что же с ней случилось?

— Полагаю, она умерла при родах *седьмого* ребенка.

— Значит, один из ваших подопечных будет младенцем? — спросила Люси.

Хотя ей сразу стало жаль детей фермера, которые потеряли свою мать, но голос ее прозвучал радостно. Люси обожала малышей.

— Мне сказали, что младенец тоже умер, — ответила Сара.

Уже не в первый раз она подумала о том, что жене фермера следовало отказать такому настойчивому вниманию со стороны своего мужа. Если бы она поступила подобным образом, тогда у детей была бы мать. Но Сара реально смотрела на вещи и знала, что у бедной жены фермера просто не было другого выбора, кроме как принять свою судьбу и оставаться верной женой, за что она заплатила самую высокую цену.

Люси все еще думала о несчастном малыше, который умер при рождении.

— Получается, что вы будете нянечкой шестерым детям, — продолжала она.

Это прозвучало довольно наивно. Но тут Люси вспомнила малышей, за которыми она ухаживала в приюте. На всем белом свете у этих несчастных не было никого, кто любил бы их. При отъезде самым трудным для девушки было оставить этих малышей. Она помнила тот день, когда всего лишь месяц назад вышла из здания приюта. Это было словно вчера. Малыши плакали, но монахини не позволили ей остаться. Ее сердце разрывалось от горя. Люси до сих пор чувствовала себя виноватой, что оставила детей.

Сара с облегчением вздохнула. Она была рада, что как Люси перевела разговор на другую тему. Быть *нянечкой* намного лучше, чем *условно освобожденной заключенной*. В четырнадцать Сару осудили на семь лет за воровство. Пять нелегких лет она провела в Саус-Хобарт, на улице Дегрэйвс, работая прачкой. И поскольку в Австралии на фермах прислуга устроила саботаж, отказываясь работать, мужчинам и женщинам с хорошим поведением из поселков для осужденных разрешили отбывать остаток срока, работая на воле.

На городскую пристань Сару доставила тюремная охрана. Все вместе они взошли на борт парохода «Монтебелло» и добрались до Мельбурна, где Сару посадили на «Антилопу». По прибытии в Кингскот она должна была отметить в местном полицейском участке, а потом тамошняя полиция

должна была удостовериться, что она добралась до фермы Эвана Финнли, которая располагается в самой отдаленной западной части острова. Сара тревожилась, что сам хозяин не сможет встретить ее, ведь ферма находилась в сотнях миль от города. Он заранее предупредил власти, что не сможет оставить дом и детей. Однако Сару заверили, что кто-нибудь отвезет ее на ферму, которая, по-видимому, была в очень дикой части острова.

На борту «Антилопы» находились восемьдесят один пассажир и двадцать восемь членов команды. Груз судна состоял из меди, муки, различных товаров и нескольких лошадей, четыре из которых были скаковыми и должны были быть доставлены в Аделаиду. Трое пассажиров, господ Хеджероу, Альбертсон и Браун, были владельцами лошадей и все время пути хвастались друг перед другом победами своих питомцев на скачках Флемингтон в Мельбурне.

Через час небо заметно потемнело, а ветер задул еще сильнее. Мачты и такелаж, крепления трубы корабля трещали и стонали под напором свирепого ветра. Команда испугалась, что он может порвать паруса судна. Моряки ничего не могли сделать, когда корабль бросало с одной волны на другую. Они были в пяти милях от маяка мыса Уиллогби, когда очередная большая волна так качнула корабль, что одна из скаковых лошадей не смогла устоять в своей клетке. Капитан немедленно распорядился повернуть на юго-запад, в открытое море, навстречу волнам.

Вскоре волны превратились в громадные горы. Налетел шквал. Капитан решил, что безопаснее будет обойти остров, чтобы попасть в порт Кингскот, вместо того чтобы пытаться пройти в шторм течение Бэкстэйрс-Пэсэдж. И прежде чем отправиться в Аделаиду, переждать там, пока успокоится шторм.

— Когда же мы окажемся в порту этого несчастного острова? — в сотый раз спросила Амелия.

Ее вместе с другими пассажирами дождь вынудил уйти в салон. Амелия мучилась от морской болезни, которая усилилась, когда очертания острова скрыла тьма и стена дождя. Шли часы. Корабль бросало из стороны в сторону в полной темноте. Шторм не ослабевал. Сара и Люси молились о спасении, а Амелия продолжала жаловаться.

Капитан Бреннер, увидев свет еще одного маяка, понял, что, вероятно, они сбились с курса. Он поспешно продолжил свои вычисления. Видимость была почти нулевая, и капитан не мог знать, что они подошли к острову так близко. Капитан Бреннер быстро просмотрел карту в поисках опасных рифов. К нему присоединился первый помощник.

— Если это маяк на мысе Кейп-дю-Куэди, сэр, а это, пожалуй, именно он, тогда мы должны отойти от острова.

Помощник бывал здесь и раньше, он хорошо знал этот район, знал, что многие встретили здесь свою смерть.

Капитан Бреннер резко повернул штурвал влево, но было слишком поздно. С носа корабля раздался предупреждающий крик матроса, судно содрогнулось, большинство пассажиров и членов команды, потеряв равновесие, упали на пол.

— Господи, сжался над нами, — взмолился капитан.

Корабль налетел на частично затопленный риф. Никто и никогда не сможет забыть тот ужасающий скрежет деревянного корпуса, когда тот натолкнулся на острые камни. Дети вцепились в своих плачущих матерей, и к шуму шторма прибавились крики и рыдания. Когда прилив поднял корабль на двадцать футов, затаскивая на риф, все с новой силой молились Господу. Следующая могучая волна обрушилась на судно, и корабль накренился на левый борт. Люди карабкались друг на друга и кричали от ужаса, когда вода начала затапливать нижние палубы. Двигатели немедленно остановили, чтобы винты не погнулись о камни. Бой ревущего ветра, шум волн, разбивающихся о корпус корабля, и человеческие крики слились в одну ужасную какофонию. Две минуты команда с тревогой ждала решения своей судьбы.

Когда судно, казалось, твердо легло на камни, капитан Бреннер отдал приказ спускать на воду спасательные шлюпки. Через несколько мгновений труба корабля рухнула прямо на одну из них и разбила шлюпку. Не выдержав напора стихии, корпус судна разломился на три части. Каюты и салон погрузились в кромешную тьму. В бушующее море снесло несколько пассажиров, моряков, груз и некоторые шлюпки. Носовая часть корабля и его середина оказались в более глубоком месте рифа. По канату, который закрепил один матрос, пассажиры из средней и носовой части старались взобраться на корму, но многих смыло волнами.

Люси, Амелия и Сара Джонс в оцепенении находились в зале на корме судна. Они не знали, что большинство спасательных шлюпок унесло в море. Амелия думала о том, что вот-вот отправится вслед за своими родителями, а Люси была так напугана, что даже не пыталась разубедить госпожу в этом.

Пока корма корабля раскачивалась на выступе рифа, оставленная на милость бушующих волн и свирепого ветра, команда моряков пыталась спасти пассажиров. Господа Хеджероу, Альбертсон и Браун предложили морякам одну тысячу фунтов за свое спасение, когда заметили, что три их

призовые лошади плывут к берегу, а тело четвертой волны бьют о камни. Уильям Смит, моряк, служащий на море второй год, ужаснулся, увидев страх и отчаяние матери с четырьмя маленькими детьми: она услышала просьбу этих господ. Моряк ответил богачам, что женщин и детей он станет спасать в первую очередь. Двоих матросов едва не соблазнили предложения троих господ. Ронан Росс и Тирман Келли, моряки, служащие только первый год, с удовольствием взяли бы эти деньги, но они не могли гарантировать, что доставят на берег пассажиров живыми и здоровыми. Все понимали, что только чудо может кого-то спасти.

Команда сосредоточила свои усилия на действиях, предписанных в данной ситуации. Моряки нашли несколько сигнальных ракет и постарались выпустить их в воздух, пытаясь привлечь внимание смотрителя маяка. Но ракеты промокли и даже не загорелись. Корабельная рында звонила не переставая, все надеялись, что этот сигнал услышит проходящий мимо корабль или смотритель маяка. Но при таком шторме на это была лишь призрачная надежда.

Матрос, оставшийся на носу, заметил спасательную шлюпку, плавающую неподалеку. Пассажир, находившийся рядом, моряк-голландец, предложил попробовать доплыть до нее с веревкой, обвязанной вокруг талии. Под одобрительные окрики он чудесным образом добрался до шлюпки, но веревка развязалась, и через несколько секунд голландца, держащегося за борт, унесло в открытое море.

Двое матросов отвязали последнюю спасательную шлюпку, оставшуюся на корме, и спустили ее на воду. Пока один, что был с лампой, забрался в шлюпку, второй прошел по круто наклоненной палубе в зал и помог пассажирам спуститься к воде. Садиться в шлюпку им помогал другой матрос. Учитывая сильную качку, это было совсем нелегко сделать.

Моряки посчитали, что в кормовой части судна осталось примерно тридцать пять пассажиров. Конечно, для одной шлюпки это было слишком много, но моряки старались спасти столько жизней, сколько смогут. Детей вместе с их матерями первыми посадили в шлюпку, а за ними последовали женщины и старики. Люси, Амелия и Сара оказались в дальней части зала, в полной темноте, остальные в панике протискивались вперед. Они намеревались оставаться вместе, но во тьме и всеобщей неразберихе девушки потеряли друг друга.

Каким-то образом Люси с Сарой отделились от Амелии, которая все еще страдала от морской болезни. словно в кромешном аду, люди толкались, кричали и рыдали, отчаянно пытаясь выбраться из зала и сесть в шлюпку, прежде чем корму собьют в море неумолимые волны.

— Люси, — закричала Амелия, когда потеряла девушку из виду. — Люси! Люси! Где ты? — Амелия боялась остаться одной и пробилась к выходу из зала. Оглядывая шлюпку, она искала Люси, но в тусклом свете лампы и за пеленой дождя не могла различить знакомые очертания.

— Простите, места больше нет, — прокричал матрос снизу. — Шлюпка полна.

— Люси, — позвала Амелия, когда ей показалось, что среди пассажиров лодки промелькнула светлая прическа.

Люси хотела подождать Амелию, но толпа вынесла ее вперед к двери зала, и моряк прямо вытянул ее из общей массы пассажиров. Сара тоже оказалась в лодке. Люси посмотрела вверх, и Амелия увидела ее.

— Люси, подожди меня, — попросила Амелия.

— Простите, — извинился моряк. — В шлюпке больше нет места, мисс.

— Люси, — повторяла Амелия. — Ты не можешь уплыть без меня. — Амелия обратилась к матросу. — Люси моя служанка. Она не может сесть в лодку без меня.

— Шлюпка перевернется, если будет перегружена, а свободного места в ней нет, мисс.

— Вы не понимаете. Я должна быть там, — истерично вскрикнула Амелия. Она вырвалась из рук матроса и прыгнула в воду, рядом со шлюпкой, а вынырнув из воды, вцепилась в борт лодки. — Я должна плыть с Люси, — заявила она, хватая воздух ртом. Она даже представить себе не могла, что останется на разбитом корабле. Она знала, что у пассажиров первого класса больше прав занять спасательную шлюпку, чем у простых смертных.

— Простите, плыть может только одна из вас, — строго сказал матрос. Он попытался вытащить Амелию из воды, но она резко замахала руками, и люди, сидевшие в лодке начали паниковать, боясь, что она перевернет лодку и все окажутся в воде.

— Это я должна быть в лодке, — требовала Амелия, смотря на Люси, которая, съежившись, сидела напротив Сары.

— Сидите на месте, — приказала Сара девушке и сжала ее руку, когда та попыталась встать.

Люси не знала, что делать. Если Амелия перевернет лодку, тогда ни у кого не будет шанса выжить. Люси посмотрела на лица испуганных детей, сидящих вокруг. Нельзя лишить их шанса на спасение.

— Пожалуйста, возьмите мисс Дивайн в лодку, — попросила она матроса в шлюпке.

- Мы не можем, — смутился он. — Шлюпку перегрузим.
— Люси, ты не можешь плыть. Не можешь, — твердила Амелия.
Глубоко вздохнув, Люси встала.
— Я выхожу, — прокричала она, проталкиваясь к борту.
— Нет, Люси, — взмолилась Сара. — Оставайся на лодке.
— Я не могу, — покорно проговорила Люси.

Она знала, что у нее нет права занимать место Амелии. Люси вырвалась из рук Сары и выбралась из шлюпки. Когда она оказалась на обломках корабля, матрос вытащил Амелию из воды и помог ей сесть в лодку.

- Люси, плыви за нами, — раздраженно велела Амелия.

Она даже не поняла, что девушка пожертвовала своей жизнью ради нее. Амелия топнула ножкой, словно маленький ребенок. Шлюпка закачалась, и пассажиры в ужасе закричали.

- Я отведу ее в безопасное место, — сообщил другой матрос.

Он взял Люси за руку, поднял ее на палубу и отвел к двери зала, потом оттолкнул шлюпку веслом от корпуса корабля.

Сара взглянула на Люси, которая наблюдала за ними из двери в зал. Даже в тусклом свете лампы Сара видела выражение лица девушки. Такое выражение бывает у человека, которого приговаривают к смертной казни после того, как он решил, что его освободят. Сара побагровела от злости. Ей хотелось наброситься на Амелию Дивайн, но пока шлюпку качало на волнах, она задумала сделать кое-что другое.

Матрос пытался развернуть шлюпку к острову, но даже в темноте он видел черные силуэты острых каменных рифов, отделяющих их от берега. Из-за сильных волн провести через них шлюпку довольно трудно. Спасти может только чудо, а эта ночь пока была скупа на чудеса.

Шлюпка не прошла и сотни ярдов, когда носовая часть корабля сорвалась с рифа и исчезла под водой. Раздался грохот ломающегося дерева, а потом странный, внушающий ужас звук, когда воздух с шумом выходит из щелей корпуса, погружающегося на глубину. Не слышалось даже криков о помощи, так как у бедняг, что оставались там, не было даже времени закричать. Амелия и другие пассажиры шлюпки в ужасе схватились друг за друга. Они думали лишь о том, неужели они единственные, кому суждено выжить, или они тоже обречены?

Как только шлюпка достигла прибоя, ее сильно понесло вперед. На всей береговой линии, представляющей собой сплошные скалы, было единственное место, подходящее для высадки, — небольшой пляж. Когда уже казалось, что волны вынесут их к берегу, шлюпка внезапно наткнулась

на риф. Ее развернуло боком, и через мгновение первая же волна опрокинула шлюпку.

Крик Амелии заглушила очередная волна. Девушку потащило вниз и закружило под водой. Когда наконец она смогла вынырнуть на поверхность, волна бросила ее на риф. Амелия была оглушена, но инстинктивно схватилась за камни. Она только успела набрать воздух в легкие, как снова нахлынула волна, пытаясь оторвать ее от рифа. Амелия едва смогла снова вдохнуть, как следующая волна опять обрушилась на нее. Лицо, руки, ноги, все тело Амелии ужасно болели. Мокрые волосы закрывали глаза, и она ничего не могла видеть.

Амелия крепко вцепилась в камень, а волны постоянно норовили оторвать ее от рифа. Минуты тянулись утомительно долго, она продолжала держаться затекшими пальцами за спасительный камень. Девушка представления не имела, далеко ли находится от берега. В перерыве между набегаящими волнами она смогла убрать волосы с лица. Собрав последние силы, Амелия взобралась по камням так высоко, как только могла. Немного отдышалась, оставалась по пояс в воде.

Амелия потеряла счет времени. Когда она снова открыла глаза, освещение вокруг стало каким-то странным, и девушка поняла, что, вероятно, наступил рассвет. Она держалась за большой, обросший ракушками камень. Из многочисленных порезов на руках и ногах у нее сочилась кровь.

Она сильно замерзла, от холода даже стучали зубы. Девушка огляделась по сторонам и вдалеке увидела берег. Повсюду были сплошные скалы, но почти прямо перед ней виднелась узенькая полоска песка. Она заметила там какое-то движение и попыталась сосредоточиться, чтобы разглядеть, что это. С надеждой и страхом Амелия вглядывалась вдаль и наконец поняла, что на пляже расположилась целая колония морских львов.

Она вспомнила: ей рассказывали, что море вокруг острова просто кишит акулами. Амелия вздрогнула. Дрожа от страха, она попыталась вытащить ноги из воды, но это было невозможно. Несчастная посмотрела на скалу, где стоял маяк, предупреждавший мореплавателей об опасности. Может, смотритель маяка видел ее? Знает ли он, что прямо здесь потерпел крушение корабль?

Амелия не понимала, прилив сейчас или отлив. Она думала об этом, когда было еще темно. Тогда она едва могла держать голову над водой, а теперь волны плескались у самых ног. Амелия предположила, что сейчас отлив. Теперь можно обдумать, как ей добраться до берега.

Посмотрев в сторону моря, Амелия от ужаса вскрикнула. На рифе не было ни средней, ни кормовой части корабля, повсюду по океану плавали деревянные обломки и различные вещи. Девушка заметила диванный валик, ботинок, даже чемодан — печальные напоминания о погибших людях.

— О боже, неужели я одна уцелела? — воскликнула она.

Амелия закрыла глаза и всхлипнула. Над головой кричали чайки, волны бились о камни. Она никогда не ощущала себя такой одинокой. Внезапно до нее донесся какой-то звук. Словно кто-то стонал от боли, но Амелия была уверена, что у нее галлюцинации. Она огляделась по сторонам.

— Кто здесь? — спросила она.

В ее душе затеплилась надежда, что она не одна. Когда она никого не увидела в воде, то поняла, что звук, вероятно, исходит с другой стороны камня.

— Я... здесь. — В этот момент волна с шумом разбилась о камень, но Амелия различила женский голос.

— Люси! — с надеждой вскричала она. — Это ты, Люси?

— Нет, — резко ответила Сара Джонс, поняв, что на другой стороне камня Амелия Дивайн.

Амелия снова посмотрела в сторону моря. Она надеялась... молилась... что Люси каким-то образом смогла спастись, но в глубине души осознавала, что шансы практически равны нулю. Ее глаза наполнились слезами, и не впервые она задумалась, почему Господь снова так испытывает ее. Если бы Амелии не нездоровилось в тот день, когда дерево убило ее родителей и младшего брата Маркуса, она оказалась бы вместе с ними. Если бы она не села в лодку, то утонула бы вместе со всеми.

Амелия заметила, что вода начала прибывать.

— Начинается прилив! — прокричала она и снова посмотрела в сторону берега.

Она ужасно испугалась, что ей придется плыть к берегу. Амелия плавала весьма скверно, а от мысли, что на нее может напасть акула, девушка ужаснулась.

Внезапно с другой стороны камня показалась голова. Амелия была очень рада видеть другого человека, но Сара думала о Люси и зло посмотрела на Амелию.

— Вы одна? Кто-нибудь еще выжил? — спросила Амелия.

— Не думаю. Я видела тело. Похоже, это один из матросов. — На его голове зияла огромная рана, и Сара предположила, что его ударило волной

о камни. Она посмотрела на узкую полоску пляжа. — Что это там, на песке? — спросила она, надеясь, что там могут быть выжившие люди. Она видела движущиеся темные силуэты, но брызги не давали ей возможности разглядеть все четко.

— Морские львы, — объяснила Амелия.

— Они нападут на нас? — Сара мало что знала.

— Нет, не думаю, их едят акулы, — уточнила Амелия, оглядываясь по сторонам. — О боже, когда вода поднимется, нас схватят акулы, — закричала Амелия.

— Может, заткнешься, — прервала ее Сара. — Криками не поможешь.

— Не говорите... не говори так со мной, — всхлипнула Амелия.

— От истерики какой прок? Я собираюсь плыть к берегу. Ты со мной?

— Нет. Я не поплыву. Тут повсюду акулы.

— Дело твое.

— Не смей оставлять меня здесь одну, — приказным тоном заявила Амелия.

Снова этот надменный тон.

— Можешь вечно торчать на этом камне. Если мы хотим спастись, нам придется плыть к берегу. — Сара совершенно не желала помогать Амелии, ведь Люси заплатила своей жизнью за спасение этой капризной девчонки, но ей не хотелось оставаться одной.

Амелия посмотрела на воду вокруг и внезапно снова закричала.

— Прекрати, — прикрикнула на нее Сара.

— Я видела... плавник. Акулы окружают нас. — В глазах Амелии застыл неподдельный ужас.

Сара огляделась.

— Я ничего не вижу, — произнесла она. Сара не знала, верить Амелии или нет.

— Он скрылся под водой, — заплакала Амелия и подняла ноги из воды.

Сара снова посмотрела в сторону пляжа и заметила, как два морских льва выскочили из воды на берег. Похоже, что Амелия говорит правду. И если так, то действительно опасно плыть к берегу. Но есть ли у них выбор?

— Вода прибывает, — заметила Сара. — Нам нельзя здесь оставаться. Волна может смыть нас с рифа, и тогда мы погибнем.

Амелия заплакала, дрожа от страха и от холода. Небо было уныло серым. Дул ледяной ветер, тучи скрывали солнце, лучи которого смогли бы согреть спасенных.

Сара посмотрела на воду, ища на поверхности черный плавник. Если

бы Амелия не сказала про него, то Сара попыталась бы доплыть до берега.

— Может, смотритель маяка нас заметит и придет на помощь, — размечталась Амелия.

Саре было противно, что Амелия всегда думает, что кто-то придет ей на помощь. Уж она твердо знала, что такое случается очень редко.

— В таком случае он был бы уже здесь. Ведь уже давно рассвело.

— Тогда что же нам делать? Ждать, пока нас схватит акула? — рассердилась Амелия.

Сара слишком устала, у нее не было сил на размышления. Она закрыла глаза, решив, что если поспит пару минут, то поймет, что надо делать.

Амелия снова посмотрела на маяк. Она была уверена, что смотритель придет. Он должен. Амелия тоже закрыла глаза. Она была совершенно вымотана.

К полудню уровень воды значительно поднялся. Волны разбивались о риф, и девушки забрались на самый верх камня. Сара уже собралась с силами, чтобы плыть к берегу, как вдруг заметила в воде плавник.

— О боже. Вокруг нас плавает акула, — закричала она.

От испуга Амелия едва не потеряла сознание. Она закрыла глаза и вжалась в шершавую поверхность камня. Они забрались на самый верх, но вода доходила им до талии, а ноги были под водой.

— Мы умрем, — захныкала Амелия.

Она пожалела, что не погибла с остальными. Лучше так умереть, чем быть съеденной акулой.

Сара ничего не ответила.

Она пыталась увидеть большой деревянный обломок корабля, который можно было бы использовать как плот. Несколько кусков дерева плавали поблизости, но ни один из них не выдержал бы даже одного человека. Примерно в пятидесяти ярдах Сара заметила бочку и молила, чтобы волны прибили ее ближе.

Она внимательно следила за бочкой, плывущей в открытом океане, когда до нее донесся звук плещущейся воды, который совсем не был похож на плеск волн. Сара обернулась и увидела, что к ним приближается весельная лодка. Человек в ней сидел спиной вперед, но было очевидно, что он плыл именно к ним.

— Кто-то плывет, — произнесла она. — Теперь нас спасут.

Амелия подняла голову и убрала со лба слипшиеся волосы. В этот момент нахлынула очередная волна, Амелия закашлялась, отплевывая морскую воду.

— Помогите! — закричала Сара, прежде чем волна захлестнула и ее. Мужчина развернул лодку, когда до камня оставалось около десяти ярдов.

— Я брошу вам веревку, — прокричал он. — Держитесь за нее, и я подтяну вас к лодке.

Амелия зажмурилась.

— А-ку-лы, — прохныкала она.

Девушка сильно замерзла и была так напугана, что едва могла говорить.

— С вами все будет в порядке, — успокоил их мужчина. — Здесь острые камни, и я не могу подплыть ближе.

— Я видела плавник акулы совсем недавно, — прокричала Сара.

Мужчина в лодке огляделся.

— Это наверняка дельфин, — солгал он. — В этих местах много дельфинов.

— Ты слышала? — спросила Сара. — Мы видели дельфина. Они совершенно безобидные.

— Это была а-ку-ла, — настаивала Амелия. — Я... знаю, это она.

Из-за сильных волн мужчина с трудом удерживал лодку на месте.

— Пусть одна из вас хватается за веревку, и я подтяну ее к себе, — выкрикнул он, работая веслами.

Когда мужчина снова выровнял лодку, он раскрутил веревку над головой и бросил ее. Она упала на камень. Сара потянулась за ней, но веревку смыло волной, и девушка не успела схватить ее. Мужчина подтянул веревку к себе и снова выровнял лодку.

— Я не могу долго здесь оставаться, — сообщил он, раскручивая веревку над головой.

На этот раз Сара поймала конец веревки одной рукой. Нахлынула волна, Сара отпустила камень, человек подтянул девушку к лодке и вытащил ее из воды. Амелия наблюдала за ними, но совершенно не представляла, как сможет оторваться от камня. Она боялась. От холода у нее онемели руки. Она не могла даже разжать пальцы, чтобы оторваться от шершавой поверхности камня.

Волны разбивались о риф, лодка раскачивалась из стороны в сторону. Мужчина быстро развернул лодку носом к берегу. Амелия была уверена, что он бросит ее. Она закрыла глаза. У нее не было больше сил бороться с судьбой.

Мужчина понял, что ему трудно будет снять девушку с камня, и поэтому сделал лассо. Он подплыл еще ближе, бросил веревку, и чудесным

образом она оказалась у Амелии на шее.

— Проденьте в петлю руку, — прокричал мужчина. Он знал, что если она не сделает этого, тогда петля затянется и может удушить девушку. — Быстрее, — приказал мужчина, увидев, как надвигается еще одна большая волна.

— Нет, — отказалась Амелия.

— Примерно через час здесь будут крабы, — напугал мужчину девушку.

Амелия посмотрела на него.

— Гигантские крабы, — уточнил мужчина. — Не хочу расстраивать вас, но они съедят вас заживо. Причем очень быстро.

Амелия оторвала пальцы от скалы и попыталась просунуть руку через петлю. В тот момент, как ей удалось это сделать, на риф обрушилась волна, и Амелия не удержалась. Петля быстро затянулась, и девушка почувствовала, как ее тащат к лодке. Оказавшись под водой, Амелия попыталась всплыть. Петля, охватившая ее грудную клетку, мешала ей плыть. Не в силах вынырнуть, Амелия наглоталась воды.

Когда мужчина подтянул ее к лодке, Амелия была без сознания.

— Проклятье, — выругался мужчина. Вытащив ее из воды, человек опрокинул девушку через борт лодки головой вниз и начал стучать ладонью ей по спине. — Ну же, — закричал он, снова сильно ударив ее несколько раз по спине. Амелия закашлялась и из ее легких хлынула вода.

— Позаботьтесь о ней, — обратился он к Саре и взялся за весла.

Сара с благодарностью посмотрела на молодого темноволосого мужчину, их спасителя. Она вскоре узнает, что его имя Габриель Доннели, и он смотритель маяка на мысе Кейп-дю-Куэди. Он увидел девушек в подзорную трубу еще раньше, но был вынужден ждать прилива, чтобы прийти им на помощь. На счастье, ветер немного стих, но сейчас в небе снова стали собираться темные тучи, и ветер опять крепчал. Габриель еще не доставил девушек на берег, и ему пришлось торопиться. Если снова разразится буря, то им всем будет плохо.

Глава 2

Мыс Кейп-дю-Куэди

Как и прошлой ночью, буря пришла неожиданно. Габриель буквально задыхался, изо всех сил налегая на весла, стараясь не дать волнам разбить маленькую лодку о рифы у подножия скал. Соленые брызги летели им в лицо, а ветер срывал белые барашки с вершук волн.

Сара с Амелией прижались друг к другу на дне лодки и не поднимали головы. Девушки были без сил. Они промокли, замерзли, были в синяках и порезах. Но остались живы. Это было настоящим чудом. Их спасителю, который еще не представился, было на вид лет тридцать. На нем была непромокаемая штормовка и непромокаемая шляпа, вода с нее стекала мужчине на широкие плечи. Его лицо было сильно загорелым, явно он много времени проводил на свежем воздухе, но черная щетина говорила о том, что он мало внимания уделяет своему внешнему виду. Он мало говорил, но от его внимательных глаз, такого же цвета, что и бушующий океан вокруг, казалось, ничего не ускользало. Девушки не могли понять, то ли молодой человек злитесь, то ли он очень решительно настроен доставить их на берег. Вероятно, он всю ночь не спал и беспомощно наблюдал, как, налетев на риф, развалился корабль. Явно он тоже устал. Сара думала о том, что, возможно, он обязан был их спасти. Это его долг. Во всяком случае, они с Амелией были ему благодарны за свое спасение.

Габриель начал уставать, но ему удалось провести лодку за утес, на котором стоял маяк. Он направил лодку в Вейрс-Коув, небольшую бухту, где была пристань, оборудованная у подножия скалы, высотой в триста футов. Габриель привязал лодку к пристани и помог Саре с Амелией выбраться на берег. Оказавшись на пристани, девушки посмотрели вверх и раскрыли рты от удивления.

— Мы не сможем туда подняться, — проямлила Амелия, стуча зубами.

В скале по всему отвесу были вырублены ступени. Они выглядели очень скользкими, подъем казался почти вертикальным. Пожалуй, даже скалолаз подумал бы дважды, прежде чем подняться по ним.

— Туда каждые три месяца поднимают две тонны припасов и горючего, поэтому не бойтесь, это не будет для вас слишком трудным делом, — спокойно пояснил Габриель.

Сравнение ее с мешками зерна оскорбило Амелию.

— Мы не припасы, чтобы нас связывали и тащили наверх, мы и не горные козы.

Смотритель маяка прищурился и недоброжелательно посмотрел на Амелию. Ей показалось, что он готов бросить ее обратно в море, как бросают маленькую рыбку, которая не подходит для жарки. Она сложила руки и равнодушно взглянула на своего спасителя. Амелия считала, что заслуживает заботливого обращения.

Сара опустила голову. Нытье Амелии раздражало ее, но лестница действительно была непреодолима.

Габриель повернулся к Саре.

— Я иду наверх. Когда поднимусь, то опущу вниз канат с ремнями на конце. Вы застегнете ремни на ней. — Он показал на Амелию. — Когда все сделаете, я подниму ее. После этого спущу канат снова.

Сара тупо смотрела на него.

— Вы меня понимаете? — спросил он.

Сара молча кивнула, ничего не соображая.

Амелия запаниковала:

— Наверняка есть другой способ.

— Вы можете подняться по ступеням или остаться здесь. Другого выбора нет. Так как вы намерены поступить?

В глазах Амелии появились слезы.

— Я замерзла, я едва не утонула благодаря вам, у меня все болит. Я была бы вам признательна, если бы вы перестали издеваться надо мной.

— Вы забыли, что я только что спас вам жизнь?

— Это не дает вам права обращаться со мной, как с мешком... картошки.

— Послушайте, дамочка, я не спал всю ночь, поддерживая огонь и наблюдая за кораблем в подзорную трубу. У меня нет ни времени, ни сил спорить с вами. Поэтому просто предлагаю вам сделать так, как я велел. Перестаньте жаловаться, — произнес он твердо и резко.

Амелия испуганно замолчала.

Смотритель маяка запрыгнул, на лестницу и практически побежал по ступеням. Девушки смотрели, как он поднимается. Несколько раз они с ужасом замирали, когда молодой человек дважды поскользнулся на ступенях, которые казались слишком узкими для его больших ног. К счастью, он успел схватиться за скалу и предотвратил падение.

Молодой человек вбежал по лестнице за считанные минуты и исчез наверху. Девушки ждали на обжигающем ветру, потом на краю скалы показался канат с ремнями, привязанными на конце. Ветер сдувал канат, и

Саре понадобилось некоторое время, чтобы поймать его конец. Руки Сары также онемели от холода, но она надевала ремни на Амелию. Наконец Сара поняла, как нужно все сделать, и застегнула пряжки. Ремни шли вокруг талии, через плечи, и оставалась широкая кожаная полоса, на которой сидеть.

— Я не могу, — призналась Амелия, с тревогой взглянув вверх. — Почему ты не пошла первой?

Сара посмотрела на нее.

— Потому что тебя выбрали первой. Если зритель сказал бы мне отправиться первой, то я бы так и сделала. Но он достаточно умен и понял, что если бы я отправилась первой, ты не сумела бы застегнуть эти ремни.

Амелию удивил откровенный гнев Сары, но она не успела спросить, чем обидела ее, Габриель прокричал сверху:

— Готово?

— Готово, — ответила Сара.

Канат пошел вверх, и Амелия закричала от неожиданности. Вцепившись в ремни, она медленно поднималась по отвесной стене. Ветер из стороны в сторону раскачивал Амелию на канате. Девушке пришлось отпустить ремни и вытянуть руки перед собой, чтобы не удариться о скалу.

Чем выше Габриель поднимал девушку, тем сильнее ветер раскачивал канат. Амелия дважды сильно ударилась о камни коленями и закричала от боли. Сара хотела крикнуть ей, чтобы девушка вытянула не только руки, но и ноги, чтобы обезопасить себя от сильных ударов, потом поняла, что Амелия все равно ее не услышит.

Амелия была почти у самой вершины скалы, но тут резкий порыв ветра очень сильно раскачал канат. Она полетела в сторону, перевернулась и сильно ударилась о скалу спиной и затылком. Сара увидела, как обмякло тело Амелии, и поняла, что от этого удара девушка потеряла сознание. К счастью, она была почти у самой вершины, и ремни надежно удержали ее. Зритель подошел к краю и подтянул Амелию к себе. Саре пришлось подождать несколько минут, прежде чем канат снова был сброшен вниз.

Сара застегнула все ремни и махнула рукой, показав, что готова. Ветер тоже стал раскачивать девушку, но она старалась держаться лицом к скале и отталкиваться ногами, чтобы не удариться о каменную стену. У нее хорошо получалось. Сара была довольна собой, она благополучно добралась до вершины. Когда зритель втянул ее на скалу, она увидела, что Амелия лежит на земле без движения.

— Она жива? — спросила Сара, когда молодой человек расстегивал

ремни.

— Я думал, что она потеряла сознание от испуга, но у нее на затылке рана, вероятно, она ударилась о скалу.

— Так и случилось, — подтвердила Сара. — Я видела, как она ударилась головой, когда была почти уже наверху.

Молодой человек поднял обмякшее тело Амелии и отнес ее в свой дом, который находился рядом с маяком, в сотне ярдов. Сара вздохнула и последовала за ним, оглядываясь по сторонам. Вид на океан с вершины скалы был очень живописным, но меньше всего Саре сейчас хотелось видеть море, и она отвернулась, стала рассматривать дом смотрителя маяка. Это было небольшое белое здание с тростниковой крышей. На незатейливом фасаде были лишь черная дверь и два окна. Здание склада, куда молодой человек отнес канат, было очень похоже на его дом, только оно было значительно больше. Сара не знала, что там хватает места не только припасам, но и еще для одной семьи. Внезапно налетел сильный порыв ледяного ветра, который едва не сбил Сару с ног. Вероятно, опять пойдет дождь.

В доме смотритель уложил Амелию на шезлонг. Сара заметила дверь, которая, подумала она, ведет из гостиной в спальню. Габриель спросил, как она считает, смог ли выжить еще кто-нибудь.

— Понятия не имею, — ответила Сара. В спасательной шлюпке было примерно семнадцать человек. — С нами был один из моряков, но я видела в воде его тело.

— Пока не стемнело, я пойду посмотрю, может быть, еще кому-нибудь удалось выжить, — произнес молодой человек. Подбросив несколько поленьев в очаг, он протянул Саре одеяло. — Маловероятно, но, может, кому-то все же удалось добраться до берега. — Он набросил другое одеяло на Амелию. — Какие-то вещи выбросило на камни. Я подберу их. Может, попадутся неиспорченные продукты.

— Разве это не опасно? — заметила Сара. Впрочем, ей хотелось узнать, прилично ли подбирать вещи после кораблекрушения. Она полагала, что это отвратительно и низко.

— Оставлять вещи и продукты в море просто расточительно. Если корабль с припасами не сможет пристать здесь из-за плохой погоды, то лишние продукты будут означать, что мы не будем голодать. А что касается личных вещей, то, если человек умер, они ему уже все равно не понадобятся.

Сару убедили его слова.

— Возможно, вам повезет.

— Что вы имеете в виду? — любопытствовала она.

— Я могу найти и ваши вещи.

Она подумала о своем чемоданчике. Возможности отыскать его были весьма призрачными.

Молодой человек осмотрел голову Амелии, достал чемоданчик с аптечкой.

— Вам лучше очистить рану и наложить повязку, — предложил он. — Рассечение не очень глубокое, но шишка большая. Только со временем мы узнаем, как этот удар повлиял на ее здоровье.

— Что вы имеете в виду? — спросила Сара, но Габриель промолчал.

Он снова надел свою непромокаемую шляпу.

— Сделайте себе чаю, — посоветовал он и исчез за дверью.

В комнату ворвался ветер. Сара промыла рану и забинтовала Амелии голову, потом налила себе чаю и села у огня, пытаясь согреться. Она мечтала надеть на себя сухую одежду, думала о своем чемоданчике. Было бы настоящим чудом, если бы смотритель маяка нашел его.

Допив чай, Сара почувствовала, как на нее навалилась усталость. Она почувствовала полное изнеможение. Сара с трудом пыталась не закрывать глаза, но сон все же одолел ее. Сара проснулась оттого, что Амелия застонала. В первое мгновение она подумала, что они все еще находятся на том камне, посреди бушующего океана. Она даже была готова услышать, как о риф с шумом разбиваются волны, но услышала лишь завывание ветра за дверью домика. Она подумала о смотрителе маяка, который сейчас борется с волнами. Что, если он не вернется?

Амелия снова застонала, и Сара посмотрела на нее.

— Где... я? — произнесла Амелия, открыв глаза. У нее был очень слабый голос.

— Мы в доме смотрителя маяка, — ответила Сара.

Амелия поднесла руку к голове и поморщилась.

— Почему так болит голова?

— Ты ударилась, когда поднималась на скалу.

— Поднималась на скалу? — удивилась Амелия. — На какую скалу?

— Она внимательно посмотрела на Сару. — Я вас знаю? — прошептала она.

Сара видела, что Амелия ничего не помнит.

— Я была пассажиркой корабля.

— Корабля?

— Разве ты не помнишь кораблекрушение? *Разве ты забыла бедняжку Люси?*

— Кораблекрушение? Нет, не помню, — пробормотала Амелия. Она попыталась вспомнить хоть что-нибудь, но не могла. В ее голове была абсолютная пустота. — Я не помню, что была на корабле. И куда я плыла?

Сара нахмурилась.

— Ты знаешь, какой сегодня день? — спросила она.

— Конечно знаю, — обиделась Амелия и задумалась. — Сегодня... сегодня... — Она замолчала и покачала головой, не веря в то, что происходит. — Я даже не знаю, какой сейчас месяц или год, — заплакала Амелия.

— Ты все вспомнишь, — успокоила ее Сара. — А пока отдыхай.

Амелия закрыла глаза. Она чувствовала себя совершенно опустошенной. Она оцепенела. Невыносимо болела голова. Наверно, поэтому она не может думать нормально. Со временем все вспомнится.

К приходу Габриеля Амелия снова впала в забытие. Сара посмотрела на часы. Прошло почти два часа, погода немного улучшилась. Молодой человек нес три чемодана, которые нашел на камнях у скалы. Все они набухли от долгого пребывания в воде. Сара увидела, что один из трех чемоданов небольшой.

— Вы нашли мои вещи, — радостно воскликнула она. Теперь у меня будет своя одежда. Поверить не могу.

— Я же говорил, что вам, возможно, повезет.

— Вы нашли... кого-нибудь?

— Нет. — Он также не видел ни одного тела, заметил только в бухте несколько акул. — Если там и были тела погибших, то их унесло течением.

У Сары было мало вещей: два платья, пара обуви, пальто и несколько комплектов нижнего белья. Весь этот нехитрый набор уместился в небольшой чемодан, но теперь эти вещи были для нее бесценны. Она могла высушить их у огня и наконец переодеться. Пока Сара возилась со своим чемоданом, Габриель поставил в угол остальные вещи, среди которых была скрипка в футляре. Затем он снова вышел. Сара выглянула в маленькое окно и увидела, как смотритель отнес в хозяйственное здание два бочонка, в которых, похоже, было вино. Сара подумала, как же он смог затащить их наверх, но потом решила, что смотритель воспользовался сеткой для грузов, которая лежала рядом с ремнями в хозяйственной постройке. Габриель все не возвращался, и она решила, что он отправился к маяку.

Сара занялась своим чемоданчиком. Она хотела открыть его, но замок оказался ей другим, да и ключ был привязан к ручке. Ключ от ее чемоданчика был зашит в кромке нижней юбки и все еще оставался там. Сара осмотрела чемодан более внимательно. Он набух от воды и был оббит

о камни. После тщательного осмотра Сара поняла, что этот чемоданчик намного качественней, чем ее.

Саре хотелось узнать, что же в нем находится. Она вспомнила слова смотрителя: вещи не нужны тем, кто потерял свою жизнь. Конечно, он прав, но прежде, чем открыть чемодан, ей пришлось перебороть в себе чувство, что она совершает что-то предосудительное. Вероятно, только она и Амелия остались в живых. А что, если владельцем чемодана был мужчина? Тогда все вещи будут бесполезны для нее.

Сняв ключ, она открыла замки и подняла крышку. Саре повезло, чемодан принадлежал женщине. Сверху, на дорогих вещах, среди которых были шарфы, перчатки и пара туфель, лежала толстая тетрадь. Сара замерла от удивления, прочитав имя на обложке — *Амелия Дивайн*.

Она посмотрела на Амелию. Девушка все еще была в забытьи, и Сара раскрыла тетрадь. В ней были стихи и вырезки из журналов. Страницы намокли, и некоторые записи нельзя было прочесть.

Сара тяжело вздохнула. Она снова присела у огня, думая об их судьбах. У нее впереди два года тяжелой работы на ферме, где она должна присматривать за детьми. Амелия же станет просто отдыхать, а слуги обеспечивать ее беззаботное существование.

Сара размечталась, греясь у очага. Что значит быть *Амелией Дивайн*? Люси говорила ей, что семья Эшби в последний раз видела Амелию маленькой девочкой. Сара представила, как они встречают ее как свою родственницу, как ее окружили заботой и любовью, как они станут суесться вокруг Амелии, прилагая все усилия, чтобы сделать ее счастливой. Вот какой и будет жизнь Амелии.

Не имело значения, что Амелия была настолько эгоистичной, что заняла место Люси в спасательной шлюпке. Не имело значения, что Люси погибла из-за нее. Если к Амелии никогда не вернется память, она никогда не пожалеет о своем поступке. Ей никогда не станет жаль свою попутчицу. Сара едва знала Люси, но все равно она злилась на Амелию. Люси была близка Саре по духу, к ней, как и к Саре, богатые относились без всякого почтения.

Сара была четвертым ребенком из десяти. Она родилась в Бристоле, в семье рабочего. Ее бабушка и дедушка со стороны матери были весьма обеспеченными людьми. Они были недовольны, когда их единственная дочь, Маргарет, вышла замуж за Реджинальда Джонса, рабочего с фабрики. Но Маргарет была уже беременна, и им пришлось смириться. Маргарет была умной и образованной девушкой, работала учительницей в Бристоле, где и познакомилась с Реджинальдом, а потом и влюбилась.

Они поженились, в семье появились дети. Маргарет учила их говорить и читать. Поскольку она была образованной и достойной женщиной, то стала шить для богатых женщин, живших в лучшей части города. Когда Реджинальд потерял работу на фабрике, семье потребовались деньги. Маргарет нашла Саре работу сначала на кухне, а потом в качестве служанки в семье, для которых она шила. Саре было тогда четырнадцать лет.

В семье Мердок было две дочери, очень похожих на Амелию. Шерри и Луиза были испорченными и взбалмошными девушками, их никто не любил. Они все время дразнили Сару, особенно когда она хорошо говорила о ком-то из бедной семьи. Частенько они старались довести ее до слез. Если Сара не реагировала на то, что девушки дергали ее за волосы, тогда в ход шли все способы, чтобы заставить ее плакать. Но она не доставляла им удовольствия увидеть ее плачущей. Однажды, так и не добившись своего, они сказали отцу, что Сара украла у них ожерелье. Она все отрицала, но девушки подложили браслет Луизы в карман пальто Сары. Так Сару приговорили к семи годам работы на фабрике, но она не заплакала, даже когда прощалась со своей матерью. Самым тяжелым для девушки было знать, что она так огорчила мать. Сара выжила на Ван-Демьенз-Лэнд, так как верила, что однажды снова увидит своих родителей. Сейчас, вспомнив о них, бедняжка едва не заплакала.

На улице послышались голоса. Сара подошла к окну. Смотритель маяка разговаривал с каким-то мужчиной всего в нескольких шагах от дома. Девушке было интересно узнать, о чем они говорят, и она приоткрыла дверь.

— Вчера ночью корабль налетел на риф, — услышала она голос Габриеля. — Это была «Антилопа».

— «Антилопа»? Это судно должно было привезти мне работника.

У Сары перехватило дыхание. Может, мужчина говорит о ней?

— Я подобрал только двух выживших. Акулы, наверное, расправились с остальными.

Сара ахнула. Смотритель солгал им. Она ужаснулась, как трагично могла закончиться ее жизнь.

— Я не мог оставить маяк до рассвета без присмотра, — оправдывался Габриель. — Это было слишком опасно.

— Ты мог бы позвать меня, чтобы поддерживать огонь.

— У тебя своих дел хватает. Кроме того, я все равно не мог снять женщин с рифа, пока не поднялась вода. Удивительно, как им удалось так долго продержаться.

— Точно. Если мой работник утонул, то ему очень повезло.

Мужчина произнес это совершенно бесстрастным тоном, и Сара едва не разозлилась.

— Ты ждал женщину, не так ли?

— Точно, чтобы присматривать за детьми.

Сара заволновалась.

— Может быть, она одна из тех, что сейчас у меня в доме.

Эван Финнли посмотрел в сторону дома, и Сара быстро закрыла дверь, чтобы тот не увидел ее. Когда он отвернулся, Сара опять приоткрыла дверь, желая слышать, о чем они будут говорить дальше.

— Хоть одна из них сможет тянуть плуг?

Смотритель маяка засмеялся, но Сара пришла в ужас.

— Для этого у тебя есть лошадь, Эван, — ответил Габриель.

— Клайд сможет отдохнуть.

Смотритель покачал головой.

— Этих двух сможет унести хороший порыв ветра, — пояснил он.

Фермер фыркнул:

— Я просил кого-то покрепче и посильнее, но если они прислали мне какую-нибудь слабую и тощую девицу, я все равно заставлю ее работать так, как надо.

Сара испугалась и осторожно закрыла дверь. Когда она снова подошла к огню, ее начало тошнить. Мужчина, который говорил со смотрителем маяка, явно ждал ее. Он был старше, чем ожидала девушка. Ему было, по крайней мере, лет пятьдесят. Но больше всего шокировала ее его внешность. На голове фермера была шляпа, натянутая на уши. Сара разглядела большую кустистую бороду, огромный нос, лицо, покрытое волосами, его глаза скрывались под нависающими бровями. Фермер был маленького роста, плотного сложения, и у него был хриплый голос. Но что он говорил о ней...

Сара поняла, что следующие два года станут самыми ужасными в ее жизни. Она захотела убежать. Но еще раньше заметила, что сразу за домиком начинался густой лес, оттуда слышны были страшные звуки. У Сары не хватило смелости войти туда.

Она запаниковала. Внезапно дверь распахнулась, и фермер со смотрителем вошли в дом.

Фермер посмотрел на шезлонг, где лежала Амелия, потом взглянул на Сару. Его глаза-бусинки внимательно оглядели девушек.

— Есть среди вас Сара Джонс? — спросил он.

Повинуясь внезапному порыву, Сара решила назваться Амелией. Но

для этого ей нужно было убрать с дороги настоящую Амелию — девушку, лишившуюся памяти.

— Вот Сара Джонс, — проговорила Сара, указав на Амелию.

— Тогда кто вы? — спросил смотритель маяка с некоторой подозрительностью.

— Меня зовут Амелия Дивайн, — ответила Сара. — В Кингскоте меня ждут мои опекуны. — Чтобы быть более убедительной, Сара достала из чемоданчика перчатки и начала надевать их. Перчатки были мокрыми, и плохо налезали на руку. — Моя мама подарила их мне на последний день рождения, — проговорила она меланхолично.

— Откуда вы знаете, кто она? — спросил фермер, показывая на Амелию. Естественно, ему было интересно узнать, как тот, у кого есть попечители, может знать о досрочно освобожденной заключенной.

— Моя служанка познакомилась с ней на корабле, — ответила Сара. — Она рассказала мне, как ее зовут и что она направляется на работу к фермеру, который похоронил жену. Это, должно быть, вы, сэр?

— Точно.

— Меня зовут Габриель Доннели, — произнес смотритель. — Это Эван Финнли. Рады познакомиться, мисс Дивайн.

Такого уважения в обращении к ней Сара не знала никогда, и даже сейчас оно было не в ее адрес. Она снова вспомнила семью Мердок и их испорченных дочерей. И хотя Сара дрожала от страха, ей было очень приятно такое учтивое отношение.

Фермер склонился над Амелией.

— Она не выглядит крепкой, — оценивающе произнес он.

Сара вспомнила бедную Люси. Амелия должна узнать, каково быть служанкой, подумала она.

— Уверена, что она вполне работоспособна, — спокойно произнесла Сара.

— Что у нее с головой?

— Она ударилась головой, когда я поднимал ее наверх, — сообщил Габриель.

— Недавно она приходила в себя, — добавила Сара.

— Это хороший знак, — успокоился Габриель.

— Она ничего не помнит о своей прошлой жизни, — пояснила Сара. — Не помнит ни корабль, ни куда направлялась. Не помнит даже, какой сегодня день.

— Может, это временное явление, а может, и нет. С такими травмами никогда ни в чем нельзя быть уверенным.

— У нее не будет времени вспоминать прошлое. Она будет очень много работать, — холодно заметил Эван.

Сара подумала, поверят ли ей, когда к Амелии все же вернется память. Но к тому времени она рассчитывала быть уже далеко отсюда.

— Как я могу связаться с моими опекунами, семьей Эшби? — спросила она. Сара рассматривала эту семью, как путь на свободу. Она уедет отсюда, как только сможет, и вернется к своей семье в Англию.

— Я хорошо знаю семью Эшби, — произнес Габриель.

— О! — воскликнула Сара, и ее сердце гулко забилося. Она не могла позволить ему разрушить ее планы. — Они не обрадуются, если узнают, что вы солгали нам об акулах у рифов.

— Разве я солгал? — спросил Габриель, засомневавшись, не подслушала ли она их разговор с Эваном.

— Я слышала, как вы говорили с этим господином, — проговорила Сара, показав на Эвана. — Вы не можете этого отрицать.

Габриеля удивило ее признание в том, что подслушивала разговор.

— Мне пришлось солгать. Вы обе были так измождены, измучены. Сколько еще вы смогли бы держаться за эти камни? Эдна и Чарльтон поймут, что я поступил правильно. Они хорошие люди. С тех пор как получил это назначение, я не видел их почти год, но я глубоко уважаю эту семью.

Сара хотела переменить эту тему, она боялась, что зритель спросит что-нибудь об опекунах Амелии.

— Предполагаю, что направляетесь к ним, так как потеряли родителей? — спросил Габриель.

Сара посмотрела на него, молясь, чтобы он не задавал слишком много вопросов. Ее губы задрожали.

— Простите, если этот вопрос показался вам бестактным, — извинился он, ошибочно приняв испуг Сары за печаль. — Я долгое время прожил здесь в одиночестве и позабыл о хороших манерах.

— Ничего страшного, — успокоила его Сара. Ей было приятно, как изысканно он принес ей извинения. Странно, что зритель маяка знает таких людей, как семья Эшби. — Мои родители погибли, вместе с братом. Произошел несчастный случай.

— Пожалуйста, примите мои соболезнования.

— Спасибо. Надеюсь, вы понимаете, что мне не хотелось бы говорить об этом. Все произошло несколько недель тому назад, и мне больно говорить об этом до сих пор.

— Понимаю.

Сара мысленно поздравила себя за свои неплохие актерские способности. Пожалуй, она со всем справится, это не так трудно.

— Как я могу добраться отсюда до Кингскота? Туда идет дилижанс?

Габриель удивился.

— Мы находимся в самой отдаленной части острова. По суше с городом нет никакого сообщения. Даже корабли или рыболовецкие суда не часто появляются в здешних местах.

Сара явно расстроилась.

— Корабль с провизией прибудет не раньше чем через полмесяца, — сообщил Габриель, — но, возможно, завтра здесь пройдет рыбацкая шхуна. Я уверен, что капитан одного из этих судов будет рад доставить вас в Кингскот.

Сара отчаянно хотела уехать отсюда как можно быстрее, на случай если к Амелии вернется память.

— Мне очень не терпится увидеться с моими опекунами. Я уверена, что вы меня понимаете.

— Я должен немного поспать, — произнес Габриель. — Я не спал уже сутки, а мне придется зажигать свет на маяке, как только стемнеет. Но завтра утром, перед рассветом, когда пойдет рыбацкая шхуна, я подам им сигнал фонарем.

— Я найду завтра, чтобы забрать вот это, — проговорил Эван, кивнув в сторону Амелии.

— Хорошо, — ответил Габриель, провожая его к двери.

— Удачи вам, мисс Дивайн, — попрощался Эван и вышел.

«Да, мне действительно понадобится удача, — подумала Сара, — но Амелии она наверняка нужнее».

На следующее утро Сару разбудили, когда еще не рассвело. Габриель подал сигнал проходящему мимо рыболовецкому судну, и его капитан причалил в бухте.

— У причала ждет корабль, мисс Дивайн, — произнес он. — Капитан согласился доставить вас в Кингскот. Он также известит власти, что корабль, на котором вы плыли, потерпел крушение.

Через некоторое время Сара уже была на пристани, и «Рыба-меч» вышла в море с ней на борту. К ее крайнему удивлению, море было совершенно спокойным, и дул лишь легкий свежий бриз. Не было и намека на катастрофу, произошедшую днем ранее. Словно бы «Антилопа», ее пассажиры и команда не существовали вовсе. Даже солнце выглядывало из-за облаков.

Амелия очнулась и, увидев, как над ней склонился Эван Финнли, закричала. Взглянув на лицо, заросшее волосами, на плохие зубы, на блестящие глазки и длинный нос, она решила, что ей снится кошмар.

Эван с удивлением отступил.

— Вы кто? — спросила Амелия. Ее сердце бешено колотилось.

— Твой новый хозяин, — прорычал Эван, надеясь, что ему не подсунули трусиху.

— Что это вообще значит?

— Все еще не помнишь? Весьма убедительно.

Боль в голове немного прошла, но Амелия все еще не могла вспомнить, как она попала сюда или что-нибудь про свое прошлое.

— Я совершенно не имею никакого представления, о чем вы говорите.

— Это очень плохо. Вставай. Пойдешь со мной.

— Нет, не встану.

— Встанешь, и как можно быстрее.

— Пойдите прочь.

— Если не пойдешь по-хорошему, я потащу тебя насильно.

Амелия запаниковала:

— Где смотритель маяка и та девушка?

— Габриель провожает ее. Сегодня утром он подал сигнал рыболовецкой шхуне. Она доставит ту женщину в Кингскот.

— Она не может оставить меня здесь. — Амелия резко села на кровати, отчего едва не потеряла сознание, но она не обратила на это внимания. — Почему она не взяла меня с собой? Я хочу домой. — Девушка нахмурилась. — Где бы он ни находился.

— Следующие два года твой дом будет здесь, рядом со мной. Ты осужденная. Ты здесь, чтобы работать на меня, работа тебя уже ждет, так что поднимайся.

— Нет! — вскричала Амелия. — Это неправда! Я не такая.

Открылась дверь, и вошел Габриель Доннели. Амелия бросилась к нему.

— Заберите меня отсюда. Этот сумасшедший думает, что я здесь, чтобы работать на него, — закричала она.

— Именно так и есть, — подтвердил Габриель. — Вы должны пойти с ним. Это Эван Финнли, и вы должны работать на его ферме два следующих года. — Он не мог честно признаться себе, что был расстроен видеть, как девушка, опустив голову, отошла, но Габриель задумался, знал ли Эван, во что ввязался. Затем он подумал о девочках Эвана и едва улыбнулся. Эта девушка познакомится со своей ровней. — Между прочим, меня зовут

Габриель Доннели. — Он только что понял, что не представился.

Амелия не обратила внимания на его слова.

— Я должна работать на него? Откуда вам знать? Вы даже не знаете моего имени, да и я сама его не знаю, — проговорила Амелия.

— Вы — *Сара Джонс*, — ответил Габриель.

Это имя не показалось Амелии знакомым.

— Откуда вы это знаете? У меня нет ничего, что могло бы подтвердить мою личность.

— Дама, которая была с вами, все подтвердила. Случайно ее служанка познакомилась с вами на корабле. Вы рассказали ей, как вас зовут и куда направляетесь.

— Я не могу быть... преступницей. Не могу.

Эван Финнли потерял терпение.

— Хватит, — произнес он и взял Амелию за руку. — Мои дети ждут завтрака, а домашний скот требует заботы. — Он остановился и поднес руку Амелии к лицу. — Хотя у тебя и очень неясная кожа, но скоро я выбью из тебя лень.

— Я не ваша служанка, — уверенно отрицала Амелия, шокированная его словами. Она тряхнула головой, словно стараясь избавиться от ночного кошмара, который никак не заканчивался.

— Вообще-то, *Сара Джонс*, ты именно служанка, — ответил Эван.

Глава 3

Мыс Кейп-дю-Куэди

Эван подтащил Амелию к тому месту, где начинались заросли. Кустарник здесь был высотой с человеческий рост, и здесь же начиналась тропа. Затем он толкнул ее вперед себя, так как тропа была слишком узкая для двух человек. Эван не хотел, чтобы девушка тащилась позади него или убежала и потерялась в чаще. Хотя бежать отсюда было некуда.

Амелия шла молча, дрожа на холодном ветру, практически в полуобморочном состоянии, и даже не замечала, как острые ветви цеплялись за ее платье. Она собрала все силы, чтобы идти, потому что ее ноги, в порезах и синяках, болели так же сильно, как и голова, в которой боль отдавалась при каждом шаге. Амелия чувствовала, ее судьба внезапно оказалась во власти злых сил. Она хотела кричать и бороться, но поняла, что все попытки будут напрасны. И все же она не могла поверить, что была преступницей. Это просто невозможно. Или возможно? Амелия думала, что, может быть, совершила что-то ужасное и теперь это скрыто в самых глубинах ее подсознания? Даже если и так, что-то все равно не сходилось. Что-то было не так. Амелия была уверена.

— Как далеко ваша ферма? — спросила она Эвана, когда они прошли несколько минут в молчании. Амелия решила, что чем больше она разузнает о своей прошлой и будущей жизни, тем скорее найдет возможность доказать, что произошла ошибка. Это дало ей надежду. Надо продолжать жизнь. Иначе Амелия наверняка бы подошла к краю скалы и не задумываясь шагнула вниз.

Но прежде чем она услышала ответ, что-то проскочило прямо перед ней и исчезло в кустах. Амелия в ужасе закричала.

— Какого черта ты орешь? — нетерпеливо спросил Эван, выглянув из-за ее плеча.

— Вы видели это?

— Что?

— Ну... большого грызуна? — содрогнулась Амелия, отступая назад, на ноги фермеру. — Я никогда в жизни не видела такую большую крысу.

Эван толкнул ее вперед.

— Что ты несешь? Я видел только молодого кенгуру-валлаби. Они тут повсюду.

Амелия смущенно заморгала.

— Валлаби!

Эван вдруг понял, что она никогда не видела ничего подобного.

— Это просто уменьшенная копия обычных кенгуру. Они постоянно жрут овощи с моего огорода, но они совершенно безобидные.

— Вы... уверены?

— Конечно, я уверен, все равно смотри себе под ноги.

— Почему?

— Тут полно змей. А теперь давай шевелись. У нас полно дел, и малыши будут голодными, если Сисси не покормит их.

Все, что произнес Эван после слова «змеи» даже не дошло до слуха Амелии.

— Змеи! А... они ядовитые?

— Некоторые.

Амелия побелела как мел и, проشمывнув мимо Эвана, спряталась за его спину.

— Какого черта ты делаешь, женщина? — Он постарался снова вытолкнуть ее вперед, но она не сдавалась.

— Идите первым, — проговорила она. Ее глаза были широко раскрыты от испуга. — Я... не хочу наступить на змею. — Она чувствовала себя очень уязвимой, ведь она шла босиком.

Эван рассудил, что теперь она будет бояться каждой ветки на тропе.

— Хорошо, но не отставай.

Амелия закивала. Когда Эван зашагал вперед, она последовала за ним, теперь внимательно разглядывая землю под ногами. После того как они прошли еще какое-то время, Амелия спросила:

— А сколько у вас детей?

— Шесть.

Она остановилась.

— Шесть!

Эван повернулся и подозрительно посмотрел на нее. Она должна была знать, сколько у него детей. Ей говорили об этом.

— Пять девочек и мальчик. Помнишь?

— Откуда мне знать?

Эван вытаращил глаза.

— Ты вообще собираешься перестать?

— Перестать что?

— Ничего. Я не люблю играть в игры, поэтому просто прекрати.

Амелия совершенно не понимала, о чем говорит фермер.

— Сколько лет вашим детям?

Эван выругался. Очевидно, что он не привык много говорить. Он мог бы вообще не отвечать ей, но чем скорее она узнает имена детей, тем лучше.

— Майло два. Джесси четыре, Молли шесть, Бесс восемь, Роуз десять, а Сисси почти тринадцать. Их мать умерла почти год назад. Я делал все, что мог, но они все равно запущены, потому что у меня много работы. Теперь ты здесь и все изменится.

Амелия была слишком напугана, чтобы спрашивать, что он имел в виду.

Эван хотел сказать, что детям нужна женская забота, но он не желал, чтобы преступница была слишком близка с ними.

— Что касается детей, то ты просто должна следить, чтобы они были чистыми, одетыми и накормленными. Все. Поняла?

Амелия возмущенно посмотрела на Эвана. Она не понимала, что еще, по его мнению, она может с ними делать.

Через несколько минут они оказались у изгороди, отделяющей буш от открытого пространства, и Амелия выступила из-за спины Эвана.

— Где мы? — спросила она, разглядывая две грубо построенные хижины, одна из которых была намного меньше другой.

— Это мой дом, — объяснил Эван, показывая на большую хижину. — Здание поменьше — твой дом.

Амелия от изумления открыла рот. Она рассматривала дома в полном недоумении. Хижины были построены из деревянных обрезков. Плоская крыша из железа сверху была покрыта соломой, в каждой хижине было по одному маленькому окну. На крыше основного дома торчала печная труба, сложенная из грубого камня и глины; из трубы шел дым. Дверь Амелия не разглядела, вероятно, она была открыта. Ветхая изгородь огораживала открытое место, где посреди, на изрытой земле расположился огород. Позади строений кустарник был вырублен и, видимо наспех построенные, там расположились загоны для животных. Амелия слышала, как кудахчут куры, поют петухи. Она также заметила стреноженную корову, которая жевала траву. Амелия решила, что в этой местности часто идут дожди, так как трава была зеленая и сочная. Но, темная почва у нее под ногами казалась ей сухой и твердой, словно камень, поэтому она сделала вывод, что благодаря частому и сильному ветру влага быстро испаряется.

Эван открыл ворота, и Амелия медленно прошла через них, не отрывая взгляда от строений. Когда они подошли к большому дому, Амелия услышала шум детских голосов. Она не думала, что ее кошмар станет еще страшнее. Но Амелия ошибалась. Очень сильно ошибалась. Она не знала,

чего ожидать, но воображение Амелии нарисовало ей массивную, но удобную мебель и большую кухню.

Внутри мрачного строения расположился большой стол, сделанный из местного дерева. Вокруг него стояли восемь совершенно разных стульев, связанных между собой веревкой. Определенно, Эван сделал их сам, скорее всего из тех деревьев, которые спилил, чтобы построить себе дом. Как оказалось, в доме не было печи, а был просто открытый очаг, с большим черным котлом на нем. В другой части комнаты стояла кровать. Другой мебели в комнате не было. Пол был грязным, а с потолка свисала паутина.

Шум детских голосов доносился из второй комнаты, из глиняной пристройки за «домом».

— Я дома, — закричал Эван, и дети с пронзительными криками начали наполнять комнату. Увидев Амелию, они замолчали.

— Это Сара Джонс, — объявил Эван. — Как я говорил вам раньше, она будет работать здесь два года.

Амелия рассматривала чумазые лица детей. Хотя она ничего не помнила о своей жизни, Амелия была уверена, что никогда раньше не видела таких неряшливых и грязных детей. Одежда напоминала тряпки, а на ногах была лишь грязь. Все, кроме старших девочек, чьи волосы напоминали грязно-коричневые мочалки, были рыжими, с веснушками на лице. Волосы детей представляли собой весьма плачевное зрелище, похоже, что они не причесывались месяцами.

— Здравствуйте, — проговорила Амелия, но девочки молча, с подозрением продолжали рассматривать ее. Вероятно, она выглядит так же ужасающе, как и эти дети, подумала девушка и машинально поправила прическу. Дотронувшись до головы, она почувствовала, что из-за морской воды и ветра ее волосы стали жесткими. Амелия, с синяками и ссадинами по всему телу, в порванном платье, выглядела весьма непривлекательной. Ей хотелось сказать, что она чудесным образом выжила после кораблекрушения, что она совсем не та, за кого ее принимает их отец, но Амелия не знала, с чего начать.

— Чему я вас учил? — спросил Эван детей, и они пробормотали слова приветствия.

Эван беспокойно огляделся.

— Где Майло? — прорычал он.

— Папа, — раздался тоненький голосок, из комнаты выбежал малыш и бросился в объятия к отцу. Лицо Эвана засияло, когда он поднял мальчика с черными кудряшками с грязного пола. Малыш был уменьшенной копией своего отца, только без волос на лице. Эван снял шляпу, под которой были

точно такие же кудрявые волосы, как и у его сына, только длиннее. Амелия была очарована озорным малышом, лицо которого было таким же грязным, как и у его сестер. Нос мальчика оказался не таким большим, как у Эвана, но все же не маленьким, как у ребенка. Забавно, но этот нос придавал малышу вид умудренного жизнью человека.

— Приготовь котел с овсянкой. — Эван обратился к Амелии.

— С овсянкой?

— Да, с овсянкой. Детей надо кормить.

— Я не умею, — отозвалась Амелия.

Эван удивленно уставился на нее.

— Каждый может приготовить овсянку, — сказал он.

Амелия покачнулась.

— Что с тобой? — спросил Эван, когда девушка рухнула на стул, обхватив голову руками.

— Я не знаю, — ответила она. — Мне нехорошо.

— Ты здесь должна работать, — заявил Эван. — Так что нечего тут расслаживаться, как какая-нибудь мадам. Не знаю, как ты отлынивала от работы в тюрьме, но, судя по твоим рукам, ты в своей жизни и дня не проработала.

— Я же не преступница. Я уже это говорила, — заплакала Амелия. — Тут какая-то ужасная ошибка.

— Единственная ошибка в том, что ты пытаешься запудрить мне мозги. Сегодня я не буду с тобой строг, но с завтрашнего дня и все следующие два года все будет совсем по-другому.

Амелия разрыдалась.

— Мне нужно прилечь, — проговорила она.

Девушка поднялась и, еле волоча ноги, вышла на улицу. По дороге к своей хижине Амелия услышала, как Сисси предложила сварить овсяную кашу, а Эван проворчал, что она лентяйка.

В доме Амелии была одна комната, в которой на полу лежал матрас из грубой мешковины, набитый соломой. Амелия со слезами повалилась на него.

Она проснулась поздним вечером. Дрожь все еще не прошла, но голова уже почти не болела. Амелия уловила запах жареного мяса, и ее желудок отозвался голодным урчанием. Она была уверена, что не ела уже давно, но никто не принес ей даже каши. Амелия встала, подошла к большому дому и отворила дверь. На большой сковороде Эван готовил отбивные из баранины, которые пахли восхитительно.

— Я могу войти? — спросила Амелия.

Эван удивленно посмотрел на нее. Вежливость и достоинство, с которым были произнесены эти слова, поразили фермера, но Эван был уверен, что все это только для того, чтобы убедить его в том, что она дама и ей не приходилось работать.

— Входи и садись, — проговорил он. — Можешь поесть с нами, но впредь знай, если не будешь работать, не будешь есть. Поняла?

Амелия была настолько голодна, что кивнула без всяких возражений. Она подошла к ведру у огня и помыла руки, прежде чем сесть за стол. Эван не заметил этого, так как достал куски мяса со сковороды и положил на большую железную тарелку, которую поставил в центре стола. Амелия, не веря своим глазам, наблюдала, как Эван длинной вилкой выудил черную лепешку прямо из золы, отковырял верхний слой сторовшего теста и тоже положил на стол.

— Налетайте, — прокричал он, и дети со всех сторон сбежались к столу. Малыша Майло едва не задавили в толчее.

Амелия была поражена, что никто из детей не помыл перед едой руки. Она еще больше удивилась, когда они стали с жадностью поглощать пищу, словно дикари. Амелия молча смотрела, как они запихивают руками куски мяса себе в рот, а потом жуют с открытыми ртами. Она впервые заметила, что на столе не было ни вилок, ни ложек.

Так как мясо быстро исчезало, Амелия взяла кусок мяса и хлеба и положила все это на свою тарелку. Она смотрела на Эвана, который жадно чавкал.

— В чем дело? — спросил он, продолжая жевать.

Амелия сжалась от страха.

— У меня нет вилки и ножа.

На мгновение Эван перестал жевать, затем пошарил у себя за спиной и извлек из ящичка нож и вилку. Он протянул их Амелии, оставив на приборах жир от своих пальцев. Амелия поморщилась, принимая нож с вилкой, а затем вытерла их о подол своего платья. Дети с удивлением посмотрели на нее, но продолжили есть, словно дикие звери.

— Завтра можешь потушить мясо, — проговорил Эван, обращаясь к Амелии.

Она не ответила. Амелия не имела ни малейшего представления, как тушить мясо. Но сейчас, подумала она, не самый подходящий момент говорить об этом.

— Неужели в женской тюрьме у всех такие манеры? — спросил Эван, пока Амелия нарезала мясо на маленькие кусочки.

Она понимала, что Эван посмеивается над ней.

— Я ничего не помню о женской тюрьме, — ответила Амелия. — Ведь я никогда там не была.

Эвану пришлось признать, что она не похожа на обычную необразованную и неотесанную преступницу из низших слоев общества, но он считал, что наличие преступной сущности никак не связано с происхождением или богатством человека.

Почти мгновенно еда исчезла со стола, а дети убежали на улицу. И снова они не помыли руки.

— Прибери этот бардак, — приказал Эван. — Мне надо проверить стадо.

Амелия посмотрела на стол, заваленный костями и крошками. От этого зрелища ей стало нехорошо. Когда Эван ушел, она снова заплакала.

— Я не могу, — сказала она себе. — Не могу.

Кингскот

— Мы причалим на городской пристани примерно через десять минут, мисс Дивайн.

Сара была очень озабочена тем, сколько времени займет это путешествие, но капитан Картрайт заверил ее, что пока не доставит ее в Кингскот, не будет делать никаких остановок. Они были в пути уже около десяти часов. После того как Сара взошла на борт корабля на мысе Кейп-дю-Куэди, они направились в сторону мыса Кейп-Борда. Корабль обогнул мыс, потом вошел в течение Инвестигейтор-Стрейт, и ветер подгонял судно вперед. На всех парусах корабль очень быстро преодолел расстояние вдоль северной части острова.

— Спасибо, капитан Картрайт. — Сара стояла в капитанской рубке. Судно только что вошло в бухту Бэй-оф-Шоулс и огибало Беатрис-Пойнт. Сара зашла в рубку под предлогом, что ветер слишком холодный, но на самом деле она хотела уйти подальше от резкого запаха улова — саргана, хека, снука и кальмаров.

— Полагаю, вы будете довольны, — проговорил капитан.

Сара нервно посмотрела на него.

— Довольна?

— После того, что с вами случилось, вы наверняка с нетерпением ждете момента, когда окажетесь на суше.

— О да. По крайней мере, на море сегодня спокойно.

— Как вы знаете, погода может измениться в любую минуту. Если хотите, я сам провожу вас до Хоуп-Коттедж. — Капитан посмотрел на босые ноги Сары.

— Хоуп-Коттедж?

— Дом семьи Эшби.

— А... — Сара подумала, должна ли она была это знать. Надо быть очень осторожной. — Это очень мило с вашей стороны, капитан. — Сара не знала, как найти дом Эшби, и, конечно же, ей не хотелось бродить по городу босиком. Она примерила туфли, что были в чемоданчике Амелии, но те оказались ей малы.

— Эдна и Чарльтон будут так рады, что вы живы и здоровы.

Сара постаралась запомнить имена опекунов Амелии, ведь смотритель маяка тоже называл их вчера, но она слишком нервничала и не запомнила их. А забывать их ни в коем случае нельзя.

— «Антилопа» должна была пришвартоваться в порту позавчера, — продолжал капитан, — поэтому они, конечно, извелись от волнения. В Аделаиде и Мельбурне многие не получают хороших вестей о судьбе своих любимых.

— К сожалению... — Сара подумала о всех тех, кто погиб, когда корабль пошел ко дну, о ста восьми пассажирах и членах команды, включая капитана. Среди пассажиров были матери, отцы и их дети. Все они думали, что это просто морская прогулка, как и Люси. Сара никогда не забудет бедняжку Люси. Эта трагедия помогла ей понять, насколько повезло ей самой, но ей еще нужно немного везения, если она в ближайшем будущем собирается вернуться в Англию.

— Вы сможете подождать несколько минут? — произнес капитан Картрайт. — Я должен сообщить в порту о том, что случилось с вашим судном. — Он не хотел говорить, что властям придется направить береговую охрану, чтобы найти тела погибших, которые могли быть унесены течением и впоследствии выброшены на берег. — Возможно, власти захотят задать вам несколько вопросов, так как вы одна из двух спасшихся. Если вы не расположены делать это сегодня, я уверен, что они подождут, пока вы соберетесь с силами.

— Думаю, я отвечу на вопросы позже, капитан.

— Конечно, я понимаю.

Сара вдруг вспомнила, что тюремное начальство приказали ей отметить здесь в отделении полиции по прибытии, а затем местные полицейские должны были проследить, что она попала на ферму к Эвану

Финнли. Сара совсем не хотела, чтобы констебль, отправившись на ферму, обнаружил, что у Амелии амнезия. И что еще хуже, к тому времени к ней уже может вернуться память, и девушка расскажет, кто настоящая Сара Джонс.

— Капитан Картрайт, вы могли бы также известить местную полицию, что осужденная девушка Сара Джонс находится на ферме Эвана Финнли? Если вам не составит труда. Полагаю, она должна была сообщить им о своем прибытии, и они, возможно, будут, искать ее.

— Конечно. Мне совсем не трудно. Я сообщу об этом сразу, как только провожу вас к Эшби.

Сара улыбнулась.

Сара сидела рядом с капитаном в легкой двухместной коляске. Они направлялись в Кингскот по Эспланейд-роуд. Саре было так странно ощущать себя свободной, но она продолжала напоминать себе о том, что она — Амелия Дивайн и что никто не собирается хватать ее и отправлять обратно в тюрьму. Проезжая по городу Сара смотрела на магазины, мастерские. Они проезжали мимо разных общественных зданий, мимо ателье и булочной.

Город не был похож на провинциальное захолустье, какими обычно бывают маленькие городки в Англии. Улицы здесь были широкие, магазины просторные, и дома не жались друг к другу. Все казалось новым. Улицы даже не были вымощены. Дороги были грязными, но так как недавно прошел дождь, по улицам не летала пыль. Так же казалось, что город не так уж и процветает, но это подходило Саре. Она просто хотела на время незаметно влиться в тихую спокойную жизнь до тех пор, пока не сможет покинуть своих мнимых опекунов и вернуться обратно в Англию.

Когда они свернули на Сивью-роуд, капитан Картрайт указал на Ривз-Пойнт, пригород Кингскота.

— Здесь посажено тутовое дерево в честь первых поселенцев, — рассказал он. — Первым остров открыл Мэтью Флиндерс в тысяча восемьсот втором году, но двадцать седьмого июля тысяча восемьсот тридцать шестого года в бухте Непеан-Бэй бросил якорь корабль «Герцог Йорка». Тот день считается официальным днем основания поселения на Ривз-Пойнт. Но в самом начале, с тысяча восемьсот второго по тридцать шестой год, на острове была бойня, где разделявали китов и тюленей. Это место привлекало разных сомнительных личностей.

— Что вы говорите! — Сара фыркнула. Ей совсем не нравилось, в какую сторону направлялась беседа.

— Все их действия тщательно документированы, но деталей из личной истории очень мало. Тогда, в те годы, этот остров был известен под названием Алтима-Туле.

— Что это значит?

Капитан засмеялся:

— Край света.

Сара подумала, что это название ироничное, потому что именно так заключенные в Порт-Артуре называли Ван-Демьенз-Лэнд.

— Тогда здесь было очень мало женщин, и поселенцы брали в жены местных женщин с Большой земли, поэтому здесь повсюду цветные женщины и дети. Ривз-Пойнт был первоначальным местом, где планировали строить город, но когда дела пошли не так, как хотелось, многие вернулись на Большую землю. Когда же сюда вновь стали приезжать люди, город начали строить в месте под названием Квинсклиф.

— Какова сейчас численность населения? — спросила Сара.

— Последняя перепись была в тридцать восьмом году, и тогда численность населения была три тысячи пять человек. Больше пересчета не было, но говорят, что сейчас здесь живет примерно четыре тысячи человек. Полагаю, семья Эшби обосновалась здесь в тридцать седьмом.

— Последний раз я встречалась с ними, когда была еще маленькой девочкой, — продолжала Сара. — Я немного нервничаю. — Сара просто дрожала от страха. Сумеет ли она, родившаяся в семье рабочего в Бристоле, сойти за Амелию Дивайн, выросшую в благородной семье? Сара вздрогнула от мысли, что даже не знает, где жила семья Амелии. Надо как можно лучше подражать своей матери. У нее нет бристольского акцента. Она родом из Салсберри-Уэссекс. — Я выгляжу как страшилище, — добавила Сара.

— Они поймут. Они замечательные люди, много сделали на благо города. Несколько лет назад Чарльтон построил три особняка на Сентенери-стрит. Их называли «Вера», «Надежда» и «Милосердие». Первый особняк сдается в аренду, во втором живет сам Чарльтон с Эдной, а Лэнс обитает в третьем особняке.

— Лэнс?

— Их сын. Вы забыли?

Сара покраснела.

— Ах Лэнс. Если откровенно, то я так волнуюсь, что действительно забыла его. Мне так неловко.

Может, у Эшби есть еще дети, про которых она не знает?

— Не беспокойтесь. Вы очень храбрая девушка. Вы пережили ужасное

потрясение, не будьте так строги к себе.

К счастью, капитан на некоторое время умолк. Это дало Саре возможность придумать причины своей забывчивости. Можно сказать, что ударилась головой, когда корабль налетел на риф, или что на нее сильно подействовала смерть родителей. Девушка надеялась, что ей удастся скрыть то, чего она не знает, и взять у Эшби достаточно денег, чтобы вернуться в Англию.

— Вот мы и приехали, — сообщил капитан Картрайт и повернул коляску к особняку «Надежда». Одноэтажное здание из камня с железной крышей находилось в стороне от дороги на большом участке земли.

— Вам будет здесь очень уютно, — добавил капитан. — В доме шесть комнат, если считать пристройку позади.

Судя по его тону, Сара поняла, что на острове дом из шести комнат считается довольно большим. Когда они проходили к дому, из окна выглянула девушка, и Сара задумалась, кто бы это мог быть. Капитан не остановил коляску перед домом, у которого был незатейливый фасад, наполовину скрытый пышной растительностью, а проследовал мимо по дороге, ведущей вокруг дома. Наконец они остановились во дворе. Веранда была закрыта, но когда коляска остановилась, женщина вышла из распахнувшейся двери.

— Здравствуйте, капитан Картрайт, — приветствовала она, с любопытством посмотрев на Сару.

— Здравствуйте, Эдна. Это...

— Я Амелия, — смущенно представилась Сара, спускаясь на землю. — Полагаю, вы ждали меня. — Сара говорила медленно, с расстановкой, старательно пытаясь говорить так, как ее мать. В этот момент решалась ее дальнейшая судьба: удастся ли ей осуществить свой план или она потерпит неудачу. Ее сердце сильно стучало, Сара была уверена — все слышат звук его гулких ударов. Ее руки нервно дрожали.

Глаза Эдны расширились от удивления. Она не могла поверить, что эта грязная девушка — дочь ее подруги, Камиллы.

— Дорогая Амелия. Я — Эдна Эшби, — произнесла она, взяв девушку за руку.

Эдна была весьма пышной женщиной с большой грудью и темными волосами, собранными в пучок на затылке. Она так крепко обняла гостью, что едва не задушила ее. Когда Эдна все же отпустила Сару и та смогла отдышаться, она почувствовала приятный запах лаванды.

Девушка посмотрела на эту милую женщину. Пока Эдна внимательно изучала ее, Саре очень хотелось узнать, о чем думает хозяйка дома.

— Мы так волновались, — продолжала Эдна, вопросительно глядя на капитана Картрайта. — Но наконец-то ты здесь.

— «Антилопа» затонула у мыса Кейп-дю-Куэди. Нам известно только о двух спасшихся — одна из них наша Амелия, — объяснял капитан Картрайт.

Эдна явно не могла понять, почему ее подопечная выглядит так, словно пережила ураган.

— О боже мой! — в ужасе воскликнула Эдна. Она снова внимательно оглядела Сару, ее потрепанный вид и босые ноги. — Хвала Всевышнему. Это просто чудо, что ты выжила, дорогая. Настоящее чудо. Ты должна все мне об этом рассказать, но не сейчас. Я уверена, что ты совершенно измотана, стоит только посмотреть на тебя.

— Я знаю, я выгляжу ужасно, — проговорила уверенно Сара. — Вчера днем нас подобрал смотритель маяка, а этим утром мимо проплывал капитан Картрайт. У меня не было времени помыться...

— Самое главное, что ты цела, дорогая. Чарльтон будет очень рад. Вообще-то, он только что уехал в порт узнать, есть ли какие-нибудь новости.

— Должно быть, мы разминулись, — произнес капитан, решив, что Чарльтон поехал напрямик через город, а не по дорогам Сивью и Эспланейд-роуд.

Эдна в который раз внимательно посмотрела на Сару.

— У тебя цвет волос как у отца, но ты совсем не похожа на свою мать.

Сара быстро сообразила.

— Мама всегда говорила, что я больше похожа на бабушку, — ответила она.

— Вот как? Камилла была моей очень хорошей подругой, — добавила Эдна, — и мне ее так не хватает. Почта сюда идет очень долго, но мы обменивались, по крайней мере, тремя письмами в год. Давным-давно, когда мы вместе вышли замуж, мы пообещали друг другу, что присмотрим за нашими детьми, если случится что-то трагичное. — Слезы заблестели в глазах Эдны. — Никто не ожидал... — Она замолчала и высморкалась. — Я никогда не думала, что нам с Чарльтоном придется выполнять это обещание. Не могу поверить, что твои мать и отец и бедный Маркус покинули этот мир, но мы сделаем для тебя все, что в наших силах, Амелия.

Сара с благодарностью кивнула, притворилась, что у нее нет сил говорить.

— А теперь проходи, проходи, милая, выпей чаю с чем-нибудь, а потом

можешь пойти в ванную.

Сара почувствовала, что выдержала первое испытание. Она еще не встретилась с Чарльтоном, но самое страшное уже позади.

— Вы останетесь выпить чаю, капитан Картрайт? — спросила Эдна.

— Простите, не могу, но спасибо за приглашение. Возможно, я зайду в другой раз, проведать, как мисс Дивайн.

— Конечно.

— Спасибо, что были так любезны, капитан Картрайт, — поблагодарила Сара. Она все еще не могла поверить в то, как легко ей удалось осуществить свой план, поверить, что теперь свободна.

Войдя в уютную кухню, Эдна позвала служанку. Полли прибежала из соседней комнаты с метелкой для пыли в руке.

— Да, миссис Эшби.

— Полли, это моя подопечная, Амелия.

— Здравствуйте, Амелия.

На вид Полли было не больше пятнадцати. Сара узнала в ней ту девушку, что выглядывала в окно, когда они с капитаном Картрайтом подъезжали к дому.

— Здравствуй, Полли.

Девушка напомнила Саре Люси. У нее были такие же прямые светлые волосы и доброе, открытое лицо.

— Корабль, на котором Амелия плыла сюда, утонул. Ей очень повезло, что она осталась в живых, — сообщила Эдна.

Полли удивилась.

— Сделай чаю и несколько сэндвичей. Можешь использовать для них холодную жареную баранину и соленые огурчики. А потом, пожалуйста, наполни ванну в комнате, которую ты приготовила для Амелии.

— Хорошо, миссис Эшби.

Полли отправилась выполнять то, что сказали.

Эдна повернулась к Саре.

— Ты потеряла все свои вещи, Амелия?

— Да, у меня нет ничего, во что я могла бы переодеться, миссис Эшби, — пробормотала Сара.

— Ради бога, не называй меня так, — попросила Эдна.

Сара насторожилась.

— Простите.

— Зови меня тетя Эдна, дорогая. Знаю, я не твоя настоящая тетя, но мы с твоей матерью росли вместе и стали практически сестрами. Когда

захочешь, мы поедem к портному и закажем тебе прелестное платье. — Эдна взглянула на руки Сары. — Боже мой! В каком состоянии твои руки и ногти! — в ужасе воскликнула она. — Они похожи на руки прачки!

Сердце Сары гулко забилося. Надо было быстро найти оправдание.

— Когда спасательная шлюпка перевернулась и мы все оказались в море, меня выбросило на камень. Прежде чем нас спасли, четыре часа мне пришлось держаться за него, чтобы волны не смыли нас в море, где вокруг плавали акулы. Этот камень был весь покрыт острыми ракушками, поэтому у меня синяки и ссадины.

— Ох, бедняжка, — ахнула Эдна.

— Я знаю, что выгляжу ужасно... — В глазах Сары заблестели слезы.

— Теперь с тобой будет все в порядке, Амелия. Для этого мы приложим все силы. А был еще один спасшийся?

— Да, еще одна девушка. Она преступница, ее направили на ферму в другой части острова. — Сара решила, что будет лучше, если она расскажет об этом, на случай если смотритель маяка свяжется с Эшби и упомянет о настоящей Амелии.

— О! Должно быть, это ферма Эвана Финнли, соседа Габриеля. Он полагает, что там богатая земля, но никто, кроме него, не рискует забираться так далеко от Кингскота. Какой же кошмар ты пережила. А вот твой чай и сандвичи. Поешь, дорогая, прими ванну и поспи. После ты почувствуешь себя намного лучше.

Сара лежала в ванне, нежась в теплой ароматизированной воде. Она никогда в жизни не была в такой большой ванне. В детстве ей приходилось пользоваться маленькой ванной по очереди со своими родителями, братьями и сестрами. Когда очередь доходила до последнего, вода была уже холодной и грязной. Поэтому лежать одной в «новой воде» было для Сары настоящим наслаждением.

В дверь постучали, Эдна заглянула в ванную.

— Просто скажи Полли, когда закончишь, и она сольет воду. — Эдна уже положила пеньюар Саре на кровать. — Не хочешь ли выпить теплого молока перед сном?

— Это было бы замечательно, — обрадовалась Сара. Она почувствовала себя принцессой.

— Полли принесет его, и ты можешь поспать до ужина. Я скажу ей, чтобы она приготовила что-нибудь особенное. — Эдна улыбнулась и закрыла дверь.

Сара размышляла о том, как ей повезло, как здорово, что Эдна Эшби так заботится о ней... Тут она услышала, как к дому приближается экипаж.

Через несколько минут в доме раздался мужской голос. Определенно это был Чарльтон Эшби.

Сара слушала, как Эдна рассказывала своему мужу, какое испытание выпало на долю их подопечной. По его взволнованному восклицанию стало ясно, что Чарльтон потрясен.

— Бедная девочка, — сокрушался он. — Какое ужасное происшествие случилось с ней после смерти ее родителей! Но теперь она с нами, и мы позаботимся о ней, — закончил он.

Сара улыбнулась. Она задумалась о том, чем занимается сейчас настоящая Амелия. Что бы ни делала Амелия, Сара была уверена в одном — их положение сейчас совершенно противоположное. Размышления об Амелии заставили Сару вспомнить о бедняжке Люси, которая наслаждалась своей жизнью, пока корабль не налетел на риф, и эгоизм Амелии лишил ее шанса выжить.

— Ты заслужила то, чего заслуживаешь, Амелия, — прошептала Сара. Она вспомнила о Шерри и Луизе Мердок, это из-за них она попала в тюрьму. Они разрушили ее жизнь, но однажды Сара заставит их заплатить за это.

— Вероятно, Габриель Доннели снял с рифа Амелию и другую девушку, — продолжала Эдна. — Капитан Картрайт сказал, что «Антилопа» затонула у мыса Кейп-дю-Куэди.

— Тогда это может быть только Габриель, — согласился Чарльтон. — Мы должны выразить ему нашу благодарность.

Сара вспомнила, что смотритель маяка говорил ей, что хорошо знаком с семьей Эшби. Она встала и обернулась полотенцем. «Что, если к Амелии уже вернулась память и она все сообщила Габриелю? А он расскажет Эшби, что я самозванка», — заволновалась Сара.

— Я должна убираться отсюда как можно скорее, — прошептала она.

Эдна постучала в дверь спальни Сары, открыла ее и заглянула внутрь.

— Просыпайся, Амелия, дорогая. Ужин почти готов, — позвала она.

Сара открыла глаза. Она не знала, как долго спала, но за окном были уже сумерки.

Запах вкусной еды влетел в открытую дверь, и в животе у Сары заурчало от голода.

— Спасибо, тетя Эдна, — сонно пробормотала она.

— Ты хорошо спала? — спросила Эдна.

— Да, спасибо. — Сара еще никогда не спала на такой удобной кровати, но признаться в этом не могла. — Что мне надеть?

Эдна вошла в комнату.

— Я нашла тебе пару платьев, — проговорила она. Платья висели у нее на руке. Эдна положила их на край кровати. — К счастью, они все еще висели у меня в шкафу. Платья стали малы мне с тех пор, как я вышла замуж. Боюсь, они не такие модные, но их вполне можно поносить, пока мы не поедем к портному.

Платья были очень хорошо сшиты, и они совсем не были похожи на серую тюремную одежду, которую носила Сара пять лет.

— Чуть не забыла, капитан Картрайт приходил, пока ты спала, — продолжала Эдна. — Он принес чемодан, который ты забыла у него на корабле.

У Сары перехватило дыхание.

— Кажется, ты говорила, что потеряла все, когда корабль пошел ко дну?

— Я совсем забыла про чемодан. В нем не так много вещей. — Сара не могла поверить, что оставила чемодан на корабле «Рыба-меч», ведь ей так была нужна тетрадь Амелии.

— Там была твоя тетрадь, милая. Конечно, она дорога тебе...

— Да, безусловно. Она бесценна. Но как вы узнали, что она в чемоданчике? — Сара не могла поверить, что Эдна посмела открыть чемодан, не спросив ее разрешения. В будущем она обязательно спрячет ключ.

— Надеюсь, ты не против, что я открыла чемоданчик, чтобы посмотреть, сильно ли морская вода испортила твои вещи. Полли постирала и погладила твое нижнее белье, и ты можешь его надеть. Мы также высушили у огня твои туфли.

— Туфли? — Сара внезапно вспомнила, что уже примеряла их в доме смотрителя маяка, и они оказались малы ей. — Они больше мне не подходят, тетя.

— Как это? — Эдна с недоумением посмотрела на Сару.

— Я... не знаю. — Она лихорадочно соображала. — Я пыталась надеть туфли в доме смотрителя, но не смогла. Наверное, они сели от соленой воды.

— Ах. Я не подумала. Ну, не важно. У тебя ножки, кажется, такого же размера, как и у Полли, поэтому можно занять у нее пару обуви, пока мы не поедем в город.

Сара надеялась, что нижнее белье придется ей впору, она была довольно худой.

— Спасибо вам, тетя Эдна. Я очень благодарна за вашу доброту. —

Голос Сары звучал печально. Она вздохнула с облегчением, когда не нужно было больше лгать.

— Не говори ерунды, дорогая. Теперь мы — одна семья. Полли, наверное, уже готова подать ужин. Я сейчас принесу твоё бельё, туфли, и ты сможешь одеться. И пожалуйста, поторопись, потому что Чарльтону не терпится снова тебя увидеть.

— Я тоже очень хочу его увидеть, тетя Эдна.

Сара мысленно взмолилась, чтобы он принял её так же радушно, как и его жена.

Через десять минут, надев панталоны Амелии и зашнуровавшись в её корсет (к счастью, он полностью подошёл Саре), она вышла в столовую в одном из платьев Эдны. Чарльтон был уже там. Сара волновалась, но Чарльтон тепло встретил её, принес соблезновения, которые она приняла с почтением. Чарльтон был высоким мужчиной с живыми голубыми глазами и аккуратно подстриженными усами. Он выдвинул для неё стул и налил небольшой бокал вина. Сара не привыкла к тому, что с ней обращаются как с леди. Она так нервничала, что у неё пересохло во рту.

Полли приготовила бифштекс и пирог с почками, который подали со свежими овощами из собственного сада. На десерт был яблочный пирог со сливками. Сара похвалила Полли за прекрасное умение готовить в таком юном возрасте, Эдна уточнила, что, хотя девушка и выглядит не старше пятнадцати лет, на самом деле ей уже двадцать.

— Мать Полли работала у нас многие годы, — рассказывала Эдна. — Она прекрасно готовила, но у неё развился ревматизм, поэтому теперь у нас работает Полли.

Эдна и Чарльтон очень удивились, какой хороший аппетит у их подопечной. Она съела бифштекс и кусок пирога, съела целую тарелку картошки и бобов, а потом заела все это двумя кусками яблочного пирога. Они ещё больше изумились, когда после того, как с пирогом было покончено, их подопечная громко рыгнула.

— Простите, — извинилась Сара, увидев выражение лиц своих опекунов.

Чарльтон удивленно замер, а у Эдны был такой вид, будто бы её оскорбили. Сара прикрыла рот рукой и покраснела. Она совсем не хотела рыгать, но на какое-то мгновение забыла, что находится не среди заключённых, которые частенько забавлялись, пародируя привычки рабочих. У них было мало поводов для веселья, но это их забавляло.

— Должно быть, ты очень голодна, дорогая, — начала Эдна, всё ещё с неверием глядя на Сару.

Она никогда раньше не видела, чтобы женщина столько ела, и уж точно ни одна ее знакомая не могла себе позволить подобное за столом.

Сара была в ужасе, что выдала себя так быстро.

— Не считая сэндвича, что я съела недавно, я не ела почти три дня, с утра того самого дня, когда корабль затонул. Мне очень неловко.

Она внезапно поняла: у того, кто страдает, вряд ли будет такой хороший аппетит.

— Полли будет польщена, что тебе понравился ее ужин, — вежливо добавил Чарльтон.

— Она восхитительно готовит, — восторгалась Сара. — Честно, не могу вспомнить, когда последний раз еда была такой вкусной.

Тюремная еда была отвратительной. Им давали жидкую овсянку или разбавленный водой суп с черствым или плесневелым хлебом. Еда на корабле была настоящим наслаждением, но ее никак нельзя сравнить с тем, что она только что съела. Сара действительно наслаждалась каждым кусочком и подумала, что разговор о еде поможет замять неловкую ситуацию.

— Насколько я помню, твоя мать наняла отличного повара. Как же ее зовут? Милли или Тилли...

Сара запаниковала.

— У нас была... Милли какое-то время... Но мама часто меняла поваров за последние несколько лет, тетя Эдна, поэтому я не совсем понимаю, о ком ты говоришь.

Про себя Сара отметила, что ей надо прочитать тетрадь Амелии как можно скорее. Она надеялась, что в ней может найти какую-нибудь полезную информацию.

— Неужели? — Эдна нахмурилась, Сара затаила дыхание. — Не похоже на Камиллу. — Я помню, она обычно дорожила хорошими людьми.

Сара не знала, что ответить.

— Впрочем, это не важно, — сказала Эдна. — Я довольна, что у тебя хороший аппетит, ведь ты слишком худая.

Сара опустила глаза. Она снова вспомнила о тюрьме. Там отвратительной была не только еда. заключенные работали с утра до ночи, потя у котлов в прачечной. Почти все быстро худели.

— Амелия пережила ужасное потрясение, — обратился Чарльтон к жене. — Поэтому она так сильно похудела.

Сара посмотрела на Чарльтона и, улыбнулась ему. Она поняла, что он будет ее союзником.

— Да, конечно, — согласилась Эдна.

— Не пройти ли нам в гостиную, дамы? — спросил Чарльтон, поднимаясь и отодвинув от стола их стулья. Не раздумывая, Сара взяла свою тарелку, столовые приборы и понесла их на кухню. Она делала так всегда дома и, конечно же, в тюрьме не было прислуги, чтобы убирать со стола.

— Оставь, дорогая — попросила, Эдна. Она не могла поверить своим глазам. — Полли уберет со стола.

— Ах да, конечно, — смутилась Сара, заметив удивление Эдны. — Простите, я сама не своя.

— Не волнуйся, Амелия, милая, — тепло проговорил Чарльтон, но Сара видела, что Эдна совершенно сбита с толку ее поведением.

— С тобой все будет хорошо, — добавил Чарльтон. — Мы с Эдной все для этого сделаем. — Он взял ее под руку и повел в гостиную. — Не хочешь ли бренди?

— Нет, спасибо, — отказалась Сара. Она боялась, что алкоголь развяжет ей язык или она просто расслабится и позабудет об опасности. У нее пока выходит не все гладко. Допущенные ошибки только подхлестнули ее намерение скорее покинуть дом Эшби, пока они не поняли, что она не настоящая Амелия Дивайн.

Эдна и Сара устроились в гостиной. Налив себе бренди, а жене вина, Чарльтон встал у камина с очень серьезным видом. Сара чувствовала, что он собирается сказать что-то важное. Она сложила руки, чтобы они перестали дрожать. Сара больше всего боялась, что ей начнут задавать вопросы о жизни Амелии или ее семьи, а она неправильно ответит на них.

— Амелия, у нас, как у твоих опекунов, есть перед тобой обязательства, — начал Чарльтон. — Мы должны удостовериться, что ты готова к будущей жизни.

Сара задумалась, подходящее ли сейчас время рассказать Эшби о своих планах, но она пока не была готова ответить на их вопросы. Надо сформулировать свой план более четко, представить веские причины для своего возвращения, нужно, чтобы ее обеспечили средствами на обратный путь в Англию.

— Я понимаю, возможно, ты не хочешь обсуждать свое будущее, пока скорбишь, но я хочу, чтобы ты знала, что мы очень серьезно относимся к этому вопросу, — добавил Чарльтон.

— О чем вы говорите, дядя? — спросила Сара. Эдна сказала ей, что так надо обращаться к нему.

— Адвокаты твоей семьи свяжутся с нами в ближайшем будущем, но мы знаем, что на твоём двадцатом дне рождения, которого осталось ждать

совсем не долго, ты вступишь в права наследства. Как ты, наверное, уже догадываешься, это весьма значительная сумма денег, а также недвижимость и ценные бумаги.

Сара замерла от изумления. Она догадывалась, что семья Амелии жила в достатке, как и семья Эшби, но она не могла предположить, что они были так богаты. Сара даже не могла и мечтать о чем-то подобном. Чарльтон Эшби говорит, что это так, значит, все это будет ее в ближайшем будущем. Сара пыталась собраться с мыслями. Ведь это все меняет. Будучи богатой, она сможет поддержать свою семью, сможет делать все, что хочет. Но осмелится ли она рискнуть, оставшись в доме Эшби на несколько месяцев?

— Генри разумно вложил свои деньги, — продолжал Чарльтон, — и наша обязанность научить тебя обращаться с таким крупным состоянием.

Сара не могла вымолвить ни слова. Вдруг она скажет что-то, что немедленно выдаст ее? Чарльтон и Эдна приняли ее молчание за замешательство и печаль.

— Амелия, я знаю, ты любила танцевать, — вставила Эдна, поглаживая Сару по руке. — Камилла всегда писала о том, что у тебя успехи в танцевальной школе и что ты даже давала уроки более юным ученикам. Мы совершенно не представляем, что ты намерена делать в будущем, но как состоятельная женщина, ты можешь открыть свою школу. Твоя мать рассказывала мне, что это было твоей мечтой.

Сара запаниковала. Она ничего не знала о танцах. Из школы она ушла, когда ей едва исполнилось четырнадцать, и сразу начала работать в доме семьи Мердок, откуда отправилась прямо в тюрьму. Она не выходила в свет, у нее не было свободного времени.

— Я... не думала о танцах... с тех пор, как все это случилось, тетя Эдна.

Тут Саре пришло в голову, что она должна спросить Эдну, можно ли ей прочесть письма матери Амелии, если она сохранила их. Письма помогут ей пережить ее потерю.

— Я понимаю, дорогая.

— Твои родители предполагали, что ты удачно выйдешь замуж, Амелия, — произнес Чарльтон. — И что тебе никогда не придется заботиться о деньгах, но теперь тебе надо самой тщательно обдумывать свои поступки.

Сара кивнула. Она соображала с трудом. Оказалось, что ей необходимо думать о гораздо большем, чем она себе представляла, и что ей следует делать каждый последующий шаг с огромной осторожностью. А тот факт,

что Амелия хорошо танцевала, напоминал о том, что она балансирует на краю пропасти.

— Я очень устала, — пожаловалась Сара. — Вы не против, если я пойду отдохнуть?

Чарльтон и Эдна переглянулись, пытаясь понять, не обидели ли они свою подопечную разговорами о наследстве.

— Конечно, не против, Амелия. У нас много времени, чтобы все как следует обсудить, — успокоил ее Чарльтон.

— Иди в постель, милая, — добавила Эдна.

— Здравствуйте, — произнес кто-то.

Эдна посмотрела в сторону прихожей и улыбнулась.

— Это Лэнс, — пояснила она. — Мы в гостиной, Лэнс.

— Лэнс очень хочет снова тебя увидеть, — обратился Чарльтон к Саре.

Сара снова занервничала. Она не знала, виделась ли Амелия с Лэнсом в последнее время. И как надо вести себя с ним. Лэнс появился в дверях, и Сара замерла. Она еще никогда не видела такого красивого мужчину. Лэнс был высоким молодым человеком со светлыми каштановыми волосами, отливающими золотом. Его загорелая кожа была цвета меда, а в больших зеленых глазах плясали озорные искорки. У Лэнса были очень чувственные губы, на которых играла улыбка. Но Сара успела заметить, что, как только он увидел ее, его улыбка немного поблекла.

Сара затаила дыхание, ожидая, что скажет Лэнс.

— Здравствуй, Амелия, — поприветствовал он. — Добро пожаловать на остров.

— Здравствуй... Лэнс. Спасибо, — ответила она с облегчением. Сара обрадовалась, он принял ее за настоящую Амелию Дивайн. Сара не могла больше ничего сказать. Его образ и теплый тембр голоса лишили девушку дара речи.

— Амелия уже собиралась ложиться спать, — сообщил Чарльтон. — Она очень устала.

— О! Простите, но я не мог приехать раньше. Пришлось задержаться в банке.

Сара взглянула на Эдну.

— Лэнс работает в Коммерческом банке в городе, Амелия. Ты забыла?

— Нет. Ну, может быть, на секунду. Боюсь, что вам придется набраться терпения. После того, что со мной случилось, я действительно сама не своя.

— Мы понимаем, милая, — проговорила Эдна. Она повернулась к сыну. — Лэнс, корабль, на котором плыла Амелия, налетел на риф и

затонул недалеко от мыса Кейп-дю-Куэди. В живых осталась только она и еще одна девушка.

— Боже милостивый, Амелия. Этот ужас, должно быть, навсегда оставит печать в твоей душе, — посочувствовал Лэнс.

Сара кивнула.

— Кажется, я ударилась головой, когда «Антилопа» накренилась набок, попав на риф. Свет погас, и мы все оказались словно в аду. Если я что-то забываю, пожалуйста, не думайте, что я сошла с ума...

— Конечно нет, — успокоила ее Эдна. — В подобных испытаниях выжить может только сильный человек.

— Когда будешь в настроении, я все тебе здесь покажу, — пообещал Лэнс.

Сердце Сары снова учащенно забилось. Она сразу представила себе, как они вдвоем разъезжают по окрестностям и, может, даже останавливаются, чтобы устроить пикник в тени раскидистых крон деревьев.

— Большое спасибо за предложение, Лэнс.

— Не стоит. Мне будет очень приятно.

«Очень приятно будет мне», — подумала Сара.

— Желаю всем доброй ночи, — попрощалась она. Саре очень хотелось поскорее отправиться в свою комнату и поразмыслить над тем, что сказали Чарльтон и Эдна. Надо быть осторожной. — Прежде чем я уйду, я просто хотела сказать, что у меня нет слов, чтобы выразить мою признательность за то, что вы приняли меня в свой дом и свои сердца. Не знаю, что бы я стала делать без вас... — И снова Сара притворилась, что чувства переполняют ее, промокнула воображаемую слезинку.

Глаза Эдны наполнились слезами. Она думала о своей подруге, Камилле.

— Нам очень приятно, Амелия, милая. — Эдна взяла Сару за руку. — Ты всегда была частью нашей семьи и всегда будешь ею. Я знаю, что ты сейчас чувствуешь себя одинокой, но это не так, потому что мы будем с тобой. А теперь ступай и хорошо выспись. Увидимся утром.

Покидая комнату, Сара еще раз взглянула на Лэнса.

Когда она закрыла за собой дверь спальни, Сара едва сдержалась, чтобы не завизжать от счастья. Даже в мечтах она не представляла, что Лэнс Эшби будет таким красивым молодым человеком. Сара не могла поверить, что ей так повезло. Если в течение нескольких месяцев она сможет выдавать себя за Амелию Дивайн — она станет очень богатой девушкой и обретет очень милого спутника. Теперь спешный отъезд уже

не казался Саре такой уж хорошей идеей.

Сара разделась и улеглась в кровать. Ей требовалось подумать о многом. В одно мгновение жизнь Сары стала такой беззаботной и светлой. Сара боялась одного — к настоящей Амелии может вернуться память.

«Но поверят ли ей?» — спрашивала себя Сара. Она была убеждена, что Эван Финнли не станет верить словам какой-то девчонки, но Сара опасалась, что смотритель маяка, Габриель Доннели, может поверить Амелии. Надо узнать, как часто он видится с семьей Эшби. Только так можно выяснить, как долго, без опасений, удастся играть Амелию. Сара взяла тетрадь Амелии и начала читать.

— Ну, сын, что ты думаешь об Амелии? — спросил Чарльтон, когда Сара ушла.

— Я видел ее всего минуту, отец, но она показалась мне... милой девушкой.

Эдна нахмурилась. Она знала Лэнса слишком хорошо и уловила сомнение в его голосе. Раньше он очень обрадовался известию о приезде Амелии, но теперь Эдна видела, что весь энтузиазм Лэнса пропал.

— Что такое, Лэнс? — спросила Эдна. — Ты думаешь о чем-то, не так ли? И я уверена, что это имеет отношение к Амелии.

— Если откровенно, мама, — произнес мягко Лэнс, — то я помню, что в детстве Амелия была очень красивой девочкой. Я ожидал, что она будет красивой женщиной, но у нее... довольно непритязательная внешность.

— Признаю, что испытала некоторое потрясение, когда увидела ее впервые, — заметила Эдна. — Она выглядела действительно ужасно. В Лондоне я видела уличных бродяг, которые выглядели лучше.

— Ей пришлось пережить ужасные события, — выступил в защиту Амелии Чарльтон.

— Как только капитан Картрайт рассказал мне обо всем, я это поняла. Она не такая красивая, какой я ее себе представляла, ведь Камилла была красавицей, но я уверена, что если Амелию хорошо одеть и причесать, то она будет выглядеть весьма достойно. Однако нам придется что-то сделать с ее ужасными манерами за столом. Едва ли мы можем отвести ее в отель «Озон» на званый обед.

— Почему нет, мама? — поинтересовался Лэнс.

— Во-первых, она ест больше тебя, — пояснил Чарльтон, все еще находясь под впечатлением от аппетита Сары.

— И рыгает за столом, — добавила Эдна.

Лэнс засмеялся, но мать укоризненно посмотрела на него.

— Не могу представить, чтобы Камилла мирилась с подобным, — заметила Эдна. — У нее были безупречные манеры, и я надеюсь только на то, что, по словам Амелии, она сама не своя и что вскоре все станет на свои места.

Позже на кухне Эдна взяла туфли Амелии и внимательно осмотрела их.

— Думаю, туфли подойдут мне, — обратилась она к Полли, которая мыла посуду. Обувь была очень изящной.

— Наверняка нет, миссис Эшби. Ваша обувь на два размера меньше моей, а мои туфли подходят вашей подопечной.

Эдна сняла свою обувь и вдела одну ногу в туфлю Амелии.

— Она мне в самый раз, — удивилась она. — Странно. Разве намокшая кожа может сесть на два размера?

Глава 4

Мыс Кейп-дю-Куэди

Амелия резко проснулась оттого, что Эван Финнли пнул край ее матраса. В руках он держал лампу.

— Что... случилось? — сонным голосом спросила Амелия, моргая от света. На улице все еще было темно.

— Пора вставать. Работы непочатый край, — хрипло отозвался Эван.

Амелия вздохнула. Она все еще чувствовала ужасную слабость.

— Но еще ведь не утро, — жалобно простонала Амелия.

— Уже пять часов, и тебе надо многое успеть сделать, прежде чем дети встанут.

Амелия не спала в тот день, когда корабль пошел ко дну, и больше часа ушло у нее на то, чтобы прибраться за детьми. Она устала так, как никогда в жизни. Упав на кровать, Амелия сразу же заснула, но чувство усталости не прошло.

— Что, например? Что вообще надо делать в такой ранний час?

— Для начала... нужно собрать дрова для костров.

— Для костров?

— Один для того, чтобы приготовить еду, а другой, чтобы нагреть воду для мытья. Пока огонь будет гореть, ты подоишь корову и приготовишь тесто для хлеба, а потом сварить овсяную кашу.

Подойти корову. Приготовить тесто. Сварить кашу.

О чем это он?

— Но я никогда раньше не делала ничего подобного, — призналась Амелия.

— Это я уже слышал, но сегодня ты все сделаешь, так что вставай. Сейчас же!

Эван быстро вышел из домика Амелии, оставив ее со слезами на глазах. Если ничего не делать, что он велел, тогда она останется без еды. Эван сам ей об этом сказал, и Амелия знала, что он не шутит.

Когда она пришла в дом, Эван надевал теплую куртку. Утро было прохладным. Амелия замерзла и дрожала в своем разорванном платье, а ее босые ноги посинели от холода. Фермер оглядел ее, но промолчал. Он подошел к своей кровати и опустил на колени. Амелия с интересом наблюдала, как Эван вытащил из-под кровати чемодан, открыл его. Несколько секунд он смотрел внутрь, а затем стал перебирать его

содержимое, вытаскивая некоторые вещи и складывая их на пол. Наконец он закрыл чемодан и встал, держа вещи в руке. Эван подошел к Амелии и молча протянул их ей.

Амелия взглянула на предметы женской одежды, которые она держала в руках. Очевидно, они принадлежали его покойной жене. Амелия поняла, что ему наверняка было тяжело отдать эти вещи ей, и она была благодарна Эвану. Она не успела произнести слова благодарности, Эван уже подошел к правой стороне двери, где вдоль стены выстроились несколько пар обуви. Он выбрал те туфли, которые, казалось, были почти новыми. Какое-то время Эван разглядывал их, а затем подошел к Амелии и положил туфли поверх одежды, что была в руках девушки. Амелия посмотрела на туфли. Что-то сентиментальное было в этой паре обуви, в форме, которую они приобрели после носки, в складках кожи. Эти туфли словно были частью личной истории. Амелия подняла глаза, чтобы поблагодарить Эвана, но фермер уже направлялся на улицу.

В доме было холодно, а дети все еще спали в задней комнате. Посмотрев по сторонам, Амелия поборолла желание заплакать. В доме не было никаких лишних вещей, ничего, что могло бы сделать его более уютным. Все вокруг было грубым и мрачным. Начиная от грязного пола и заканчивая низкой железной крышей.

Хотя Амелия и чувствовала себя странно, надевая чужие вещи, она с радостью влезла в шерстяной джемпер, который дал ей Эван. В этой стопке оказались и толстые вязаные чулки, что было очень кстати, так как туфли были Амелии велики. Она очень хотела, чтобы Эван развел огонь, но этому желанию Амелии не суждено было сбыться. И как же ей теперь варить овсяную кашу или нагреть воду?

Амелия подошла к двери и выглянула наружу. Она увидела, как Эван рубит дрова у забора.

— Он собирается разжечь огонь, — подумала она с облегчением.

Несколькими минутами позже Эван вернулся с ведром дров, которые сложил в поленницу у очага. Он даже не взглянул на Амелию, тут же развернулся, и снова вышел из дома. Лицо Эвана было суровым, и Амелия побоялась спросить его, почему он не разжег очаг. Она взяла поленья и начала складывать их в очаг. Амелия только собиралась поджечь их, как Эван опять вернулся с очередной партией дров.

— И что это ты делаешь? — рявкнул он.

Амелия выпрямилась, не понимая, что она сделала неправильно на этот раз.

— Я хотела разжечь огонь, — оправдывалась она.

— Так никто не разжигает очаг. Даже если огонь разгорится, на что мало надежды, ты напустишь дыма полный дом.

Эван начал вытаскивать поленья из очага, продолжая ворчать, как неумело она пыталась это сделать. Амелия наблюдала, как он сложил особым образом поленья обратно. Она складывала их параллельно, а Эван сложил их крест-накрест, положив самые тонкие палочки внизу.

— Всегда клади щепки вниз, иначе огонь не разгорится. Огню нужно дышать, только тогда пламя не погаснет. — Эван бросил на Амелию презрительный взгляд, считая ее абсолютной дурой. Когда дрова занялись, фермер направился к двери.

— А где мне взять воду? — спросила Амелия.

— Позади дома есть колодец, — сообщил Эван. Он посмотрел на одежду, висящую у двери черного хода. — Можешь надеть то коричневое пальто, с краю, — добавил он, показывая на него. Пальто было несколько, и все они были разных размеров. Амелия подозревала, что коричневое пальто принадлежало его жене. Ей показалось странным, что он все еще хранит ее вещи. Эван говорил, что его жена умерла почти год назад. Явно он не мог расстаться с ее вещами, и это значило, что он не смирился с ее смертью.

— Спасибо, — тихо поблагодарила Амелия.

— Овсянка в одном из тех мешков, — хрипло сказал Эван, показывая на мешки в углу. — А там одно ведро для воды, а другое для молока. Я разожгу костер на улице, но мне нужно заняться овцами, поэтому я вернусь к завтраку.

Амелия надела коричневое пальто, взяла ведро и пошла на улицу искать колодец. Ночные тени медленно отступали, но все еще было темно. Эван разжигал костер под котлом. Котел был пустым, поэтому Амелия предположила, что он хочет, чтобы она наполнила его водой. Девушка давно мечтала о теплой ванне и поспешила за водой к колодцу.

Колодец оказался дырой в земле, прикрытой двумя ржавыми листами железа. Правда, рядом было ведро с веревкой, которое Амелия опустила вниз. Она подождала, пока ведро наполнится, и вытянула его наверх. Затем она вылила воду в ведро, которое принесла из дома. Ведро было тяжелое, пальцы Амелии замерзли, она быстрее пошла к дому. Амелия совершенно не представляла, какое количество овсянки надо сыпать в воду, поэтому она бросила несколько горстей в котелок и залила водой, потом присела у огня и помешала смесь. Ничего особенного не происходило, и Амелия решила, пока каша сварится, можно еще принести воды для котла на улице. Ей очень хотелось скорее нагреть воду для ванны.

Несколько раз сходяв к колодцу, Амелия вспомнила про кашу.

— О боже мой! — воскликнула она и побежала в дом. К этому времени дети уже встали и занимали места за столом.

— Что за ужасный запах? — спросила одна из старших девочек.

Заглянув в котелок, Амелия увидела грязно-коричневую бурлящую жижу, отвратительную на вид. В замешательстве она в спешке плеснула туда еще воды и снова помешала. В результате получились какие-то ошметки, плавающие в воде вперемешку с черными крупинками. К несчастью для Амелии, как раз в это время вошел Эван и с надеждой посмотрел на котел.

— Ну как, завтрак уже готов? — спросил он.

— Она... я пошла еще за водой и оставила кашу... а теперь она... — лепетала Амелия.

Эван подошел к котлу и заглянул внутрь. Его лицо приняло злое выражение. Он шагнул к ней навстречу.

— Мои дети не будут *это* есть. Можешь отдать свое варево курам. — Он посмотрел на пустое ведро у очага. — Разве ты не подоила корову?

— Нет. Я же сказала, что носила воду для ванны.

— Ванны? Кто собрался в ванну?

— Я... и мне...

Эван был зол.

— Ты еще не заслужила ванну, — закричал он.

Амелия собиралась сказать, что детям нужна ванна, так же как и ей, но Эван не предоставил ей такого шанса. «И потом, я же только что пережила кораблекрушение!» — хотела закричать в ответ Амелия. Ведь горячая ванна это не такая уж и большая привилегия. Слезы навернулись на глаза девушки.

— Я сделаю несколько лепешек. А ты иди и подои корову, чтобы дети смогли выпить теплого молока. И поторапливайся, — прогремел Эван.

Не говоря ни слова, Амелия взяла ведро и пошла к двери, опустив голову. Она слышала, что дети хихикают над ней, и чувствовала себя настоящим посмешищем. Ее неумение выполнить, казалось бы, простые поручения только служило доказательством того, что она никогда раньше не делала подобных вещи, но это ровным счетом ничего не значило для Эвана Финнли или его детей.

Когда Амелия подошла к корове и сквозь пелену слез начала разглядывать ее, та посмотрела на девушку большими карими глазами.

— Ты должна будешь помочь мне, — прошептала Амелия. — Я никогда раньше не делала этого.

Корова тихо замычала и продолжила жевать траву. Амелия была

уверена, что корова ушла бы прочь, если бы на ее ногах не было пут.

— Ты забыла скамейку, — раздался тоненький детский голосок.

Амелия обернулась. Одна из самых маленьких девочек стояла за ней с маленькой скамейкой в руках.

— Тебе она будет нужна, — она протянула скамейку.

— Спасибо, — ответила Амелия, утирая слезы. — Как тебя зовут?

— Молли.

— Ты знаешь, как доить корову, Молли?

Малышка покачала головой.

— Я только что спрашивала корову, как это делать, но она ничего мне не подсказала.

Девочка удивленно заморгала.

— Коровы не разговаривают.

— Какая жалость, не правда ли? — пошутила Амелия.

Молли подошла к корове.

— Надо просто тянуть эти штуки. — Она показывала на соски на полном коровьем вымени.

— Я думала, что ты это делала, — размышляла Амелия, не решаясь начать. Но она поставила скамейку рядом с животным, и корова снова повернулась и посмотрела на Амелию.

— Ты не будешь возражать, не так ли? — спросила она корову. Корова снова принялась за траву. — Очевидно, нет, — проговорила Амелия, и Молли засмеялась. Набравшись храбрости, Амелия взялась за два соска и осторожно потянула. Ничего не произошло. Она попробовала снова и взглянула на девочку. — Думаешь, здесь есть какой-то секрет?

— Когда Сисси это делает, у нее получается. — Молли пожала плечами.

— Тогда, может быть, Сисси сумеет показать мне, как это надо делать.

— Я спрошу ее, — ответила Молли и тут же побежала к дому.

Амелия не успела ее остановить. Амелия не хотела, чтобы сюда пришел Эван и снова стал кричать на нее. Она переживала, что испортила их завтрак. Она должна была попросить Молли спросить Сисси о том, как доить корову, но только так, чтобы их отец ничего не узнал. Но теперь было уже поздно.

Амелия все еще пыталась получить от коровы молока, когда вдруг животное громко замычало. Звук оказался таким громким и неожиданным, что девушка вздрогнула и, потеряв равновесие, упала со скамейки назад. Оказавшись на спине, Амелия увидела, что над ней, скрестив руки, стоит Сисси. Выражение ее лица было схожим с отцовским, и Амелия

совершенно растерялась. Видимо, они все не терпят глупцов.

Не говоря ни слова, Сисси поставила скамейку, села на нее и стала доить корову. Амелия услышала, как молоко с шумом полилось в ведро. Она поднялась с земли, чтобы посмотреть, как девочка делает это. Оказалось, Сисси сдавливала соски и одновременно проводила по ним руками вниз. На первый взгляд Сисси делала все очень легко, но рассказывать она ничего не собиралась. После того как девочка несколько минут подоила корову, она встала, уступив место Амелии.

Амелия села на скамейку. Сначала ничего не выходило, и она была уверена, что Сисси вздыхает с осуждением, но через минуту струйки молока полились в ведро.

— Получилось, — обрадовалась Амелия и повернулась, чтобы поблагодарить Сисси, но ее уже не было. То, что девочка ушла и не увидела момента ее триумфа, омрачило небольшую радость Амелии. Вздохнув, она продолжила.

Чтобы наполнить половину ведра, Амелии понадобилась почти целая вечность, в результате чего у нее заболели руки. Она остановилась на мгновение, чтобы разогнуть спину, но вдруг корова сдвинулась с места и задела ведро. К счастью, Амелия успела поймать ведро и не все молоко вылилось на землю. Она попыталась снова подоить корову, но животное не желало стоять смирно, и девушка вернулась домой.

Эван доставал лепешки из очага. Он молча разламывал их и раздавал детям. Увидев, как мало молока принесла Амелия, он с отвращением покачал головой.

— Я надоила больше, но корова опрокинула ведро, — оправдывалась Амелия.

Эван только снова покачал головой и разлил все, что оставалось по чашкам. Амелия получила маленький кусок лепешки и чашку с водой, но не посмела жаловаться.

— Накопай немного картошки и почисть ее, чтобы приготовить обед, — приказал Эван. — Ты же можешь сварить картошку, да?

Амелия кивнула. Хоть она никогда и не варила картошку, девушка просто не хотела злить фермера еще больше.

— Как только закончишь, принимайся за мясо. Морковь, лук и пастернак найдешь в огороде. Мясо еще осталось от барашка, что я недавно зарезал. Я принесу его.

Амелия запаниковала. Она даже не помнила, что ела тушеное мясо, впрочем, как и не видела, как его готовят, но промолчала. Когда Эван ушел, она вышла на улицу, проверить, как нагревается вода в котле. Она была

теплой. Амелия погрузила свои замерзшие руки в воду и вздохнула, подумав о том, как хорошо было бы выкупаться. Она была уверена, что после того, как вымоется, почувствует себя намного лучше.

Одна из старших девочек последовала за ней на улицу.

— А где лопата, которой копать огород? — спросила ее Амелия.

Девочка ушла за дом и вернулась с лопатой. Она молча отдала ее. Амелия была озадачена выражением ее лица. Девочка не испытывала ни малейшего любопытства, как можно было ожидать от ребенка ее лет, и она не улыбалась. Она казалась серьезным ребенком, и Амелия подумала, что на девочку сильно повлияла смерть матери. Амелии было жаль всех детей Эвана. Они находились в полной изоляции, а их отец был холодным, замкнутым человеком, который не очень-то старался показать свою любовь к ним. Казалось, он уделяет внимание только сыну.

— Ты знаешь, где растет картошка? — спросила Амелия девочку.

Она кивнула и подвела ее к грядке. Хотя Амелия и не могла отличить одно растение от другого, задача оказалась еще более сложной, так как весь огород зарос сорняками. Девочка нагнулась и показала на куст картошки.

Амелия начала копать, а девочка наблюдала за ней. Несмотря на то что совсем недавно прошел дождь, под верхним слоем земля была твердой, как камень, поэтому Амелии предстояло потрудиться.

— Тебя зовут Роза или Бесс? — спросила она.

— Роза, — ответила девочка. — Бесс младше меня.

— Тогда тебе около десяти. Верно?

Девочка кивнула.

— Почему ты была в тюрьме?

Амелию удивила ее прямота. Хотелось сказать, что она не была в тюрьме, но как трудно объяснить десятилетнему ребенку, что произошла ужасная ошибка?

— Я потеряла память, — ответила Амелия. — И я не помню, что была в тюрьме.

— А как кто-то может потерять память? — спросила Роза.

— Я сильно ударилась головой, или, по крайней мере, мне так сказали. Я тоже этого не помню. Смотритель маяка сказал, что поднимал меня на скалу, а ветер сильно раскачал веревку.

— А тебе было больно, когда ты ударилась о скалу?

— Я не помню, но я очнулась с большой шишкой на затылке.

Сисси подошла к двери и увидела, как ее сестра разговаривает с Амелией.

— Роза, иди в дом, — сердито выкрикнула она. Пока Роза бежала к

дому, Амелия повернулась и посмотрела на старшую девочку, одарившую ее презрительным взглядом, прежде чем скрыться в доме.

— Эта девочка не любит меня, — произнесла Амелия, и продолжила копать. Наконец она нашла несколько картофелин, но все руки у нее покрылись волдырями. Когда Амелия принесла картофелины в дом, Сисси набросилась на девушку.

— Почему ты надела одежду и туфли моей матери? — вызывающе проговорила она.

Амелия видела, что девочка вот-вот расплчется.

— Твой отец дал мне их, потому что все мои вещи остались на корабле, который утонул, или просто так говорят. Я ничего не помню, Сисси.

— Меня зовут *Сесилия*.

— О, прости. Твой отец так сказал мне.

— Только моя семья может меня так называть.

— О! — Амелия почувствовала себя так, словно ей вlepили пощечину.
— Я запомню это, Сесилия.

Девочка возмущенно посмотрела на Амелию, потом позвала Розу, Бесс, Молли и Джесси.

— Нам надо собрать яйца, — проговорила она. Сесилия взяла котелок с кашей и с отвращением заглянула внутрь. — Раз уж мы идем туда, то можем и покормить кур.

— Где Майло? — спросила Амелия, когда дети направились к двери. Она не знала, должна ли присматривать за ним, но на всякий случай решила поинтересоваться.

— Он ушел с папой, — ответила Молли.

Амелия кивнула и отправилась мыть картошку, не обращая внимания на возмущенный взгляд Сесилии. После того как девушка положила картофелины в кувшин с водой у очага, она вышла на улицу, чтобы выкопать лук и пастернак. Когда она добыла несколько луковиц, пастернак и нашла еще пару картофелин, ее руки уже кровоточили. Волдыри лопнули, и кожа в этих местах горела. Амелия пыталась привести руки в порядок, когда в дом вошел Эван, ведя за собой малыша Майло.

— Тебе надо будет постирать кой-какие вещи, — произнес он. — Майло нечего надеть.

— Посмотрите, в каком состоянии мои руки. Я не могу стирать.

Эван едва взглянул на Амелию.

— Твоим рукам надо погрубеть, и только тяжелая работа сможет это сделать, так что займись стиркой. На будущее, стирай, как только вода

нагрелась, чтобы одежда успела высохнуть.

— Мне нужно помыться, как и детям, — гневно заявила Амелия. — Судя по запаху, исходящему от вас, вам тоже это не помешало бы.

Казалось, Эван был оскорблен.

— Это может подождать. Дела здесь делаются по мере важности.

Амелия видела, что фермер упрямый человек, но все же он не сказал, что она не сможет помыться. По ее убеждению, это было необходимостью. Амелия положит одежду в грязную воду потом, просто чтобы Эван отстал от нее, но она все равно собирается помыться, даже если это и последнее по важности дело.

— Хватит здесь сиднем сидеть, займись стиркой одежды, — велел Эван, направляясь к двери.

— Разве Сесилия или Роза не умеют этого делать?

— У них свои дела. Их мать выполняла все те обязанности, что я поручаю тебе, поэтому дело не в умении. — Он вышел на улицу. Амелия страдала от гнева и обиды. Ей хотелось спросить, может быть, это он уморил свою жену работой до смерти, но вовремя прикусила язык.

Через несколько минут Эван вернулся и принес мясо.

— Вот баранина для ужина. Скажешь, когда сварится картошка. Будем есть с ней яйца. Девочки как раз их сейчас собирают.

Девочки принесли яйца, потом собрали все белье из спальни и свалили его в кучу рядом с обеденным столом. Так сделать им приказал отец. Затем они ушли покормить лошадь и убраться в загоне. Амелия посмотрела на кучу белья, уронила голову и заплакала. Ее руки пульсировали от боли, и еще никогда в жизни она не чувствовала себя такой несчастной. Она стояла так примерно час. Поплавав вдоволь, Амелия вытерла глаза и, ткнув вилкой картошку, нашла ее мягкой. Она слила воду, отставила котелок в сторону и разбила несколько яиц на сковородку.

Примерно в полдень Амелия позвала Эвана и детей. Вбежав в дом, они с удивлением уставились на пустой стол.

— Ты же сказала, что обед готов, — рассердился Эван.

— Я накрою на стол, когда вы все вымоете руки, — решительно заявила Амелия. Он может приказывать ей, что и как делать, но Амелия готовит еду, значит, они будут есть, как велит она, — чистыми руками. — Вода в ведре, полотенце рядом, — добавила она. — Сесилия, помоги Майло.

На мгновение Амелия подумала, что Эван снова накричит на нее, но он подошел к ведру и вымыл руки, а за ним последовали дети. Когда Сесилия подвела Майло к ведру, она взглянула на Амелию. Может быть,

Амелия ошиблась, но ей показалось, что во взгляде девочки было больше уважения, чем презрения.

Когда дети по очереди стали подходить к столу, Амелия клала каждому в тарелку картофелину и яйцо. Эвану она положила две порции. Затем Амелия дала каждому столовые приборы. Обед прошел в абсолютной тишине. Дети лишь украдкой обменивались взглядами, а закончив с едой, все так же тихо исчезли на улице.

— Могли бы и поблагодарить меня за то, что я приготовила хоть что-то съедобное, — пробормотала Амелия, убирая тарелки. Помыв посуду, она вымыла овощи и нарезала их. Девушка также нарезала мясо на маленькие кусочки и сложила его вместе с овощами в котелок, добавив немного воды. «Выглядит не очень аппетитно», — подумала она, размышляя над тем, стоит ли ей добавить еще что-нибудь. Поскольку Амелия не знала, что именно, то решила, что будет безопасней оставить все как есть.

Все мысли девушки были о ванне. Она чувствовала себя ужасно грязной, особенно после того, как копалась в огороде.

«Я должна найти какую-нибудь ванну». Она не думала, что Эван теперь скоро возвратится домой, поэтому у нее было время помыться, а уж потом в этой же воде она постирает все белье. Чтобы удостовериться, что мясо будет тушиться, девушка положила в очаг два больших полена.

Амелия нашла что-то вроде ванны в комнате детей. Деревянная лохань была не очень большая, но вполне пригодная для купания. Амелия отнесла ее в свою хижину, затем принесла несколько ведер горячей воды из котла и развела ее водой из колодца. С наслаждением погрузившись в теплую воду, девушка почувствовала, как все ее мышцы расслабились и боль ушла. Она не могла вытянуть ноги, но это ее не беспокоило. Просто находиться в воде было истинным блаженством. Хоть она и не могла ничего вспомнить, Амелия была уверена, что еще никогда в жизни ванна не приносила ей столько удовольствия.

Примерно через час, когда вода уже начала остывать, Амелия вылезла из лохани. Она словно заново родилась. Девушка оделась и уже направлялась к дому, чтобы взять белье, когда из двери выбежала одна из девочек, а за ней последовали клубы дыма.

— О боже! Что случилось? — вскричала Амелия, подбегая к дому.

— Весь дом в дыму, — закричала Молли.

Амелия вошла внутрь и тут же начала задыхаться от едкого дыма. Она нашла, что дым шел из котелка с мясом. На нем не было крышки, так как она забыла прикрыть его, и поэтому вся жидкость испарилась, а мясо и овощи превратились в черную массу.

— О нет! — сокрушалась Амелия.

— Что случилось? — спросил с тревогой Эван, появившись на пороге. Он приказал детям оставаться на улице.

Незадачливая повариха разрыдалась. За один день она испортила два блюда.

— Почему ты не следила за едой? — спросил Эван, заметив, что в очаге слишком большое пламя. Если бы она была рядом, то смогла бы добавить воды и мясо бы не пригорело. — Где ты была?

— Я была... — Амелия не знала, что ответить. Она не могла сказать, что стирала белье, потому что оно все еще лежало на полу рядом со столом.

Тут Эван заметил, что у нее мокрые волосы и расвирипел. Он заглянул прямо в лицо несчастной.

— Ты мылась, да? — прорычал он. — Ты вообще понимаешь, какую ценность имеет здесь еда? Продукты привозят на корабле к смотрителю маяка только раз в три месяца. Мне нужно кормить семью, нам приходится экономить.

— Простите, — пролепетала Амелия.

— Слова не помогут, — закричал Эван. — Как твоей болтовней накормить детей?

— Я не специально. Если я и знала, как готовить, то забыла. Я ничего не помню о своей прошлой жизни с того момента, как очнулась в доме смотрителя. Вы можете понять, каково это?

Эван ничего не ответил, но подумал, что ее переживания кажутся искренними.

— Конечно, не понимаете, — продолжала Амелия. — Вы-то все помните. Я не помню свою семью, свой дом, и вообще ничего о себе. Некоторые из ваших воспоминаний, может быть, и причиняют вам боль, но вы и представить себе не можете, насколько вам повезло, что вы не лишились их, я никому не пожелаю подобной участи. — Амелия разрыдалась.

Уже была почти полночь, но Амелия все еще стирала белье в своем домике. Утром она собиралась первым делом повесить его сушить. Белья было очень много, и девушка решила, что не надо подолгу стирать каждую вещь. Большинство вещей девочек были самодельными, поношенными и рваными. Эван сказал, что Майло нечего надеть, но у девочек тоже не осталось чистых платьев. Похоже, в первую очередь он заботился о своем сыне. Эван все время брал его с собой и постоянно волновался о нем. Амелии было обидно за девочек, особенно за самых маленьких, Джесси и

Молли.

Руки Амелии уже не горели. Боль стала почти невыносимой, но девушка решила закончить стирку, даже если это будет последнее, что она сделает в своей жизни. Глаза Амелии закрывались от усталости, а спина и колени ужасно ныли. Но стирка стала для нее чем-то вроде платы за испорченную еду. Амелия очень переживала, что дети остались без еды, что они легли спать голодными по ее вине.

Она стирала последнее платье, когда дверь открылась. Эван заметил, что ее лампа горит, и вошел. Он также увидел, что кучи грязного белья больше нет, и слышал, как девушка выливает воду на огород.

Амелия стояла у лохани на коленях. Она подняла голову и увидела, что в руках у Эвана тарелка. На ней лежал кусок лепешки с подливой. В другой руке у него была кружка молока. Он взглянул на выстиранную одежду и поставил тарелку с кружкой рядом с лоханью.

Амелия с изумлением взглянула на еду. Она не ожидала ничего подобного.

— Пожалуйста, отдайте это детям, — произнесла она к удивлению Эвана. — Мне не надо.

— Они поели лепешки. Ешь, что принес. Ты это заслужила, — сказал он и вышел.

Кингскот

Первый день Сары в ее новом доме кардинально отличался от первого дня Амелии. Никто не пинал матрас, чтобы разбудить ее, и никто не приказывал приготовить завтрак. Утром, после того как Сара хорошо поспала на удобной постели, Полли разбудила ее и сообщила, что завтрак подадут через полчаса.

Сара решила появиться за столом в печальном настроении. Пожелав чете Эшби доброго утра, она в задумчивости уселась за стол. Эдна с тревогой разглядывала Сару, пока Полли подавала яйца, запеченные на тостах, и чай.

— Что-то беспокоит тебя, Амелия, дорогая? — наконец спросила Эдна. Она волновалась, что разговор о наследстве Амелии расстроил девушку.

— Нет, я просто подумала, как мне повезло, что я спаслась после того, как корабль пошел ко дну. Особенно если вспомнить, сколько людей

лишилось жизни.

— Тебе действительно очень посчастливилось, — заговорил Чарльтон, складывая утреннюю газету, где писали о крушении «Антилопы». — Должно быть, за тобой присматривал ангел-спаситель. — Чарльтон имел в виду ее родителей и младшего брата, но Сара говорила о другом.

— Наверное, моим ангелом был смотритель маяка, — вставила она, направляя беседу в нужное для нее русло. — Когда свет от маяка осветил поверхность моря, он заметил, как я вместе с другой девушкой цепляюсь за риф, и спас нас во время прилива. Еще час, и нас могли бы съесть акулы.

— Мы должны поблагодарить Габриеля, когда увидим его в следующий раз, — продолжал Чарльтон, обращаясь к жене.

— Возможно, я напишу ему, — ответила Эдна. — Думаю, письмо доставит ему удовольствие. Он там так одинок.

— А часто ли вы обмениваетесь письмами? — спросила Сара. Этой ночью она долго не могла заснуть, думая, как тесно семья Эшби общается с Габриелем.

— Нет, мы не общались с ним с тех пор, как он отправился на мыс Кейп-дю-Куэди, что было примерно девять месяцев тому назад, — ответила Эдна. — Мы видимся с ним, когда он возвращается в Кингскот, чтобы работать лоцманом на судах, которые идут в Непеан-Бэй. Габриель занимается этим в промежутке вахт на маяке. Два года назад он отслужил вахту на маяке на мысе Уиллогби. Должно быть, ему нравится некоторое время побыть в одиночестве.

— А как долго он будет на Кейп-дю-Куэди? — поинтересовалась Сара. — Это место кажется очень глухим.

— Я не уверен, подписал ли он годовой или двухлетний контракт, — сообщил Чарльтон. — Обычно у смотрителей есть жена и дети, поэтому одиночество не является проблемой, но это не в случае с Габриелем. Полагаю, что к нему должен был присоединиться сменщик, но раз ты сказала, что он один, то, значит, сменщик еще не приехал. Там недалеко есть ферма, поэтому я думаю, что они с хозяином фермы изредка видятся.

— Я видела фермера, — вставила Сара. — Наверное, не стоит этого говорить, но мне показалось, что он довольно странный тип.

— Ты права, Амелия, — улыбнулся Чарльтон. — Эван Финнли довольно эксцентричный человек, но он трудяга. Ему вполне подходит такая затворническая жизнь, но он еще больше замкнулся после смерти своей жены. Полагаю, что всю свою жизнь он посвящает детям. Он хороший отец, но плохо то, что его дети не общаются с другими детьми.

Сара облегченно вздохнула. Если Эван никогда не приезжает в город,

тогда он не может ничего рассказать об Амелии, когда к ней вернется память. Значит, нет причин для беспокойства.

— Когда-нибудь Эвану придется приехать в город, — заметила Эдна. — Когда его девочки вырастут, они не захотят жить так далеко от цивилизации.

— А сколько им лет сейчас? — равнодушно поинтересовалась Сара.

— Старшей девочке примерно тринадцать, поэтому полагаю, она еще несколько лет будет вполне довольна своей жизнью. Амелия, ты говорила, что другая девушка, что выжила, должна работать на Эвана, не так ли?

— Совершенно верно. Она условно освобожденная преступница, которая должна работать у фермера два года. — У Сары было странное чувство, когда она говорила так о себе.

— Эван, вероятно, попросил прислать кого-нибудь, чтобы ему помогли с детьми и хозяйством, — размышляла Эдна. — Ему наверняка нелегко справляться со всем одному. Его жена умерла, а у него шесть детей.

Сара постаралась принять озабоченный вид, но внутри она радовалась, что не стала частью той жизни.

— Преступница утверждает, что потеряла память, что даже не была в тюрьме, — сообщила Сара. — Она ударилась головой, когда ее поднимали на скалу, поэтому я думаю, что она, может, действительно говорит правду. — Сара хотела дать семье Эшби возможность сомневаться. — Может, это и так, а может, она надеется присвоить себе имя какого-нибудь человека, который погиб во время кораблекрушения.

— Весьма необычно, — удивилась Эдна. — Неужели она такая коварная?

— Будем надеяться, что нет, но если учесть ее прошлое, то нельзя знать точно, — проговорила Сара.

— Надеюсь, она была откровенна и не принесет Эвану и его семье страданий, — задумалась Эдна. — Им и так нелегко пришлось.

— Будет очень полезно, если все его девочки получат хоть какое-нибудь образование, — проговорил Чарльтон. — Одна наша соседка преподает в городской школе. Она посылает задания Эвану вместе с продуктами, но с тех пор, как его жена умерла, от них больше не приходят выполненные задания. Очевидно, он забросил их обучение из-за большого количества дел, и только один Господь знает, что будет дальше. Если эта девушка сможет помочь Эвану, давая уроки его детям, она будет стоять всех неприятностей, причиненных ею. Больно думать об этих детях, как о диких, нелюдимых необразованных людях. — Он представил их совершенно некультурными оборванцами.

Сара подумала о той жизни, которую теперь вела Амелия. Поскольку Эван был очень странным человеком, который хотел, чтобы ее пальцы стерлись от работы до костей, а шестеро детей дополняли картину, Сара была уверена в том, что Амелия попала в сущий ад. А это именно то, чего она, по убеждению Сары, заслужила.

— Ты разговаривала с этой девушкой на корабле? — спросил Чарльз Сару.

— Не говори глупости, Чарльтон, — прервала его Эдна. — Зачем Амелии разговаривать с преступницей?

Чарльтон смутился.

— Наверняка на корабле началась ужасная паника, когда он наткнулся на риф, да, дорогая? Сомневаюсь, что люди думали тогда о классовой принадлежности.

— Вы правы, дядя Чарльтон, — поддержала его Сара. Он был наиболее добр к ней и проявлял больше понимания. — Места в спасательной шлюпке не были разделены по классам. Те счастливики, что оказались в ней, были приведены из салона одним из матросов. Осталась всего одна шлюпка на всех, кто оказался на корме корабля. К тому времени, когда корабль разломился на три части, все остальные шлюпки смыло в море. Количество мест было ограничено. Я даже не поняла, что оказалась в шлюпке вместе с этой девушкой, но сказать откровенно, меня тогда это совсем не волновало.

— Конечно нет, дорогая. Какое чудовищное испытание выпало на твою долю, — сокрушалась Эдна.

Сара кивнула.

— Люси, моя служанка и попутчица, рассказала мне об этой девушке еще раньше. Она познакомилась с ней по пути на остров.

— Твоя попутчица, — неуверенно начала Эдна. — Нам так жаль, что она погибла. Нас известили, что ты путешествовала не одна, но когда она не приехала с тобой, мы предположили... самое худшее. Мы не хотели упоминать об этом, после всего того, что пришлось тебе пережить...

Как сделала бы и настоящая Амелия, Сара печально кивнула головой. Но ее печаль была настоящей. Хотя их знакомство и было мимолетным, Сара все еще переживала боль утраты.

— Я хотела, чтобы она села в шлюпку. — Каждый раз, когда она вспоминала о том, как поступила Амелия, Сара испытывала прилив злости. — Один из моряков пообещал доставить ее на берег. К сожалению, у него не оказалось шанса выполнить свое обещание, так как корма судна пошла ко дну, как только мы отплыли.

— Мне так жаль, дорогая, — посочувствовала Эдна и сжала руку Сары в своей, заметив, как побелели губы ее подопечной. — Амелия, ты не виновата, милая, что она не смогла спастись. Я уверена, что ты пыталась взять ее с собой в лодку, поэтому не надо винить себя за то, что случилось с девушкой.

— Я не виню себя, — честно ответила Сара. Она винула настоящую Амелию.

Глава 5

Кейп-дю-Куэди

— Доброе утро, Габриель, — поздоровался Эван. — Тяжелая выдалась ночь?

Габриель только что вышел из маяка и направлялся к дому, чтобы выпить чашку горячего чая. Занимался рассвет. Ветер гулял над морем.

— Без особых событий, что мне и нравится, — ответил он. — Не желаешь ли выпить со мной чаю и позавтракать?

— Чаю выпью, но потом мне придется возвращаться, боюсь, что моя новая работница снова решит спалить дом.

Габриель заинтересовался.

— Я так и думал, что ты хочешь о чем-то поговорить.

— Я просто хочу предупредить тебя, что мне понадобятся дополнительные припасы, когда в следующий раз придет корабль с грузом.

Они вошли в дом. Габриель разворошил тлеющие угли в печи, подбросил дров и проверил, есть ли в чайнике вода.

— Неужели новая работница объедает тебя? — спросил он.

— Нам вообще нечего есть. Вчера она сожгла наш завтрак и ужин. Нам повезло, что она не сожгла дом. Я занимался с овцами и перепугался до смерти, увидев, как из-под крыши валит дым.

— Что случилось?

— *Ее светлость* просто решила принять ванну и забыла, что на огне тушится мясо. Представляешь?

Габриель не ответил, но решил, что, видимо, эта девушка подумала, что ванна для нее важнее готовки.

— Она потратила всю горячую воду на свою ванну. Должно быть, она просидела там полдня, и мясо превратилось в угли. Понадобилась уйма времени, чтобы отскрести котел.

— Если тебе нужно что-нибудь, можешь взять из моих запасов. Я не хочу, чтобы дети голодали.

— До этого еще не дошло. Если придется, я могу и поохотиться.

— Она вспомнила что-нибудь? Признала, что она условно освобожденная?

— Нет. Она все еще страстно отрицает свое прошлое.

— И много она делает?

— Она просто безрукая, толку от нее никакого. После того как она

сожгла ужин, я накричал на нее, она выбежала из дома в слезах. Правда, она выстирала все белье, но закончила стирку только к полуночи. Я сказал ей, что если она не станет работать, то не получит еды, поэтому она решила, что лучше будет что-то делать.

Габриель едва сдержал улыбку. Ему было интересно, как дела у этой девушки.

— Так когда она будет пахать? — спросил он. Эван нахмурился, но, поняв, что Габриель шутит, тоже изобразил подобие улыбки.

— У нее все руки покрылись волдырями после того, как она выкопала пару картошин. — Эван покачал головой.

— Мне ее почти жаль, — заметил Габриель.

Эван отвел глаза. Он не мог даже подумать, что пожалеет эту девушку, но ему было действительно жаль ее. На руки девушки было больно смотреть.

— Моя Джейн всегда легко справлялась со всеми делами. Она работала так же много, как и я.

— Они совсем разные женщины, Эван.

По мнению Эвана, точнее сказать было нельзя.

— Они такие же разные, как день и ночь, — согласился он. Заговорив о жене, Эван вспомнил, как она уставала к вечеру. Он всегда чувствовал себя виноватым оттого, что она так уставала, и особенно когда бедняжка мучилась, пытаясь дать жизнь второму сыну. И часть вины за ее смерть он принял на себя.

— Тебе надо дать Саре время привыкнуть, — предложил Габриель. — Жить на ферме нелегко в любом месте, но здесь, в такой изоляции и где земля такая неподатливая, это труднее вдвойне. Тебе и мне подходит такая жизнь, но не многие смогут смириться с подобными условиями.

— Наверняка здесь лучше, чем в тюрьме, — бросил в ответ Эван. Резкостью он попытался заглушить чувство вины за смерть Джейн, но у него ничего не вышло.

— Полагаю это так, но она, наверное, считает, что попала в другую тюрьму, пусть даже и утверждает, что вообще не помнит, что ее лишали свободы.

— Думаю, она лжет, чтобы получить поблажки, но этому не бывать.

Габриель видел, что Эван стал циничным и жестоким с тех пор, как умерла Джейн, но он считал, что таким образом он пытается справиться со своей утратой.

— А как она ладит с детьми? — спросил он.

— Не очень хорошо. Сисси и Бесс смеются над ней. Сисси не

перестает удивляться, насколько она беспомощна, ну а потом вспоминает о своей матери.

— Что она делает сейчас?

— Когда я ушел, она делала новую попытку сварить овсянку. Я думал, каждый может сварить кашу... но только не *ее светлость*. Вчера ее кашу съели куры. Вообще-то я не удивлюсь, если она снова ляжет спать. Чтобы разбудить ее утром, мне придется пинать матрас. Можно подумать, что она привыкла поспать всласть. — Эван снова покачал головой. — Когда вернусь, скажу ей, чтобы зарезала курицу на ужин, но даже боюсь представить, как она отреагирует. Можешь поверить, что Сисси показывала ей, как доить корову? Она возилась с коровой целую вечность и принесла четверть ведра молока, рассказав историю о том, что корова опрокинула ведро.

Габриель рассмеялся. Он понимал и разочарование Эвана, и положение бедной девушки. Эван суровый хозяин.

Через полтора часа, когда Габриель только закончил писать рапорт о погоде и о плановой очистке линзы маяка, в дверях его дома показалась Амелия.

— Доброе утро, — осторожно произнес он, думая, что могло ей здесь понадобиться.

— Могу я попросить вас об услуге? — проговорила она в панике.

— Я не помогу вам бежать, если вы просите об этом, — твердо заявил Габриель. Он думал, что она попросит его просигнализировать какому-нибудь кораблю, чтобы сбежать от Эвана. Девушка была ему симпатична, но не более того.

— Бежать? — удивилась Амелия. — Я знаю, что вы не пошли бы на это. — Эван уже предупредил ее, что если она попытается выкинуть какую-нибудь глупость, то снова окажется в тюрьме.

— Тогда что вы хотите?

— Я никого никогда не лишала жизни, но Эван требует от меня именно этого, а я просто не могу убить.

Габриель поднял руки.

— Вы говорите о курице?

— Конечно, я говорю о курице. Откуда вы знаете? — Амелия заморгала от изумления.

— Эван приходил сюда еще раньше. Он подумал, что у вас могут возникнуть проблемы с убийством курицы. — Габриель нахмурился.

— Неужели? Он был прав.

— Это всего лишь курица. Наверняка вы раньше видели, как их убивают.

Амелия нахмурилась, пытаясь вспомнить, видела ли она, как убивают кур, или, может, делала это сама. Ее память была словно чистый лист бумаги.

— Нет, не видела. — Ей внезапно стало интересно, что Эван сказал о ней. — Эван рассказал вам, что я вчера сожгла мясо?

Габриель подумал, что будет лучше, если он будет вести себя дипломатично. Жена Эвана была довольно трудной женщиной.

— Он сказал, что придется заказать еще продуктов.

Амелия смутилась. Она не знала почему, но ей не хотелось, чтобы Габриель думал о ней как о безнадежной хозяйке.

— Я не могу убить курицу, — призналась она. — Я ничего не помню из своего прошлого, но уверена, что никогда не лишила жизни ни одно живое существо.

— Просто погонитесь за курицей с топором, может быть, она умрет от страха, — пошутил Габриель. Он понимал, что не помогает девушке, но не привык разбираться с «глупыми проблемами» и потом — ему страшно хотелось спать.

— Это не смешно. Чтобы прийти сюда я не побоялась змей, и что вы делаете? Даете мне глупые советы.

— Змей?

— Эван сказал, что здесь повсюду змеи. Он солгал?

— Нет, здесь действительно много змей, но они не выходят по утрам, когда еще холодно. Поэтому вы в безопасности.

— Вы можете мне с курицей или нет?

— Я?

— Да, вы. Я хочу, чтобы вы... убили ее.

— А где Эван?

— Перегоняет овец на другое пастбище. Он не вернется до обеда.

— Я как раз собирался лечь отдыхать. Я не спал всю ночь.

Амелия взглянула вверх на маяк.

— Это не займет много времени, — умоляла она. — Я была бы вам очень признательна.

Габриель вздохнул. Разве он мог ей отказать? И потом, он не смог бы спокойно уснуть, не выполнив ее просьбу.

— Хорошо. Пойдемте.

Габриель последовал за ней на ферму. Эван оставил топор на улице у курятника.

— Вы уже выбрали кандидатку? — спросил он, пока они стояли, глядя на десяток кур, гуляющих по площадке.

— Ой, не спрашивайте меня об этом! — взмолилась Амелия и отвернулась. — Я не могу выбрать ту, которая должна умереть.

Габриель вздохнул и вошел за забор птичьего двора. Амелия закрыла уши руками, но все равно она слышала, как кудахнут куры, когда Габриель бегал за ними. Наконец он схватил одну птицу. Амелия слышала, как курица ужасно кричала, и, не выдержав, девушка повернулась, чтобы остановить Габриеля. Она решила, что Эван на обед вполне удовлетворится яйцами, но было уже слишком поздно. Лезвие топора опустилось, и голова птицы упала на землю. Амелия зажмурилась, но эту кровавую картину она запомнит навсегда.

— Готово, — произнес Габриель. Он вышел из-за забора и похлопал Амелию по плечу. — Все, что вам остается, это ощипать ее и вымыть.

Амелия медленно открыла глаза. Габриель все еще держал обезглавленную курицу за ноги, и Амелия содрогнулась от ужаса. Крылья несчастной птицы все еще трепетали, разбрызгивая кровь, текущую из шеи. Это было самое страшное и отвратительное зрелище, которое она когда-либо видела. Амелия пронзительно вскрикнула и без чувств упала на землю.

Когда она пришла в себя, вокруг нее стояли Эван, дети и Габриель. Бледная Амелия лежала на матрасе у себя в хижине.

— Я же сказал, что с ней все будет нормально, — проворчал Эван и направился к двери с Майло на руках. За ним последовали Сисси и Роза, которая держала за руку Джесси.

— С вами все в порядке? — забеспокоился Габриель.

— Да. А что случилось? — спросила Амелия.

— Ты упала в обморок, — сказала Молли.

— Тебе не нравится кровь? — поинтересовалась Бесс. Она взглянула на Габриеля.

При упоминании о крови, Амелия вспомнила обезглавленную курицу и содрогнулась, ощутив спазмы в желудке.

— Курица висит уже полчаса, поэтому не стоит волноваться насчет крови, — сообщил Габриель. — Однако вам все равно придется ощипать и вымыть ее. Он направился к двери, а затем обернулся. — Если окунуть курицу в кипящую воду, перья выщипать будет намного проще.

В тот вечер Габриель был уже наверху на маяке, когда вдруг услышал,

что его кто-то зовет. Солнце уже погрузилось в море, и последние солнечные лучи таяли на небосводе. Габриель отполировал линзы и готовился зажечь свет.

— Кто там? — прокричал он, вглядываясь вниз, туда, где начиналась спираль лестницы.

— Это я, — крикнула в ответ Амелия. Она не могла назвать себя Сарой Джонс, она по-прежнему верила, что произошла какая-то ошибка. Это имя было ей совершенно незнакомо. — Могу я подняться?

Габриель был удивлен. Он сомневался, что они могут проводить время вместе без ведома Эвана.

— Да... но поднимайтесь осторожнее.

Амелия добралась до самого верха и с интересом взглянула на сложное устройство, дающее свет.

— Успешно справились с курицей? — спросил Габриель. Ему было действительно интересно это знать.

Девушка посмотрела на него, и дрожь прошла по ее телу.

— Неужели все так плохо?

— Я больше никогда не захочу видеть курицу, — ответила Амелия. — Я сделала, что вы сказали, и опустила ее в кипящую воду, но выдергивать мокрые, вонючие перья просто омерзительно. — Она снова содрогнулась, все еще чувствуя запах перьев.

— Уверен, что курица была вкусной.

— Не знаю.

— Вы ее тоже сожгли?

— Нет, — девушка взглянула на него, — но и есть ее не стала.

— Почему же? — Габриель нахмурился.

— Я не смогла. — Амелия отвернулась, чтобы посмотреть, как луч света скользит над водой. Это было очень красиво. — Какой восхитительный вид, — обрадовалась она, устремив взгляд к горизонту, где увядало оранжевое зарево заката.

— Да, действительно, — согласился Габриель. — Этот вид никогда не надоедает мне.

— Я хотела поблагодарить вас за то, что спасли мне жизнь, — продолжала Амелия, посмотрев в ту сторону, где примерно затонула «Антилопа».

— Не нужно, — ответил Габриель. — Это моя работа присматривать за этой частью света.

— Как часто вам приходится рисковать своей жизнью, чтобы спасти людей? — Амелия заметила, что Габриель побрился. Она подумала, что он

довольно симпатичный мужчина. Скромные размеры верхней площадки маяка создавали весьма интимную обстановку.

— «Антилопа» — второй корабль, который разбился в этих местах за девять месяцев, что я нахожусь здесь. Когда «Монтебелло» налетел на риф, спасать пришлось восемь человек.

— Почему корабли продолжают разбиваться о рифы, когда здесь стоит маяк и предупреждает их об опасности?

— Тому есть множество причин. Они могут попасть в очень сильный шторм, как «Антилопа». Это может случиться из-за плохой видимости или из-за того, что капитан незнаком с данной местностью или команда не знает о скрытых рифах. Если судно парусное, то в шторм паруса может порвать ветер, двигатели могут отказать или сломаться рули, и тогда волны бросают неуправляемое судно на камни. Маяк действительно спасает жизни, но море бывает очень опасным.

Амелия вдруг поняла, что не в силах вспомнить ни одного человека, с кем была на борту корабля. Ей стало интересно, путешествовала ли она в одиночестве или с кем-нибудь.

— Эван знает, что вы здесь? — спросил Габриель, прервав ее мысли.

— Нет. Он и дети ложатся спать, как только начинает темнеть. Дети просыпаются с восходом солнца, а Эван встает, когда еще темно.

— Вы предпочитаете поспать подольше? — спросил Габриель, вспомнив, что рассказывал ему Эван.

— Конечно. В это время очень холодно, и слишком рано, чтобы вставать. Очевидно, я не привыкла так рано вставать и ложиться после захода солнца.

— Наверняка в тюрьме вы вставали рано.

— Я не помню, чтобы когда-нибудь была в тюрьме. Я просто уверена, что девушка, которая опознала меня, ошиблась. Должно быть, она перепутала меня с кем-то другим. Я просто не знаю, как это доказать. — Она подняла руки, вытянула их перед собой, ладонями вверх. — Посмотрите, в каком состоянии мои руки, — попросила она.

Даже в полумраке наступающей ночи Габриель видел, что ладони девушки покрыты лопнувшими волдырями.

— Разве похоже, что эти руки когда-то выполняли тяжелую работу в тюрьме?

— Нет, — признал Габриель.

— Я надеюсь, что ко мне вернется память, и я смогу доказать, что я не Сара Джонс, условно освобожденная преступница. А пока я застряла здесь.

Отчаяние в голосе девушки тронуло Габриеля. Он вдруг ощутил, что сочувствует ей, и задумался, не произошла ли ошибка. Впрочем, маловероятно.

— Я лучше пойду, — решила девушка.

— Вы не побойтесь возвращаться в темноте? — спросил Габриель.

Амелия была тронута его заботой.

— А здесь есть какие-нибудь животные, которых мне следует бояться?
— спросила она.

— Нет, — улыбнулся Габриель.

Амелия почувствовала, как ее сердце учащенно забилося. Он был действительно очень красивым молодым человеком.

— Доброй ночи, — прошептала она.

— Доброй ночи, — ответил он. — Спускайтесь осторожно.

Амелия повернулась и сделала несколько шагов вниз по винтовой лестнице. Она снова взглянула на Габриеля. Свет прожектора на мгновение осветил его лицо. Амелия увидела теплоту во взгляде Габриеля, и ее сердце вздрогнуло.

На ослабевших ногах Амелия осторожно ступала на каждую последующую ступеньку, но она уже знала, что вернется сюда снова.

Глава 6

Кейп-дю-Куэди

Последующие несколько дней Амелия не очень преуспела в приготовлении овсянки. Эван жаловался, что каша либо слишком жидкая, либо слишком густая. Амелия все никак не могла сварить ее правильно. Эван даже удивился, что она не сожгла кашу. Однако девушка нашла общий язык с коровой. Если прежде, чем подоить животное, Амелия отводила корову на лужайку с сочной травой, то она стояла спокойно намного дольше. Амелия также убедила Сисси, Розу и Бесс принимать ванну, предоставив им свой домик, чтобы они могли уединиться. Девочки не просили ее об этом, но она знала, что в этом возрасте они смущаются своих родственников, особенно отца. Сама же Амелия купала Майло, Джесси и Молли, которые были еще слишком маленькими и не стеснялись. Девушка не видела, чтобы Эван принимал ванну, но он хорошо мылся через день, от него уже дурно не пахло. Амелия надеялась, что, когда настанет тепло, он будет мыться чаще.

Однажды она перебирала ящик с продуктами в поисках соли и наткнулась на листы с какими-то записями. Разглядев их, она поняла, что это уроки для детей.

— Разве дети не должны выполнять эти задания? — спросила она Эвана, когда он пришел на обед.

Эван неохотно пробурчал, что у него нет времени следить за этим, но помнил, что его жена учила детей каждый день какому-нибудь новому слову. Она объясняла значение слова, его произношение, но занятия закончились в день ее смерти. Это была еще одна причина, по которой Эван чувствовал себя виноватым, но он сказал себе, что его основная обязанность перед детьми — накормить их и защитить от всяческой опасности.

Амелия просмотрела бумаги и поняла, что все задания довольно стандартные и различаются лишь уровнем сложности для четверых старших детей.

— Разве вы не хотите, чтобы ваши дети учились? — спросила она Эвана.

— Для Майло это будет важно, но для девочек это не имеет уж такого большого значения. Они просто должны будут выйти замуж и родить детей.

— Это все, на что, по вашему мнению, способны ваши девочки?

Родить детей? — ахнула Амелия.

— Конечно. Они больше ничего не могут.

В это время на обед пришли дети.

— Не могу поверить, что вы считаете, будто образование для женщины совершенно не важно, — проговорила Амелия. — Ужасно так думать. Каждый должен уметь писать и считать.

Эван равнодушно пожал плечами и уселся за стол.

— Кажется, вы забыли помыть руки. — Амелия держала его тарелку в руках.

Хозяин дома недоверчиво взглянул на нее, но встал из-за стола и помыл руки. Дети последовали его примеру.

— А ты умеешь читать или писать? — спросила Амелию Сисси, когда девушка поставила тарелку перед ее отцом. Впервые девочки проявили к Амелии интерес.

— Конечно умею.

— Откуда ты знаешь? — спросил Эван, засовывая картофелину в рот.

Амелия недоуменно посмотрела на него.

— Просто знаю, — ответила она.

— Если ты лишилась памяти, почему ты в этом уверена?

Амелия чувствовала, что глаза всех детей устремлены на нее. Она знала, что Эван неспроста задал ей этот вопрос. Она достала старую газету из поленницы и открыла ее. Амелия начала читать вслух первую попавшуюся статью. Слова быстро слетали с ее губ, а голос звучал уверенно.

— *«НОВОГОДНИЙ КОШМАР. Первый день нового года был омрачен более чем необычным и дьявольским происшествием. Ровно год назад в праздники были отмечены обычные незначительные правонарушения, если подобным образом можно назвать произошедшее, но в этом году новогодний праздник превратился в неслыханный доселе кошмар. Покой в городе был нарушен в полночь с первым ударом часов. Банда мародеров, продвигаясь по улицам, разбивала двери и окна, фонари, бросая в окна банки, гвозди и т.п.»*

Эван перестал жевать и сидел с открытым ртом. Затем он проглотил еду, сделал большой глоток воды из кружки.

— Ты хорошо читаешь, — заметил он. — А можешь складывать числа?

— Конечно могу, — уверенно ответила Амелия. — Пятьдесят четыре плюс сорок семь будет сто один. — Она ощутила гордость, показав Эвану, что и у женщины есть мозги, которых хватает не только для того, чтобы

готовить еду.

— Ты сложила это в уме? — Эван удивленно посмотрел на нее.

— Совершенно верно.

— А кто такие мародеры? — спросила Роза.

— Группа непослушных мужчин, — ответила Амелия. — В данном случае, — добавила она, снова заглянув в газету, — они ходили по улицам, шумели и причинили немало неприятностей.

— Ты можешь учить старших девочек читать и складывать числа, — заключил Эван. По выражению его лица Амелия заметила, что хозяин, пожалуй, наконец-то нашел ей хорошее применение. Она не поняла, но фермер был очень удивлен тому, что она так образованна. Девушка, очевидно, училась больше, чем он сам.

— Когда же мне это делать? — спросила она и стала подавать еду детям.

— Ты только что сказала, что образование очень важно для девочек, — ответил Эван.

— Конечно, но работа, которую вы мне поручаете, занимает весь день, а иногда еще и половину ночи. — Последние дни Амелия так уставала, что не могла пойти к маяку, хотя ей очень хотелось.

Эван нахмурился. Он понимал, что придется пойти на уступки, но это совсем ему не нравилось.

— Я не потерплю шантаж, — твердо заявил он. — Как я сказал, девочки выйдут замуж и родят детей. Им не надо уметь писать или читать, а тебе нужно выполнять все свои обязанности.

Амелия промолчала. Ей ничего не оставалось, как только быть терпеливой и выиграть время.

На следующий день Амелия копалась на огороде вместе с Джесси и Молли, когда появился Габриель.

— Здравствуйте, Сара, здравствуйте, девочки, — проговорил он.

Амелия поднялась, распрямив ноющую спину.

— Добрый день, Габриель, — тихо произнесла она.

Девушка с горечью осознала, что выглядела сейчас не лучшим образом. Хотя с моря дул прохладный ветер, Амелия вся вспотела от работы и была почти уверена, что ее лицо испачкано землей.

Габриель заметил, что Амелия работает в перчатках, чтобы защитить руки.

— Разве дождь, что был сегодня ночью, не смягчил землю?

— Только сверху. Почва внизу твердая, как камень. — Амелия

выкопала некоторые овощи, очистив большую грядку от сорняков. — К сожалению, валлаби предпочитают овощи сорнякам. Нетронутыми остаются только те овощи, что растут в земле.

Кенгуру пришли рано утром, а потом еще и вечером. Эван увидел, что Амелия с восхищением наблюдает за ними, и отчитал девушку за то, что она не отогнала валлаби.

— Нельзя их винить, — ответил Габриель, и Амелия улыбнулась, У него определенно было доброе сердце. Иногда девушка полагала, что у Эвана Финнли в груди камень вместо сердца.

— Думаю, я недавно видела ежа, но девочки сказали, что никогда не слышали о еже, — проговорила Амелия.

— В Австралии нет ежей.

— Да? Это было очень похоже на ежа.

— Это была ехидна. На острове они более светлой окраски, чем на Большой земле.

Амелия попыталась вспомнить, видела ли она ехидну раньше, но не смогла. Но почему же она что-то помнит, а что-то нет?

— Сейчас как раз конец их брачного периода, — объяснил Габриель. — Самка ехидны тоже имеет сумку, как у кенгуру. Через три недели после спаривания она откладывает единственное яйцо и помещает его в сумку. Примерно через десять дней из яйца вылупляется детеныш.

— Как занимательно.

Девочки дружно засмеялись, повторяя слово *детеныш*.

— Откуда вы столько знаете о повадках ехидны? — спросила Амелия.

— Смотрители маяков много читают, — улыбнулся Габриель. — А у вас на крыше по ночам сидят опоссумы?

— Я слышала какие-то звуки, но не осмелилась посмотреть, кто их издает.

— Это безобидные существа, ведущие ночной образ жизни, но если оставить дверь или окно открытыми, они залезут внутрь и перевернут все вверх дном в поисках еды. Большинство животных на острове совершенно не представляют никакой опасности, за исключением некоторых змей. Они любят погреться на солнышке, так что смотрите под ноги в теплые, солнечные дни. Если вы не будете к ним близко подходить, змеи не причинят вам вреда.

— Спасибо, я всегда смотрю под ноги.

— А где Эван?

— Папа в доме, — ответила Молли. — А что у тебя в мешке?

На плече Габриель держал мешок.

— Сюрприз, — ответил он со смехом.

Габриель пошел к дому, а девочки побежали за ним. Амелия смотрела им вслед. Внезапно она придумала, что может предложить Эвану.

— Эван, я принес муки, — сказал Габриель.

— Я благодарен, но не хочу стеснять тебя.

— Ты меня не стеснишь. Корабль с продуктами приходил вчера.

Эван удивился.

— Это была специальная остановка. Корабль вернется в конце месяца и привезет весь наш провиант, как было оговорено заранее.

— Тогда почему он останавливался вчера?

— Он привез на маяк сменщика с женой и достаточно продуктов: их хватит до конца месяца.

Эван удивленно посмотрел на Габриеля.

— Они только сейчас решили прислать сменщика?

— Да, как ты знаешь, сменщика обещали мне, когда я только прибыл сюда, поэтому я даже перестал надеяться, что они все-таки пришлют кого-нибудь. И вот вчера прибыл корабль с Эдгаром Диксоном и его женой.

— Черт возьми! Это здорово, Габриель. Я знаю, как тяжело выполнять всю работу одному.

— Если честно, то я уже вошел в режим и привык к собственному обществу.

Эван отлично его понимал.

— А что за люди эти Диксоны?

Амелия вошла в дом, держа в руках ведро с овощами, которые она собиралась помыть. Девушка услышала вопрос Эвана, и ей стало любопытно, о ком разговаривают мужчины.

— Эдгар англичанин. Ему примерно шестьдесят лет. Его жена, Карлотта, — молодая итальянка.

Амелия заметила, как Габриель подмигнул Эвану, а тот удивленно поднял густые брови. Их реакция еще больше возбудила любопытство девушки.

— О ком вы говорите? — Амелия посмотрела на Габриеля.

— Не твое дело, Сара, — бросил Эван.

— Сара тоже должна знать, с кем нам придется жить бок о бок здесь, на краю света, — примирительно произнес Габриель. Амелия была благодарна ему за это. В отличие от Эвана, он не заставлял ее чувствовать себя человеком второго сорта.

Эван крикнул, но не стал возражать.

— Я только что рассказал Эвану, что вчера сюда прибыл мой сменщик

с женой.

— Сменщик? Вы уезжаете? — Амелия почувствовала, что ее мир станет намного мрачнее, когда в нем не будет Габриеля. Хотя они едва были знакомы, мысль о том, что она может поговорить с ним в любой момент, очень помогала Амелии.

— Нет, он здесь, чтобы разделить обязанности. Мне должны были подобрать сменщика, когда я только приехал сюда девять месяцев назад. За это время я уже не надеялся никого здесь увидеть. Но теперь мы с Эдгаром разделим дежурство на двоих. В зависимости от времени года я работаю по четыре или шесть часов, и он составит мне в этом компанию. Я просто говорил Эвану, что уже привык делать все один, но дежурить двенадцать часов в день осенью и зимой слишком тяжело для одного человека. Хотя я и делал свою работу как следует, признаюсь, что нелегко сохранять концентрацию по ночам.

— Еще бы, — проговорила Амелия.

— А жена этого Эдгара Диксона говорит по-английски? — спросил Эван.

— Да, и вполне прилично, но иногда забывается и начинает говорить по-итальянски, Эдгар говорит, что не понимает ни слова. Но, может, это даже к лучшему?

— А он раньше работал смотрителем?

— Да, на островах Мэн и Корнуол. Он приехал в Австралию попытать счастья на золотых приисках Балларт. Там он и познакомился со своей будущей женой. Их палатки оказались рядом. Она одна из одиннадцати дочерей своих родителей. У Эдгара даже не было никаких романтических планов на их счет, но отец Карлотты попросил взять его дочь в жены. Он говорил, что на прииске от них мало проку, и хотел избавиться хотя бы от одного рта. У Эдгара есть дети в Англии, но его первая жена давно умерла. Он считает, что Карлотта не в восторге от своего замужества, но ее отец не оставил ей выбора.

— Как думаешь, она выдержит пребывание в такой изоляции? — спросил Эван.

— Пока не знаю. Эдгар был расстроен, когда узнал, что я не женат. Думаю, он надеялся, что у Карлотты будет подруга, с кем можно общаться.

Амелия подумала, что, скорее всего, Эдгар был расстроен тем фактом, что здесь его встретил видный и не женатый молодой человек, который вполне может завладеть вниманием его собственной жены. Карлотта же, скорее всего, была приятно удивлена, увидев Габриеля, и наверняка обрадовалась, узнав, что он не женат.

— Они расположились в твоём доме? — спросил Эван.

Амелия прислушалась. Ей самой хотелось это узнать.

— Вчера они ночевали со мной, но сегодня мы с Эдгаром освободили для них комнату в строении для припасов. Ещё раньше я все раскидал, но вчера, когда мы аккуратно все сложили, для них оказалось достаточно места. В прошлом в этом доме жили два смотрителя с семьями, поэтому там должно быть вполне удобно. Я, пожалуй, пойду. Сегодня я первый заступаю на смену, но теперь могу надеяться, что ночью буду спать.

— Думаю, нам надо пойти познакомиться с Диксонами. — Амелия обратилась к Эвану, когда они сидели за столом. На ужин была баранина, вареная картошка и морковь. Амелия задумалась, ест ли Габриель итальянскую еду.

— Мы? — с сарказмом переспросил Эван.

— Да, так поступили бы хорошие соседи. — Амелия не обратила внимания на насмешливый тон.

Эван посмотрел на нее.

— Что такое? — удивилась она.

— Почему тебя так интересуют Диксоны?

— Любопытство здесь ни при чем. Мы же просто их единственные соседи, не так ли?

— Меня не интересуют все эти церемонии, — отрубил Эван.

— Как знаете, — спокойно сказала Амелия.

— Я бы хотела познакомиться с ними, — произнесла Роза.

— И я, — добавила Молли.

Эван продолжал смотреть в свою тарелку.

— Могу я завтра отвести туда детей? — спросила Амелия.

Эван взглянул на нее и нахмурился.

— Мне надо напоминать тебе, что ты рабочая сила, заключенная, отбывающая наказание, а не хозяйка, приветствующая новых соседей? Занимайся своими делами. — Он встал, — Я еще не закончил загон для овец, а остался всего час до темноты. Майло устал. Проследи, чтобы он сегодня лег спать раньше. — Эван вышел из дома.

Амелия вздохнула. Ей было больно каждый раз, когда ей напоминали, что она преступница. Девушка взглянула на Розу, Бесс и Молли. Они были расстроены и смотрели на Амелию так, словно она была виновата. Сисси же вообще не смотрела на нее.

На следующее утро Амелия заметила, что Эван помылся и надел чистую рубашку. Поскольку это было не воскресенье, Амелии стало

любопытно, почему он отступил от будничного распорядка дня, но она молча продолжила заниматься делами. Когда Амелия вышла на улицу, чтобы прополоть грядки, Эван взял Майло на руки и направился в сторону маяка.

— Старый носатый брюзга пошел проведать новых соседей, — проговорила она себе под нос.

Сисси возникла сзади Амелии и посмотрела на нее. Амелия задумалась, могла ли девочка слышать, что она сказала об ее отце.

— А куда пошел папа? — спросила Сисси.

— Он направился в сторону маяка, надев чистую рубашку, — ответила Амелия.

— Он собирается познакомиться с новым смотрителем маяка и его женой, — решила Сисси.

Амелия кивнула.

— И они подумают, что мы все носатые, — раздумывала Сисси.

Амелии было интересно, расстроилась ли Сисси, что отец не взял с собой ее с сестрами. Девушка видела, с каким трепетом и вниманием Эван относится к своему сыну и знала, что это несправедливо по отношению к его дочерям.

Продолжив копаться в огороде, Амелия увидела, как Сисси и Роза взяли из котла горячей воды и начали стирать грязную одежду. Они послали Бесс, Молли и Джесси накормить кур и собрать яйца. Обычно девочки не помогали ей, и Амелия была немало удивлена.

Эван вернулся примерно через час и не сказал ни слова. Он переоделся в свою старую рубаху и отправился доделывать загон для овец, чинить изгородь.

Амелия была в доме, когда все пять девочек вошли в комнату. Амелия только что закончила мыть овощи.

— Папы не будет часа два, — сообщила Сисси. — И Майло он забрал с собой.

— Да, действительно. Девочки, вы хотите прогуляться? — спросила она.

В ответ они улыбнулись ей.

— Да, — согласилась Сисси. — Можно отправиться к маяку.

— Отличная идея, — поддержала ее Амелия. — Только дайте мне пять минут, чтобы собраться.

— Мы тоже должны собраться, — обратилась Сисси к своим сестрам, и они побежали в свою комнату, а Амелия отправилась в свой домик. Предвкушение знакомства с новыми соседями, охватившее девочек,

напомнило Амелии, что они вовсе не горели желанием познакомиться с ней, когда она появилась здесь. Она могла только догадываться, что Эван рассказал своим дочерям о ней.

И вот они вшестером отправились к маяку. Когда девочки вместе с Амелией вышли на открытое место, где стояли дома и маяк, Эдгар Диксон и его жена появились из дома, служившего хранилищем продуктов и вещей, в котором теперь они обосновались.

— Здравствуйте, — поздоровалась издали Амелия.

— Здравствуйте, — поздоровался в ответ Эдгар Диксон. — Вы, должно быть, с фермы Финнли.

— Совершенно верно, — проговорила Амелия, когда она с девочками подошла к дому.

— Меня зовут Эдгар Диксон, а это моя жена, Карлотта, — произнес он.

Эдгар был невысоким мужчиной с доброй улыбкой. Амелия тут же подумала, что Эдгар выглядел настолько старым, что мог бы быть отцом своей жены.

Карлотта была миниатюрной женщиной, не лишенной форм, с черными как смоль волосами. Она одарила Амелию быстрой и холодной улыбкой, оглядывая ее с ног до головы, но затем более тепло улыбнулась детям, назвав их *bellissimibambini*^[1].

— Меня зовут... Сара Джонс, — заговорила Амелия. Ей было очень странно произносить это имя. — Это Сесилия, Роза, Бесс, Молли и Джесси. Полагаю, вы ранее уже познакомились с их братом Майло и отцом Эваном.

— Да, действительно. Вы замечательная семья, — произнес Эдгар.

— Мы пришли, чтобы поприветствовать вас здесь, — проговорила Амелия.

— Спасибо, — ответил Эдгар, улыбаясь.

Амелия посмотрела на скалы, на линию берега, тянувшуюся вдаль. Вид был захватывающим. В тот день, когда Эван утянул ее за собой на ферму, у нее не было возможности оценить эту красоту.

— На вид из окна вы явно не сможете пожаловаться, не так ли? — спросила она.

— Да, вид весьма живописный. Вы давно здесь?

— Не очень.

— Тогда не имеет смысла спрашивать вас, как вы справляетесь с тем, что находитесь в такой изоляции?

— Вы правы, но могу сказать, что по большей части здесь ветрено и часто идут дожди.

— Я просто не представляю, как Карлотта будет переносить удаленность от цивилизации, — начал Эдгар. — Она из очень большой семьи, и возможно, ей будет не по себе, когда вокруг мало людей.

— Полагаю, нужно время, чтобы к этому привыкнуть, — заметила Амелия. Она улыбнулась Карлотте. — Но я уверена, что все образуется.

В это время из своего дома вышел Габриель, и Амелия заметила, как глаза Карлотты загорелись.

— *Ah, il bell'uomo*, — прошептала она.

Амелия не поверила своим ушам, что Карлотта только что назвала Габриеля «красавцем». Да еще при муже. Но потом она вспомнила, что Габриель говорил, что Эдгар не понимает ни слова по-итальянски. «Но я поняла, — удивилась Амелия. — Как же это возможно?»

— Здравствуйте, Сара, — произнес Габриель, подходя к ним. — Здравствуйте, дети, — добавил он, улыбаясь девочкам. — Эван не говорил, что вы собираетесь прийти. — Габриель встал рядом с Амелией.

— Это было неожиданным решением, — ответила Амелия.

По легкому румянцу на щеках девушки, Габриель понял, что Эван не знает об их визите.

— Понятно. — Он заговорщически подмигнул Амелии.

Амелия бросила взгляд на Карлотту и увидела, что женщина смотрит на нее.

— *Unacriminate*, — едва слышно проговорила она, но Амелия все расслышала.

Очевидно, что Эван рассказал Диксонам, что она осужденная. Вся радость от встречи с ними тут же испарилась.

— Мы, пожалуй, пойдем, — заторопилась Амелия.

— Вы можете задержаться, чтобы выпить чаю, не так ли? — спросил Габриель.

— Нет, у меня много дел. Возможно, в другой раз.

— Жаль, — ответил он и улыбнулся Карлотте.

— *Quando lei mi guarda, il mio cuore s'intenerisce*, — вздохнула она.

— Простите, я не понимаю, — смутился Габриель.

— Я сказала, что мы выпьем чаю в другой раз, *vero?* — произнесла Карлотта.

Амелия была шокирована. На самом деле Карлотта сказала следующее: «Когда ты смотришь на меня, я таю». Внезапно Амелия совершенно четко поняла, что Карлотта причинит Габриелю неприятности. Она должна предупредить его, и как можно скорее.

Глава 7

Кингскот

Колокольчик на двери ателье миссис Барнс отозвался мелодичным звоном, когда Эдна и Сара вошли. Дав несколько дней отдохнуть своей подопечной и хорошо покормив ее, чтобы девушка набрала вес, Эдна решила, что пришло время заняться внешним видом Амелии. Она не хотела плохо думать о девушке, но, по мнению Эдны, нужна огромная работа над внешним видом ее подопечной. Только в этом случае в будущем девушка сможет привлечь потенциального мужа. Эдна решила, что наконец-то настало время для визита к Норме Барнс.

— Доброе утро, Норма, — поздоровалась Эдна.

Они едва заметили хозяйку. Девушка сидела в дальней части магазина, за педальной швейной машинкой, окруженной рулонами ткани. В витрине ателье стояли манекены, одетые в платья и шляпки различных фасонов, а за ними лежало множество разнообразных пуговиц, бантов, блесков и ленточек.

— Доброе утро, Эдна, — ответила Норма, вставая из-за машинки. Ее черное платье было усеяно обрывками ниток и кусочками ткани. Они даже были у нее в волосах.

— Хочу познакомить вас с моей подопечной, Амелией Дивайн, — произнесла Эдна, заботливо убрав ниточку из волос Нормы.

Сара улыбнулась Норме, худощавой, скромной женщине, примерно тридцати лет, которая была явно смущена тем, что Эдна решила привести ее прическу в порядок.

— Доброе утро, — тихо поздоровалась Сара.

— У вас бристольский акцент? — поинтересовалась Норма.

У Сары от страха закружилась голова.

— Конечно нет, — резко ответила Эдна. — Мы из Хенли-он-Темз. Мы с матерью Амелии выросли в графстве Южный Оксфордшир.

— О, — сконфузилась Норма. Обычно она всегда точно определяла акцент.

— У меня есть близкая подруга из Бристоля, — добавила Сара, чувствуя, как она краснеет. — Возможно, ее акцент повлиял на меня.

— Наверняка, — согласилась Норма. — Я слышала, что у мыса Кейп-дю-Куэди затонул корабль. Вы были на борту?

— Да, была. — Сара отчаянно старалась скрыть свой акцент.

Эдна не удивилась, что новость уже стала достоянием общности. Такое вполне нормально там, где живет немного людей.

— Амелия — одна из двух спасшихся при крушении «Антилопы». Она потеряла свою спутницу, которая сопровождала ее, — сообщила Эдна.

— О боже! — воскликнула Норма. — Какой ужас!

Эдна уже рассказала ей, что ее подопечная приехала к ней после гибели своих родителей. Норма сокрушалась, что на долю одного человека выпало столько страданий.

Норме хотелось бы узнать все подробности крушения. Она была дамой весьма любопытной, общительной, но Эдна с Амелией пришли сюда по делу.

— Теперь мы будем опекать Амелию, — улыбнулась Эдна и обняла Сару. — Норма удивительная портниха, — обратилась Эдна к Саре. — Она может превратить робу в бальное платье.

— О, перестаньте, Эдна, — смутилась Норма. Но похвала ее порадовала.

— Амелия, Норма действительно, может сделать что-нибудь замечательное буквально за несколько минут.

Сара видела, что Эдна льстит портнихе, но Норме явно это нравилось.

— Не знаю, за несколько ли минут, но я всегда много работаю. Семья почти не видит меня дома. Уильям говорит, что я могу вообще поставить здесь кровать.

— Если бы все было по-моему, то ваш муж и дети с сегодняшнего дня видели бы вас еще реже, — проговорила Эдна. — Амелии нужен новый гардероб. Когда корабль утонул, она лишилась всего.

Сара практически услышала звонок кассы у Нормы в голове. Эдна была хорошим клиентом.

— Как я сказала, в данный момент я занята, — начала Норма. — Миссис Френсис заказала несколько новых платьев, а жена капитана Картрайта вообще сделала большой заказ. Вы же знаете, сколько порой она заказывает.

Сара провела пять лет среди воровок и мошенниц и понимала, к чему клонит Норма. Она явно завышала цену.

— Конечно, знаю, — ответила Эдна, — но у нее столько одежды, что легко хватит на три жизни. А здесь совсем иная, можно сказать, чрезвычайная ситуация. Как вы видите, бедняжке Амелии пришлось надеть мое старое платье и занять пару туфель.

— О боже! — Норма оглядела Сару с головы до ног. — Я не буду спать по ночам, сотру пальцы до кости, но обязательно сделаю так, чтобы у

девушки были лучшие наряды.

— Я была бы очень вам благодарна, Норма. И конечно же, ваши старания будут вознаграждены. — Эдна улыбнулась.

— Давайте снимем мерки, хорошо? — предложила Норма. У нее на шее висел сантиметр, она нашла листок бумаги и перо, чтобы записать размеры.

Они выбрали цвета и фактуру тканей, потом Эдна отвела Сару в обувной магазин на Мюррей-стрит, где они приобрели несколько пар новых туфель, затем зашли в другой магазин и купили нижнее белье. Сара была бесконечно счастлива, придя домой с кучей сумок и коробок. С каждым днем она понимала, что ей будет все труднее и труднее отказаться от роли Амелии Дивайн. Она начала привыкать к богатой жизни.

Норма была верна своим словам и через несколько дней, в субботу после обеда, прислала первые два платья с обещаниями, что за ними последуют и другие. Эдна решила, что раз у ее подопечной есть новые платья, то теперь можно заняться ее прической. Вечером Эдна вымыла Саре волосы и накрутила пряди ее волос на полоски ткани. Утром в воскресенье, когда полоски сняли, на голове у девушки были пушистые кудрявые волосы.

Сара была в полном восторге, она даже не могла узнать себя в зеркале.

— Амелия, почему ты так удивлена? Камилла ведь всегда делала тебе подобные прически, — заметила Эдна. Из писем она знала, что ее подруга без конца баловала свою дочь.

— О! Да-да, конечно, но... это было уже давно, — смутилась Сара.

Эдна нахмурилась. Камилла и Генри умерли не так давно.

— Твоя мать очень любила кудряшки, поэтому я удивлена, что она не завивала тебе волосы каждую ночь.

— Она завивала... когда я была маленькой, — в смятении проямлила Сара. — Но потом, когда я повзрослела, я предпочла закалывать волосы.

— Полагаю, мода меняется. Но теперь у тебя замечательная прическа, не так ли?

— Да, замечательная. — Впервые за всю свою жизнь Сара подумала, что выглядит почти красавицей. Кудряшки смягчили ее острые черты лица, узкий нос и тонкие губы. Рассматривая себя в зеркале, она едва сдерживала слезы. Сара хорошо помнила свою тюремную прическу, напоминавшую грязную швабру.

Обед готов, объявила Полли, как только Лэнс появился на пороге дома.

Сара была в новом платье небесно-голубого цвета, простого покроя. Под платьем на Саре было новое нижнее белье, а на ногах красовались новые туфли. Лэнс ничего не сказал о ее новом наряде, что очень расстроило Сару. Он был так красив, что она затаила дыхание. С тех пор как Лэнс сказал ей, что возьмет ее на прогулку в воскресенье после обеда, Сара внимательно следила за погодой. Каждый час она выглядывала из окна или выходила из дома, чтобы посмотреть, не собираются ли тучи. Она также надеялась увидеть его на улице в соседнем доме.

— Всем доброго дня, — поздоровался Лэнс. — Погода замечательная, Амелия, поэтому мы можем отправиться на прогулку после обеда, если ты, конечно, не против.

— О да! — радостно воскликнула Сара, но тут же пожалела о своей излишней горячности. Ей хотелось выглядеть заинтересованной, но не слишком. — Конечно... если ты не против, если тебя это не затруднит, — продолжила она. Сара не хотела отпускать с крючка молодого человека, ведь она всю неделю мечтала об этой прогулке.

— Вообще-то у меня есть еще некоторые дела, — заметил Лэнс.

Сердце Сары сжалось.

— Лэнс! — резко произнесла Эдна, и Лэнс тут же улыбнулся.

— Я просто дразню Амелию, мама. Я с нетерпением жду возможности все ей здесь показать.

Лэнс видел, что Амелия очень постаралась и теперь выглядела мило, но ни кудряшки, ни красивые наряды не сделали из нее ту красавицу, которую он ожидал увидеть.

Сара не могла понять по его тону, то ли Лэнс старается быть вежливым, то ли он просто чувствует себя обязанным сдержать свое обещание свозить ее на прогулку. Но Сара надеялась, что он, как и она, с нетерпением ждет, когда они смогут провести время вдвоем.

Сара не помнила, как прошел обед. Она была настолько возбуждена предстоящей поездкой, что едва притронулась к еде.

Полли приготовила на десерт рисовый пудинг, но Сара вообще отказалась от сладкого.

— С тобой все хорошо? — спросила Эдна. Она не могла не заметить, что аппетит ее подопечной совсем не такой, каким был всю неделю. Девушка даже немного поправилась, что ей было только на пользу.

— Все в порядке, тетя Эдна. Я просто не хочу наедаться перед прогулкой с Лэнсом.

— Мы сохраним твой пудинг до вашего возвращения, — заверил Чарльтон.

Лэнс повез Сару по Роусон-стрит, затем они свернули на Эспланейдроуд и поехали вдоль побережья. Был солнечный день. С моря дул легкий ветерок, но Сара не замечала этого. Близость Лэнса, который сидел рядом с ней в открытом двухместном экипаже, кружила ей голову. От него исходил приятный запах, и он, без сомнения, был самым красивым молодым человеком, которого Сара видела в своей жизни. Оттого что Лэнс был рядом, Сара лишилась дара речи, а ее сердце готово было выпрыгнуть из груди.

Несмотря на все размышления о том, как ей повезло или как она сейчас счастлива, Сара помнила, что всего лишь пару недель назад она была в тюрьме, а в будущем ее не ожидает ничего хорошего. Она отчаянно старалась отбросить воспоминания о той жизни, потому что ведь одного неосторожного слова достаточно, чтобы снова оказаться в тюрьме. Необходимо сохранять крайнюю осторожность.

И все же она радовалась обретенной свободе. После тюремного смрада она с удовлетворением глубоко вдыхала свежий морской воздух, подставляла лицо к солнцу, чтобы ощутить тепло его лучей.

Лэнс нашел ее поведение странным, но промолчал. Он отвез Сару в Биарс-Пойнт, где они прошли по пристани, останавливаясь, чтобы понаблюдать, как рыбаки скармливают пеликанам остатки своего сегодняшнего улова. Некоторые птицы были почти ручные, и Сара смеялась над их повадками.

— Я привозил тебя сюда однажды вечером, чтобы посмотреть, как пингвины возвращаются домой, — произнес Лэнс. — За ними очень интересно наблюдать. Как глупо с моей стороны, Амелия, ты ведь жила на побережье, не так ли? Ты же много раз видела пингвинов.

— Вообще-то нет, — ответила Сара, не желая упустить возможность посмотреть на них вместе с Лэнсом. — Я никогда не обращала на них внимания, когда мы жили в Хобарте, но я с удовольствием посмотрю на них.

— Хорошо. Тогда скоро увидим.

Сара заметила, что Лэнс с недоумением наблюдает за ней.

— Что-то не так? — спросила она его с волнением.

— Все нормально, — ответил Лэнс. Его удивляло беззаботное поведение Амелии. Либо она очень хорошо скрывает боль утраты своей семьи, либо легко отнеслась к смерти родителей и брата. Он не мог определить, что же на самом деле чувствует Амелия. А ведь если она скрывает свои чувства, то это может привести к нервному срыву.

Когда они вновь уселись в экипаж, Сара спросила Лэнса, много ли в

городе одиноких женщин.

Вопрос удивил его. Лэнс тут же подумал, что не зря волновался о состоянии здоровья Амелии.

— Собственно говоря, не много, — смутился он.

— Поэтому ты все еще остаешься холостяком? — спросила Сара.

Лэнса снова поразила прямота Амелии.

— Нет. Ну... возможно. — Он не знал, что ответить. — У меня много работы в банке. Мне приходится заниматься важными делами, поэтому я не очень-то задумывался о браке.

— Конечно, ты встречаешься с девушками из города, — продолжала настаивать Сара.

— Встречаюсь, но все это несерьезно. — Лэнс почувствовал себя неуютно от таких личных вопросов.

Сара обрадовалась его ответу и улыбнулась.

Лэнс заметил ее улыбку. Ему стало не по себе.

— А как дела у тебя? — поинтересовался он, желая сменить тему разговора. — Ты оставила кого-то, кто особенно дорог тебе в Хобарте?

— Нет, — быстро ответила Сара.

По блеску в глазах Амелии, Лэнс тут же понял, что она истолковала его интерес по-своему.

— Я уверен, ты захочешь вернуться в Хобарт-Таун, когда утихнет боль, — равнодушным тоном произнес он.

Сара заметила перемену в его настроении. Лэнс стал официально вежлив, и она подумала, что, возможно, обидела его.

— Вряд ли, — ответила Сара. — Мне надо о многом подумать, у меня будет очень много дел... раз я унаследую все семейное имущество. — Она хотела, чтобы Лэнс знал, как она будет обеспечена. Сара надеялась, что, будучи наследницей, станет для него более привлекательной. — Как работник банка, ты должен меня понимать.

— Да, конечно. — Лэнс продолжал смотреть на дорогу. Его смущало, что Амелия так открыто намекает на свое богатство.

— Твой отец сказал, что поможет мне, но надеюсь, я смогу рассчитывать и на тебя.

— Я готов оказать любую помощь, но мой отец гораздо лучше разбирается в подобных вещах. Вот почему твои родители назначили его и мою мать твоими опекунами.

Сара почувствовала холодность в его словах.

— Не знаю, что бы я делала без поддержки твоих родителей. Они замечательные люди. — Она не хотела называть их *дядей* и *тетей*, боясь,

что в таком случае Лэнс будет чувствовать себя кузенком, а не потенциальным кандидатом в женихи.

— Мои родители действительно очень заботятся о тебе, — продолжал Лэнс. Он не мог понять, почему она ни словом не обмолвилась про свою семью, не сказала, как ей их не хватает. — Даже не могу себе представить, как велико твое горе, ведь ты потеряла свою семью.

— Мне даже страшно думать об этом, — быстро ответила Сара.

— Может быть, тебе станет легче, если ты будешь говорить об этом, — предложил Лэнс.

— Нет, не поможет, — твердо заявила Сара. Она слишком мало знала о семье Амелии, поэтому было разумно применить именно такую тактику.

Лэнс был поражен.

— Я не специалист, Амелия, — мягко произнес он, — но, полагаю, плохо держать все в себе.

— Я справлюсь с этим сама, — не сдавалась Сара.

— Что ж, когда захочешь поговорить, ты знаешь, что я тебя охотно выслушаю.

— Спасибо, Лэнс. Мне помогают такие прогулки. — Она повернулась к нему и улыбнулась.

— Значит, нам нужно сделать это снова, — заключил Лэнс, чувствуя себя виноватым за то, что был с Амелией чересчур официальным, а ведь она столько пережила.

— Я была бы рада, — улыбнулась Амелия.

Кейп-дю-Куэди

— Почему преступница прогуливается с детьми фермера, словно они ее собственные? — заинтересовалась Карлотта у своего мужа, уперев руки в крутые бедра.

Прошло несколько дней с тех пор, как они познакомились с Амелией и девочками, и каждый день она задавала один и тот же вопрос. Было раннее утро. После пары безуспешных попыток ответить на вопрос своей жены, Эдгар решил ее просто не замечать. Сейчас он писал в журнал отчет о дежурстве. Отчет должен был начинаться с описания погоды, которая была спокойной, а также содержать сообщения о каких-либо происшествиях. Пока, за те пять дней, что Эдгар был здесь, ничего необычного, полагал он, не произошло. Но, по мнению Карлотты, все было по-другому. Эдгар

совершенно не понимал, почему его жена так злится на женщину, которая работает на ферме Эвана. Он надеялся, что они могут стать подругами, но теперь, казалось, этому нескоро суждено случиться. Эдгар был женат на Карлотте всего два месяца, но уже успел узнать, что она не привыкла легко сдаваться. Если что-то приходило Карлотте в голову, то не было возможности ее отвлечь или успокоить. Вскоре после свадьбы Эдгар сделал невинное замечание о том, что платье не очень идет ей, и Карлотта три недели с обидой вспоминала его слова. Это послужило Эдгару уроком. Теперь он всегда долго думал, прежде чем что-то ей сказать.

Карлотта не видела, что Габриель стоял на пороге их дома.

— Сара может свободно передвигаться здесь, — проговорил он. — И думаю, с ее стороны очень мило, что она привела детей познакомиться с вами.

Карлотта повернулась и увидела, что Габриель улыбается. Она не могла поверить, что он не одобрил ее критику осужденной девушки.

— Ей надо запретить покидать ферму, — продолжала упорствовать Карлотта.

Габриель пожалел, что Эван рассказал Диксонам про то, что его помощница была условно освобожденной преступницей, но понимал, что Эван все же должен был как-то объяснить ее присутствие здесь.

— Почему? Все равно здесь некуда идти. Мы вдали от цивилизации, а отправиться в буш — настоящее самоубийство. И помните об этом, если вам вдруг захочется разведать окрестности. — Карлотта заметила, что в его голосе зазвучали язвительные нотки.

Габриель думал об этом визите работницы Эвана с детьми. Впервые после того, как умерла Джейн, он видел детей чистыми и опрятными.

— Сара принесет пользу детям Эвана, — добавил он.

Карлотте не нравилось, что Габриель защищает преступницу.

— Не понимаю, как эта *criminale* может оказать положительное влияние на *bambini*, — сердилась она.

— После смерти их матери они были лишены женского внимания, а это особенно тяжело для самых маленьких. Эван старается как может, но ему приходится очень много делать только для того, чтобы накормить их всех. — Габриель вспомнил, как Эван говорил ему, что его новая работница очень неумела в делах, но его сосед надеялся, что, по крайней мере, она будет примером его детям. — Вероятно, вам следует знать это: Сара не помнит, что она была в тюрьме, и, похоже, нет никаких доказательств, что она совершила какое-нибудь серьезное преступление. — Габриеля удивило то, что он защищал ее, но чем больше смотритель узнавал девушку, тем

больше он склонялся к тому, что она не похожа на преступницу.

Карлотта молча слушала его, злобно прищурившись. Есть ли какие-нибудь доказательства или нет, но итальянка была уверена, что этой девице нельзя доверять. И похоже, преступница уже успела обвести Габриеля вокруг пальца.

Карлотта приносила Габриелю еду и искала любой предлог, чтобы оказаться в его компании. Частые визиты к нему итальянки без сопровождения мужа стали причинять Габриелю неудобства, и он беспокоился, что такое пристальное внимание к нему с ее стороны может испортить зарождающуюся дружбу с Эдгаром. Сначала он принимал ее угощения из вежливости, но это лишь воодушевляло Карлотту. Чтобы отделаться от нее, Габриель запирался в маяке или шел к Эвану на ферму.

— Я сегодня готовлю особое итальянское блюдо, Габриель, — промурлыкала Карлотта. — Его готовила еще моя мама.

— Очень мило, что вы делитесь со мной своей едой, — произнес Габриель. — Но, честно сказать, я лучше буду готовить себе сам.

— Нет, — покачала головой Карлотта. — Мужчина не должен готовить для себя. Я буду готовить для вас, *vabene*?

— Я настаиваю, — рассердился Габриель. — У меня выработался определенный график, и я не хочу его нарушать. Вы понимаете, не так ли, Эдгар?

— Да, конечно, — согласился Эдгар, посмотрев на Габриеля. Он не осмелился взглянуть на жену, так как знал, что она по-прежнему сердится.

Если Габриель не ошибался, то Эдгар, несмотря на смущение, определенно вздохнул с облегчением.

Габриель вышел, не посмотрев на Карлотту, но он чувствовал, как она злится на него.

Амелия стирала, когда Габриель пришел на ферму. Она уже почти все развесила, с удовлетворением думая, что сильный ветер быстро высушит вещи.

— Эван готовит жаркое из свинины, — проговорила девушка, наморщив нос.

— Жаркое это хорошо для разнообразия, — улыбнулся Габриель.

— Я не собираюсь убивать свинью, не важно, сколько раз он прикажет мне это сделать, — заявила Амелия.

— Не думаю, что он попросит вас это сделать. Хотя...

— Уверена, что попросит, но это будет пустой тратой времени. Как складываются ваши отношения с Диксонами?

— Нормально. Эдгар — милый человек. — Габриель бы предпочел, чтобы он приехал без жены.

— Мне кажется, что вы что-то недоговариваете, — заметила Амелия.

— Карлотта, правда, слишком настойчива. Она все время старается накормить меня. Я только что сказал им обоим, что с этого времени я буду питаться сам. Надеюсь, она с уважением отнесется к моим желаниям, — вздохнул Габриель.

Амелия размышляла о своей способности понимать итальянский, знала, что может даже бегло говорить на нем.

— Я должна вам кое-что сказать, — начала она.

— Что же?

Их разговор прервал Эван, который в этот момент вышел из-за угла дома.

— Габриель. Не знал, что ты здесь, — произнес он, посмотрев на Амелию. Явно он не одобрял ее разговора со зрителем маяка.

Габриель понимал, о чем думает Эван. Его работница не должна тратить свое время на разговоры. К тому же она была привлекательной женщиной, чего Эван, конечно, не мог не заметить.

— Я только что пришел. Сара сказала, что вы готовите жаркое.

— Верно. Оно почти готово, поэтому я надеюсь, что моя доля свинины придет в конце месяца вместе с остальными продуктами. Я собирался сделать себе чаю. Не желаешь присоединиться?

— С удовольствием.

— Эван, — обратилась Амелия. — Прежде чем вы уйдете, я хочу вас попросить...

— О чем? — спросил Эван.

Ее тон пробудил в нем подозрения. Он был убежден, что ее просьба ему не понравится.

— Если я буду учить девочек, можете ли вы выделить мне свободное время после обеда по воскресеньям, чтобы я могла познакомиться с окрестностями? — Рассказы Габриеля о ехидне пробудили в ней интерес к местной флоре и фауне.

Габриель не удивился, что девушка достаточно образованна, чтобы помогать детям с уроками. Она явно была умной и понимающей, что тоже свидетельствовало против криминального прошлого Сары.

Эвана удивила подобная просьба. Амелия полагала, что при Габриеле он едва ли откажет ей или станет кричать. Эван взглянул на Габриеля.

— Конечно нет, — свирепо прогремел он.

— Я думаю, что это справедливо, — обрадовалась Амелия. — Я же по-

прежнему буду выполнять все свои обязанности.

— Конечно, тебе решать, Эван, но мне это кажется хорошей сделкой. — Габриель взглянул на друга. Он не хотел вмешиваться, но думал, что просьба девушки вполне разумная.

— Бывшая заключенная не должна торговаться, — бросил в ответ Эван и, отвернувшись, направился к дому.

— Конечно, ты прав, — рассудил Габриель, разозлив тем самым Амелию не на шутку. — Но девушка умеет читать и писать. И тебе придется согласиться.

Эван повернулся и молча посмотрел на Габриеля.

— Мне кажется, что ты только выиграешь от этой сделки, — тихо добавил Габриель.

Эван взглянул на Амелию. Она не знала, о чем он думает, и, затаив дыхание, ждала его ответа.

— Два часа, — согласился Эван. — У тебя будет два часа свободного времени, и считай, что тебе очень повезло.

— Три, — потребовала Амелия.

— Хорошо, три. Но если не придешь вовремя — сделка отменяется. И главное, надо чтобы у моих девочек было больше трех часов занятий в неделю. — Эван глубоко вздохнул, стараясь сохранять самообладание.

— Договорились. — Амелия была весьма довольна собой.

Эван направился к дому, а Габриель, прежде чем пойти за ним, хитро улыбнулся Амелии.

Когда они вошли в дом, Эван спросил Габриеля, как он ладит с Диксонами.

— Эдгар открытый и добродушный человек, хотя временами жена расстраивает его, — сообщил Габриель.

— Не удивлен, — заметил Эван. — Она ведь вдвое моложе его. Тебе стоит проследить, не засыпает ли он на вахте.

Габриель не опасался этого. Карлотта очень старалась усложнить жизнь своему мужу.

— Не думаю, что ему так уж легко жить со своей женой, — продолжал Габриель. Ему было действительно жаль Эдгара. — Очевидно, Эдгар понятия не имел, на что идет, когда женился на ней.

— Кажется, она очень решительная женщина, — размышлял Эван. — Боюсь, если Карлотта станет готовить для меня, то это будет уже слишком, хотя она вполне может присылать свою стряпню сюда, если захочет. Нам с детьми не помешает вкусная еда, — подмигнув, добавил Эван, и Габриель улыбнулся.

Когда Габриель уходил с фермы, он остановился, чтобы поговорить с Амелией.

— Куда вы планировали отправиться в это воскресенье? — спросил он.

— Я не знаю. Признаться, я пока ничего не планировала, боясь, что Эван откажет мне. Благодаря вам он согласился.

— Адмирал Арч замечательное место, особенно если вы любите котиков, но туда лучше отправляться, когда не очень ветрено. Интересно пойти и к скалам Ремар-кабл-Рокс. По пути туда можно увидеть много животных и птиц.

— А я могу добраться туда и вернуться за три часа?

— Да, это недалеко, но там легко забыть о времени. Это очень красивое место.

— А в какую сторону мне следует идти?

— Я пойду с вами и покажу вам дорогу, если вы не против моей компании.

— Буду очень рада. — Амелия была счастлива, что Габриель составит ей компанию. Она собиралась попросить его показать ей все окрестности, но не была уверена, что Эван отпустит ее так надолго.

— Хорошо. Тогда увидимся в час.

— Буду ждать с нетерпением.

Габриелю тоже скорее хотелось увидеться с девушкой. Она была хорошей спутницей, к тому же он был рад уйти подальше от маяка, от своего дома и от Карлотты Диксон.

Глава 8

Кейп-дю-Куэди

Когда после обеда Амелия встретила с Габриелем у маяка, на небе собирались тучи. Казалось, пойдет дождь, но все равно они отправились к скалам Ремаркабл-Рокс, надев непромокаемые плащи. Амелия заметила, что Габриель дважды взглянул на плащ, что был на ней, без сомнения узнав плащ Эвана Финнли, но промолчал.

Даже если бы шел ливень, Амелия не могла упустить шанс выбраться с фермы, подальше от Эвана. Она учила Сисси, Розу и Бесс произношению, Молли тоже проявила к этому интерес. Но старшие девочки не очень хотели заниматься, а Амелия не знала, как заинтересовать их. Она винила отца девочек за то, что он постоянно твердил своим дочерям, что их будущее — только рожать детей. Амелия считала, что его влияние и негативное отношение к обучению подавило у них всякий интерес к знаниям.

Последние несколько дней преподавание далось Амелии нелегко, и, когда она уходила, у нее было плохое настроение. Эван предупредил ее, чтобы она не опаздывала, напомнив о том, что она — осужденная, которой предоставили поблажку. Эван часто напоминал Амелии, что он может отослать ее обратно в тюрьму, если она не будет вести себя как подобает. Но сегодня его слова ранили Амелию еще больше.

— А как велик Кенгуру-Айленд? — спросила Амелия, следуя за Габриелем по каменистой тропе, что шла параллельно побережью среди зарослей низкорослых эвкалиптов. Она ежедневно думала о том, что надо сбежать с фермы. Но останавливала мысль, что она умрет с голоду или от жажды, не добравшись до обитаемых мест.

— Он длиной почти тысячу миль и шириной примерно двадцать две мили в самой широкой своей части, — пояснил Габриель. Он настоял на том, что пойдет впереди, чтобы убирать в стороны колючие растения, но Амелия также подозревала, что Габриель хочет первым заметить змей, если они попадутся на пути. — Он намного больше, чем люди представляют, вот почему маяк и ферма Эвана так изолированы от цивилизации.

— Что заставило вас стать смотрителем маяка в таком отдаленном месте? — Амелия не могла понять, почему кто-то осознанно живет вне города, вдали от людей, особенно одинокий мужчина. Она хотела спросить, тосковал ли он по женскому обществу, но не смогла решиться задать такой

вопрос.

— Большинство маяков находится в отдаленных местах, подобных этому, — ответил Габриель. — Я провел год на мысе Уиллогби, год на мысе Борда, теперь пробыл девять месяцев здесь, на Кейп-дю-Куэди. Между сменами я провожу корабли через бухту Непеан-Бэй.

— Вы лоцман? — Амелия не думала о том, что он делал, когда не был смотрителем маяка.

— Да, я начал заниматься этим еще в Мельбурне. Мне нравятся большие, загруженные порты, но обычно рядом с ними располагаются огромные людные города, а это мне не по душе. Наверное, можно назвать меня странным, но я такой, предпочитаю одиночество.

— Вы вообще не хотите покинуть этот остров?

— Нет, и я надеюсь, что здесь никогда не будет жить много людей.

Амелия пожалела, что не помнит, жила ли она когда-нибудь в большом городе, вообще не помнит свое прошлое.

— Вы помните что-нибудь о том, где жили? — спросил Габриель, словно прочитав ее мысли.

— Нет, ничего. Наверное, если бы вокруг была знакомая обстановка, мое прошлое вернулось бы ко мне. Но я совсем не знаю, что мне знакомо.

— Я уверен, что однажды память к вам вернется, — успокоил ее Габриель.

Впервые он понял, как ужасно ничего не помнить о своей жизни. А девушка достойно справляется с этой ситуацией. Как бы он повел себя сам, окажись в подобных обстоятельствах?

— Я восхищаюсь силой вашего духа, — похвалил он Амелию.

Когда они проходили мимо невысоких кустарников, прямо перед ними на тропу выскочили валлаби. Внезапно раздался гудящий звук, и Амелия охнула от испуга.

— Что это? — с опаской спросила она.

— Эму, — ответил Габриель. — У них сейчас брачный период. — Он пригнулся и посмотрел сквозь ветки кустарника, показал на землю, где было гнездо карликового эму. — В течение двух месяцев самец высидивает яйца, обычно от семи до десяти. — Недалеко от гнезда гордые родители обихаживали недавно вылупившихся птенцов. Габриель указал на них Амелии. — У них пока еще пух вместо перьев, — прошептал он, боясь испугать птиц.

— Разве на острове нет лисиц?

— Нет, их враги — змеи, орланы и Эван.

— Эван?

— С некоторых пор ему нравится готовить эту птицу. Он утверждает, что ее мясо по вкусу напоминает говядину. Я никогда не пробовал его стряпню, поэтому не могу ничего сказать.

— Какая гадость! — возмутилась Амелия. Она снова посмотрела на птенцов страуса. — Они такие красивые.

Амелия была в ужасе, что Эван может убить одного из них. Ей очень хотелось потрогать птенцов, чтобы убедиться, такие ли они мягкие на ощупь, какими кажутся.

Габриель с Амелией продолжили путь и, пройдя немного, Габриель показал Амелии местную фуксию. Ее цветы напоминали красные колокольчики.

— На острове есть несколько удивительных растений, — объяснял он. — Когда сюда приходили китобои и охотники на котиков, с ними сюда добирались и те, кто занимается растениями. Они искали здесь новые виды. Они собирали семена с таких растений, как фуксия.

Амелия была поражена цветом растения и тем, что такие прекрасные цветы растут среди скучных, колючих кустов.

Габриель снова остановился. Они стояли на вершине склона, и перед их глазами открылся удивительный вид. Габриель указал на скалы Ремаркабл-Рокс вдаль. Они были похожи на стадо доисторических животных, сгрудившихся на вершине купола.

Ветер и вода придали им необычные формы, поэтому эти скалы носят такое название: Ремаркабл — удивительные. Амелии очень захотелось увидеть их вблизи, но она застыла от восхищения. По всему берегу скалы спускались к самому морю. Хотя море было спокойным, небольшие волны бились у подножия скал, рождая белую пену. Зрелище было захватывающим. Амелии трудно было поверить, что эти прозрачные воды сделались настолько бурными и свирепыми, что сбили корабль с курса и погубили столько невинных жизней. Внезапно в памяти Амелии промелькнули нечеткие картины. Все это длилось лишь мгновение, но она увидела и почувствовала, как соленые брызги падают ей на лицо, мешая дышать. Амелия охнула.

— Что такое, Сара? — спросил Габриель.

От его голоса видение исчезло.

— Я что-то вспомнила, но теперь уже не могу точно сказать, — смутилась Амелия.

— А что именно?

— Морская вода заливала мне лицо. Должно быть, это воспоминание о том, как тонул корабль.

Когда они направились вниз по склону к скалам, Амелия спросила:

— А как я выглядела до того, как ударилась головой?

— Что вы имеете в виду? — Габриель остановился и посмотрел на нее.

— Как я вела себя? Изменилась ли я как-нибудь?

— Вы действительно хотите знать? — Выражение лица Габриеля встревожило Амелию.

— Неужели я выглядела так плохо? — в ужасе спросила она.

Габриель посмотрел себе под ноги. Ему было неловко.

— Наверняка нет? — спросила Амелия. Вообще-то он ничего не сказал, но его молчание пугало ее. Она надеялась, что Габриель просто дразнит ее.

— Вы были грубы и... бесцеремонны, — наконец начал он. — Признаться честно, Сара, вы были настолько невежливы, когда я подобрал вас из моря, что у меня было искушение выбросить вас из лодки.

— О нет! — Она прикрыла рот руками.

— Простите, — извинился Габриель.

— Вы говорите, что я вела себя как... испорченная светская девица, а не как осужденная.

«А ведь она права», — подумал Габриель. Но, не зная истории девушки, он тоже ничего не понимал.

— Я думаю, что вы были напуганы. Вы пережили ужасное потрясение. Корабль разбился и утонул, и акулы плавали вокруг вас, пока вы с другой девушкой держались за камень. К тому же акулы просто неистовствовали, поев столько других пассажиров. — Габриель не сказал, что, наблюдая в телескоп, видел, как несколько раз акулы набрасывались на людей. От осознания того, что он ничем не может им помочь, Габриеля едва не выворачивало наизнанку. Когда же он заметил ее и другую девушку, цепляющуюся за риф, ему пришлось ждать, пока не наступит прилив, чтобы не разбить днище лодки об острые камни. Габриель не надеялся, что они смогут удержаться. Ведь он не знал, ранены они или нет.

Амелия вздрогнула, у нее в глазах заблестели слезы.

Габриелю захотелось обнять девушку, но он не решился.

— Я... я путешествовала с кем-то еще? — спросила Амелия.

— Я не знаю.

— *Не верю, что я — Сара Джонс!* Но если я не она, то кто же я тогда? У меня есть семья? Есть ли кто-то, кто ищет меня, кто любит?

— Насколько я знаю, никаких запросов не было. — Габриель увидел, как огонек надежды умирает в глазах девушки, и тут же пожалел о своих

словах. — Пока не было. Может быть, новости придут с почтой в конце месяца вместе с поставками продуктов.

Она кивнула. Амелия понимала, что шансы весьма призрачны.

— Если вас это утешит, то вы теперь совершенно не похожи на ту женщину, что я подобрал из моря. Вы совершенно другая.

Его слова действительно утешили Амелию, но она хотела знать о той девушке, которую Габриель описал ей. Что сделало ее такой? Был ли это страх, как предположил Габриель? Наверняка осужденная не стала бы вести себя так.

— Вы знаете, каким было мое... — Амелия замолчала. — Что совершила Сара Джонс? — спросила она.

— Нет. Эван никогда мне не говорил, а я никогда не спрашивал об этом.

— А он знает?

— Полагаю, ему сказали. Послушайте, Сара, вы не похожи на обычную преступницу, но иногда суды принимают несправедливое решение. Если вы и на самом деле совершили преступление, то, возможно, вас вынудили на то обстоятельства.

— Какие обстоятельства могли вынудить меня пойти на преступление?

— Я не знаю. Может, вы украли еду, потому что были голодны, или что-то вроде. — Габриель видел, что девушка не верит, что она могла такое сделать. — А может, вы абсолютно невинны, но правда никогда не станет известна.

— Мне нужно знать, — заявила она. — Я спрошу Эвана, когда мы вернемся.

Они пошли дальше, но та радость, которую Амелия ощутила, когда у нее появилось несколько часов свободы, быстро угасла. Однако как только они добрались до величественных скал, она забыла о своих проблемах.

Куполообразный холм, на котором расположились скалы, был примерно двадцать ярдов в диаметре и три ярда в высоту. Земля соскользнула вниз, образовав купол, просыпавшись между отдельных камней. Некоторые из них были высотой более пятнадцати футов. За годы ветер и море, жара и холод сделали их поверхность, покрытую тонкой паутиной трещин, гладкой, как бархат.

— Я однажды был здесь, когда сюда приезжали ученые, — рассказывал Габриель. — Они сказали, что гранит состоит из кристаллов кварца, полевого шпата и слюды. Эти скалы сформировались в результате остывания расплавленной магмы, которая находится глубоко под земной корой. Миллионы лет скала подвергалась воздействию стихии и в итоге

рассыпалась, превратившись в гранитные куски.

Амелия дотронулась до камней, удивляясь их затейливым формам, и к клочкам красноватого лишайника, покрывающим часть скал.

— Ученые сказали, что лишайники, которые представляют собой живые организмы, способствуют эрозии камней. Они извлекают из них питательные вещества и производят слабую кислоту, когда умирают и разлагаются. Конечно, прежде чем они все исчезнут, пройдет еще много миллионов лет.

Амелия подумала, как печально, что однажды все скалы исчезнут, но это заставило ее понять, каким ничтожным отрезком времени была ее жизнь, по сравнению с этими скалами или даже со всей планетой. Осознание того, что ее бесценная жизнь проходит напрасно, привело Амелию в состояние, близкое к панике.

— Я должна выяснить, кто я, — выпалила она.

Габриель не знал, что сказать. Он видел, что она испытывает настоящую боль, и задумался о том, чувствует ли она сердцем, что здесь что-то не так, или просто не хочет верить в то, что совершила преступление, была поймана... А может, допущена ошибка с определением ее личности?

Габриель захотел отвлечь ее.

— Здесь под камнями есть пещера, — проговорил он, показывая на холм. — Вы хотели бы ее увидеть?

— А где вход? — спросила Амелия.

— Там, — указал Габриель. — Склон холма спускается прямо к морю. Дождя не было, поэтому камни не очень скользкие. Держитесь за мою руку, и я отведу вас вниз.

— Вы уверены, что это безопасно? — забеспокоилась Амелия. Она доверяла ему, но, хотя и не помнила крушение корабля, все же знала, как внезапно может все измениться.

— Я не позволю, чтобы с вами что-нибудь случилось, — протянул Габриель ей руку.

— А волны не ворвутся в пещеру? — Амелия колебалась.

— Только если во время прилива разразится очень сильный шторм. А сегодня море спокойное.

— Кажется, я слишком разволновалась от разговоров о крушении корабля и акулах. Вы говорите, что все будет хорошо, и я верю вам.

Солнце пробилось сквозь тучи, и Амелия приняла это за добрый знак.

Амелия взяла Габриеля за руку, и они вдвоем начали медленно спускаться по склону. Скоро они оказались на выступе у входа в пещеру.

Пещера была темной, шириной примерно десять футов и высотой пять. Когда они вошли внутрь и оглянулись, их взору предстал невероятный вид. Казалось, они через огромное окно разглядывают безбрежное море.

— Захватывающее зрелище, но здесь воняет, — Амелия зажала нос рукой.

— Действительно, воняет, — согласился Габриель. Никогда раньше в пещере не было такого неприятного запаха. Габриель оглянулся в полумраке. Внезапно Амелия услышала, как у него перехватило дыхание.

Он резко повернулся, пытаясь остановить Амелию, но было уже поздно. Девушка увидела тело, неуклюже лежавшее под каменными сводами, и в ужасе закричала.

Габриель взял ее за руки. Он чувствовал, как она дрожит. В самом дальнем углу лежало тело мужчины внушительной комплекции. У мужчины не было части правой ноги. Из рваной раны торчала острая кость, а вокруг было коричневое пятно засохшей крови. Тело разлагалось. На лице трупа навсегда застыли ужас и отчаяние. Габриель меньше всего ожидал увидеть здесь труп человека. Течение должно было унести его в противоположном направлении.

— Что... с ним случилось? — всхлипывала Амелия. — И как он сюда попал?

— Вероятно, он был одним из пассажиров «Антилопы». Судя по ране, акула откусила ему ногу. Либо он сам забрался в пещеру, либо его сюда внесло волной. И если на тот момент он был жив, то вскоре умер от потери крови. Рана мужчины оказалась смертельной.

От ужаса Амелия была в полуобморочном состоянии. Она не могла унять дрожь и горько плакала.

Габриель вывел ее из пещеры и помог взобраться на холм, где она сделала несколько глубоких вдохов, стараясь избавиться от запаха смерти.

— Мне нужна помощь, чтобы вытащить тело из пещеры и отнести его куда-нибудь, чтобы похоронить, — сказал Габриель. — Вы сможете вернуться к маяку и попросить Эдгара прийти сюда с веревкой и носилками? Я показывал ему, где все это лежит.

— Что вы собираетесь делать?

— Я попытаюсь вытащить тело. Это может продлиться довольно долго, поэтому если вы отправитесь за Эдгаром, мы сэкономим немало времени. Я знаю, что прошу много...

— Я могу, — кивнула Амелия.

— Уверены?

Габриель волновался за девушку. У нее была амнезия, поэтому он не

знал, как на ее здоровье повлияет шок от увиденного. Он не мог также оставить здесь тело. Пройдет еще один день, и труп уже нельзя будет вынести целиком. Он подумал о том, чтобы столкнуть тело в море, но в любой момент море снова может вынести труп обратно. Кто бы ни был этот человек, но он умер в одиночестве и муках. Габриель даже не мог представить, какую ужасную смерть принял этот мужчина, поэтому последнее, что он мог сделать для бедняги, так достойно похоронить его.

— Со мной все будет в порядке, — успокоила его Амелия.

Ей было трудно дышать, но Габриелю нужна помощь, поэтому она обязана позвать Эдгара.

Габриель снял свой плащ и надел его на плечи Амелии. Он знал, что девушка в шоке, и хотел согреть ее.

Амелия пошла по тропе обратно к маяку. Сильная дрожь охватила все ее тело, ноги стали ватными, но она продолжала идти. Образ полуразложившегося трупа никак не выходил из головы Амелии. Однажды она даже остановилась, чтобы переждать приступ тошноты. Когда девушка добралась до маяка, она была почти в состоянии истерики. Амелия постучала в дверь дома Диксонов.

Эдгар услышал странные звуки и посмотрел на жену. Отрыв дверь, он увидел на пороге плачущую дрожащую Амелию.

— Что случилось? — спросил он. — Что-то с Эваном или с его детьми?

— Габриель, — только и смогла вымолвить она, захлебываясь от рыданий.

— Габриель. Что с ним? Где он? — не унимался Эдгар.

— Он... у скал...

Карлотта сняла плащ Габриеля с плеч девушки.

— Это плащ Габриеля, — сказала она мужу и крепко схватила Амелию за руку. — Где он?

— Он... ему... нужна... помощь, — пыталась объяснить несчастная, но Диксоны не понимали ее.

Внезапно Карлотта влепила Амелии пощечину так, что та отшатнулась.

— Что ты делаешь? — вскричал Эдгар.

— Она плачет, словно девчонка, а Габриель, может, где-то страдает, — рявкнула в ответ Карлотта.

Амелия непонимающе уставилась на Диксонов. От шока она позабыла вообще все. Схватившись за горящую щеку, Амелия смотрела на итальянку. Эдгар налил ей стакан воды.

— Отойди от Сары, — зарычал он на жену, поднес Амелии стакан воды и усадил ее. — Выпейте, — попросил он. — И успокойтесь. Задержите на минуту дыхание.

Амелия сделала, как он велел, и почувствовала себя лучше, но половина ее лица болезненно пульсировала.

— Габриель у скал Ремаркабл-Рокс, — с трудом выговорила она. — Мы вошли в пещеру и... — Образ мертвеца все еще стоял у нее перед глазами. Это было самое ужасное, что она видела в жизни. Амелия содрогнулась. — И...

— И что? — допытывался Эдгар.

— Мы... нашли... тело. Габриель хочет, чтобы вы помогли ему вынести тело. Он велел принести веревку и носилки.

Карлотта услышала слова Амелии про пещеру, и зло прищурилась. Неужели они ходили туда, чтобы заняться любовью?

— *Leie' una tissa tagra*, — прошептала она.

Амелия в изумлении воззрилась на итальянку. Она не могла поверить, что Карлотта только что назвала ее *тощей коровой*. К счастью, она была в таком состоянии, что ни Эдгар, ни его жена не заметили ее реакции.

— Я возьму веревку и носилки, — сказал Эдгар. — Как далеко это место?

Амелия заставила себя понять, что он говорит.

— Примерно... две мили.

— Тогда мне следует поторопиться. — Эдгар направился к двери. Он знал, что лампу на маяке надо зажечь до захода солнца. — В какую сторону идти? — спросил он.

— Я покажу вам дорогу, — ответила Амелия, вставая. Она совершенно не собиралась оставаться в одной комнате с Карлоттой, которая злобно разглядывала ее. Амелия не понимала, за что итальянка так ненавидит ее.

— *Leiloseguecomeunafemminaincalore*, — прошипела Карлотта.

Амелия снова не поверила своим ушам. Карлотта обвинила ее в том, что она бежит за Габриелем как *похотливая сука*. Амелия едва сдержалась, чтобы не ответить итальянке. Амелия не раз хотела сказать, что понимает по-итальянски, но потом решила, что надо узнать сначала, что задумала Карлотта. Она не хотела раскрывать свою тайну и Габриелю, хотя, безусловно, его нужно предупредить, чтобы он соблюдал осторожность. Карлотта очень злая женщина.

Амелия отвела Эдгара к скалам, где их встретил Габриель. Он сказал Эдгару, что уже вытащил тело из пещеры, и отослал Амелию домой. Очевидно, он не хотел, чтобы она снова видела обезображенное тело. Она

настояла, чтобы Габриель забрал свой плащ, так как на небе снова стали собираться грозные облака и к тому же Амелия согрелась от быстрой ходьбы.

Она уже шла на ферму, когда вспомнила о времени. Она отсутствовала почти пять часов. «О боже!» — пронеслось у нее в голове, когда она подумала о том, как разозлится Эван. Впрочем, он поймет, если она расскажет ему о трупе в пещере.

Тем временем гнев Эвана только нарастал. Сара давно должна была вернуться. Ему сразу не хотелось разрешать ей идти, и теперь Эван окончательно уверился, что зря это сделал. Когда Сара пришла на ферму, Эван уже готов был взорваться.

— Все, — закричал он, как только увидел ее. — Я велел тебе не опаздывать...

— Я... позвольте мне объяснить, — взмолилась девушка.

— Больше ты не получишь ни минуты свободного времени, — кричал Эван. — Считаю, что тебе повезло, что я не отослал тебя обратно в тюрьму.

— Но...

— Я знал, что тебе нельзя доверять. Дети снова остались без еды. Я работал, а ты должна была приготовить им ужин. Ты воровка и врунья, и нет тебе доверия. — С этими словами Эван ушел. Амелия видела, что дети наблюдали за ней из дома. Гнев Эвана был вполне ожидаемым и ужасающим, но назвать ее воровкой и вруньей перед детьми — унижительнее публичной порки.

Слезы снова хлынули из глаз Амелии. Она пошла в свою хижину и бессильно рухнула на матрас. Девушка свернулась калачиком и стала плакать, захлебываясь слезами. Она не знала, сколько времени прошло, потом почувствовала, что в домике кто-то есть, подняла голову и сквозь слезы увидела Сисси.

— Что с тобой? — спросила девочка.

Амелия не могла ей ответить.

— Почему ты пришла так поздно? Ты же знала, что папа будет сердиться. — Сисси опустилась рядом с ней на колени.

— Мы с Габриелем нашли труп в пещере у Ремаркабл-Рокс. — Амелия села и вытерла слезы.

— Тело мертвого человека?

— Да, мужчину. Очень большого. На него напала акула.

— Откуда он взялся?

— Наверное, он был на корабле, который потерпел крушение. Габриель сказал, что почти всех съели акулы.

Сисси была в ужасе.

— Мне пришлось идти за Эдгаром, попросить его помочь Габриелю. Эдгар не знал, где находится пещера, поэтому я должна была проводить его.

— Почему ты не рассказала все это папе?

— Он не стал ничего слушать.

— Папа разозлился. Он подумал, что ты убежала.

— Лучше бы я действительно убежала.

— Я принесу тебе что-нибудь поесть.

— Нет, спасибо, Сесилия, я не голодна. — Амелия снова легла и закрыла глаза. Она никогда не была так морально опустошена.

Сисси вернулась в дом, где отец прибывал новую подошву к ботинку Майло.

— Габриель и Сара нашли тело в пещере, — сообщила девочка.

Эван на мгновение перестал работать, но даже не взглянул на дочь.

— Это был мужчина, на которого напали акулы. Саре пришлось звать нового смотрителя на помощь Габриелю, чтобы вытащить труп из пещеры.

Эван продолжал стучать молотком как ни в чем не бывало и не ответил Сисси. Девочка не хотела злить отца еще больше и отправилась спать.

Час фермер сидел и размышлял. Его гнев постепенно прошел, и он отправился в хижину Амелии. Увидев, что она спит, Эван не стал тревожить ее.

На следующее утро Габриель пришел на ферму очень рано. Эван уже встал, но Амелии еще не было видно. Габриель не решился будить девушку.

— Доброе утро, Эван, — поздоровался Габриель. Он только что закончил свою вторую смену и погасил лампу на маяке. Они с Эдгаром похоронили останки жертвы акулы, сделали соответствующую запись в журнале. Габриель собирался изложить все более подробно в рапорте для властей в Кингскоте.

— Как себя чувствует Сара? — спросил Габриель. Он знал, что Эван чрезмерно зол на девушку за то, что она не вернулась на ферму вовремя. Конечно, Эван не выслушал объяснений Сары, подумал Габриель.

— Она еще спит, — угрюмо пробурчал Эван. Габриель заметил, что Эван варит овсянку. Он не знал, хороший ли это знак или нет.

— Должно быть, она очень устала, — заметил он. — Она дважды ходила к Ремаркабл-Рокс. Я опасался посылать ее за помощью, но у меня не было выбора. Увидеть такую ужасную картину для нее было настоящим

потрясением. — (Эван промолчал). — Она рассказала тебе о трупe, который мы нашли, не так ли? — спросил Габриель.

— Нет, — ответил Эван. — Одна из дочерей рассказала.

— Вероятно, бедняга был одним из пассажиров с корабля, но на него напали акулы. Мы с Эдгаром похоронили его вчера. Сегодня я напишу рапорт в береговую охрану, чтобы отослать его с кораблем, что придет с припасами.

Эван молчал.

— Я должен возвращаться, надо очистить лампу. Пожалуйста, поблагодари Сару за помощь, — попросил Габриель.

Эван кивнул.

Габриель так и не понял, как отнесся Эван к тому, что Сара задержалась вчера вечером. Габриелю оставалось только надеяться, что фермер не был слишком крут с девушкой.

Когда каша сварилась, Эван отнес миску Амелии. Она только проснулась, когда хозяин вошел.

— Поешь, пока горячая. — Эван поставил миску и кружку черного сладкого горячего чая рядом с ее постелью.

Амелия растерянно взглянула на завтрак. Эван хотел дать девушке выходной день, но, вспомнив, как тяжело, без всяких выходных работала его Джейн, решил, что этого делать не стоит.

— Только что приходил Габриель, — сообщил Эван. — Он просил поблагодарить тебя за вчерашнюю помощь.

Амелия ничего не ответила. Она ждала, скажет ли Эван что-нибудь о найденном трупe.

Когда фермер молча направился к двери, Амелия внезапно заговорила.

— Вы сказали, что я воровка и лгунья. Означает ли это, что вы знаете, какое преступление я совершила?

Эван остановился. Он пожалел, что назвал ее так.

— Мне сказали, что ты украла браслет у дочери своих хозяев.

— А кто были мои хозяева? — Амелия не могла поверить его словам.

— Я больше ничего не знаю. Меня просто спросили, беру ли я тебя. Поскольку у нас нечего брать, я думал, что нам нечего опасаться. — Эван взглянул на нее и увидел, как в глазах девушки заблестели слезы. Он опустил голову. — Когда ты не вернулась вчера, я думал, что ты сбежала. Ты бы умерла там в одиночку. Ты ведь это понимаешь, да?

Эван вышел. Амелия растерянно посмотрела ему вслеп.

— Он волновался из-за меня? — Она удивленно покачала головой. — Какой он странный человек.

Карлотта выливала грязную воду, когда увидела Габриеля.

— Где вы были так рано? — спросила она. У нее были свои подозрения.

— Я ходил на ферму, увидеться с Эваном и Сарой, — ответил он.

Карлотта заметила, что Габриель чем-то обеспокоен. Она с первого дня ревновала его. Габриель был самым красивым мужчиной из всех, кого она встречала. Она нашла его средиземноморскую внешность невероятно привлекательной.

Отец заставил ее выйти замуж за Эдгара, который был старше отца Карлотты. Эдгар был добрым и терпеливым, но каждый раз итальянке огромных трудов стоило разбудить в нем хотя бы тусклый огонек страсти. По ночам она закрывала глаза и старалась представить себе, что ее муж молодой и прекрасный мужчина. Сначала образ воображаемого любовника был весьма размытым, но теперь она представляла себе четкий образ — Габриеля.

— С Сарой все в порядке? — Карлотта постаралась изобразить беспокойство.

— Я не видел ее. Она еще спала.

Забота Габриеля о преступнице была для Карлотты словно нож в сердце, но итальянка поняла, что, если она собирается разоблачить Сару, ей придется подобраться к ней поближе.

И Карлотта решила действовать.

— Я пойду навестить ее позже, — проговорила Карлотта.

— Уверен, что она будет рада, — заметил Габриель. — Ей очень тяжело, ведь она потеряла память. Общение поможет ей.

— А как она потеряла память? — поинтересовалась Карлотта. Она задумалась о том, не притворяется ли преступница, чтобы добиться к себе расположения.

— Она ударилась головой, когда я поднимал ее на скалу. Она даже не знает своего имени, но другая девушка, что была с ней, сказала Эвану, что ее имя Сара Джонс, осужденная, направленная на работу к нему на ферму. Но Сара не верит этому.

— Возможно, что она просто не хочет верить.

— Возможно, но меня одолевают сомнения. Полагаю, нам всем надо надеяться, что к ней вернется память.

Карлотта решила, что он начал влюбляться в эту девчонку. Надо скорее что-то предпринимать.

— Я пойду спать, — устало произнес Габриель.

Карлотта ничего не ответила, но ей очень хотелось пойти вместе с ним.

«Я не позволю этой *criminale* заполучить его, — злобно подумала она. — Скоро я отделаюсь от нее».

Глава 9

Кингскот

Сара привыкала к своей идеальной жизни. Эдна и Чарльтон баловали ее и тщательно следили, что бы она ела вдоволь, отдыхала, набиралась сил после такого ужасного потрясения. Уже неделю почти каждый день из ателье приносили все новые и новые вещи.

В этот понедельник Сара сидела одна на кухне и читала газету, когда раздался стук в дверь черного хода. Полли убиралась где-то в доме, а Эдна уехала в город вместе с Чарльтоном, и Сара пошла посмотреть, кто это. Когда она вошла в стеклянную пристройку, то за внешней дверью увидела женщину-аборигенку с большой миской в руках. Это была первая местная женщина, которую Сара увидела так близко, она растерялась.

— Здравствуйте, — осторожно произнесла Сара. Может, эта женщина попрошайка.

— Я пришла за яйцами, мисс.

— За яйцами? Я не знала, что мы раздаем яйца, — засомневалась Сара. «Если Эдна прогоняет попрошаек, значит, и мне стоит поступить так же».

Женщина некоторое время внимательно изучала Сару своими черными невыразительными глазами. Женщина знала, что ее часто принимают за попрошайку, это всегда расстраивало ее. Эдна Эшби была одной из немногих белых людей, кто относился к ней с уважением, как к равной, и женщина была о миссис Эшби высокого мнения.

— Миссис Эшби продает мне яйца, миссис.

— О! — Сара смутилась. — Простите, я не знала.

— Ничего страшного, мисс. — Женщина разжала кулак и показала несколько монет.

— Миссис Эшби нет дома, но я найду Полли. — Сара уже собиралась уйти, но остановилась. — Как вас зовут? — спросила она.

— Бетти, мисс.

— Подождите здесь, Бетти, — попросила Сара.

Она не была уверена, не безопасно ли оставлять женщину на пороге у открытой двери, но выбора не было. Большинство белых людей подозрительны и надменны, а также совершенно не имеют представления о земле, на которой живут, и о духах, населяющих ее. Что еще хуже, белые люди считали, что им нечему учиться у коренных жителей, лишь хотели делать все по-своему. Бетти полагала, что если ничего не предпринимать,

то эта новая жизнь медленно уничтожит ее расу, поэтому необходимо приспособиваться. Бетти собиралась приложить все силы, чтобы ее дети учились у старших и традиции их племени передавались будущим поколениям.

Сара вошла в дом и позвала Полли, которая появилась из комнаты Эдны и Чарльтона с метелочкой для пыли в руках.

— Полли, там у черного входа стоит женщина, которая хочет купить яиц, — прошептала Сара. — Она из местных, но выглядит довольно опрятно.

— Из местных? Кто же это? — спросила Полли.

— Она сказала, что ее зовут Бетти, — прошептала Сара.

— А! — Полли улыбнулась. — Это Бетти, наша соседка.

— Соседка! — Сара видела детей, которые играли у дороги. Она обратила внимание, что дети метисы, но не знала, что они живут рядом.

— Верно. Она жена Джона Хаммонда. Они живут в доме Фейт-Коттедж.

— О! — Сара не могла поверить, что Чарльтон сдает дом местной женщине. В Хобарт-Таун такие люди считались дикарями и находились на социальной лестнице ниже преступников. В это время к дому подъехали Эдна и Чарльтон.

— Здравствуйте, Бетти, — поприветствовала ее Эдна. — Вы пришли за яйцами?

— Да, миссис.

— А Полли знает, что вы здесь?

— Молодая мисс пошла за ней.

— Молодая мисс? А, это моя подопечная, Амелия. Помните, я говорила вам, что она должна приехать из Англии. Ее мать была моей лучшей подругой.

— О да, миссис. — Бетти вспомнила, что Эдна рассказала ей, что ее друзья погибли, когда на их экипаж упало дерево. Это был плохой знак.

— Заходите и выпейте чашку чая, Бетти. — Эдна была немного недовольна, что ее подопечная не пригласила Бетти войти. Придется поговорить с Амелией о ее поведении. Эдна с Бетти входили в дом, когда они натолкнулись на Полли.

— Вы вернулись, миссис Эшби, — удивилась служанка. — Я только что собиралась принести Бетти немного свежих яиц.

— Сходи за ними, а мы пока выпьем чаю.

Полли взяла у Бетти миску, и Эдна повела ее на кухню, где они встретились с Сарой.

— Амелия, это наша соседка, Бетти Хаммонд.

— Полли уже сказала мне.

Сара не могла поверить, что Эдна привела эту женщину в дом. Бетти тут же почувствовала, с какой неприязнью относится к ней девушка.

— Дорогая, поставь чайник на огонь и отрежь несколько кусочков торта. — Эдна пододвинула Бетти стул.

У женщины были короткие жесткие волосы, очень темная кожа, большая грудь и живот, но тонкие руки и ноги. Саре было не по себе от взгляда Бетти, от ее черных глаз, которые следили за каждым ее движением.

— Как поживаете, Бетти? — спросила ее Эдна, расставляя чайный сервиз на столе.

— Очень хорошо, миссис, — ответила Бетти. Она не понимала, почему не ощущает горя, боли утраты от подопечной Эдны. Странно, но Бетти чувствовала только страдание. Жизнь девушки не была легкой. Она много страдала, особенно в последние годы.

— А дети? Как они, здоровы?

— Да, и быстро растут. — Бетти улыбнулась, показав прекрасные, белоснежные зубы.

— А Джон? Чарльтон уже давно его не видел.

— Он очень занят, миссис. Он работает у Перси Киркбрайта.

— Неужели? — воскликнула Эдна.

В это время вошел Чарльтон с покупками в руках.

— Джон помогает Перси Киркбрайту, дорогая, вот почему в последнее время мы не видели его. Перси собирает урожай, не так ли? — спросил он. — Я слышал, что в этом году у него уродился хороший овес.

— Да, — ответила Бетти. — К тому времени, когда овес будет собран, созреет урожай нашей пшеницы. — Бетти говорила с Чарльтоном, но при этом странно продолжала смотреть на Сару.

Поставив все покупки на стол, Чарльтон снова вышел. Эдна взглянула на Бетти и заметила, что она сосредоточенно смотрит, как ее подопечная режет фруктовый торт, который вчера приготовила Полли.

— Что такое, Бетти? — спросила Эдна. — Тебе что-то известно об Амелии?

Сара повернулась и растеряно перевела взгляд с Эдны на Бетти.

— Бетти видит вещи и события, — объяснила Эдна. — Она говорит с предками.

— Что вы имеете в виду? — насторожилась Сара.

— У Бетти дар. Она очень тонко все чувствует. Если бы она жила со

своими сородичами, то была бы целительницей, кем-то вроде врача. Она может сказать о человеке многое и никогда не ошибается. Однажды я потеряла обручальное кольцо, и она указала мне точно, где оно лежит. В другой раз она предупредила меня, что садовник, которого мы наняли на работу, ворует у нас. Он взял не только инструменты Чарльтона, но и белье, которое сушилось после стирки. — Эдна повернулась к женщине. — Вы, наверное, знаете что-нибудь о корабле, на котором плыла Амелия. Он затонул недалеко от берега. Амелия чудом выжила.

Бетти ничего не ответила, продолжая разглядывать Сару, которая была уверена, что все эти «разговоры с предками» не что иное, как обычные дешевые трюки. Сара заверила себя, что Бетти никаким образом не могла чувствовать, а уж тем более знать, что она после кораблекрушения выдала себя за Амелию Дивайн.

— Вы видите что-то о кораблекрушении? — снова нетерпеливо спросила Эдна.

Саре хотелось, чтобы она поскорее оставила эту тему.

— Да, миссис. Я вижу еще одну девушку...

— Правда? — возбужденно воскликнула Эдна. — Это осужденная.

Бетти не поняла, но чувствовала, что та девушка должна была быть здесь, с ними. Но почему?

— Я же сказала, что Бетти молодец. — Эдна посмотрела на Сару.

— Она в беде, — проговорила Бетти.

— Кто? — не поняла Эдна.

— Другая девушка, миссис.

— Она была в беде, Бетти. Она осужденная, направлена работать на ферму на другом конце острова.

— Что-то не так, миссис, — задумалась Бетти. Ее волновало ощущение, что и с подопечной Эдны что-то не так, но предпочла промолчать.

Сара начала паниковать. Неужели ее ложь будет раскрыта? Она уже хотела извиниться и уйти, но тут на кухню вошел Лэнс.

— Всем добрый день, — весело поздоровался он.

— Сегодня ты вернулся с работы рано, — заметила Эдна. Сын поцеловал ее в щеку.

— У меня была запланирована встреча с Уиллардом Томасом, но он отменил ее, поэтому я решил вернуться домой. В последнее время я слишком много работаю.

— Я думала, что ты будешь занят, — продолжала Эдна. Она уловила в голосе сына усталость. — Мы почти не видим тебя.

— Уиллард владеет магазином фабричных товаров. — Эдна обратилась к Саре.

— О, неужели? — удивилась Сара. Уже не впервые девушка думала, что Лэнс избегает ее.

— Почему же Уиллард отменил встречу? — спросила Эдна сына.

— Клер заболела, поэтому он не мог оставить магазин.

— О боже. Опять! Надо навестить ее завтра. — Эдна повернулась к девушке. — Клер его жена. Она милая женщина, но очень слабая, часто болеет.

— Наверное, потому, что она любит курить сигары втайне от Уилларда, — уточнил Лэнс.

— Возможно, ты прав, — согласилась Эдна. — Это ужасно вонючие штуки. Не потерплю их в своем доме. Понятия не имею, почему Клер так любит их.

В небольшом обществе тяжело сохранить что-то в тайне, но только близкие друзья Клер знали, что, помимо сигар, она выпивает стаканчик шерри, когда отправляется из магазина домой. К приходу домой Уилларда она успевает сжечь ужин и мирно заснуть.

Сара все еще чувствовала, как Бетти смотрит на нее, поэтому отчаянно хотела отвлечь ее.

— Я хотела бы посмотреть пингвинов, — обратилась она к Лэнсу.

— Тогда мы могли бы отправиться сегодня вечером, если хочешь.

— Замечательно.

— Похоже, вечер будет хорошим, но все же накинь что-нибудь теплое, так как бриз с моря такой холодный, что легко может задуть пламя в аду.

— Лэнс, — прервала его Эдна.

— Ну вот, я снова забыл об этом, — извинился Лэнс. — Я все время забываю, что ты жила у моря в Хобарт-Таун. Прости, Амелия.

— Ничего страшного, — ответила Сара, бросив нервный взгляд на Бетти, которая продолжала серьезно рассматривать ее.

Бетти хотела сказать, что она чувствует, что Амелия жила где-то, где не могла видеть моря, жила в ограниченном пространстве, словно зверь в клетке, но промолчала.

Бетти волновалась за Эдну. Почему ее подопечная обманывает бедную женщину?

— Мне хочется прогуляться, — сказала Сара, поднимаясь. — Увидимся позже, Лэнс. — Сара задумалась о делах поважнее, чем прогулка с Лэнсом вдвоем, и ей нужно было побыть одной.

Лэнс с удивлением заметил, что Амелия не обрадовалась, а

занервничала.

— Хочешь чаю, Лэнс? — Эдна разливала чай.

— С удовольствием, мама. Что у нас сегодня на ужин? — Он сел на стул и взял кусочек фруктового пирога.

— Кажется, Полли делает пирог с курицей.

— У Полли получаются всегда очень вкусные пироги. Оставьте мне кусочек. Как поживаете, Бетти?

— Хорошо, мистер Эшби.

Бетти много раз просили, чтобы она называла Лэнса по имени, но женщина все равно никогда так его не называла.

— Бетти только что рассказывала об осужденной, которая выжила в кораблекрушении вместе с Амелией, — сообщила Эдна.

— Да? И что же? — поинтересовался Лэнс.

Одно время он смеялся над видениями Бетти, но все насмешки прекратились после того, как она предупредила его, чтобы он ездил на лошадях осторожно, иначе он может пострадать. Через два дня после этого двухлетний и, казалось бы, здоровый жеребец Лэнса рухнул замертво под своим седоком. Оказалось, лошадь умерла от сердечного приступа. Бетти также сказала, что у Лэнса в банке появится очаровательная девушка, и через месяц туда устроилась работать Оливия Хорн. Это случилось, примерно год назад, с тех пор он никогда не сомневался в словах Бетти.

— Бетти считает, что девушка в беде, но я рассказала, что эта девушка преступница, поэтому Бетти почувствовала неприятности.

— Эта девушка не причиняет неприятностей, миссис, — начала Бетти. — Она из хорошей семьи.

— Странно... Интересно, что в ее жизни пошло не так? — поинтересовалась Эдна.

— Однажды вы узнаете об этом, миссис. — Бетти встала.

— Я узнаю? Как это возможно? Сомневаюсь, что я когда-нибудь встречу с ней. — Эдна удивилась еще больше.

— Вы встретитесь, — проговорила Бетти. Она не стала давать дальнейшие объяснения, так как в кухню вошла Полли с миской, полной яиц. — Я должна идти, миссис. Спасибо за яйца. — Бетти положила монеты на стол.

— Всегда пожалуйста, Бетти. — Эдна была озадачена ее внезапным желанием уйти. Она даже не стала пить чай и не тронула торт. — Интересно, что такое с Бетти? — спросила Эдна у Лэнса.

— Наверное, она просто хочет вернуться к детям.

— Ты убрала комнату Амелии и застелила ее постель? — обратилась

Эдна к Полли.

— Нет.

— Почему?

— Она сама это делает, миссис Эшби. — Полли думала, что Эдна знает об этом, и побоялась, что у нее самой могут быть неприятности.

— Что ты хочешь этим сказать — «она сама это делает»?

— Да, она сама застилает постель и убирается в комнате. Я говорила Амелии, что это буду делать я, но она утверждает, что привыкла делать все сама.

Девушка дала понять Полли, что она вообще не хочет видеть ее у себя в комнате, но служанка не стала об этом говорить.

Эдна была поражена. По утрам они с Чарльтоном почти всегда уезжали, возможно, поэтому она не заметила этого раньше.

— Вчера я видела, как она штопала свои чулки, — добавила Полли, чтобы показать, что новый член семьи не желает принимать ее услуги. — Она сказала, что порвала их о куст, когда гуляла.

— Когда Амелия научилась штопать? Камилла прекрасно умела вышивать, но не могла штопать.

— Амелия прекрасно справилась, миссис Эшби. Я не смогла бы сделать лучше.

Эдна нахмурилась. Ее подопечная была полна сюрпризов.

Сара поспешила к дороге. На улице она поняла, что внимательный взгляд Бетти вернул ее в ту жизнь, которую она старательно пыталась забыть. Она вдруг почувствовала, как снова задыхается в своей зловонной темной камере вместе со многими другими заключенными. Когда охранник по утрам открывал дверь, заключенные толкались, пробираясь к выходу, жадно хватая ртом свежий воздух, ведь двенадцать часов они вдыхали вонь фекалий, мочи и пота. Двенадцать тысяч женщин побывали в этой тюрьме за пять лет, с приговорами от семи до четырнадцати лет, полученными обычно за мелкое воровство у своих хозяев. Заключенные «фабрики» работали в прачечной или шили по заказам местных властей. Слабых и незащитных называли «проклятые шлюхи или Божья полиция». Сара больше не желала оказаться там. Лучше смерть.

— Просто не могу поверить, как мне повезло, — проговорила она. — До этого момента все шло прекрасно. И почему эта Бетти пришла и все испортила? — Сара подумала про ее сегодняшнюю встречу с Лэнсом. Она очень ждала ее. — Я не позволю ей разрушить мои планы. Если она вмешается, мне придется как-нибудь отделаться от нее, ведь отделалась я

от Амелии Дивайн.

Когда Бетти вышла из-за дома, она лицом к лицу столкнулась с Сарой. Она заставила себя улыбнуться, но Бетти, похоже, испугалась ее.

— Осужденная, что выжила в кораблекрушении, потеряла память, Бетти, возможно, вы почувствовали это, — заговорила с женщиной Сара.

Бетти склонила голову набок. Все, что говорила Сара, казалось ей бессмыслицей, особенно ее объяснение.

— Она ударилась головой, когда ее поднимали на скалу, к маяку, — добавила Сара. — Я видела, как это произошло. Удар был такой сильный, что у нее на голове появилась шишка, размером с яйцо.

— Как ее звали, мисс?

— Полагаю, ее звали Сара... Сара Джонс. — Сара притворилась, что пытается вспомнить имя.

Бетти ахнула, а сердце Сары бешено заколотилось, но она отчаянно старалась контролировать себя.

— В чем дело, Бетти? — спросила она так спокойно, как только могла.

Не говоря ни слова, Бетти направилась к своему дому. Сара посмотрела ей вслед. Она подумала о том, что, возможно, Бетти и узнала ее историю, но она не сможет разоблачить ее, нет никаких доказательств. Поскольку не было никаких шансов, что настоящая Амелия появится в Кингскоте, Саре было не о чем волноваться. И снова она вспомнила крошечную тюремную камеру. «Если Бетти и раскрыла меня, то я сделаю все, чтобы остановить ее», — подумала Сара. Девушка посмотрела на отвесные скалы вдалеке. Абсолютно все!

Кейп-дю-Куэди

Амелия не поверила своим глазам, когда прямо перед завтраком Карлотта появилась на ферме. Амелия копалась в огороде, когда итальянка подошла к ней с корзинкой, прикрытой салфеткой. Из корзинки доносился восхитительный аромат свежесдобитого хлеба.

— Я пришла проведать вас, — сладким голосом проговорила Карлотта.

— Со мной все в порядке, — спокойно ответила Амелия. Ей показалось, что итальянка чего-то от нее хочет. Но чего?

— Это хорошо, *si*. Я прошу прощения, что вчера ударила вас, но мне пришлось это сделать. Вы были... как сказать, совершенно не в себе. Вы

понимаете, *vero*?

— Полагаю, у меня была истерика. Не каждый день приходится видеть тело, частично объеденное акулами. Но не думаю, что вам стоило бить меня по щекам. — Амелия продолжила свое занятие. Всю ночь ей снились кошмары, она часто просыпалась. Девушка боялась, что теперь, закрывая глаза, всегда будет видеть останки бедняги.

— Наверняка это было ужасно, — посочувствовала Карлотта. Ей хотелось добавить, что не надо было ходить в пещеру с Габриелем, но прикусила язык. — Я принесла вам пряный итальянский хлеб и немного абрикосового джема. Он сделан из консервированных абрикосов, так как у нас нет свежих фруктов, но все равно он очень вкусный.

— Спасибо, — поблагодарила Амелия. Ее удивило внезапное изменение отношения Карлотты к ней. Она не верила итальянке и сомневалась в ее искренности.

Карлотта собиралась еще что-то сказать, но тут из-за дома появился Эван.

— Доброе утро, — поздоровался он.

— Доброе утро, синьор, — улыбнулась Карлотта.

Она пошла к нему навстречу, покачивая широкими бедрами. Амелия наблюдала за ней. Карлотта явно знала, как обольщать мужчин. Даже грубого, неуклюжего Эвана она буквально гипнотизировала.

— Я принесла хлеба и джем, — промурлыкала Карлотта. — Тут хватит вам и детям.

— Это очень мило с вашей стороны, — смутился Эван. — Мы съедем это на завтрак. — Он взглянул на Амелию, которая продолжала наблюдать за ними.

— Мне нравится готовить, и я хорошо умею это делать, поэтому я принесу вам и детишкам что-нибудь еще, *vero*?

— Не хочу утруждать вас, — отказался Эван.

Он пек пресные лепешки, и даже Амелия научилась их делать, хотя ее лепешки были жесткими, как камень. Эван очень соскучился по хлебу, который пекла его жена.

— Мне совершенно не трудно. — Карлотта улыбнулась Майло, который стоял рядом с отцом. Джесси и Молли с любопытством выглядывали из двери. От взгляда на детей Эвана в Карлотте пробудился материнский инстинкт. Она очень хотела иметь своих детей, но не от Эдгара. Карлотта четко знала, кого она хочет видеть отцом своих детей. — Если я что-нибудь могу сделать для вас, синьор, или для детей, просто дайте мне знать, *vero*?

— Мы справимся сами, — гордо заявил Эван. — Но я благодарю вас за предложение, миссис Диксон.

— Зовите меня Карлотта, синьор. — Она протянула Эвану корзинку. — Приятного аппетита.

— Спасибо, Карлотта.

Эван направился в дом, а Карлотта снова подошла к Амелии.

— Габриель сегодня сказал мне, что вы ничего не помните до того момента, как оказались здесь. Это ужасно, *vero*?

— Это сущий кошмар, — призналась Амелия.

— Не представляю, как тяжело мне было бы не помнить свою семью и детство. — Карлотта очень скучала по своей семье, особенно по сестрам и по матери, и мечтала о том дне, когда сможет увидеть их снова.

Амелия не ответила. Ей было больно думать об этом, поэтому она вообще отгоняла такие мысли.

— Вы не помните, как были в тюрьме? — спросила Карлотта. Она знала, что эти слова причинят девушке страдания, но Карлотта не смогла себя пересилить.

— Я не верю, что я Сара Джонс, — сердито ответила Амелия.

Карлотта удивилась такой бурной реакции. Она думала, что эта девушка слишком слабая и мягкотелая.

— Я хотела бы вам помочь, — продолжала итальянка.

— Не знаю, что вы можете сделать. — Теперь удивилась Амелия.

— Я могу стать вам другом, *vero*, — ответила Карлотта.

Амелию поразило ее предложение.

— Нас здесь только двое, и мы должны держаться вместе, как сестры. Разве вы не согласны? — настаивала Карлотта.

— Я... наверное, да, — разволновалась Амелия.

Ей было бы легче, если бы рядом оказался человек, с которым она могла бы поделиться, но Амелия не доверяла итальянке. Она еще могла поверить в то, что та хочет завязать с ней дружеские отношения, но стать сестрами, это уж слишком. Карлотта покинула ферму, довольная своими успехами, а Амелия задумалась над мотивами поведения итальянки. Она была уверена, что все это как-то связано с Габриелем.

После ужина Эван и дети обычно сразу ложились спать. Амелия видела их только на следующее утро. У нее не было выбора, кроме как отправляться в свою одинокую хижину и размышлять о том, почему ее приняли за заключенную. Но этим вечером, после визита Карлотты, тревога и отчаяние охватили Амелию. Она знала, что не сможет заснуть, и

решила не ложиться рано. Эван явно не одобрил бы ее ухода с фермы, но Амелия все же рискнула и тихо направилась к маяку. Она надеялась, что Габриель дежурит сегодня. Ей очень надо было поговорить с тем, кому она может доверять.

Войдя внутрь маяка, Амелия остановилась у начала деревянной лестницы.

— Габриель, вы там? — Эхо отозвалось, вторя ее словам, взлетая вверх башни, сделанной из тысяч кусков местного гранита.

Услышав его ответ, она начала подниматься по лестнице. Добравшись до верха, Амелия запыхалась. Она увидела закат. Огненный шар солнца только что коснулся поверхности моря, и небо на горизонте расслоилось на полосы ярко-оранжевого, золотого, красного и малинового цвета. Амелия замерла в восхищении.

— Как вы себя чувствуете? — спросил ее Габриель.

Он был рад, что сегодня забыл запереть дверь маяка. Габриель подравнивал фитили в лампе, и делал это каждые четыре часа. Оптический механизм состоял из вращающихся параболических отражателей, приводимых в движение гирей, через специальную систему блоков. Линза весила три тонны и находилась в ртутной ванне для того, чтобы снизить трение во время движения по окружности. Весь этот механизм приводился в движение с помощью почти семидесятикилограммовой гири. И принцип был тот же самый, что и в обычных дедовских часах.

— Я боюсь закрыть глаза, — призналась Амелия.

Габриель прекрасно понял, что она имеет в виду.

У него было дежурство в тот день, когда они нашли труп. После того как он побывал на ферме Эвана в надежде увидеть Амелию, Габриель вернулся домой и попытался заснуть, но не смог. Он надеялся, что после сегодняшнего дежурства ему удастся заснуть.

— Когда нас слишком одолевают ужасы жизни, красота природы может вселить покой в наше сердце, — вслух размышлял Габриель. Хотя он не был очень набожным человеком, иногда задумывался о рае, высшей силе и судьбе. — Природа помогает мне размышлять о жизни и смерти. Эван говорил вам, что я приходил сегодня утром на ферму? — спросил Габриель.

— Да, он упоминал об этом... причем довольно странно, когда принес мне завтрак.

— Мне даже страшно спросить, какой прием вас ждал, когда вы вернулись вчера на ферму. Я знаю, каким может быть Эван. Иногда он ведет себя как разозленная гадюка. — Вероятно, подумал Габриель, Эван

был слишком груб, и он принес ей завтрак в качестве своеобразного извинения.

— Он просто неистовствовал. Сесилия сказала, что он решил, будто бы я убежала. Сегодня утром он сказал мне, что я не смогла бы выжить.

— Он прав.

— Я могу ошибаться, но у меня сложилось впечатление, что вчера он волновался за меня. Определенно он странный человек.

— Это моя вина. Если бы я не попросил вас о помощи...

— Вы не виноваты, Габриель. Никто не ожидал, что мы найдем труп, но беднягу надо было похоронить. Я понимаю. Уверена, что и Эван тоже понимает это. Он просто слишком упрям, чтобы это признать. — Амелия замолчала, вспомнив гневные слова Эвана. — По крайней мере, я извлекла некоторую пользу из всего случившегося сегодня, если можно так сказать. И это меня обрадовало.

— В каком смысле?

— Я узнала о преступлении, которое совершила Сара Джонс.

Габриель промолчал. Он считал, что девушке самой решать, говорить ему об этом или нет.

— Эван сказал, что я... Сара Джонс украла браслет у дочери хозяйки. Я не могла сделать этого. Сама мысль об этом представляется мне омерзительной. Потом, если у меня были хозяева, значит, я была прислугой. Не кажется ли вам это странным, учитывая мою неспособность к домашним делам?

— Кажется.

— Если бы Эван подумал об этом, то наверняка тоже согласился бы.

— Вы правы.

— Вы действительно так думаете? — с радостью спросила Амелия.

— Да. Действительно, если бы вы работали прислугой, ваши руки не были бы такими нежными. — Впервые Габриель понял, что действительно произошла ошибка, девушку приняли за другую. Но доказать это будет трудно.

— Я надеялась, что вы правы. — Амелия снова загрустила.

— В чем?

— Если бы я нарушила закон, то сделала бы это по какой-то причине. Возможно, я смогла бы жить с этим, но кража браслета... какая нелепость. Я просто не верю, что могла бы его украсть. Вероятно, это сделал кто-то другой. — Несколько минут Амелия наблюдала за лучом. Свет давала лампа с несколькими фитилями. Свет усиливался с помощью линз и направлялся в сторону открытого моря с определенными интервалами.

— Вы не можете винить себя, когда вам так мало известно о прошлом, — успокаивал ее Габриель.

— Если бы я вспомнила хоть что-нибудь, — размечталась Амелия.

— Вам нужно просто запастись терпением, — продолжал Габриель. Он думал о том, что надо написать начальству тюрьмы на Ван-Демьенз-Лэнд и узнать что-нибудь о Саре Джонс. Но говорить об этом девушке пока не стоит, чтобы не обнадеживать ее понапрасну.

— Сегодня на ферму приходила Карлотта, — добавила Амелия.

— Неужели? — Габриель не сказал Амелии, что Карлотта собирается навестить ее. Тогда он не поверил, что она действительно это сделает.

— Она принесла итальянский хлеб и абрикосовый джем. Детям он очень понравился.

— Как мило с ее стороны, — заметил Габриель. Он надеялся, что Карлотта нашла себе занятие, которое может отвлечь ее внимание от него самого.

— Да, действительно.

— Вы так говорите, словно не доверяете ей. — Что-то в тоне девушки пробудило в Габриеле любопытство.

— Если быть до конца откровенной, я не совсем понимаю, чего она добивается. — Амелия не хотела рассказывать Габриелю, что Карлотта говорила о нем по-итальянски. Он жил рядом с Диксонами, поэтому не стоит их ссорить. — Когда мы встретились в первый раз, Карлотта отнеслась ко мне очень холодно, а теперь... она хочет, чтобы мы стали близки, как сестры. Не представляю, что она задумала, но у меня плохое предчувствие. И я собираюсь все выяснить.

У Габриеля были свои соображения по поводу Карлотты. Вульгарные манеры итальянки отталкивали его, но явно она старается завлечь его. Габриель подумал, что лучше сменить тему.

— Как вы ладите с детьми Эвана?

— Сейчас намного лучше. Малыш Майло начал проводить со мной больше времени. Полагаю, ему не хватает материнской ласки.

— Смерть Джейн стала для всех тяжелым испытанием, особенно для самых маленьких.

— Довольно странно, но я несколько раз на этой неделе назвала Майло Маркусом. Не знаю почему.

— Наверное, он напоминает вам ребенка, которого вы знали.

— Думаете, что у меня есть сын по имени Маркус?

— Сомневаюсь. — Габриеля удивили слова девушки, Ему почему-то не хотелось верить в то, что она была замужем.

Амелия заметила, что он взглянул на ее руку, где должно было быть обручальное кольцо. На безымянном пальце не было даже никакой отметины. Амелия вдруг подумала, что, может быть, у нее есть внебрачный ребенок. Но вряд ли она принадлежит к женщинам подобного типа.

— Можно ли, глядя на женщину, сказать, был ли у нее ребенок или нет? — поинтересовалась она.

Габриель взглянул на ее тонкую талию.

— Нет, не думаю. Наверное, есть признаки, по которым можно это определить, но я никогда не был женат, и едва ли могу считать себя экспертом.

— А вы собираетесь жениться когда-нибудь? — спросила Амелия. Она поняла, что это нескромный вопрос, но слова слетели с ее губ прежде, чем она подумала об этом.

— Я бы хотел связать свою жизнь с кем-нибудь... однажды. — Габриель вдруг подумал, что только сейчас пришел к такому решению.

— А где вы надеетесь встретить ее? Потенциальную жену волны не выбросят на берег, точно русалку, — засмеялась Амелия.

— Это еще неизвестно, — улыбнулся Габриель.

Амелия покраснела, внезапно поняв, что именно так он и нашел ее.

Несколько секунд они молчали, глядя друг на друга в сумерках, в перерыве между вспышками света от лампы. Тесная площадка маяка, казалось, сближала их, подталкивала друг к другу. Амелия вдруг почувствовала, как у нее пересохло во рту, когда теплый взгляд Габриеля коснулся ее лица.

— Наверное, вам лучше уйти, — прошептал он.

— Я смущаю вас? — покраснела Амелия. — Это потому, что я осужденная, не так ли?

— Нет.

Внезапно снизу раздался голос Карлотты. Она звала Габриеля.

Он застонал от огорчения.

— Я не хочу, чтобы она видела меня здесь, — испуганно прошептала Амелия.

— Я скоро отделаюсь от нее, — пообещал Габриель. Он пошел к лестнице, и они одновременно вздрогнули, когда их руки нечаянно соприкоснулись. Габриель поспешил вниз по ступеням.

Карлотта уже начала подниматься, но Габриель успел перехватить ее у самого начала лестницы.

— Что вы хотите? — холодно спросил он.

— Я принесла вам чаю, — проговорила Карлотта, и ее черные глаза

призывно заблестели.

Габриелю нравился Эдгар, он чувствовал, что англичанин хороший человек, поэтому поведение итальянки разозлило его.

— Я всегда пью только свой чай, — сухо отказался Габриель.

— Чай очень горячий. — Карлотта шагнула ближе к Габриелю. Ее хищные глаза горели.

— Он мне не нужен, — резко произнес он. Заметив удивление на ее лице, Габриель добавил: — Тем не менее спасибо. Я должен возвращаться. Мне надо подровнять фитили.

— Я могла бы составить вам компанию, не хотите?

— Нет, мне нужно сосредоточиться. — Он подождал, пока Карлотта с огромным нежеланием спустилась вниз.

— Доброй ночи, — с обидой в голосе проговорила она.

— Доброй ночи, — пожелал Габриель, заперев за ней дверь.

На улице итальянка вскипела от злости. Она слышала, как Габриель закрыл за ней дверь, и ее обидело то, что он обращался с ней как с надоедливой мухой. Внезапно ей в голову пришла мысль, что Габриель, возможно, не один. Карлотта немного отошла и посмотрела вверх на площадку, но она ничего не могла разглядеть. Хотя было уже слишком поздно для визита вежливости, она все же решила навестить осужденную.

— Она ушла, — облегченно вздохнул Габриель, поднявшись наверх.

— Я пойду, как только стемнеет, — сказала Амелия.

Солнце скрылось за горизонтом, поэтому наступления темноты оставалось ждать недолго.

Габриель ничего не ответил.

— Простите, что доставляю вам неудобства, — извинилась Амелия, не глядя на Габриеля. — Я больше не приду.

— Я думаю, мы оба понимаем, что между нами есть взаимная симпатия, — хрипло прошептал Габриель. — Нас влечет друг к другу, и вы это чувствуете. — Он не сказал, что это очень опасное влечение, но считал именно так.

— Не могу этого отрицать, — прошептала Амелия, посмотрев на него. Девушка не могла даже мечтать, чтобы он чувствовал так же, как и она.

— Учитывая наши обстоятельства, нам нельзя начинать того, чего не сможем продолжить.

Его слова, хотя и абсолютно верные, ранили Амелию.

— Вы правы. Я не имею права ставить вас в неудобное положение — пробормотала она. — Но вы единственный, кому я могу доверять, с кем могу поделиться.

— Вы хотели бы, чтобы мы были друзьями? — спросил Габриель.

— Да. Вы нужны мне, как друг. Я очень одинока. — Чувства Амелии были гораздо сильнее дружеских, но она намеревалась подавить их в себе, чтобы сохранить Габриеля в своей жизни. У нее не было права ожидать чего-то большего.

— Хорошо, я буду вашим другом. В данных обстоятельствах мы не можем позволить себе большего. Надеюсь, вы понимаете. — Габриель знал, что если их отношения продолжат развиваться, то девушку снова могут отправить в тюрьму. Он не хотел рисковать, так как желал, чтобы она оставалась рядом с ним. Габриель протянул Амелии руку. Когда она положила свою маленькую ладонь в его, она почувствовала тепло и нежность. Взглянув Габриелю в глаза, Амелия увидела в его взгляде что-то большее, чем просто дружба. Габриель и Амелия вступили на опасную почву, но было очевидно, что ни у кого из них нет сил отступить.

Амелия дошла до открытого места перед фермой, когда увидела свет возле лампы своего домика. Остановившись и затаив дыхание, она следила за пятном света, молясь, чтобы Эван не обнаружил ее исчезновения. Когда же лампу поставили на землю, Амелия заметила в ореоле света контур широкой юбки и узнала в темном силуэте Карлотту.

«Что ей здесь нужно?» — разозлилась девушка. Карлотта не должна была увидеть, что Амелия идет со стороны маяка, поэтому девушка зашла за большой дом Эвана, затем вышла между двумя строениями. Сердце Амелии бешено билось, но надо было успокоиться и сделать вид, что она очень удивлена появлению Карлотты.

— Боже мой, откуда вы? — Амелия с трудом пыталась дышать ровно.

— Я искала вас, — ответила итальянка. — Где вы были?

— В уборной. — Ее тон рассердил Амелию.

— Так долго? Я тут уже, по крайней мере, минут двадцать.

Амелии рисковать было нельзя, Карлотта могла причинить ей лишние неприятности.

— Я ходила проверять ягнят.

— Без лампы? Как вы их вообще увидели?

— Они белые, поэтому их легко различить в лунном свете. Зачем вы пришли? — Амелия пыталась сдерживать свое раздражение.

Карлотта не знала, что сказать. Она очень разозлилась, что не застала преступницу в своей хижине, и решила, что та с Габриелем. Ревность затмила ее разум, поэтому она не успела ничего придумать.

— Эдгар спит после дежурства, поэтому... я подумала, что мы можем

поговорить.

— Мне приходится рано вставать, поэтому я устала, Карлотта. Может быть, в другой раз? — Амелия совершенно не желала проводить с итальянкой время.

— *Si*, поговорим завтра. — Карлотта не поверила Амелии и решила еще пристальнее понаблюдать за ней. — Доброй ночи, — пожелала она.

— Доброй ночи.

Амелия вошла в свою хижину, закрыла дверь и вздохнула с облегчением. Может, ей удалось убедить Карлотту в том, что она не была с Габриелем. Но итальянка была очень подозрительной и хитрой, поэтому нельзя на сто процентов быть уверенной в этом. Сняв платье и надев одну из ночных рубашек Джейн, Амелия продолжила думать о Габриеле. Ее сердце гулко забилося, когда она вспомнила его признание в своих чувствах к ней. Но радость сменилась печалью, ведь они не могли думать о совместном будущем, пока она была осужденной, преступницей, направленной сюда работать.

После ухода Амелии, Габриелю с огромным трудом удавалось сосредоточиться на работе. Все его мысли были о девушке. Габриель думал о том, кем она была и как он может помочь ей доказать, что она не преступница. Он задавался вопросом, стоит ли связаться с другой девушкой, выжившей после кораблекрушения, с молодой леди, которая приехала к Эшби. Но именно она сказала, что женщину, которую направили на ферму Эвана, зовут Сара Джонс. Поэтому если это ошибка, то допустила ее та леди. Габриелю с каждым днем становилось все очевиднее, что это ошибка. Он решил, что напишет два письма. Одно начальству тюрьмы на Ван-Демьенз-Лэнд, а другое подопечной Эшби. Корабль с продуктами должен был прибыть со дня на день, и поэтому медлить было нельзя.

Кингскот

Сара старалась получить удовольствие от поездки с Лэнсом, но после разговора с Бетти ее преследовали воспоминания о годах, проведенных в тюрьме. Она старалась забыть об этом тяжком времени, ей казалось, что уже удалось, но встреча с Бетти вернула ее к реальности. Теперь она поняла, что шрамы прошлой жизни, все эти болезненные воспоминания

навсегда останутся с ней. Но она была не так глупа, знала, что ее махинация потребует много сил и терпения. Пока все шло весьма успешно, но теперь Бетти Хаммонд может все испортить. Нельзя позволить этой аборигенке встать у нее на пути к обретению огромного наследства, возможности завладеть сердцем Лэнса Эшби. Нужно будет что-то предпринять, когда эта женщина решит помешать ей.

Лэнс зажег лампу, когда они вышли из экипажа. Они проделали небольшой путь к берегу недалеко у отеля «Озон». Взяв девушку за руку, он предупредил ее, чтобы она шла как можно тише. Они вместе направились к камням, откуда открывался хороший вид. Лампу Лэнс поставил на камни позади, чтобы у них была возможность все видеть и не пугать при этом пингвинов.

— Этих пингвинов называют карликовыми, — прошептал Лэнс.

Волны накатывали на берег одна за другой, и птицы выскакивали из воды. Сара с трудом удержалась, чтобы не вскрикнуть от радости. Пингвины бросались к своим убежищам, скрытым под кустами, камнями и в других укромных местах. Они вели себя довольно шумно, но были очень забавными и милыми, когда неуклюже шагали по земле.

— Их брачный период с марта по май, так что некоторые из них подростки, которые учатся у взрослых, — прошептал Лэнс.

— Они замечательные, — восторгалась девушка.

Понаблюдав за ними некоторое время, Лэнс предложил вернуться.

Когда они устроились в экипаже, она сказала, что хочет просто посидеть здесь немного.

— Ты уверена, что ветер не слишком холодный?

— Нет, я люблю запах моря. — Запах был крепким и бодрящим.

Сара дрожала, и Лэнс обнял ее за плечи. Его жест был нерешительным, словно он ожидал, что она воспротивится этому, но Сара приняла его объятия с удовольствием.

Сара глубоко вдохнула, смакуя соленый воздух. Холодный бриз, обдувающий ей лицо, помогал ей почти полностью отогнать прочь воспоминания о том времени, которое она провела в тюрьме.

— Я заметил, когда мы первый раз ездили на прогулку, ты тоже делала глубокие вдохи. Почему? — спросил Лэнс.

Вопрос застал Сару врасплох. Она судорожно попыталась найти объяснение.

— Я... люблю свежий запах океана. А ты разве нет?

— Полагаю, я просто давно привык к нему, — ответил Лэнс. Он считал, что и она тоже привыкла к морскому воздуху, поскольку жила в

Хобарт-Таун много лет. Как и Лэнс, Амелия Дивайн родилась в Англии, а затем их семьи эмигрировали вместе. В первое время они устроились в Мельбурне. Генри и Чарльтон обсудили различные варианты. Генри решил, что у Хобарт-Таун хорошие перспективы, а Эшби переехали на Кенгуру-Айленд. Эдна и Камилла были очень огорчены тем, что им придется расстаться, но обоим пришлось последовать за мужьями.

— Я могла смотреть на звезды всю ночь, — добавила Сара, посмотрев на небо.

Объятие Лэнса успокоило ее, и она снизила бдительность. В тюрьме она закрывала ночью глаза и представляла, что смотрит на ночное звездное небо. Это помогало ей сохранять внутреннюю чистоту.

— Ты думала о моем предложении поговорить о твоей семье? — спросил Лэнс.

— Да, Лэнс, но... я не могу. Пожалуйста, постарайся понять.

— Я понимаю, Амелия. Но я уверен, что нельзя скрывать свои эмоции. Однако я уважаю твое желание.

— Спасибо. Может быть, со временем я почувствую себя по-другому, но пока для меня это слишком больно. Пожалуйста, будь терпим. — В лунном свете Лэнс был особенно красив, настоящий идеал мужчины.

— Мама сказала мне, что ты вскрикиваешь во сне. Тебя наверняка мучают кошмары.

Сара охнула. Она просыпалась по ночам в холодном поту, сердце готово было вырваться у нее из груди, но она даже не представляла, что кричит во сне. Лэнс думал, что все это из-за смерти ее семьи, а Саре снилось, что тюремщики пришли за ней, чтобы забрать ее обратно в Каскейд, теперь уже навсегда. Этот кошмар повторялся каждую ночь с тех пор, как она стала жить в доме Эшби.

— Может, если я лягу спать с мыслью о том, какой прекрасный вечер провела с тобой, этого больше не случится, — улыбнулась Сара.

Лэнса опечалила ее несерьезность.

— К сожалению, Амелия, естественно, что ты переживаешь смерть своих родителей. Вряд ли такое можно избежать, но когда ты захочешь поговорить, я всегда к твоим услугам.

Сара подумала, что сейчас не следует ей улыбаться, надо показать свою печаль.

— Спасибо, — прошептала она и опустила глаза. — Мне становится легче, когда ты просто рядом. — Сара вздохнула и положила голову Лэнсу на плечо.

У Лэнса снова возникло неприятное чувство, что Амелия принимает

его совсем не как друга, и ему стало неловко. Последние несколько дней Лэнс думал о том, как осторожно дать Амелии понять, что он будет ей только другом и на большее она рассчитывать не должна. Наконец он решил пригласить кого-нибудь на свидание. Лэнс несколько раз встречался с Оливией Хорн. Она работала клерком в том же банке, что и он. Приближался Праздник урожая, который проходил, когда срывали первые колосья, и Лэнс решил, что пригласит Оливию. Тогда подопечная его родителей поймет, что его интерес к ней чисто платонический.

У Лэнса не было чувства, что он использует Оливию, она действительно нравилась ему, и он надеялся, что их отношения могут перерасти в нечто гораздо более серьезное.

Сара посмотрела на Лэнса. Ей отчаянно хотелось поцеловать его, но она не осмелилась даже пошевелиться.

— Я должен отвезти тебя домой, пока ты не простудилась, — проговорил Лэнс и убрал руку с плеча Сары. Когда молодой человек направил лошадь к дому, девушка еще раз взглянула на звезды, но они исчезали за набегаящими на небо облаками. Будут и другие ночи... я уверена в этом, подумала она.

Глава 10

Кейп-дю-Куэди

— Не знаю, что случилось с Сисси, — проворчал Эван после завтрака.
— В последнее время она стала слишком капризной.

— Наверное, виной тому ее возраст, — заметила Амелия. Она выгребала золу из старой печи, поднимая тучу пыли.

— А при чем здесь ее возраст? — бросил Эван.

Он не мог спокойно наблюдать за работой Амелии, всегда терял терпение. По сравнению с его милой Джейн она была совершенно неспособна к домашней работе.

Амелия повернулась к нему. Ее щеки и нос были в черных пятнах от золы. Эван сидел за столом с Майло на коленях. Амелию раздражало, что он так откровенно баловал вниманием своего сына.

— Девочки всегда становятся раздражительными и своенравными на пороге зрелости. Это просто период взросления. Этот период пройдет, но пока вам придется набраться терпения.

— Откуда ты столько знаешь? У тебя были младшие сестры?

— Я... не знаю. — Амелия думала об этом сотни раз, но не могла ничего вспомнить о своей семье. — Раз уж мы коснулись темы девочек, — продолжала она, — то ваши дочери не проявляют ни малейшего интереса к учебе. Было бы замечательно, если бы вы как-нибудь поощряли их.

— Им нужно знать одно — как сделать своих мужей счастливыми. А какую пользу принесет им знание столиц Америки или Англии?

Амелия смотрела на Эвана. Она была уверена, что именно такое отношение отца к учебе расхолаживает девочек.

— А вы знаете? — спросила она.

Эван на мгновение словно застыл.

— Нет, и могу сказать, что это не принесло мне никакого вреда. Я бы попросил тебя научить моих девочек готовить и шить. Вот что им было бы полезно, но поскольку тебе самой нужно этому учиться, я только впустую трачу слова.

Амелия подавила приступ гнева. Ей давно стало ясно, что Эвану бесполезно объяснять что-либо. У нее появилась новая идея.

— Я бы хотела, чтобы у нас была музыка. — Амелия не знала почему, но мечтала послушать музыку.

— Музыка! Это еще зачем?

— Музыка — это замечательно. Она может пробудить у детей интерес к учебе и, возможно, помочь развитию способностей к искусству.

— К искусству! Ты сошла с ума, женщина?

— Нет, я в своем уме. Нет ничего плохого в том, чтобы быть разносторонне развитым человеком.

— А ты не заметила, то здесь поблизости нет ни картинных галерей, ни концертных залов?

— Чтобы послушать музыку, не обязательно идти в концертный зал. Я уверена, что у многих дома есть музыкальные инструменты. Детей надо поощрять обучению игре на любом инструменте, пусть даже не самом простом. Музыка смягчает душу, и вашим детям это вовсе не помешает.

В дверях дома стоял Габриель. Он слышал большую часть разговора, и понял, почему у Эвана такой вид, что он вот-вот готов взорваться. Габриель прокашлялся, чтобы его заметили.

— Я слышал, здесь кто-то говорил о музыке...

Амелия повернулась, и ее сердце забилося быстрее.

— Да, я только что говорила Эвану о своем желании дать детям послушать музыку.

Эван сжал зубы.

Габриель знал, что он думает о Джейн. Иногда он был в доме, когда Джейн пела детям колыбельную, укладывая их спать. Эван любил слушать ее пение, и хотя он никогда не признавался в этом, от ее песен ему становилось хорошо на душе.

— В кладовке стоит пианола, — сообщил Габриель.

— Неужели? — обрадовалась Амелия.

— Да, ее оставил там прошлый смотритель. Пианола принадлежала его жене, и они должны были вернуться за ним еще месяц назад. Я сомневаюсь, что они теперь приедут, могу, правда, и ошибаться. Но мне кажется, что они не будут возражать, если мы на время одолжим инструмент.

— Это было бы замечательно. — Амелия позвала девочек. — Вы бы хотели послушать музыку? — спросила она их.

— Музыку! — повторили они восторженно. Они никогда не слушали музыку, но, кроме Майло, помнили, как мама иногда им пела.

— Ну что ты наделал? — возмутился Эван.

— А что в этом плохого, Эван? — удивился Габриель. — Это может быть полезно для девочек и Майло. Пойдем принесем пианолу.

— Сейчас?

— А почему нет?

Эван разозлился, а девочки завизжали от восторга.

— Тихо, — прикрикнул он, и девочки замолчали, опасаясь гнева отца.

Очень неохотно Эван помог Габриелю принести пианолу к нему в дом. Она оказалась такой тяжелой, что пришлось позвать на помощь Эдгара. Амелия стерла с инструмента пыль, повернула заводную ручку, и музыка наполнила маленький домик. Роза немедленно спросила, можно ли повернуть ручку, и Амелия позволила ей это сделать.

Мелодия называлась «О, мой папа». От этого мотива у Амелии почему-то выступили слезы. Она вытерла их. Вероятно, это были слезы радости оттого, что она снова слышит музыку.

Габриель подошел к девушке, взял тряпку из ее рук и уголком материи стер пятна золы с ее щек и носа. Он сделал это так трогательно, что Амелия не почувствовала никакой неловкости. Звуки мелодии наполняли ее сердце, и она не смогла удержаться, взяла Габриеля за руку и начала вальсировать с ним по комнате. Он чувствовал себя неловко, а она танцевала легко и грациозно, словно делала это каждый день. Эдгар захолопал в ладоши и широко улыбнулся.

Дети восторженно наблюдали за танцем, а затем все вместе тоже захолопали в ладоши.

— Где вы научились так танцевать? — спросил Габриель, когда остановился, чтобы отдышаться. — Это невероятно!

— Не знаю, но я люблю танцевать, — ответила Амелия.

— Вы прекрасно танцуете. — Габриель был поражен ее способностями.

— Без сомнения, — добавил Эдгар. — Я никогда не видел подобной грации.

Амелия зарделась, попыталась вспомнить, когда танцевала в последний раз. Но не смогла.

— Увидимся позже, — попрощался Эдгар. Он боялся, что жена заметит его отсутствие.

— Спасибо за помощь, — крикнула Амелия ему вслед.

Эван хранил молчание. Все перемены на его ферме после появления Амелии тревожили его.

— Покажешь мне, как танцевать? — спросила Сисси.

— Хорошо, — ответила Амелия. Она взяла ее за руки, положила одну руку на талию девочки. — Локоть вверх. Обычно подбородок нужно тоже приподнять, но пока ты можешь смотреть за движением моих ног и следовать за мной, — учила Амелия. — Раз, два, три. Раз, два, три.

Сисси неуклюже следовала за Амелией, но глаза девочки горели от

удовольствия.

— *Tresbon*, Сесилия, — проговорила девушка, когда они вдвоем сделали круг по комнате.

— Что ты сказала? — не поняла Сисси.

Амелия ахнула и прикрыла рот рукой.

— Я сказала: «Очень хорошо, Сесилия». — Девушка смутилась, ведь она произнесла эту фразу по-французски.

— Вы только что говорили по-французски, — удивился Габриель.

— Действительно, — смутилась Амелия. Она не знала, почему так сказала.

— А как сказать... — Сесилия оглядела комнату. — Стол и стулья.

— *Letableetleschaises*, — ответила Амелия, почти не задумываясь.

Сесилия и Роза с восхищением повторили слова.

— А как будет море и небо? — допытывалась Бесс.

— *Megetdel*, — ответила Амелия.

— А танец и музыка? — заинтересовалась Сесилия.

— *Danseetmusique*, — просияв, ответила Амелия. Она взяла листок бумаги и записала все по буквам, чтобы девочки видели разницу между английскими и французскими словами. Девочки увлеклись этим.

Внезапно Амелия поняла, что нашла ключ, как заинтересовать их учебной. Это очень обрадовало ее, и в то же время она задумалась, почему она так хорошо танцует, откуда знает и другие языки? Ответа она не находила.

— Откуда вы знаете французский? — спросил Амелию Габриель.

— Не имею понятия, — разволновалась она. Прошлое все еще было скрыто от Амелии. Она зажмурилась, пытаясь вспомнить хоть что-нибудь, но безуспешно.

Эван больше не смог спокойно наблюдать за происходящим и, проворчав, что его ждет работа, удалился.

Габриель страдал, видя, как терзается от неизвестности девушка. Он обнял ее за плечи, желая ее утешить. Амелия была благодарна Габриелю за поддержку и теплоту. Рядом с ним она не чувствовала себя одинокой.

— Я тоже должен идти, — прошептал Габриель. Он нежно улыбнулся девушке.

— Спасибо вам большое за то, что одолжили нам механическое пианино, — поблагодарила Амелия.

— Не за что. Лучше пусть оно послужит, чем будит пылиться в кладовке.

Габриель был доволен, что доставил хоть немного радости этой

девушке. Ее знание французского еще больше разожгло интерес Габриеля к ней.

— Где ты был? — спросила мужа Карлотта, когда он вошел в дом.

Эдгар очень удивился, ведь он отсутствовал совсем недолго, а она уже так разозлилась.

— Я помогал Эвану и Габриелю отнести пианолу на ферму.

Карлотта мылась, когда Эдгара попросили о помощи, поэтому она ничего не знала. Когда она заметила, что нет ни мужа, ни Габриеля, сразу заподозрила неладное.

— Пианолу! Где вы ее взяли?

— Она была в кладовке.

— Я ее не видела.

— Я тоже, она была накрыта одеялами. Габриель одолжил его Саре.

— Зачем это? — возмутилась Карлотта.

— Она и дети хотели послушать музыку. Теперь они отлично проводят время.

Карлотта могла не ходить на ферму, сгорая от зависти, или же отправиться туда и посмотреть, что там происходит. Итальянка решила пойти.

Следующие дни Амелия танцевала и пела французские песни с детьми. Габриель в это время написал два письма. Одно он направил мисс Амелии Дивайн в Хоуп-Коттедж, а другое — начальству тюрьмы на Ван-Демьенз-Лэнд. Карлотта ежедневно приходила на ферму, допрашивала Амелию, где та научилась танцевать и говорить по-французски. Много раз она намекала девушке, что у нее может быть семья, о которой она не помнит, и, вероятно, любовник, но Амелия не обращала на нее внимания. Она знала, что итальянка преследует свою цель, и это наверняка как-то связано с Габриелем.

Амелия не ходила к маяку, но Габриель навещал ее на ферме почти каждый день. Хотя Эван по большей части был занят делами вне дома, он все же заметил, что девочки стали счастливее, а Майло захотел проводить больше времени с Амелией. Изучая французский, девочки стали лучше знать и английскую грамматику, выучили больше слов и считали, что разговаривать на таком выразительном языке — *tres chic*^[2]. Карлотта предложила учить девочек итальянскому, но дети отказались, заявив, что им нравится, как звучат французские слова, особенно когда их произносит Амелия. Карлотта постаралась скрыть свое раздражение и обиду.

Амелия заметила, что, как только на ферму приходил Габриель, Карлотта появлялась вслед за ним. Итальянка явно следила за Габриелем, и казалось, что она не хочет, чтобы он проводил время с Амелией. Это раздражало Габриеля, который стал приходить на ферму более длинной дорогой, чтобы итальянка не знала, куда он направляется. Но уже через два дня Карлотта, увидев, что Габриеля нет ни дома, ни на маяке, шла на ферму. Габриель и Амелия поняли, что им никогда не удастся побыть наедине. Сначала Габриель считал это благом, так как его чувства к Амелии становились все нежнее и он не доверял себе, но потом он стал мечтать о том моменте, когда они смогут хоть несколько минут поговорить без свидетелей.

— Корабль с продуктами должен прийти завтра, — объявил однажды Габриель вечером, войдя в дом Эвана. Он посмотрел на Карлотту, которая пришла сюда за минуту до него. — Сегодня ложись спать пораньше, потому что почти целый день уйдет на то, чтобы сложить все в кладовую.

— Надеюсь, мои поросята на борту, — произнес Эван.

Амелия вздрогнула. Теперь ей придется кормить их и убирать за ними. Габриель улыбнулся девушке.

— Мне надо идти к маяку, — сообщил он. — Я просто хотел вам напомнить о приходе корабля. Мне нужно почистить стены дома, так как в этот раз они должны привезти побелку.

— Эдгар поможет вам, *vero*? — проговорила Карлотта. Она обратила внимание, как Габриель улыбнулся Амелии.

Его раздражало, что итальянка указывает своему мужу, что делать.

— Полагаю, что у Эдгара есть свои дела.

Когда Габриель направился к двери, Амелия последовала за ним на улицу, притворившись, что ей нужно что-то спросить про огород. Они понимали, что Карлотта наблюдает за ними через открытую дверь.

— Когда вы сегодня дежурите? — шепотом спросила его Амелия.

— В первую смену. Вы хотели прийти?

— Если вы не против. — Амелия застенчиво взглянула на него.

— Конечно нет, — обрадовался он.

— Тогда я приду. Приду, когда стемнеет. Жаль пропустить замечательный закат, но я не хочу, чтобы Карлотта видела меня.

— Будьте осторожны и закройте дверь, когда войдете.

Габриель направился к маяку, Амелия смотрела ему вслед. Проводить с Габриелем время в присутствии детей, Эвана и Карлотты было для нее сущей пыткой, ведь она не могла высказать ему свои мысли и чувства.

— Он привлекательный мужчина, *vero*? — заявила Карлотта, и Амелия

вздрагнула от испуга. Она не догадывалась, что итальянка стоит прямо за ее спиной.

— Смотрите, чтобы ваш муж этого не услышал, — ответила Амелия.

— Если Эван доложит начальству тюрьмы, что вы встречаетесь здесь с мужчиной, вас могут отправить обратно на Ван-Демьенз-Лэнд, *vero*? — прищурилась Карлотта.

— Этого не случится, я же ни с кем не встречаюсь.

— Уверены?

— Да, уверена!

Амелия испугалась, Карлотта действительно может доставить ей неприятности. Если итальянка застанет ее наедине с Габриелем, она наверняка все расскажет Эвану. Амелия не могла рисковать. Хотя она ненавидела ферму, но совсем не хотела, чтобы ее отправили куда-нибудь еще. Нужно было время, чтобы память вернулась к ней. Если она вспомнит что-нибудь, то тогда она сможет встречаться с кем и когда захочет. Никто и ничто не помешает ей любить Габриеля.

Габриель снова взглянул на часы. Была почти полночь. Он ждал Амелию с тех пор, как стемнело. Почему же она не пришла? Габриель волновался. Неужели Эван заметил, что она уходит с фермы? А может, Карлотта нанесла ей визит? Услышав, как внизу с шумом закрылась дверь, Габриель почувствовал, как его сердце на секунду замерло, но затем на лестнице раздались тяжелые шаги. Наверх поднимался Эдгар, чтобы сменить его.

Оказавшись на улице, во тьме, Габриель увидел свет в домике Диксонов. Карлотта все еще не спала. Он хотел отправиться на ферму к Амелии, но не желал рисковать, ведь Карлотта еще не ложилась. Итальянка, несомненно, очень мешала им. Он мог бы с ней справиться, но нельзя допустить, чтобы она причинила Амелии неприятности. С тяжелым сердцем он направился к себе домой, зная, что еще долго не сможет уснуть.

На следующий день очень рано Габриель отправился на ферму к Эвану. Солнце еще не взошло.

Когда после бессонной ночи Амелия вышла из своей хижины, Габриель шепотом позвал ее.

— Габриель, что вы здесь делаете так рано? — спросила она. В окне дома Эвана виднелись отблески пламени. Это Эван разжигал огонь в очаге.

— Почему вы не пришли вчера на маяк? — спросил Габриель.

— Из-за Карлотты. Она угрожала мне вчера, а я не захотела рисковать.

— Я так и решил.

— Простите, — извинилась Амелия. — Я очень хотела поговорить с вами.

— Надо что-то придумать, — ответил Габриель. — Предоставьте это мне. — Он долго думал, как устроить их встречу.

— Эван будет меня искать, — забеспокоилась Амелия.

Габриель взял ее руку в свою теплую ладонь и нежно сжал ее.

— Увидимся позже, — пообещал он.

Амелия улыбнулась, и даже в утренних сумерках было видно, как в ее карих глазах заблестали искорки радости.

После завтрака Амелия вместе с семьей Финнли направилась к бухте Вейрс-Коув встречать корабль. Требовалась любая пара рук, чтобы нести на ферму продукты и вещи, которые они заказали, и, конечно, Эван с нетерпением ждал прибытия шестерых поросят.

Пока команда корабля «Аргайлл» опускала якорь, провиант грузили на шлюпку, которая затем вошла в бухту и пришвартовалась у причала. Шлюпка сделала три ходки. Провиант выгрузили на причал, и затем Габриель складывал все в грузовую сетку, которую Эван поднимал наверх на скалу. Это была очень тяжелая работа, которая заняла много времени. Поросята все это время визжали в своих клетках, оставленных на причале.

— Кажется, они здоровы, — ликовал Эван.

— Кажется, они ужасны, — всерьез сокрушалась Амелия.

После полудня, когда на ферму уже перенесли довольно много продуктов, все очень устали. Семья Финнли взяла себе продуктов на несколько недель, а все остальное сложили в кладовую. Габриель попросил Карлотту все разобрать. Он дал ей список, где было указано, кто какие продукты и вещи заказал. Он надеялся, что работа займет у нее весь вечер и утомит ее. У Габриеля был план.

— Встретимся за курятником в девять часов, — прошептал он Амелии, протягивая ей мешок соли.

Девушка собиралась вернуться на ферму. Она молча кивнула, но казалась встревоженной.

— Доверьтесь мне, все будет хорошо, — пообещал Габриель.

Амелия снова кивнула и бросила взгляд на Карлотту, желая убедиться, что итальянка ничего не слышала. Когда Амелия оглянулась, Габриель тепло улыбался ей, и она почувствовала, что все действительно будет хорошо.

Глава 11

Кингскот

От послеобеденного сна Сару разбудили голоса, доносившиеся из кухни. Сара узнала сразу Эдну, но только через несколько минут она определила, что тихий и мягкий голос принадлежит Бетти Хаммонд. Сердце Сары чуть не остановилось от страха, когда она подумала, что от прихода Бетти ей надо ждать неприятности. Внимание Сары привлекли голоса с улицы. Она посмотрела в окно и увидела, что на дороге у дома играют дети. Двое мальчиков, примерно семи и восьми лет, и девочка лет пяти. Это были дети Бетти.

— Почему дети не в школе, Бетти? Я думала, по понедельникам они обычно занимаются после обеда. — Сара слышала, как Эдна спросила свою соседку.

— Сегодня весь день школа закрыта. Класс красят, миссис, — ответила Бетти, пока Эдна наливала ей чай.

Сара услышала на улице голос другой женщины и снова посмотрела в окно. С детьми разговаривала худенькая молодая женщина в темно-коричневом платье и большой шляпе, отделанной кремовой тесьмой. Она стояла спиной к дому.

— Добрый день, дети, — сухо поздоровалась женщина.

— Добрый день, мисс Стратборн, — эхом отозвались дети.

— Вы сделали домашнюю работу, которую я задала вам в пятницу, Эрнест? — Мальчик был на полпути к вершине огромного дерева, нависающего над тропинкой к дому, которое по утрам закрывало от солнца окно спальни Сары.

— Да, мисс Стратборн.

Сара догадалась, что женщина их учительница.

— Эрнест, ты говоришь правду? Я спрошу у вашей мамы.

— Я почти доделал ее, мисс Стратборн, — неуверенно ответил мальчик.

— Вам нужно было сразу сказать правду, Эрнест. Помните, раз солгал, лгуном на всю жизнь стал, — погрозила она мальчику пальцем. Это была еще одна простая рифма, с помощью которых мисс Стратборн учила детей запоминать слова. — Не забирайтесь слишком высоко, вы ведь можете упасть.

Учительница повернулась, и Сара увидела ее профиль. Ресницы

женщины и брови были такими светлыми, что казалось, будто их не существует вовсе. Нос напоминал узкий клюв, губы были тонкими, кожа совершенно бесцветной.

Количество детей аборигенов, которые ходили в школу, менялось почти каждый день, им было трудно придерживаться строгого расписания, но дети семьи Хаммонд ходили почти на все занятия. Мисс Стратборн настояла, чтобы в класс дети приходили в ботинках, хотя она хорошо знала, что и зимой, и летом дети редко носили обувь. Их ноги были грубыми, мозолистыми и пыльными. Учительницу поражало, как дети легко, ходят по гравиию.

— Вы повторяете времена, Мартин? — спросила она.

— Да, мисс.

— Элла-Джейн, а вы учите азбуку?

Элла-Джейн только что начала учиться. Она была очень застенчивой девочкой и опустила голову, затем набралась смелости и посмотрела на мисс Стратборн большими карими глазами. Девочка кивнула и снова принялась играть в пыли со своей куклой. Мухи ползали у нее по лицу. К этому брезгливая мисс Стратборн никак не могла привыкнуть, не могла понять, почему дети аборигенов совершенно не обращают внимания на мух, которые ползают вокруг их глаз, носа и рта. Глядя на это, мисс Стратборн всегда вздрагивала от отвращения.

— Умница, Элла-Джейн. — Учительница снова обратилась к мальчикам. — Ваша мама у миссис Эшби?

— Да, — ответил Мартин. Он палочкой делал в пыли канавки, пока его брат продолжал подниматься.

Мисс Стратборн обошла вокруг дома. Пока Сара поправляла прическу, она слышала, как Эдна поприветствовала учительницу и провела ее на кухню.

— У вас уши наверняка горят, Сильвия, — произнесла Эдна.

— О! — с волнением воскликнула классная дама.

— Мы с Бетти только что говорили о том, что школа сегодня закрыта.

— Да, это ужасно неудобно, — согласилась Сильвия. Она вытащила булавку, удерживающую шляпу на почти белых волосах. — Барнси и Джонно Форсайт начали работу в субботу утром, они клятвенно пообещали закончить ее в воскресенье днем. Ведь им надо было покрасить всего-то одну большую комнату, но двое взрослых мужчин не успели сделать это за два дня. Хорошо, если они закончат работу сегодня, но мне совсем не хочется работать завтра, вдыхая пары краски. — Она посмотрела на Бетти. — Я только что говорила с вашими детьми, миссис Хаммонд. Пожалуйста,

проверяйте, чтобы они делали домашнее задание.

— Хорошо, миссис.

— Я уже неоднократно говорила вам, миссис Хаммонд, что я мисс, мисс Стратборн. Я не замужем и не обручена. Департамент образования негативно относится к работе в школе замужних женщин, а поскольку мое призвание — учить детей, я не собираюсь бросать свою работу ради какого-то мужчины.

Бетти кивнула. Белая Сильвия Стратборн, как многие другие, относилась к ней свысока. Бетти сомневалась, что вообще какой-нибудь мужчина подойдет к двери дома Сильвии Стратборн. Просто стоя рядом с ней, он получит обморожение.

— Не хотите ли чаю? — спросила Эдна Сильвию.

— С удовольствием выпью чашечку, спасибо, Эдна.

— Всегда приятно видеть вас, — дипломатично начала Эдна, — но что привело вас к нам сегодня? — У Эдны были свои подозрения. В маленьком городке слухи распространяются очень быстро.

— Сегодня утром я разговаривала с Клер Томас, она рассказала мне, что у вас поселилась девушка, которая недавно потеряла своих родителей.

Как и предполагала Эдна, по городу пошла молва. Она даже не думала об этом, поскольку любила Камиллу и была просто счастлива приютить у себя ее дочь. В обществе у Эдны была самая безупречная репутация.

— Да, действительно. Ее мать была моей очень хорошей подругой. Недавно она погибла вместе с мужем и сыном, поэтому мы с Чарльтоном будем некоторое время присматривать за Амелией. Мы не стали представлять ее нашим друзьям, так как девушке нужно время, чтобы прийти в себя не только после утраты семьи, но и после кораблекрушения, как вам, наверное, успела рассказать Клер.

На самом деле Эдна пыталась вывести Амелию в свет, но та отказалась, сказав, что не готова.

— Клер упоминала о кораблекрушении. Какой ужас. Бедная девочка, должно быть, пережила шок, но теперь она в хороших руках. Клер не говорила, сколько ей лет, поэтому я решила узнать, может, девочка будет посещать школу?

— Нет, Амелии девятнадцать лет. Вообще-то она сама преподавала танцы и языки в Хобарт-Таун.

Сара остолбенела. Она не знала, что Амелия Дивайн преподавала языки. Интересно, написано ли об этом в ее тетради? Саре настолько не нравилась Амелия, что она даже не могла себя заставить прочитать ее тетрадь. Не в первый раз Сара подумала, что взялась за дело, которое ей

было не под силу.

— Неужели? — радостно воскликнула Сильвия. — Какие языки?

— Полагаю, французский и итальянский. Ее мать писала мне, что она учит еще какой-то язык, хотя Амелия никогда не говорила об этом. — Эдна внезапно поняла, что ее подопечная вообще никогда не упоминала о том, что преподавала. Эдна подумала, что Амелия, вероятно, соскучилась по своей работе, Камилла утверждала, что ее дочь очень любит преподавать. Но Амелия также никогда не упоминала ни о Генри, ни о Маркусе. Она явно замкнулась в себе от горя.

— Как мило, — произнесла Сильвия. — Я бы хотела познакомиться с коллегой.

Бетти называла такое отношение «я умнее всех», но также подметила в ее словах некоторую зависть.

— Вероятно, Амелия уже проснулась, — проговорила Эдна.

Сара ускользнула бы через окно и не появлялась в доме до тех пор, пока мисс Стратборн не уйдет, но она не могла поступить так, поскольку на дороге перед домом играли дети. Сара пыталась лихорадочно придумать что-нибудь. Не было никакой возможности достоверно объяснить Эдне, что она забыла три языка.

— Амелия, дорогая, — позвала Эдна из-за двери. — Ты встала? Я хочу кое с кем тебя познакомить.

— Мне... нездоровится, — прохрипела Сара и закашлялась.

Дверь открылась, и Эдна заглянула внутрь.

— Что случилось, милая?

— У меня разболелось горло, тетя. Голос пропадает... — хрипло прошептала Сара.

— О, девочка моя. — Эдна подошла к Саре и положила ладонь ей на лоб. — У тебя нет температуры, но пойдем на кухню. Я скажу Полли, чтобы она приготовила тебе черного чая с лимоном и медом.

Неохотно Сара направилась в кухню, где Эдна представила ее Сильвии Стратборн.

— У Амелии разболелось горло, — объяснила Эдна, когда ее подопечная прохрипела приветствие.

— О, надеюсь, вам скоро станет лучше, — посочувствовала ей Сильвия. — Мне хотелось бы узнать все о вашем опыте преподавания в Хобарт-Таун.

Сара кивнула, но не осмелилась говорить. Она взглянула на Бетти и внутренне содрогнулась под ее пристальным взглядом.

— Вы обязательно должны прийти в, школу, когда поправитесь, —

продолжала Сильвия. — Было бы замечательно, если бы вы преподали моим старшим ученикам несколько уроков французского или итальянского. Эдна говорила, что вы учите еще один язык. Какой же?

Саре нужно было быстро найти ответ.

— Испанский, — совершенно неубедительно прошептала она. — Но... я только начала, поэтому не знаю многого. То есть почти совсем ничего...

Она поморщилась, взялась рукой за горло, как будто невыносимая боль терзала ее. Все, за исключением Бетти, подумали, что ее действительно мучает ужасная боль, и на их лицах отразилось сочувствие.

— Наверное, мне стоит послать за доктором Томпсоном, чтобы он осмотрел тебя, — забеспокоилась Эдна.

Сара кивнула и указала в сторону своей комнаты, говоря тем самым, что собирается пойти прилечь.

— Полли принесет тебе чаю, Амелия, — пообещала Эдна, суетливо последовав за Сарой.

— Клер сказала, что доктор Томпсон уехал в Американ-Ривер на день, — сообщила Сильвия вслед Эдне. Будучи неуверенной, что Эдна расслышала ее, Сильвия встала и последовала за ней в комнату Сары. — Вы слышали? — спросила она.

— Да, — ответила Эдна с едва заметным раздражением. Вдруг ее лицо прояснилось. — Бетти! — позвала она.

Сара с раздражением выдохнула. Ей хотелось закрыться от всех в своей комнате, особенно от Бетти. Она очень нервничала от взгляда этой женщины.

— Да, миссис Эшби? — Бетти подошла к двери в кухню и остановилась на пороге.

— У вас есть ваше народное лекарство, чтобы помочь Амелии с горлом? — спросила Эдна. Многие белые люди с презрением относились к ее лекарствам, но Эдна использовала их, когда лечение доктора Томпсона не давало результата, а средства аборигенов успешно помогали.

Бетти снова посмотрела на Сару. Она знала, как лечить горло, но не в ее правилах было притворяться и приготавливать лекарство для того, кто не болен. Бетти была уверена, что девушка дурачит Эдну Эшби. Сара знала, что Бетти слишком подозрительно относится к ней.

— Со мной все будет в порядке, — хрипло прошептала она. — Не стоит беспокоить Бетти. Если завтра мне не станет легче, то тогда я пойду к доктору Томпсону.

— Хорошо, дорогая. — Эдна подумала, что ее подопечная не горит желанием принимать лекарства от Бетти. — Тогда отдыхай. Что ты хочешь

к чаю, сэндвичи или фруктовый пирог?

— Спасибо тетя, просто чай, — еле слышно просипела Сара.

— Хорошо, дорогая, но мед и лимон пойдут тебе только на пользу.

Кейп-дю-Куэди

Тем же вечером Габриель встретил Амелию в девять часов за курятником. Взяв ее за руку, он повел ее через буш. Габриель не взял лампу, он не хотел, чтобы их заметили, к тому же стояла полная луна, и света было достаточно. Тропы здесь не было, земля была каменистой и местами шла круто вверх, но они продолжали свой путь. Двадцать минут у них ушло на то, чтобы добраться до укромного места у края скалы на вершине. Габриель сел на землю между камней и усадил Амелию рядом. От долгого подъема она задыхалась.

— Вам удобно? — спросил Габриель. Земля под ними была песчаной и мягкой.

— Да, замечательно, — прошептала девушка.

Скрывшись от ветра, Амелия уютно расположилась и почувствовала себя в тепле и безопасности. Камни защищали их, и ветер проносился мимо, над их головами. Но Амелии казалось, что ветер подхватит ее шепот и унесет его к морю. Она подвинулась ближе к Габриелю и положила голову ему на плечо.

Вид отсюда был даже еще более захватывающим, чем с площадки маяка. На небе висел огромный серебряный шар луны, окруженный миллионами мерцающих звезд. Амелия была уверена, что, если протянуть руку, она сможет дотронуться до блистающей серебром поверхности. Ослепительный свет разливался по поверхности моря, напоминающего жидкое, сверкающее стекло. Несколько минут Амелия разглядывала это великолепие не в силах вымолвить ни слова.

Габриель понимал ее чувства. Вечером, когда он впервые нашел это место, он испытал такие же чувства. Ночью он еще никогда не приходил сюда, но почему-то у него было такое ощущение, что вид будет еще более живописным.

— Как... как вы нашли это место? — наконец смогла вымолвить Амелия.

— Когда я только приехал сюда, я исследовал округу. Было очень ветрено, впрочем, как и всегда на этом острове, поэтому я решил

спрятаться среди камней, чтобы отдохнуть. Я наблюдал за закатом, мне понравился этот прекрасный вид. Но сегодня он еще лучше, потому что луна просто огромная, и, к тому же она так близко к нам. — Габриель посмотрел на девушку. — Хотя я думаю, что все так по-особенному красиво, потому что вы сейчас рядом со мной.

— Габриель, вы верите в судьбу? — спросила Амелия.

— Если я и не верил в нее раньше, то верю сейчас.

— Мне приходится верить, что все произошедшее со мной случилось по какой-то причине. Наверное, встреча с вами и есть та самая причина. Не думаю, что крушение корабля и гибель всех этих людей было частью плана, иначе я не смогла бы жить с этим, но, наверное, я выжила для того, чтобы мы встретились. Я болтаю глупости?

— Нет, судьба свела нас. Я уверен в этом.

— А Карлотта может нас разлучить, — загрустила Амелия. Она постоянно думала о том, что итальянка причинит ей много неприятностей.

— Я привел вас сюда по двум причинам, Сара. Во-первых, я хотел побыть с вами наедине, во-вторых, доказать, что мы можем быть одни, когда никто не знает, где мы, даже Карлотта. Здесь она никогда нас не найдет, впрочем, как и Эван. Это будет нашим тайным местом.

— Но как часто мы сможем приходить сюда, чтобы нас не заметили?

— Раз в месяц, когда будет полная луна, ведь нам нельзя рисковать и брать с собой лампу.

— О Габриель, все это слишком здорово, чтобы быть правдой. Я боюсь поверить, что все будет хорошо.

— Все будет хорошо, обещаю. — Габриель посмотрел на Амелию. Она была прекрасной в лунном свете, и он, нежно обхватив ладонями ее лицо, одарил ее долгим и чувственным поцелуем.

Когда они оторвались друг от друга, в глазах Амелии блеснули слезы.

— Что такое, Сара? — прошептал Габриель. Он больше не верил, что эта девушка была заключенной по имени Сара Джонс, но он не знал, как ее называть.

— Если бы я была свободна! У нас нет никакой надежды, пока ко мне не вернулась память.

Габриель хотел сохранить в тайне, что он отправил два письма, пока не получил на них ответы, но не мог вынести слез безысходности в ее глазах.

— Я не собирался вам говорить, но я написал письмо начальству тюрьмы, чтобы получить какую-нибудь информацию о Саре Джонс, желая доказать, что вы — не она.

Амелия ахнула.

— Я также отправил письмо девушке, которая выжила с вами в кораблекрушении, мисс Амелии Дивайн. Она остановилась у знакомых мне людей в Кингскоте. Я спросил ее, не ошиблась ли она, определяя вашу личность.

— Когда вы сделали это?

— Сегодня я отправил письма с кораблем.

Габриель заметил, как в ее глазах блеснул огонек надежды.

— Амелия Дивайн, — медленно повторила девушка. — Это имя кажется мне знакомым. Странно.

— Вероятно, вы знаете ее или слышали это имя во время путешествия на корабле.

— Да, наверное, — согласилась Амелия.

Вторая выжившая девушка, эта Амелия Дивайн, еще тогда, сразу, показалась Габриелю довольно странной. Он не мог утверждать, но, пожалуй, она нервничала, старалась скорее уехать отсюда, что, в общем-то, вполне понятно.

— Я забыл сказать, что теперь на маяк будет регулярно приходить почта, поэтому я смогу получать ответы в течение нескольких недель. Почту из Кингскота станет доставлять раз в две недели конный посыльный к реке Роки-Ривер, что в девяти милях отсюда. Эван и я по очереди будем забирать ее. Эдгара послать нельзя, так как он может заблудиться.

— А можно послать Карлотту? — спросила Амелия, хитро улыбнувшись.

— А это мысль! — засмеялся Габриель.

Кингскот

На следующее утро Эдна позвала Сару, когда та вернулась с прогулки.

— Амелия, дорогая, тебе сегодня утром пришло письмо.

— Письмо мне! Вы уверены, что оно именно мне?

— Конечно. Оно адресовано тебе. Письмо от Габриеля Доннели, смотрителя маяка на Кейп-дю-Куэди. Это недалеко отсюда.

Сара побледнела и едва не лишилась чувств.

— Что случилось, Амелия, милая? — заволновалась Эдна, подводя ее к стулу на кухне, Сара успела сесть. — Неужели письмо напомнило тебе о кораблекрушении?

— Да, — с трудом проговорила Сара. — Напомнило.

— Прости, дорогая. Хочешь, я разберусь с этим?

— Нет, — резко возразила Сара. Она выхватила письмо у Эдны. — Я хочу сама прочитать его в своей комнате, тетя. — Она заметила, что Эдна обиделась. — Если вы не возражаете?

— Как хочешь, милая. Я поставлю чайник.

Сара поспешила в свою комнату. Она не помнила, как добралась туда, ее ноги дрожали так, что она едва могла стоять. Трясущимися пальцами она неуклюже открыла конверт.

Уважаемая мисс Дивайн!

Пишу Вам от имени женщины, известной как Сара Джонс. У нее сложилось впечатление, что произошла ошибка и она не является осужденной, направленной на работы к Эвану Финнли. Хотя к ней все еще не вернулась память, она всем сердцем верит, что не могла совершить преступление, в результате которого ее заключили в тюрьму на Ван-Демьенз-Лэнд. Так как я имел честь узнать ее исключительно с хорошей стороны, я тоже верю в это, поэтому спрашиваю Вас, возможно ли то, что Вы ненамеренно совершили ошибку при определении личности этой женщины. Я был бы Вам крайне признателен, если бы Вы могли пролить свет на это дело. Я также написал письмо начальству тюрьмы с просьбой предоставить информацию, которая может помочь выяснить личность этой женщины.

Надеюсь, Вы уже оправились от ужасных испытаний, выпавших на Вашу долю. Также прошу Вас передать мои наилучшие пожелания семье Эшби.

Искренне Ваш,

Габриель Доннели,

смотритель маяка, мыс Кейп-дю-Куэди.

— О боже, — простонала Сара. — Все кончено. — Отчаяние овладело ею. Она проклинала Габриеля Доннели. Зачем он взялся помогать этой Амелии? Почему он поверил в невиновность этой самодовольной девицы?

Сара постаралась успокоиться, чтобы все обдумать. Что могут ответить из тюрьмы? Что они могут сказать? У них не было фотографии Сары. Ей было пятнадцать, когда она прибыла на Ван-Демьенз-Лэнд. Амелии было девятнадцать, так что она легко могла сойти и за двадцатилетнюю. Амелия была стройной девушкой с темными волосами, как и Сара. У Сары не было особых примет, по которым ее могли бы легко узнать. Она была одной из сотен тысяч обыкновенных девушек-заключенных. Определенно они не могут дать информацию, по которой ее

можно было бы узнать здесь, если только тюремное начальство не решит направить сюда кого-то, кто знал ее. Но вряд ли они пойдут на это без особой причины.

— Это мой шанс навсегда разобраться с этой Амелией Дивайн, — прошептала Сара. — И теперь я знаю, как мне это сделать. — Сара улыбнулась.

Когда Сара вышла из комнаты, она чувствовала себя намного лучше.

— Мистер Доннели просил передать наилучшие пожелания вам и дяде Чарльтону, — сказала она Эдне, которая выглядела немного взволнованной.

— Все в порядке, дорогая?

— Да. Мистер Доннели просто хотел убедиться, что я пришла в себя после пережитого. Я напишу ответ, чтобы заверить его, что обо мне очень хорошо заботятся, что с помощью вашей с дядей Чарльтоном доброты я постепенно забываю о трагическом прошлом.

Эдна улыбнулась.

Кейп-дю-Куэди

На следующий день после встречи с Габриелем в их секретном месте Амелия с трудом смогла убрать улыбку с лица. Их свидание казалось ей прекрасным сновидением, от которого ей никогда не хотелось бы очнуться. Пожелав Габриелю спокойной ночи, она легла спать, продолжая мечтать о нем, но где-то в глубине души она все еще боялась, что их расцветающие отношения закончатся ничем. Но все равно, вспоминая его поцелуи, Амелия улыбалась.

Направляясь к колодцу за водой, чтобы приготовить завтрак, она увидела, как Эван, стоя перед дверью, кричит на кого-то в доме.

— Что случилось? — спросила Амелия, подойдя к нему. — Кто-то из девочек заболел?

— Скорее обленился, — бросил в ответ Эван.

— Я не обленилась, — закричала Сисси из дома.

— Тогда выходи, займись своими обязанностями.

— Я не могу, — заплакала она.

— Сисси заболела, — сообщила Роза.

Она услышала, как отец кричит на сестру, и поспешила прийти ей на помощь.

— Она не заболела. Она просто капризная и взбалмошная девчонка.

Но это не оправдание, чтобы не выполнить свою работу.

— Я все сделаю, папа, — пообещала Роза.

Для Амелии было совершенно ясно, что Роза волнуется за старшую сестру.

— Она сама все сделает, — зарычал Эван.

— Сесилия, ты можешь сказать мне, что случилось? — спросила Амелия.

— Нет, — отрезала Сисси.

— Выходи и принимайся за работу, — закричал Эван, теряя терпение.

У Амелии появилась догадка. Она отвела Эвана от дома.

— Перестаньте упрямяться и позвольте мне разобраться с этим, — попросила она. — Есть такие проблемы, когда отцы ничего не могут сделать для своих дочерей. С этим должна разбираться женщина.

— Ерунда, — бросил Эван.

— Это не ерунда. Это жизненный факт. А теперь идите и займитесь чем-нибудь, а я поговорю с вашей дочерью.

Эван фыркнул и удалился. Амелия вошла в дом.

— Твой отец ушел, Сесилия. Пожалуйста, расскажи мне, что случилось!

— Со мной что-то не так. Я думаю, я... умираю, — после нескольких минут молчания заговорила Сесилия.

— Полагаю, у тебя начались менструации, Сесилия. Для женщин это вполне нормально. Это месячный цикл, через который нам всем приходится проходить. Твоя мама рассказала бы тебе об этом, будь она здесь.

Сесилия ничего не ответила, но Амелия услышала, как девочка высморкалась и вытерла слезы.

— Пойдем со мной в мою хижину, и я тебе все объясню.

Придя в дом, Амелия усадила Сисси. Она позволила остаться и Розе, так как знала, что скоро настанет и ее время.

— Каждый месяц у женщин идет кровь. Это продолжается от трех до семи дней. Иногда при этом чувствуется некий дискомфорт. Это называется менструацией, нашим месячным циклом. Это не значит, что мы больны или умираем, это просто часть цикла. Когда женщина должна родить ребенка, менструации прекращаются на период ее беременности. Я знаю, что это напугало тебя, поэтому у тебя такое плохое настроение и хочется плакать.

— Я думала, со мной творится что-то ужасное. Я так рада, Сара, что ты здесь. — Сисси испытала такое облегчение, словно ей вдруг отменили смертный приговор.

— Я тоже. Знаю, как вам, девочкам, трудно с вашим отцом. Он не самый чуткий и понимающий человек.

Девочки захихикали. Амелия удивилась этому и тоже улыбнулась.

— Вы можете спрашивать меня обо всем, о чем захотите, вообще обо всем.

— Мои... груди растут. Наверное, мне нужно женское белье, но я не могу просить отца. — Сисси покраснела.

— Если снять мерки, то я уверена, что смогу заказать что-нибудь из магазина в Кингскоте. У них могут быть правила, по которым мы сможем обменять белье, если оно нам не подойдет. С вашим отцом я сама разберусь.

— Спасибо, Сара.

— Пожалуйста; а сейчас я возьму чистую ткань из сарая, и мы все исправим.

Кингскот

Эдна постучалась в дверь комнаты Сары.

— Амелия, дорогая, ты не спишь? — Она открыла дверь и заглянула внутрь. — Чарльтон хотел бы поговорить с тобой на кухне.

После сытного обеда Сара пошла прилечь под предлогом, что неважно себя чувствует.

— Иду, тетя, — сонно ответила она. Ей снова снилась тюрьма.

— Рад, что ты пришла, — добродушно произнес Чарльтон, когда Сара появилась на кухне несколькими минутами позже. — Полли заварила тебе чай. Ты уже чувствуешь себя лучше? — спросил он.

— Спасибо, дядя Чарльтон. Да, голос вернулся ко мне. — Она улыбнулась. — Тетя Эдна сказала, что вы хотели о чем-то поговорить со мной.

— Совершенно верно. Я получил письмо от юристов твоего отца, Бернхэма и Хаксвелла. Примерно через две недели Брайан Хаксвелл придет сюда с бумагами, которые тебе надо будет подписать. Я просто хотел известить тебя об этом.

Сара села и сделала глоток чая.

— Мистер Хаксвелл передаст мне права на наследство? — спросила она. Мысль о том, что она станет богатой, привела ее в трепет. Она сможет уехать куда угодно, подальше от Ван-Демьенз-Лэнд и Кенгуру-Айленд.

Саре не пришло даже в голову, что настоящая Амелия могла быть знакома с мистером Хаксвеллом.

Чарльтон был несколько удивлен. Он не ожидал, что такая юная девушка могла так буднично говорить об этом.

— Он за этим приезжает, да? — спросила Сара.

— Да, но не только. Все не так просто. — Чарльтон снова заглянул в письмо, пока Сара с разочарованием посмотрела на него. Она хотела, чтобы все прошло как можно быстрее. — Наследство твоих родителей оценивается в довольно внушительную сумму, — продолжал Чарльтон. — Как я говорил тебе раньше, оно слишком большое, чтобы ты в одиночку разумно могла распорядиться им, но я постараюсь проследить за тем, чтобы ты получила необходимую помощь и советы. Я не оставлю тебя одну.

Сара была благодарна Чарльтону за такое внимание, но ей не нравилось, что он слишком оберегает ее. С одной стороны, Сара желала быстрее получить все в свое распоряжение и как можно скорее вернуться в Англию. А после... кто знает. Но, с другой стороны, она не хотела потерять Лэнса. Сара была уверена, что любит его.

— Брайан Хаксвелл прислал краткий список того, что будет принадлежать тебе. Дом в Хобарт-Таун вместе с сотнями акров ценной земли, на которой твой отец разводил коров и овец. Полагаю, часть земли он отвел под посевы. На этой земле есть также три отдельных дома, которые, как говорит мистер Хаксвелл, сданы в аренду, — объяснил Чарльтон. — Далее идут акции, ценные бумаги и другие документы, представляющие коммерческую ценность, включая свидетельства долевого владения складскими помещениями в порту и школой, в которой ты преподавала. Полагаю, отец купил часть школы, не так ли?

— Да... наверное, — произнесла Сара быстро. — Папа не посвящал меня в детали.

— Возможно, мы узнаем это от другого владельца. Ты знаешь, кто это?

— Нет, — ответила Сара, молясь, чтобы не совершить ошибку.

— Может, это руководитель школы?

Сара побелела. Она не знала, что говорить.

— Я не уверена...

Чарльтон видел, что девушка явно расстроена, поэтому решил, что лучше действовать более мягко.

— Прости. Я знаю, как это тяжело, Амелия. Я просто думал, что они захотят выкупить ту часть, что принадлежит тебе, или продать свою часть тебе. Мы должны подождать, но пока тебе надо подумать, чем ты хотела бы

заняться в будущем.

— Да, я подумую.

— Кроме значительных денежных средств, которые перейдут к тебе, кажется, твои родители владеют и землей в Англии, поэтому ты можешь оставить ее себе или продать. Как мне стало известно, на земле находятся дома, которые сдаются в аренду, что, естественно, приносит дополнительный доход.

Сара лихорадочно думала. Ее родители жили в наемном доме, поэтому если Сара унаследует недвижимость в Англии, она сможет отдать родителям целый дом.

— Если быть кратким, Амелия, — продолжал Чарльтон, — я не могу даже сказать, насколько важно хорошо все обдумать и получить квалифицированный совет. Я могу помочь тебе с некоторыми направлениями коммерческих интересов, но тебе определенно понадобится помощь специалистов, чтобы как следует распорядиться своими вложениями.

Сара почти не слышала его.

— Дядя Чарльтон, когда приезжает мистер Хаксвелл?

— Примерно через две недели. У нас будет достаточно времени, чтобы поговорить о этом, Амелия. Я только не хочу тебя расстраивать.

— Все в порядке, дядя Чарльтон. — Сара знала, что ей придется быть начеку, пока не подпишут бумаги. А потом вся ее жизнь изменится. — С вами, тетей Эдной и, конечно, Лэнсом я не чувствую себя одинокой.

— Я рад и всегда буду готов помочь тебе.

В этот момент в кухню вошла Эдна.

Сара опустила голову, поэтому Чарльтон предположил, что девушка думает о семье Дивайн, но Сара думала о своей семье, о том, как она сможет изменить их жизнь к лучшему.

— Амелия, я знаю, ты, вероятно, очень скучаешь по своим родителям и по Маркусу, но здесь мы бессильны, не можем утешить тебя, — произнес Чарльтон.

Эдна с интересом слушала их разговор.

— Не надо так говорить, дядя Чарльтон. Вы замечательные. Никто не сделал бы для меня большего, и я действительно благодарна, что вы предоставили мне крышу над головой. — Сара повернулась к Эдне. — У меня ничего не было, когда я приехала сюда, и вы одели, накормили меня и были так добры. — Глаза Сары наполнились слезами, она действительно была очень благодарна семье Эшби за доброту. Кроме ее собственных родителей, они были первыми, кто так внимательно отнесся к ней. Но Сара

понимала, что Эшби выгонят ее из дому в ту же минуту, как узнают, что она самозванка. Сара поклялась, что никогда этого не допустит.

Глава 12

Кейп-дю-Куэди

— Доброе утро, Карлотта, — поздоровался Эван. — Он уже привык к ее визитам и всегда очень радовался еде, которую она приносила.

Но у Карлотты были свои причины для посещений фермы. Она заметила, что в последнее время осужденная стала подозрительно веселой. Насколько итальянка знала, у этой девицы вовсе не было причин для радости. Ведь она верила в то, что преступница, а доказать обратное не могла.

Чему же тогда она улыбается, когда думает, что никто не смотрит на нее? Изменился и Габриель. Карлотта также заметила мимолетные взгляды, которыми он обменивался с преступницей. Итальянке совсем это не нравилось.

— У меня есть идея, — начала Карлотта.

В этот момент из-за дома появилась Амелия с сухим бельем, которое она начала складывать.

— Думаю, я могла бы дать вашим девочкам несколько уроков по кулинарии.

— Это было бы замечательно, если бы у вас нашлось время.

— Я найду время. Важно, чтобы девочки умели готовить для своих будущих мужей.

— Согласен, — охотно подтвердил Эван. Даже слишком охотно, по мнению Амелии.

— Танцы это хорошо, французский тоже, но они должны знать, как накормить семью, *vero*?

— Вы совершенно правы, Карлотта, — согласился Эван. — Я то же самое говорил Саре, не так ли, Сара?

— *Si*, — проговорила Амелия с сарказмом и решительно ушла.

Эван закатил глаза, а Карлотта вспыхнула от злости, но промолчала.

Амелия пошла на огород и пнула ногой небольшой заборчик, окружающий грядки. Плохо, что Карлотта продолжает приходить и следит за ней. Теперь она даже стала критиковать то, что делала Амелия. Итальянка не желает, чтобы они с Габриелем остались одни хоть на минуту, как будто это возможно, ведь рядом всегда Эван и шестеро его детей. Габриель и Амелия понимали, что одна ночь раз в месяц — это все, что у них есть, и они использовали это время максимально.

Карлотта подозревала, что Габриель и Амелия тайно встречаются в пещере, где они нашли труп. Взявшись следить за девушкой, она не знала, когда они там встречаются, так как просто не могла находиться рядом с Амелией постоянно. Когда итальянка была слишком занята и не могла прийти на ферму, она следила за Габриелем или посылала Эдгара к нему под каким-нибудь предлогом.

— Что случилось, — спросила Сисси Амелию. Девочка видела, что она чем-то расстроена.

— Карлотта только что спросила вашего отца, может ли она учить вас готовить еду.

— О! — воскликнула Сисси.

— Конечно, это здорово, но признаться честно, я бы хотела реже видеть ее здесь. — Амелия произнесла это, не подумав, и тут же пожалела о том, что выдала свои чувства.

— Она тебе не нравится, да? — спросила Сисси.

И снова Амелия не смогла удержаться, чтобы не сказать правду. При одном лишь упоминании о Карлотте девушка начинала злиться.

— Да, она мне не нравится. Я не доверяю ей, — призналась она.

— Почему?

В последние несколько дней Сисси и Амелия сблизилась. Сисси открылась девушке, рассказав многое о своей матери и отце, и Амелия чувствовала, что может довериться ей в некоторых вещах.

— Ты можешь сохранить это в тайне, Сесилия?

Девочка кивнула.

— Я слышала, что говорила Карлотта про меня по-итальянски, и поняла. Я не думала, что знаю итальянский.

— Почему ты не сказала ей об этом? Наверное, она захотела бы поговорить с кем-нибудь на своем родном языке?

— Тогда я была шокирована, потому что Карлотта сказала про меня гадость. Я не выдала себя.

— Ты уверена, что поняла все правильно?

— Абсолютно уверена.

— Не говори об этом папе, но мне тоже не очень нравится Карлотта, — признала Сесилия. — Она себе на уме. И потом, она все время следит за тобой, особенно когда здесь Габриель. Думаю, ты ему нравишься, а это злит Карлотту.

Амелия была поражена, что девочка заметила все это. Она покраснела.

— Тебе ведь тоже нравится Габриель, да? — улыбнулась Сесилия.

Амелия хотела солгать девочке, но не смогла.

— Да, нравится. Но пока не докажу, что я не преступница, у нас с ним нет будущего.

— Надеюсь, к тебе скоро вернется память.

— Спасибо, но, пожалуйста, не говори об этом никому, хорошо? Даже своим сестрам. Если твой отец узнает об этом, он отправит меня в тюрьму.

— Я никому ничего не скажу, потому что я не хочу, чтобы ты уезжала.

— Спасибо, Сесилия.

— Можешь звать меня Сисси, если хочешь. На самом деле мне никогда не нравилось имя Сесилия.

Амелия была тронута. Она помнила, сколько времени прошло с тех пор, как девочка велела называть ее Сесилия.

— Я думаю, это имя красивое, но и Сисси хорошее имя.

Кингскот

Лэнс Эшби вошел в кухню, тихо сзади подобрался к матери, которая стояла у раковины, и обнял ее за талию.

— Добрый день, мама.

— Лэнс! Перестань меня пугать. Ты отнял у меня пять лет жизни. — Хотя Эдна и ругала сына, она все равно улыбалась. Она всегда была счастлива его видеть. Лэнс был для нее самым лучшим, самым добрым мальчиком, который никогда не мог причинить кому-нибудь вред.

— А где все? — спросил Лэнс. В доме было необычно тихо.

— Твой отец отвел лошадь к кузнецу, чтобы подковать, а Полли ушла с Амелией забрать новые платья из ателье.

— Новые платья? Теперь у нее должно быть собралась внушительная коллекция.

— Приближается время Танца урожая, — подмигнула Эдна Лэнсу.

— Я знаю.

— Я надеялась, что ты пригласишь Амелию. Настало время представить ее обществу нашего острова. Все наши друзья понимают, что она горюет по своей семье и восстанавливается после кораблекрушения, поэтому они не надеялись познакомиться с ней сразу после приезда, но время Танца урожая как раз подходящее для выхода в свет, и я верю, что Амелии очень поможет общение с людьми.

Лэнс испуганно посмотрел на мать.

— Я уже пригласил Оливию из банка. Теперь я не могу пойти на

попятную и сказать, что пригласил кого-то еще. Оливия замечательная девушка.

Эдне нравилась Оливия. Она на секунду задумалась.

— А ты не мог бы взять с собой и Амелию? Выход в свет пойдет ей на пользу.

— Полагаю, да.

— Ты можешь представить Амелию многим молодым людям. Это подбодрит ее.

Лэнсу понравилась эта идея. Если она встретит какого-нибудь интересного молодого человека, она сможет перенести свое чувство привязанности на него.

— Конечно, я могу это сделать, — согласился Лэнс.

— Хорошо, договорились, — успокоилась Эдна. — Не затягивай с приглашением.

Позже вечером Лэнс снова пришел в дом родителей. Сара пила чай в гостиной. Лэнс обратился к ней, как просила его мать.

— В субботу будет Праздник урожая, Амелия. Ты бы хотела пойти?

— С удовольствием, — восторженно ответила Сара.

— Хорошо. Праздник проходит в Масоник-Холл в городе, и там обычно оченьлюдно. У тебя будет возможность познакомиться с моими друзьями. — Лэнс не хотел говорить, что собирается представить ее потенциальным женихам, но он имел в виду именно это.

— Это было бы замечательно, — обрадовалась Сара. Ей показалось, что Лэнс хочет похвалиться перед своими друзьями. Это была тщеславная мысль, но о чем еще могла подумать Сара?

Кейп-дю-Куэди

Карлотта прибиралась в доме Эвана после того, как дала девочкам урок по приготовлению клецек. Девочки отправились принести еще чистой воды из колодца, поэтому Карлотта была одна.

— Как прошел урок, Карлотта? — спросил Эван.

— Очень хорошо. Даже самым маленьким было интересно.

— Я очень благодарен, что вы делаете это. — Он огляделся по сторонам. — Саре тоже надо было бы присутствовать на ваших уроках. Ей совсем не мешает поучиться, ведь еестряпню не едят далее поросята.

Карлотта все время думала, как подловить Амелию, и слова Эвана дали ей прекрасную зацепку.

— А вы многое о ней знаете?

— Не очень. Она о себе не очень-то рассказывает, да к тому же ничего не может вспомнить.

— Это она только так говорит, — почти прошептала Карлотта, но Эван расслышал ее и странно посмотрел на итальянку.

— Разве вам не говорили, откуда она или за что ее посадили в тюрьму? — спросила Карлотта.

Эвану стало немного не по себе.

— Я ничего не скажу, но мне интересно, совершила ли она жестокое преступление. Я начинаю... как вы говорите, нервничать, когда она рядом.

— Мне сказали, что она из Бристоля, — проговорил Эван, внезапно осознав, что акцент девушки слишком благородный для бристольского. — И я знаю, что она не совершила жестокое преступление, иначе я ни за что бы не потерпел ее присутствия здесь из-за детей.

— Тогда что она сделала?

Эван засомневался на мгновение.

— Она украла браслет у одной из дочерей хозяев, за что ее приговорили к семи годам. Она провела там пять лет, и на оставшиеся два года направлена сюда.

Карлотта была совсем не рада тому, что ее соперница, а именно таковой она считала осужденную, будет здесь еще целых два года. Два года встречаться с Габриелем. Карлотта еще раньше собиралась поднять шум, сказав Эвану о своих подозрениях, что у его работницы интрижка со смотрителем маяка, но если об этом узнает Габриель, он наверняка разозлится на нее, поэтому итальянка решила действовать более тонко. Эван должен заметить это сам, но, по мнению Карлотты, мужчины не наблюдательны, поэтому Эвану нужна небольшая подсказка.

— Вы не бойтесь, что она что-нибудь украдет у вас? — спросила Карлотта.

— У нас нечего красть, — ответил Эван. — Вот почему я и попросил прислать ее. Я думал, что она будет хорошо выполнять домашние обязанности, но все вышло совсем не так, как я планировал.

Сначала девушка не очень поладила с его дочерьми, но теперь все изменилось, и это радовало Эвана.

— От нее было бы больше пользы, если бы она могла готовить для детей, — язвительно заметила Карлотта.

— Как-нибудь переживем.

Случай с Сисси заставил Эвана понять, что две его старшие дочери быстро вырастают и становятся молодыми дамами. Ему потребовалось время, чтобы разобраться, что произошло с Сисси. Эвану было очень неловко за свое поведение. Однако он не мог заставить себя извиниться перед дочерью, он не хотел еще больше смущать ее.

— От Сары есть толк в других делах, — хрипло проговорил он.

— Она привлекательная девушка, *vero*? Придется присмотреть за Эдгаром. Он падок на симпатичных девушек.

Эван был поражен.

— Не думаю, что вам стоит волноваться, что ваш Эдгар посмотрит на кого-то, кроме вас, Карлотта, — успокоил он женщину. Эван был уверен в том, что Эдгар не посмеет совершить нечто подобное, впрочем, Карлотта не позволит ему даже подумать об этом.

— Спасибо, синьор, — улыбнулась итальянка. Она надеялась намеком заставить Эвана задуматься, что между осужденной и Габриелем могут быть отношения, противоречащие морали, но это не сработало. Тогда Карлотта поняла, что надо действовать более прямолинейно.

— Возможно, она видит себя женой фермера, — съехидничала Карлотта. — Или женой смотрителя маяка.

— Она не может быть ничьей женой, Карлотта, по крайней мере, два года.

Эвану было очень неловко говорить об этом, и он, извинившись, отправился по делам.

Карлотта была довольна собой. Теперь она была уверена, что Эван будет более внимательно следить за своей работницей.

Глава 13

Кингскот

Сара не могла дождаться субботы. Ей очень хотелось пойти на праздник. Она была в полной уверенности, своим приглашением Лэнс ясно объявил о своих притязаниях на нее.

Вечером в субботу Сара оделась с максимальной тщательностью. Она выбрала одно из своих новых платьев, цвета бургундского вина с кремовыми кружевами. В пятницу вечером Эдна накрутила девушке волосы, оставив их на ночь, и в субботу ее прическа представляла собой композицию из сотен завитушек.

— Ты такая красивая, словно с картинки, — восхитилась Эдна. — Я очень тобой горжусь.

В глазах Сары заблестели слезы.

— Что случилось, дорогая?

— Я просто волнуюсь.

— Это понятно, Амелия, милая. Я так любила твою маму, и я знаю, что она гордилась бы сейчас тобой. Вероятно, ты чувствуешь себя немного виноватой, не так ли?

— Виноватой? — Неужели Эдна обо всем догадалась? Сара удивленно взглянула на Эдну.

— Да, за то, что чувствуешь себя счастливой. Но ты не должна себя винить. Твоя мать хотела бы, чтобы ты была счастлива в жизни. Ты сейчас не веришь в это, но однажды ты будешь снова счастлива.

— Надеюсь.

— Ты можешь кое-что сделать для меня, дорогая? — спросила Эдна.

— Конечно.

Эдна пошла в свою комнату и вернулась с жемчужным ожерельем в руках.

— Твоя мать подарила мне это. Ты наденешь его сегодня?

Сара не могла промолвить ни слова. Ожерелье было прекрасным, но Сара почувствовала себя как никогда мерзко за свой обман.

— Оно очень много значит для меня, — проговорила Эдна. — Я уверена, что и твоей матери оно было очень дорого.

Сара кивнула, вспомнив о своей матери. Девушка не могла смотреть на себя в зеркало туалетного столика, когда Эдна застегивала на ее шею жемчужное ожерелье.

— Развлекись как следует, — посоветовала Эдна и поцеловала Сару в щеку.

В семь часов Лэнс подъехал к дому в большом экипаже с кучером. Сара была поражена, так как раньше они всегда ездили только в легкой двухместной коляске. Она с трудом сдерживала улыбку, думая о том, как Лэнс постарался произвести на нее впечатление. Она была бесконечно счастлива.

— Амелия, ты замечательно выглядишь сегодня, — похвалил он, и его глаза таинственно блеснули.

— Спасибо, Лэнс. Уверена, что ты будешь самым красивым молодым человеком на празднике. — На Лэнсе был темный костюм-тройка и белая рубашка. Он выглядел сногшибательно.

Сара зарделась от удовольствия.

— Не уверен. В городе есть достаточно хороших и достойных мужчин. — Лэнс уже решил, кому он представит ее. Это были мужчины, которые недавно приехали на остров. Они желали завести хозяйство или начать дела в городе, многие из них мечтали обзавестись женой, особенно такой богатой, как Амелия Дивайн.

— Уверена, что среди них нет ни одного красивее тебя, — проговорила Сара, устраиваясь удобнее в экипаже. Лэнс сел рядом, кучер пришпорил лошадей, Эдна с Чарльтоном замахали им на прощанье.

Вскоре экипаж остановился на темной улице. Сара не услышала никакой музыки, значит, они еще не приехали к Масоник-Холл.

— Где мы? — спросила она Лэнса.

— Мы на Данкан-стрит. Я вернусь через минуту. — Он выбрался из экипажа и направился к ближайшему дому.

Сара была несколько озадачена, но продолжала терпеливо ждать Лэнса. Вскоре дверь экипажа открылась, и миниатюрная девушка с сияющей и теплой улыбкой села напротив Сары.

— Добрый вечер, — дружелюбно поздоровалась девушка, поправив пышную юбку темно-синего платья.

— Добрый вечер, — ответила Сара, едва сдерживая злобу и удивление. Она разглядывала светлые волосы и красивое лицо соперницы.

Когда Лэнс снова занял свое место рядом с Сарой, он произнес:

— Амелия, позволь представить тебе Оливию Хорн. Оливия, это Амелия, молодая леди, о которой я рассказывал тебе.

— Рада познакомиться с вами, Амелия, — добродушно произнесла Оливия. — Лэнс весьма лестно отзывался о вас.

— Но он никогда не упоминал о вас, — резко ответила Сара.

Оливия вздрогнула. Она не ожидала, что подопечная семьи Эшби может быть такой грубой.

— Оливия работает со мной в банке, — пояснил Лэнс. Сара начала чувствовать себя оскорбленной, но слова Лэнса немного успокоили ее. Очевидно, он просто предложил подвезти коллегу на праздник.

Сара пожалела Оливию, которую не пригласил на Танец урожая ни один джентльмен.

Лэнс сказал Оливии, что его мать попросила взять «бедную Амелию» на праздник, чтобы та смогла познакомиться с людьми. Он рассказал о печальной ситуации, в которую попала девушка, и Оливия согласилась, что это хорошая мысль, ведь бедняжке пришлось так много пережить. Оливия оценила доброту Лэнса.

В здании Масоник-Холл было много людей, молодых в большинстве своем. Играли музыканты, вдоль одной из стен зала стоял длинный стол с различными яствами. Лэнса Эшби многие знали. К нему подходили со словами приветствия. Лэнс представил всех Саре.

Он нашел столик и посадил Оливию и Сару. Девушка была в радостном ожидании своего первого танца. Как только она удобно устроилась за столиком, к ней подошел молодой человек и попросил ее потанцевать с ним. Но Сара не умела танцевать так красиво, как Амелия, которая преподавала танец. И она не подумала об этом раньше! Она была так рада, что Лэнс пригласил ее на праздник, что забыла обо всем на свете.

— О нет, спасибо, — запинаясь, отказалась Сара.

— Иди же, Амелия, — ободряюще произнес Лэнс. Он взял Оливию за руку и повел в центр зала к танцующим парам.

— Я... чувствую себя немного скованно, — смутилась Сара.

— Я тоже не очень умелый танцор, — признался молодой человек, — думаю, мы неплохо поладим.

Он увел Сару в зал, довольно далеко от Оливии с Лэнсом. Сара была благодарна ему за это. Она смотрела на других девушек вокруг и старалась не отставать от ритма. Сначала она танцевала немного неуклюже, но и ее партнер двигался не лучшим образом. Если кто-то обратит на это внимание, можно будет свалить все на него, решила Сара.

К тому времени, как они сделали третий круг по залу, девушка почувствовала суть танца и начала танцевать лучше. Оказалось, у Сары был природный талант, он помог сохранить в тайне то, что она обыкновенная самозванка.

Вскоре ее партнера похлопали по плечу, и другой мужчина взял Сару в

свои руки. Не успели они потанцевать несколько минут, как снова произошла смена партнера. За последующие двадцать минут она потанцевала не меньше чем с пятнадцатью молодыми людьми. Сара не помнила их имена, даже не помнила, представлял ли ее Лэнс этим молодым людям, когда они вошли в зал. Сара пыталась отыскать среди танцующих Лэнса, но когда она замечала его, он танцевал с Оливией. Один или два раза он ловил ее взгляд и улыбался ей, а потом исчезал в море кружащихся силуэтов.

— Мне надо перевести дух, — сказала Сара, когда музыка утихла, и высокий молодой человек проводил ее к столику. Он предложил принести ей бокал пунша. Вскоре к ее столику подошли Лэнс и Оливия.

— Тебе нравится здесь, Амелия? — спросил Лэнс. Его щеки горели, а глаза сияли от возбуждения. Он был необыкновенно красив.

— Да, я едва могу отдышаться. — Сара задумалась, когда же он пригласит ее на танец.

— Следующий танец за мной, — пообещал Лэнс, и Сара довольно улыбнулась. Она надеялась, что это будет вальс.

— Я немного скованна, поэтому прошу простить меня за возможные ошибки, — извинилась она. Сара решила сказать, что не танцевала с момента трагической гибели ее семьи. — Я не танцевала с тех пор, как... — Она умолкла.

— Ты танцуешь весьма грациозно, — успокоил ее Лэнс. — Твой преподавательский опыт отлично сработал на Джоне Фредерике. Обычно он неуклюж, точно ослик. Уверен, нет смысла говорить, что у тебя появилось множество почитателей.

Видно, он этим был очень доволен. Или он совершенно не ревнив, или же гордится ею, не могла разобраться Сара.

После небольшого перерыва музыканты снова взяли свои инструменты, и Лэнс повел Сару в зал.

— Тебе здесь нравится? — снова спросил Лэнс, кружа ее по залу. Он так замечательно танцевал, что и Сара хорошо стала смотреться рядом с ним.

— Да, нравится, но я почти не вижу тебя.

— Ты пользуешься успехом. Вот почему я подумал, что потанцую с тобой, когда смогу.

Сара довольно улыбнулась, вероятно, Лэнс немного обижен.

— Ты встретила какого-нибудь интересного человека? — поинтересовался Лэнс.

— Я видела множество милых молодых людей, — уклончиво ответила

Сара, надеясь, что Лэнс не станет сильно ревновать.

— Может, кто-то тебе особенно понравился?

— Лэнс! — воскликнула она.

— Прости, Амелия. Я не хотел смущать тебя.

Сара заметила молодого человека, направляющегося между танцующими в их сторону. Она один раз уже танцевала с ним. По взглядам, которыми он одаривал Сару, она подозревала, что этот молодой человек хочет монополизировать право на ее общество. Сара постаралась смотреть в другую сторону, но молодой человек похлопал Лэнса по плечу.

— Вы не против?

— Конечно, не против, Джеральд, — улыбнулся Лэнс, передавая Сару в руки молодому человеку.

Сара наблюдала, как Лэнс направляется к их столу и уводит Оливию танцевать. Внезапно Сара поняла: Лэнс надеялся, что она встретит подходящего жениха среди его знакомых! Она почувствовала себя так, словно ей вогнали нож в сердце по самую рукоятку. Увидев, как Лэнс, обняв Оливию, что-то шепчет ей на ухо, Саре показалось, что она задыхается от невыносимой боли. Ей захотелось плакать, но она сдержала свои чувства.

«Я заставлю пожалеть его о том, что он отдал меня своим знакомым», — подумала Сара и улыбнулась своему поклоннику, когда они приблизились к Лэнсу с Оливией. Сара весело засмеялась, она не сводила глаз с Джеральда, который выглядел так, будто Рождество настало раньше срока. Несколькими минутами позже Сара оказалась в руках другого мужчины, с ним она стала отчаянно флиртовать, заставив его почувствовать себя так, словно он сразил ее наповал. Сара повторяла то же самое и с другими молодыми людьми.

Через полчаса четверо молодых мужчин практически дрались за нее. Когда она снова взглянула на Лэнса, он стоял спиной к залу, а Оливия, устроившись рядом с ним, наслаждалась бокалом пунша. Они даже не замечали попытки Сары привлечь их внимание. Многие наблюдали за девушкой. Одни женщины не одобряли ее поведения, другие шептались и кивали в ее сторону.

Сара почувствовала себя настоящим посмешищем. В слезах она выбежала из зала.

Бедняжка стояла на улице, вытирая слезы и ругая себя за свою глупость. Тут кто-то подошел к ней.

— Амелия, с вами все в порядке?

Сара обернулась и увидела Оливию.

— Я видела, как вы покинули зал.

Оливия предложила Саре свой платок.

— Наверное, вы просто не были готовы, — вежливо продолжила Оливия. — Лэнс рассказал мне, что вы недавно потеряли свою семью. Мне очень жаль. Я могу только представить ту страшную боль, которую вы чувствуете.

Саре хотелось закричать от злости. Ей надоело, что все выражают ей сочувствие по поводу смерти ее родителей.

— Если вам захочется поговорить с кем-нибудь или выпить чашку чая, пожалуйста, не сомневайтесь и обращайтесь ко мне, — предложила Оливия.

Сара не могла поверить: ее соперница предлагает ей дружбу!

— Я могу поговорить с Лэнсом, — холодно заметила Сара. — Он сказал, что всегда готов меня выслушать, поэтому больше мне никто не нужен. — Сара повернулась и ушла.

Несколько секунд Оливия стояла, не веря своим ушам. Внезапно она поняла: эта женщина хотела Лэнса.

— Что ж, она определенно его не получит, — прошептала Оливия и направилась в зал вслед за Сарой.

— Спокойной ночи, Амелия, — попрощалась Оливия, когда Лэнс помог ей выйти из экипажа.

— Спокойной ночи, — мрачно отозвалась Сара. Она отвернулась и стала смотреть в другую сторону. Сара полагала, что вся доброта Оливии лжива, но Лэнс почему-то этого не замечает.

Войдя в главные ворота, Оливия взяла Лэнса за руку, и они направились по дорожке, ведущей к дому, где Оливия жила вместе с родителями и двумя младшими сестрами. Девушка заметила, что Лэнс был немного напряжен и расстроен.

— Спасибо за прекрасный вечер, Оливия, — поблагодарил он, когда они поднялись на веранду.

— Спасибо, что пригласил меня, Лэнс. Я отлично провела время.

— Правда? — удивился Лэнс.

— Да, конечно. Тебя это удивляет? — Оливия нахмурилась.

— Вообще-то да. Амелия отнеслась к тебе весьма прохладно. — Это было слишком мягко сказано, Сара в конце вечера была просто груба с Оливией.

— У нее к тебе собственническое отношение, но, кажется, я знаю, почему так происходит, — размышляла Оливия. В ее словах не слышалось ни капли сарказма. Оливия была самым милым и добрым созданием из

всех, кого знал Лэнс.

Он опустил голову. Вечер прошел совсем не так, как он планировал.

— Она настойчиво стремится завязать с тобой романтические отношения, Лэнс, — продолжала Оливия.

Молодой человек, переминаясь с ноги на ногу, внимательно изучал дощатый пол веранды.

— Ты ведь знал это? — мягко спросила девушка.

— Да, — признался Лэнс. — Я был добр к ней, и, возможно, она истолковала мое внимание неверно. Я надеялся, сегодняшний вечер поможет Амелии понять, что у меня к ней только дружеские чувства.

— Ты хочешь сказать, что пригласил меня на праздник только для того, чтобы Амелия отказалась от своих притязаний на тебя?

— Нет, Оливия! О боже мой, нет! Мои чувства к тебе настоящие. Ты должна в это поверить. И за сегодняшний вечер я еще больше понял это. — Лэнс не мог признаться ей, что, хотя Оливия и нравилась ему, он в этот вечер использовал ее.

Лэнсу показалось, что его слова не убедили девушку, тогда он наклонился и нежно поцеловал ее в губы. Сара наблюдала за ними.

— Прекрасно, — прошипела она. Сара отвернулась, пытаясь спрятать слезы, покотившиеся у нее по щекам. — Я это просто так не оставлю, Лэнс. Я слишком многое пережила, добираясь до такой жизни. Ничто и никто теперь меня не остановит.

Лэнс возвратился в экипаж, и весь оставшийся путь до Хоуп-Коттедж они проделали в неловком молчании. По слезам Амелии он догадывался, что она видела, как он целовал Оливию. И он хотел, чтобы Амелия это увидела. Лэнсу было стыдно, он спрашивал себя, когда он стал таким жестоким.

Сара вдруг придумала, как объяснить свое поведение, чтобы вернуть расположение Лэнса. Когда экипаж повернул на дорогу, ведущую к дому, Сара заговорила:

— Сегодня я выставила себя посмешищем, Лэнс. Прошу прощения, я буду молиться, чтобы мое поведение не отразилось на твоей репутации.

Лэнс не мог подобрать слов, чтобы успокоить девушку. Она действительно произвела ужасное впечатление на светское общество Кингскота. Хотя Лэнс и не видел ее бесстыдного флирта, близкие друзья рассказали ему. Лэнс надеялся, что все поймут, что после пережитого она просто не в себе.

Когда Лэнс даже не попытался как-то оправдать ее поведение, Сара поняла, что требуются более серьезные меры, и разразилась слезами.

— О боже. Не плачь, Амелия. — Он чувствовал себя виноватым.

— Я старалась скрыть свое горе, Лэнс, и вышла за рамки. — Сара высморкалась в платок, который дала ей Оливия. — Ты был абсолютно прав. Я не могу одна справиться с этой ужасной потерей. Мне нужно с кем-то поговорить, но... мне очень тяжело доверяться людям. Твои родители были очень добры ко мне, но ты — единственный человек, с которым мне легко говорить, но ты так занят работой... и Оливией. Я не осмелилась просить тебя тратить свое драгоценное время на разговоры со мной.

— Я не слишком занят для тебя, Амелия. Я искренне говорил тебе, что ты можешь обращаться ко мне в любое время.

— Нет, я не желаю, чтобы ты тратил свое свободное время на меня.

— Не спорь со мной, Амелия. Может быть, я и не идеальный джентльмен, но всегда держу свое слово. — Лэнс надеялся, что Оливия поймет его, так как он обещал и ей проводить вместе больше времени. — Ты ведь не видела мой дом. Еще не очень поздно, поэтому приглашаю тебя зайти ко мне, я угощу тебя горячим молоком с ромом, чтобы ты могла заснуть.

— Это было бы замечательно, Лэнс. — Сара мысленно поздравила себя с достигнутой целью.

Сара снова открыла тетрадь Амелии Дивайн. Она вернулась из дома Лэнса, проведя там час. Потягивая горячее молоко с ромом, Лэнс постарался разговорить ее, надеясь, что она расскажет о своих переживаниях, но Сара продолжала увиливать от темы разговора, переходя на банальности, вроде обсуждения мебели или картин. В конце концов Лэнс сдался.

И снова Сара отругала себя за то, что не прочитала внимательно тетрадь Амелии. В тетради упоминалось о танцах, но ничего не говорилось о преподавании. В тетради были стихи, написанные Амелией. Они, по мнению Сары, все были полной ерундой, но она поняла, что ей надо почитать их более внимательно, возможно, в них содержится какая-то информация о семье Дивайн. Но из-за своей ненависти к Амелии Сара не в силах была понять ее мысли и чувства. Девушка приказала себе постараться мыслить так же, как Амелия Дивайн.

*В прекрасном платье золотисто-голубом
Пойду к любимому каштану у пруда
И там, под сенью бархатной листвы,*

В грядущее я устремлю мечты.

*Наполнил воздух звонкий детский смех,
Порхали бабочки и пташки в вышине.
И вот, устав от зноя, ярмарки утех,
Веселая песня дня затихнет во тьме.*

Сара заглянула в беззаботный и счастливый мир Амелии и буквально вскипела от злости. У нее никогда не было любимого места, не говоря уже о каштане и пруде. Сара родилась в одном из десятков одинаковых и запущенных домов, что уныло выстроились по улице Батгот-стрит в южной части Бристоля. Позади дома был сад, который представлял собой крошечный кусок земли, выложенный серой, растрескавшейся брусчаткой. Из трещин вылезали хилые серые ростки. Площадку разделяла на две части единственная веревка для сушки белья. Дом был серым, небо по большей части тоже было серым, соседние дома были точно такого же серого цвета, и из труб всех домов поднимался серый дым. Смех Сара слышала не часто, а тем более она не помнила, чтобы видела хоть одну певчую птицу. А о посещении ярмарки Сара могла только мечтать.

Сара захлопнула тетрадь и швырнула ее в противоположный угол комнаты. Она снова подумала о прошедшем празднике, о том, что она впервые была на танцах в качестве гостя. Ближе всего она подходила к залу для танцев, когда полировала на коленях полы в бальном зале в доме семьи Мердок, уже после вечера. Сара думала, что ей будет очень страшно войти в зал, где много гостей, но все оказалось совсем не так, потому что рядом был Лэнс. И, по мнению Сары, это означало, что судьбой им назначено быть вместе.

Сара подумала о той жизни, которая могла бы у нее быть, владей она состоянием Амелии. Она купила бы огромный дом в фешенебельном районе, таком как Бельгрейвия или Челси, с огромным бальным залом, где все время устраивала бы веселые вечера. Или же она могла выйти замуж за Лэнса и построить большой дом в Кингскоте. Именно об этом она и мечтала, сидя у Лэнса в гостиной. Сара представляла себя женой Лэнса, растившей его детей. Идеальная жизнь. Но ей нужно убрать с дороги Оливию Хорн и отделаться от Бетти, которая представляла для нее настоящую опасность. Если она не сможет разубедить эту аборигенку, то ей придется предпринять более серьезные шаги.

Встав с постели, Сара снова подобрала тетрадь и открыла ее. Из-за ненависти к Амелии она не может рисковать отношениями с Лэнсом. И Сара снова начала листать тетрадь.

23 июля

Папа купил мне еще одну лошадь, красивую пегую, с белой гривой. Я назвала ее Изюминка. Сегодня днем придут Джесси и Шарлотта и мы вместе поедем кататься верхом.

Сара покачала головой, буквально позеленев от зависти.

25 июля

Мы с мамой отправились за покупками. Сегодня вечером мы приглашены на вечер к Лестеру, поэтому мне нужно новое платье.

Мы только что вернулись домой, вечер был замечательным. Если я могу так сказать сама про себя, то я была королевой бала. Я видела, что девочки Лестера завидовали мне, потому что Саймон и Дэвид Форбс провели рядом со мной весь вечер, совершенно не обращая на них никакого внимания.

И снова Сара покачала головой. Какой же самодовольной и самоуверенной была Амелия!

28 июля

Маркус заболел скарлатиной, и няня Бурк просидела с ним всю ночь.

30 июля

26 аборигенов были пойманы мировым посредником и направлены пешком в Хобарт-Таун. Редко приходится становиться свидетельницей такого фантастического зрелища. Некоторые из этих людей были совсем дикими, но рядом были солдаты. Очевидно, что перед входом в город им дали надеть штаны, иначе они до смерти перепугали бы добродетельных гражданок города. Аборигены шли в боевом порядке, и каждый из них в левой руке нес копье, длиной от двенадцати до пятнадцати футов. Продолжая маршировать, они стали выкрикивать свою военную песню. У губернаторского дворца их встретил губернатор, который дал каждому из них по куску хлеба. После этого заиграл оркестр, и коренные жители показали, как метают копья. Маркус очень расстроился, что пропустил

это зрелище.

3 августа

Сегодня мне нездоровится, поэтому я не еду с мамой, папой и Маркусом.

5 августа

3 августа произошла ужасная трагедия. Я плакала два дня, и теперь мой мир никогда не будет прежним. У меня больше нет семьи. Я совсем одна.

Чернила были размыты слезами. В течение месяца записей больше не было.

Сара даже немного пожалела Амелию. Немного. Когда Сара вспомнила бедняжку Люси, ее сочувствие моментально испарилось. Нетрудно понять, почему Амелия была такой капризной. Ее баловали и нежили со дня рождения. Едва ли эта девушка держала в руках тряпку или смахнула пыль с мебели хоть раз в жизни, не говоря уже о том, чтобы на коленях тереть дочиста пол. Сара улыбнулась.

Но теперь все изменилось. Сара представила, как Амелия сейчас работает на ферме Эвана Финнли, как она кормит кур, убирает грязь у свиней, по щиколотки в вонючей, липкой и чавкающей жиже, как она моет горы посуды, что должна быть у Эвана и шестерых его детей.

Должно быть, она стирает белье с восхода до захода солнца. Сара рассмеялась, вообразив, как руки Амелии становятся красными, волдыри лопаются у нее на ладонях, а пот катится со лба. По убеждению Сары, именно этого и заслуживала Амелия.

— А я заслуживаю ее жизни, — прошептала Сара. — И я получу ее, если в этом мире есть справедливость, я заполучу ее деньги, имущество ее родителей и Лэнса Эшби в придачу.

Глава 14

Кейп-дю-Куэди

Амелии показалось странным, что однажды утром, выйдя из своей хижины, она не увидела дыма, выходящего из трубы дома Эвана. Он всегда рано сам разжигал огонь. Эван говорил, что она не может нормально положить дрова, и дым заполняет весь дом.

Амелия отворила дверь и тихо позвала Эвана.

— Я тут, — ответил он из детской комнаты.

— Все в порядке?

— Нет, не все.

Амелия уловила тревогу в голосе Эвана и вошла в детскую. Фермер сидел на маленькой кровати Майло и осторожно протирал его лоб мокрой тряпкой. Даже в утренних сумерках Амелия видела, что малыш совершенно мокрый от пота.

— О, бедный Майло! — Амелия поспешила к его кровати.

— Вчера, перед тем как лечь спать, с ним все было нормально, но в полночь Майло проснулся от жара, — рассказал Эван. — Я всю ночь обтираю его влажной тканью, но никак не могу сбить температуру.

Сисси с Розой проснулись и озабоченно наблюдали за братом, младшие девочки еще спали.

— Положите его на свою постель, — предложила Амелия, не желая беспокоить самых маленьких.

Из-за маленького окна в комнате было еще и довольно темно, и Амелия хотела взглянуть на Майло на свету, нет ли у него на теле сыпи.

Эван взял сына на руки и отнес в большую комнату, где аккуратно положил его на свою кровать. Он хотел укрыть его, но Амелия не разрешила.

— Я думаю, что будет плохо, если мы накроем Майло, — она осмотрела кожу мальчика. Амелия видела, как страдает Эван.

— Здесь так холодно, — забеспокоился отец. Он боялся, что его сын подхватит пневмонию или что, может быть, он ее уже подхватил. Два дня назад, когда перегоняли овец, они вдвоем попали под сильный ливень.

— Должно быть, он заразился какой-то инфекцией, — предположила Амелия. — Он кашлял или жаловался на больное горло?

— Нет, он казался здоровым, когда ложился спать, — ответил Эван.

Амелия подумала про ужин. Майло обычно ел мало, но вчера он съел

все, что было у него на тарелке, и не выглядел бледным. Амелия тщетно пыталась понять, отчего мог заболеть маленький мальчик.

— У него нет укусов, — проворил Эван, — Я уже осмотрел его. — Майло открыл глаза и слабым голоском позвал отца.

— Я здесь, сынок, — ответил Эван, взяв маленькую руку мальчика и нежно погладив ее.

Амелия видела, что Эван ужасно взволнован, и подумала о том, что болезнь мальчика, возможно, возродила в его памяти воспоминания о смерти его жены. Амелия осторожно надавила малышу на живот.

— Здесь болит, Майло? — спросила она.

Мальчик покачал головой.

— У тебя где-нибудь болит?

Снова малыш покачал головой, но Амелия не была уверена, что Майло понял ее, ведь он был слишком мал.

— Если хотите, можете разжечь огонь, чтобы сварить кашу для других детей, а Майло может пока полежать у меня в доме, — предложила Амелия.

Эван подумал об этом. Пламя от очага быстро согрело все две комнаты дома.

— Хорошо, — согласился он и отнес сына к Амелии в хижину. Эван удобно уложил Майло и неохотно оставил его.

Амелия легла рядом с Майло и постаралась утешить его. Она вытирала малышу лоб и гладила по руке.

Когда Эван вернулся в хижину, малыш умиротворенно дремал, положив голову Амелии на плечо. Эван хотел сказать, чтобы она приготовила девочкам еду, но его сын выглядел таким слабеньким. Эван смотрел на них молча с болью в глазах.

— Я приготовлю кашу, — сказал Эван, по обыкновению грубым и хриплым голосом, и вышел из дома Амелии.

Через час появился Габриель. Он очень беспокоился, узнав, что Майло заболел.

— Вы знаете, что с ним? — спросил он Амелию.

— Нет. Вероятно, он чем-то заразился, но нет ни кашля, ни хрипов в груди.

— Я посмотрел его горло, и оно не было красным, — произнес Эван.

Все боялись, что у Майло что-то серьезное, например, с печенью, почками или сердцем.

— Ему надо к врачу, — заявила Амелия с тревогой. — Вот почему

плохо здесь жить. С детьми все может быть нормально, а через минуту они могут заболеть. Если что-то случится, они заболеют или их укусит змея, то требуется немедленная помощь врача, иначе их жизнь подвергается огромному риску.

— Такова наша жизнь, — бросил в ответ Эван. — Здесь наш дом. Я не могу оставить Джейн и маленького Джозефа.

Амелия удивилась. Она не думала, что его жена похоронена на ферме или где-то поблизости, и еще она никогда не слышала про Джозефа. Может, это был ребенок, при рождении которого умерла Джейн?

— По крайней мере, свяжитесь, с доктором в Кингскоте, — осторожно попросила она.

— Я могу подать сигнал проходящему мимо судну, — предложил Габриель. — Корабль причалит, и ты сможешь либо отвезти его в Кингскот, либо послать весточку доктору Томпсону и попросить его прибыть сюда.

Эван посмотрел на Амелию. Она знала, что фермер не оставит здесь своих животных, и, очевидно, он не доверял ей настолько, чтобы позволить ей отвезти Майло в Кингскот.

— Посмотрим, спадет ли жар через несколько часов, — произнес Эван.

— Как хочешь. Мне пойти за почтой? — спросил Габриель.

Сегодня Эван должен был забрать почту в назначенной точке на реке Роки-Ривер.

— Я совсем забыл об этом, — ответил Эван. Он думал только о сыне.

— Я могу пойти, — предложил Габриель.

— Ты только что закончил смену на маяке. Ты, наверное, очень устал.

— Я могу добраться туда и вернуться обратно за пару часов, потом лягу спать.

— Я не могу тебя просить о таком одолжении. Мы договаривались, что иду я, когда у тебя поздняя смена.

— Вы сами не спали всю ночь, — заметила Амелия.

— Сара права, — подтвердил Габриель. — Тебе и так есть о чем волноваться. Я заберу почту.

— *Bongiorno*, — проговорила Карлотта, появившись в дверном проеме.

Поскольку она всегда находилась поблизости от Габриеля, никто не удивился ее появлению. Итальянка окинула всех взглядом и вскинула руки к небу.

— О, *bambinoammalato*.

Габриель с Эваном подумали, что она имела в виду, что мальчик

заболел. Амелия же поняла Карлотту.

— У Майло жар, — сказал Эван.

Карлотта подошла к кровати Амелии и взяла малыша за руку.

— Он очень горячий, — обеспокоенно произнесла она.

— Дайте ему поспать. — Амелия осторожно отстранила руку итальянки. — Ему нужно отдохнуть, у Майло была тяжелая ночь.

Карлотта посмотрела на Амелию и затем повернулась к Эвану.

— Я приготовлю ему хороший суп. От которого он станет сильным и крепким.

— Я, пожалуй, пойду, — проговорил Габриель, направляясь к двери.

— Куда вы идете? — спросила Карлотта. В ее голосе звучало скорее недовольство, чем простое любопытство.

— Забрать почту, — рассердился Габриель. Он взглянул на Амелию, которая ответила ему сочувствующим взглядом.

— Пойду возьму плащ и сапоги для верховой езды, — Габриель обратился к Эвану, который последовал за ним. Поднялся ветер, который сгонял на небе облака, и все говорило о том, что будет дождь.

— Я пока оседлаю Клайда.

— Ты точно не хочешь, чтобы я посигналил какому-нибудь кораблю, чтобы отправить весточку доктору Томпсону? — спросил его Габриель.

— Нет, Майло вроде бы стало легче. — Он не сказал, что благодарен Амелии за то, что она утешила его сына.

Карлотта слушала их разговор, стоя в дверях.

— Может, отнести мальчика ко мне в дом, а Сара пусть займется своей работой, — обратилась итальянка к Эвану.

Амелия слышала ее, но не могла поверить своим ушам. Как смеет Карлотта вмешиваться не в свое дело и говорить о ней, словно о служанке!

Тут появилась Сисси, которая слышала, что сказала Карлотта.

— Папа, пусть Майло остается здесь, с Сарой, — быстро проговорила она. — А мы с Розой сделаем все за нее сегодня.

Эван кивнул.

— Майло здесь нормально, — обратился он Карлотте. — Ему хорошо с Сарой.

Амелия, как и Сисси, вздохнула с облегчением, что Эван не позволил сделать итальянке по-своему.

— *Si*, — ответила Карлотта с явным неудовольствием. — Я пойду домой и приготовлю суп.

— Спасибо, Карлотта. Спасибо за помощь.

Амелии показалось, что она услышала раздражение в его голосе. Она

надеялась, что Эван поймет, что визиты Карлотты на его ферму слишком навязчивы и неприятны ей, но, поскольку сам фермер и его дети всегда наслаждались едой, которую готовила итальянка, девушка сомневалась, что это когда-нибудь произойдет.

Примерно в обед Эван услышал стук копыт и вышел встретить Габриеля. Он быстро возвратился. Эван думал, что он приедет, по крайней мере, только через час.

— Я не ждал тебя так скоро, — проговорил он.

— Сегодня Клайд заслужил свой корм, — ответил Габриель. Бока лошади были в мыле, а из пасти вырывались облачка пара, которые быстро исчезали под мелким дождем. Габриель тоже выглядел усталым.

— Я оботру его и отведу в загон. Много почты?

— Несколько писем Диксонам, одно мне, но для тебя ничего нет. Я почти час искал сумку с почтой. Скотти Моусон привязал ее к дереву. Наверное, он подумал, что сумка намокнет, если пойдет сильный дождь и река поднимется. Или же вообще ее мог унести какой-нибудь зверь.

Письмо Габриелю было от «Мисс Амелии Дивайн из Кингскота». Он не мог дожидаться, чтобы открыть письмо, но намеревался сделать это в одиночестве. Габриель надеялся, что в нем хорошие новости, но он не хотел обнадеживать Сару.

— Как Майло? — спросил Габриель.

— Он спит.

— Жар спал?

— Может, чуть-чуть.

— *Ciao*, — проговорила Карлотта, подойдя к ним с кастрюлей в руках. Два дня назад Эван дал ей курицу, мешочек муки и немного свежих овощей, взамен той еды, что она приносила им.

— Я сварила суп из куриных костей, чечевицы и свежих овощей, — объявила она. — *Bellissimo*. Ваш мальчик скоро снова станет сильным, *vero*?

— Очень мило с вашей стороны, — заметил Эван. От супа исходил замечательный запах. Эван считал, что Карлотта слишком назойлива, но она вкусно готовила.

— Я люблю *bambini*, и вы хорошие люди.

— У меня для вас письма, — обратился к ней Габриель. Он не мог отдать их ей, так как она держала в руках кастрюлю. — Я оставлю их у Эдгара.

— Надеюсь, это от моей семьи, — обрадовалась итальянка.

— Не знаю.

— Еще раз спасибо за то, что забрал почту, — поблагодарил Эван Габриеля.

Габриель устало кивнул. Он зверски устал, но думал только о письме из Кингскота.

— Я отправляюсь спать. Вечером перед сменой загляну проведать Майло.

— Я пойду с вами, — заявила Карлотта, отдав кастрюлю с супом Эвану.

Габриель не хотел идти с ней, но ничего другого не оставалось.

Когда они шли к маяку, Габриель молчал, а Карлотта трещала без умолку о своих сестрах, родителях и о доме, который был у них в Италии. Габриель не мог дождаться, когда останется один.

Наконец Карлотта заметила, что ее спутник все время молчит.

— Бы сегодня слишком задумчивы, Габриель. Что-то не так, *vero*?

— Я ужасно устал, — ответил он. — Я не спал всю ночь и провел в седле четыре часа.

— А, *si*. Вам надо отдохнуть.

— Верно, Карлотта. Всего доброго, — попрощался Габриель и направился в свой дом.

Он запер дверь и только тогда вздохнул с облегчением. Ему совсем не нравилась Карлотта, он сопереживал бедняге Эдгару. Габриель был уверен, что Эдгар несчастлив.

Карлотта слышала, как щелкнул замок. Она почувствовала такое унижение, словно ей дали звонкую пощечину.

— Что он думает? — пробормотала она. — Что я ворвусь и соблазню его?

Итальянке хотелось бы так сделать, но сейчас это было совсем некстати. Она покраснела, настроение у нее испортилось. Эдгар этого еще не знает, но сегодня у него будет тяжелый день.

Габриель сидел на кровати, разглядывая конверт в руках.

Как многое зависело от содержания этого письма. Если произошла ошибка, тогда его возлюбленная Сара, или каково ее настоящее имя, может свободно жить, а они могут открыто выражать свои чувства друг к другу. Габриель полюбил ее, но не осмеливался открыто признаться в своих чувствах. Девушка тоже любит его. Дрожа от беспокойства, Габриель вскрыл конверт.

Когда Амелия увидела Габриеля вечером того же дня, она сразу

поняла, что что-то случилось. Майло стало значительно лучше, и он был в доме вместе с сестрами, которые суетились вокруг него.

Габриель был явно подавлен, и Амелия поняла, что Габриель получил плохие новости.

— Вы получили сегодня письмо от Амелии Дивайн, не так ли? — спросила она. Амелия вышла на улицу, чтобы Эван не слышал ее.

Габриель не мог ответить ей.

Амелия пошла к заборчику вокруг огорода. Облокотившись на него, она опустила голову. В ее глазах заблестели слезы. Вскоре она начала всхлипывать.

Габриель подошел к ней и положил руку на плечо.

— Мне очень жаль. — Ему тяжело было представить ее такой, как писала мисс Дивайн. Девушка, которую он знал, была совершенно другой, доброй и понимающей. Она упорно трудилась и была открытой и чувствительной. Габриель видел, как хорошо она ладит с детьми Эвана, и надеялся, что она когда-нибудь станет матерью и его детям. Письмо поставило Габриеля в тупик. Девушка, что была описана там, была бессердечной, жестокой эгоисткой. Это потрясло его до глубины души.

Амелия повернулась к нему и вытерла слезы, бегущие по щекам.

— Могу я прочесть письмо?

— Вы не захотите его читать, — с трудом произнес Габриель.

— Захочу. Я должна, Габриель. Я должна знать, кто я и почему мисс Дивайн думает, что я Сара Джонс.

— Не думаю, что вы должны...

— Я должна, Габриель. Пожалуйста.

Габриель посмотрел ей в глаза и увидел всю глубину ее боли.

— Ладно, Сара.

Она поморщилась. Это имя все еще было ей непривычно. Она не могла поверить, что была она — Сара Джонс.

— Сегодня у меня ранняя смена. Я отвлеку Диксонов тем, что нанесу им визит в половине шестого. Вы сможете незаметно проскользнуть на маяк в это время?

— Да. Я подам ужин, а потом уйду.

— Хорошо. Тогда увидимся около шести. — Габриель не решался уйти. — Вы уверены, что хотите прочесть письмо?

— Я не хочу, но мне придется, Габриель. Я должна узнать правду о том, кто я, и я не поверю, пока не прочту письмо своими глазами. Вы же понимаете меня, не так ли?

— Я не хочу, чтобы вы страдали. Лучше бы я не говорил вам, что

написал мисс Дивайн.

В половине шестого Амелия поднялась по ступеням лестницы на маяке. Амелия словно бы шла на свою собственную казнь. Она сказала Эвану, что Карлотта хотела видеть ее и что она вернется через час. Эван был очень благодарен ей за то, что она сделала для Майло, и не стал расспрашивать ее.

Через некоторое время на маяк зашел Габриель и запер за собою дверь.

Амелия сидела в ламповой комнате, смотрела на море и слушала тяжелые шаги на лестнице. Когда Габриель поднялся наверх, она даже была не в силах улыбнуться ему. Амелия молча наблюдала, как он подготовил лампу, чтобы зажечь ее, а затем сел напротив нее.

— Прежде чем отдать вам письмо, Сара, я просто хочу, чтобы вы знали, что его содержание не изменило моего отношения к вам, и я хочу, чтобы вы мне пообещали, что сами не измените отношения к себе.

— Я не могу пообещать этого, не зная, о чем идет речь в письме. А что касается того, что вы не изменили своего отношения ко мне, то это неправда. Я вижу в ваших глазах что-то, чего не было вчера. Вы не можете отрицать, что содержание письма задело вас за живое. Думаю, у меня будет подобная реакция.

Габриель на мгновение потупил взгляд.

— Женщины, о которой пишет мисс Дивайн, больше не существует. Я думаю, что, забыв прошлое, вы начали жить новой жизнью. В вашем случае потеря памяти — благо. Я знаю, что вы не поверили, что это так, но вы поймете, что я имел в виду, когда прочтете письмо. Сейчас вы можете начать свою жизнь с чистого листа.

— Вы разве забыли, что мне остается еще два года до конца моего срока?

— Нет. Я думаю, Эван и его дети замечательные люди, и следующие два года я тоже буду вместе с вами. Как смотрителю маяка мне осталось работать здесь всего пару месяцев, но я могу продлить контракт, если захочу, а я хочу быть с вами здесь и буду, пока вы вынуждены будете находиться на острове.

Габриель протянул девушке письмо. Дрожащими руками Амелия развернула его.

*Уважаемый мистер Доннели,
я была удивлена получить от Вас письмо, и немало встревожилась, узнав, что Сара Джонс старается убедить Вас, что она не осужденная*

преступница, присланная на работу в распоряжение мистера Финнли. Возможно, Вам неприятно будет это слышать, но я только могу повторить то, что сказала, когда была там. Она познакомилась с моей служанкой Люси, которая передала мне все, что мисс Джонс рассказала ей. Она сказала, что осуждена и направлена работать к фермеру с шестью детьми на двухлетний период и что после намерена вернуться в Бристоль. Добавлю, что Люси утверждала, что мисс Джонс совершенно не испытывала угрызений совести. На самом деле, у Люси сложилось такое впечатление, что у нее скрытная натура. Не могу сказать, почему бедняжка Люси была такого мнения, но, видимо, ее ощущения были верными.

Пережив потерю Люси, я могу только сказать, что с тех пор, как я поселилась у Эшби, воспоминания о кораблекрушении становятся все более четкими. С болью в сердце я вспоминаю ужасную картину, когда все мы находились в спасательной шлюпке. Я звала Люси и увидела, как мисс Джонс отталкивает мою служанку в сторону, чтобы занять ее место в шлюпке. Если быть до конца откровенной, то на борту творился ад крошечный, каждый был сам за себя, пытался спасти свою жизнь, но поступки в подобных ситуациях показывают характер человека, и я не могу простить Сару Джонс за то, что она сделала с Люси. Семья Эшби тепло приняла меня, относятся ко мне замечательно, но Люси стала мне сестрой, которой никогда у меня не было, и я с каждым днем все больше скучаю по ней. Я находилась в шоковом состоянии, когда Вы спасли нас с мисс Джонс, и я жалею, что не спросила с нее за ее мерзкий поступок. Ведь она спаслась ценой жизни Люси.

Не знаю, что сказала Вам мисс Джонс, но, наверное, после того как она потеряла память, ей трудно смириться с этим. Боюсь, что Вы зря потратили время, обратившись в тюрьму по ее поводу, и настоятельно советую Вам найти своему свободному времени более подходящее применение, так как мисс Джонс не может рассчитывать на свободу. Ей придется полностью заплатить за свое преступление, но также следует считать, что мисс Джонс повезло, потому что ей так и не придется заплатить за то, что она поставила свою жизнь выше жизни другого замечательного человека.

Семья Эшби шлет Вам наилучшие пожелания.

Искренне Ваша,

Амелия Дивайн

Амелия застыла от мучительной боли. Письмо упало на пол из

дрожащих пальцев и слезы покатались из глаз.

— О боже, — тихо застонала она. — Я... чудовище.

Габриель протянул к ней руку, но она отстранилась и вскочила на ноги.

— Я же говорил вам, Сара, вы не такая.

— Как я могла быть такой жестокой и бессердечной? — Даже лишившись памяти, Амелия в глубине души чувствовала, что ее спасение стоило жизни другому человеку. — Как я могу жить, зная, что кто-то лишился жизни из-за меня? — Она повернулась и бросилась вниз по лестнице.

Габриель окликнул ее, но Амелия не остановилась. Он молился, чтобы она не сделала какую-нибудь глупость, и хотел последовать за ней. Но Габриель не мог оставить маяк. Если свет погаснет, то могут погибнуть сотни или тысячи людей.

— Сегодня ты не в себе, Сара, — забеспокоилась Сисси.

Они вместе складывали сухое белье, и Сара была непривычно молчалива, иногда смотрела вдаль, Сисси догадывалась, что девушка пытается вспомнить что-то из прошлой жизни. Почти всегда, особенно с тех пор, как они подружились с Габриелем, Сара была веселой и жизнерадостной. Но сегодня она выглядела так, словно тяжесть всего мира легла ей на плечи.

— Ты переживаешь, что никогда не узнаешь, кто ты? — спросила девочка.

Губы Амелии задрожали.

— Если бы ты задала мне этот вопрос вчера, я бы ответила, что отдала бы все, чтобы узнать, кто я. Сегодня же... — Ее голос оборвался, и слезы заблестели в глазах.

— О Сара, что же изменилось? — спросила с тревогой Сисси.

— Сегодня я отдала бы все, чтобы не знать этого.

— Почему же?

— Габриель написал письмо девушке, вместе с которой он спас меня, и спросил ее, может, она ошиблась, опознав меня как осужденную. Вчера он получил ответ. Она написала, что никакой ошибки нет. — Амелия не могла заставить себя рассказать Сисси, каким чудовищем она оказалась, что спаслась ценой чужой жизни. При одной мысли об этом ее сердце наполнялось мучительной скорбью. Амелия буквально сгорала от стыда.

— Это не значит, что не произошла ошибка, — засомневалась Сисси. — На борту корабля было много людей. Наверное, это была другая девушка, похожая на тебя, и во всей той суматохе...

— Я больше не могу надеяться на это, Сисси. Очевидно, что мое прошлое, это та часть жизни, которой я должна стыдиться, и мне придется с этим жить. Я не могу вернуться назад и изменить его, но мое будущее в моих руках, и я намереваюсь сделать все, что в моих силах, чтобы искупить все свои грехи. Одно ясно. Я не заслуживаю быть счастливой. — Она подумала о Габриеле. Он никогда не был ее, но теперь она вовсе не имела права на будущее с ним. Габриель заслуживал лучшего. Ей оставалось лишь, не жалея себя, работать для детей Эвана Финнли.

Сисси не понравились рассуждения Сары, но она не знала, как убедить ее в том, что она заслуживает быть счастливой.

— Могу я спросить тебя кое о чем, Сисси?

— Конечно, Сара.

— Где похоронена твоя мать?

Девочка удивилась.

— Твой отец что-то говорил... и я подумала, странно, что я не видела ее могилу, — продолжила она.

— Папа похоронил ее на холме, за домом.

— Там, где пасутся овцы? — Амелия не могла в это поверить.

— Да. Он всегда проводит там много времени. Там они с мамой любили гулять, поэтому для него это особенное место. — Девочка также подумала, что ее отец не хотел, чтобы она и ее сестры с братом каждый день видели могилу матери.

Теперь Амелия поняла, почему не видела могилы. Она никогда не ходила на пастбище на холме, но Эван сказал ей, что у него ушли месяцы на то, чтобы расчистить это пастбище. С помощью Клайда он выкорчевывал пни срубленных деревьев. И теперь на этом месте росла сочная зеленая трава.

Амелия задумалась, расстроит ли Сисси вопрос о Джозефе. Пока она старалась придумать, как спросить об этом, не обидев девочку, Сисси сама заговорила.

— Мама умерла, рожая второго братика. — Это случилось примерно год назад.

Сисси тогда была достаточно взрослой, и не только смерть матери, но и то, что она видела, как мать в муках старалась дать жизнь ребенку, сильно травмировало девочку.

— Я никогда не выйду замуж и не рожу ребенка, — выпалила она.

Амелия не могла представить тот ужас, который испытала Сисси, наблюдая и слушая, как ее мать кричит в страшных муках. Амелия недоумевала, почему Эван, потеряв жену и ребенка, не перевез свою семью

поближе к городу и к врачу.

— Рождение ребенка — естественный процесс, и обычно все происходит, как велит природа, но всегда существует опасность, что что-нибудь пойдет не так, — осторожно начала Амелия. — Я считаю, что стать матерью — это прекрасно. Уверена, что чувствовала бы себя именно так.

— Папа сказал, что мама очень устала выталкивать Джозефа. Она много работала, но, думаю, не только в этом дело. Плохо то, что Джозеф шел ножками вперед. Папа постарался повернуть и вытащить его, но мама кричала все громче и потеряла сознание. — Сисси зажмурилась и закрыла уши руками, словно снова услышала ужасные крики своей матери.

— Прости, что заговорила об этом. — Амелия обняла девочку за плечи.

— Когда мама пришла в себя, она умоляла разрезать ее и достать Джозефа, но отец знал, что она тогда умрет, и не смог этого сделать. Папа хотел спасти ее. Мы все хотели, чтобы она жила, но мама требовала, чтобы папа спас Джозефа.

Теперь Амелия поняла, почему Эван был груб. Так он старался пережить боль утраты и заглушить огромное чувство вины за то, что не смог принять решение, стоившее жизни его жене и сыну.

Глава 15

Кингскот

Сара снова изучала тетрадь Амелии. После обеда она отправилась в свою комнату, сказав, что устала. Она с трудом могла понять ту жизнь, которую вела Амелия Дивайн. Несмотря на все старания, Сара совершенно не могла представить себя Амелией Дивайн — испорченной, изнеженной пустышкой, которая ничего не знала о тяготах жизни. На Рождество или дни рождения в семье Сары дарили пару вязаных носков или домашнюю выпечку, обернутую бумагой и перевязанную ленточкой. То, что Амелии вручили такой дорогой подарок, как лошадь, просто не укладывалось у Сары в голове. Чтобы осуществить свой план и унаследовать состояние семьи Дивайн, нужно сосредоточиться, решила Сара.

От размышлений ее отвлек стук в дверь, и Эдна заглянула внутрь.

— Ты не спишь, Амелия?

— Нет, тетя, — ответила Сара.

— Полли сказала, что, наверное, ты прилегла. Я просто хотела сообщить, что мы с Чарльтоном вернулись. — Эдна и Чарльтон уехали рано утром в воскресенье в Пенншоу на крещение. Эдну попросили стать крестной матерью первому ребенку Сибил и Майка Харфорд. — О, я оторвала тебя? Ты что-то записывала?

Сара захлопнула тетрадь.

— Нет, тетя. Я просто... читала.

Эдна присела на край кровати и погладила Сару по руке.

— Милая, поверь мне, со временем боль пройдет.

Сара ничего не ответила, что не удивило Эдну. Она никак не могла разговорить свою подопечную.

— Вообще-то я пришла вот почему. — Эдна посмотрела на сверток в руках и задумалась на секунду. — Я уже говорила о письмах твоей матери, не так ли?

— Да, тетя.

— Я все еще храню их, — тихо проговорила Эдна. Она подумала, что ее подопечная прочтет письма, ей это как-то поможет. Эдну, как и Лэнса, настораживало, что Амелия никогда не вспоминает о своей семье. Миссис Эшби боялась, что если ничего не предпринимать, то у Амелии случится нервный срыв. Она представляла, как ее подопечная окажется в больнице для умалишенных, где-то на Большой земле, навсегда распрощавшись с

радостями молодой жизни.

Эдна протянула ей стопку с письмами, связанную волокном пальмы.

— Ты бы хотела прочесть их? — осторожно спросила она.

— Да, — ответила Сара, протянув руку.

Эдну немного удивила такая реакция. Она ожидала, что Амелия с болью воспримет это предложение. Но Сара видела в письмах лишь источник информации о семье Дивайн, что определенно помогло бы в достижении ее цели.

Сара заметила удивление на лице Эдны, и быстро убрала руку.

— Это поможет мне снова почувствовать себя ближе к маме, — тихо сказала она.

Сара молилась о том, чтобы поскорее увидеться с матерью. Девушка еще не придумала, как жить с Лэнсом и одновременно видеться со своими родителями, но все как-то решится после того, как она завладеет деньгами семьи Дивайн.

— Я знаю, Амелия, — проговорила Эдна. — Письма могут расстроить тебя, но я надеюсь, что они также придадут тебе сил, чтобы жить дальше... без твоих родителей и брата.

— Я тоже надеюсь, тетя, — ответила Сара, не смея взглянуть Эдне в глаза. — Вы оставите их мне?

— Конечно, дорогая. — Эдна снова взглянула на тетрадь. — Камилла сказала, что ты пишешь прекрасные стихи. Мы можем как-нибудь вечером устроить чтения.

Сара испугалась. Эдна заметила тревогу на лице своей подопечной и отругала себя за то, что была слишком прямолинейна.

— Конечно, если только захочешь... — добавила быстро Эдна.

— Я писала стихи, тетя, но теперь не могу. Если честно, — она притворилась, что едва сдерживает эмоции, — я даже не могу читать то, что писала раньше. То, что случилось... изменило меня. — Эдне казалось, что девушка говорила о потере своей семьи, но Сара имела в виду то, что она изменилась после того, как ее осудили за преступление, которого она не совершала.

— Конечно, это изменило тебя, Амелия, милая. Тебе пришлось быстро повзрослеть, и потом, ты сильно переживаешь, что вполне естественно. Но однажды, поверь мне, ты снова найдешь счастье, ты сможешь писать стихи, и жизнь постепенно войдет в привычную колею. Эдна надеялась, что письма только помогут этому. Что-то должно сработать. — Тебе понравилось на празднике? — Эдне очень хотелось узнать об этом.

Сара опустила голову. Она не могла признаться Эдне, что выставила

себя посмешищем, но и промолчать она тоже не могла.

— Я старалась хорошо провести время, но думаю, я была не готова идти туда. — Сара хотела, чтобы Эдна встала на ее сторону, и внезапно у нее появилась идея, как это сделать. — Я просто не готова быть представленной... — Сара неловко замолчала и взглянула на Эдну, — возможным женихам.

Эдна удивленно взглянула на свою подопечную.

Конечно, не готова! Неужели Лэнс решил представить ее подходящим молодым людям в городе? Эдна была шокирована словами Амелии, так как она не ожидала от сына такого нетактичного поведения.

— Лэнс хотел как лучше.

— Хотелось бы надеяться, — осторожно ответила Эдна.

— Не сердитесь, тетя.

Сара видела, что Эдну не обрадовал поступок Лэнса. Девушка хотела, чтобы Эдна выговорила Лэнсу за то, что он представил ее молодым людям. Сара надеялась проводить с Лэнсом больше времени, чтобы добиться его расположения. Она хотела получить все: воссоединиться с семьей и выйти замуж за Лэнса Эшби. После всех ужасных испытаний, выпавших на ее долю, Сара страстно желала счастливого будущего.

— Лэнс был очень добр ко мне, и мне нравится разговаривать с ним, тетя. Теперь он понимает, что мне просто нужен человек примерно моего возраста, с которым я могла быть откровенной.

— О, я понимаю, — сдержанно ответила Эдна.

— Вы с дядей Чарльтоном просто замечательные, тетя. Я не знаю, что бы делала без вас.

Выражение лица женщины смягчилось.

— Уверена, вы согласитесь, что в вашем сыне есть что-то особенное, — добавила Сара.

— Да, — ответила Эдна с гордостью. — И я понимаю, что он ближе тебе по возрасту и тебе легче с ним.

— Правда, тетя?

— Конечно. — Эдна подумала о том, что была слишком эгоистична. Если девушка нашла счастье и покой с Лэнсом, тогда и она сама должна быть счастлива. — Я очень довольна, что ты хочешь поговорить с Лэнсом. Просто думала, что он будет внимательнее к тебе.

— О, поверьте, тетя, он хотел только хорошего. Я уверена, он просто надеялся, что я встречу новых друзей. — Сара уронила голову и заискивающе посмотрела на Эдну. — Вы точно не сердитесь на меня?

— Конечно нет, милая. — Эдна уже решила, что с Лэнсом надо

поговорить, и Сара поняла это по ее голосу.

— Оставляю тебя с письмами, — проговорила Эдна и, поцеловав Сару в щеку, вышла из комнаты.

Сара взяла стопку писем и развязала ленту из пальмового волокна.

— Интересно, что я тут найду, — прошептала она.

Кейп-дю-Куэди

Карлотта возникла в дверном проеме дома Эвана. Амелия у стола мыла и чистила овощи, а Сисси рядом резала их.

— Я так рада, что Майло снова поправился, — проговорила Амелия. — Я пыталась сказать твоему отцу, что вам лучше перебраться поближе к Кингскоту. Ведь здесь нет никакой медицинской помощи.

— Ты тратишь время зря, Сара. Папа даже не станет думать о том, чтобы переехать поближе к городу, — ответила Сисси. — По крайней мере, не сейчас.

— Ты не захочешь оставаться здесь, когда вырастешь, Сисси. — Амелия знала, что Сисси здесь будет жить очень тяжело, когда она станет молодой дамой.

— Да, не захочу. Когда я вырасту, я отправлюсь в город или на Большую землю, и постараюсь найти работу.

— Ты не понимаешь своего отца, Сисси. Ты думаешь, он понимает, что подвергает опасности ваши жизни, особенно после того, что случилось с твоей матерью и умершим братом. Я не утверждаю, что акушерка могла бы спасти твою мать или ребенка, но у них было бы больше шансов выжить. Да и дети болеют часто. Будь я твоей матерью, я волновалась бы до ужаса.

Внезапно у Карлотты созрел хитроумный план. Если Эван уедет отсюда с детьми, ему придется забрать эту преступницу с собой.

Амелия повернулась к очагу и краем глаза заметила итальянку.

— Как долго вы стоите тут? — спросила она с укором.

Амелии надоело, что Карлотта все время следит за ней. С недавних пор у девушки возникло такое чувство, что ее подслушивают.

— Я только вошла, — оправдывалась итальянка. — Я пришла учить девочек готовить.

— Неужели? Тогда приготовьте заодно и что-нибудь на обед, — фыркнула Амелия, положив картофель на стол.

Сисси удивленно взглянула на Амелию. Девочка очень привязалась к

ней и была буквально заморожена кипящей враждебностью, возникшей между Амелией и итальянкой.

Карлотта прищурилась и вошла в дом, покачивая бедрами. Не в силах оставаться в ее обществе, Амелия вышла во двор.

— Думаю у нас получится что-нибудь вкусненькое, *vero*? — с сарказмом произнесла итальянка. — Позови своих сестер, — бросила она Сисси.

Прежде чем уйти с фермы, Карлотта направилась на поиски Эвана. Он был в свинарнике, рядом со своими поросятами.

— Здравствуйте, Карлотта, — поздоровался Эван, когда увидел ее.

— *Bongiorno*, — весело отозвалась Карлотта. — Я готовила с вашими девочками.

— А я думал, что мне показалось, когда ветер донес до меня запах чего-то вкусного. — Эван не добавил, что так готовить его работница не умела.

— Не знаю, как вы вообще могли почувствовать приятный запах из-за этой вони от ваших свиней, — ответила Карлотта, поморщившись и зажав нос.

Эван удивился.

— Они не так плохи. — Он был просто без ума от своих хрюшек. Каждый день он убирался в свинарнике, поскольку не доверял Амелии эту ответственную работу. Однако он заставлял ее зарывать навоз на огороде, несмотря на отчаянные протесты девушки. — Что вы сегодня с девочками готовили?

— Пироги с овощами. Я добавила одну итальянскую приправу, и результат получился просто... *bellissimo*.

Эвану не нравилась ее манера бурно выражать свои чувства. Она была полной противоположностью всегда сдержанной Джейн. Эван с некоторой опаской думал о приправе. Майло мог и закапризничать, если предложить ему что-нибудь особенное, хотя это и не так уж часто случалось в его жизни. Ему нравился хлеб Карлотты. С Большой земли она привезла с собой баночки с различными травами, включая орегано, базилик, семена перца чили и чеснок. Все это итальянка посадила на небольшом огороде, рядом с коттеджем. У Эвана не хватало смелости сказать ей, что ему хотелось бы, чтобы она не добавляла столько специй и чеснока в пищу для него и его семьи. Он снова подумал о Джейн. Она тоже хорошо готовила. Она не добавляла столько различных приправ к своим блюдам, но все равно они получались у Джейн очень вкусными. Эван посмотрел на сына.

— Ты любишь хлеб Карлотты, правда, сынок?

Малыш широко улыбнулся и вытянул руку ладошкой вверх, что рассмешило Эвана.

— Сегодня у тебя будет пирог, — обратилась итальянка к мальчику. Она посмотрела на Эвана. — А что ему не нравится, синьор? Может, ему плохо от какой-нибудь еды?

— Наша еда не отличается особым разнообразием: картошка, морковка и все, что мы можем вырастить под землей, так как валлаби едят все, что остается на поверхности. Потом пресные лепешки, курятину или баранину. Поэтому не знаю чего-то такого, от чего Майло может быть плохо.

Майло стоял по щиколотку в навозе, поросята обнюхивали его своими плоскими носиками, и малыш хихикал от щекотки.

— Ваш мальчик, кажется, снова здоров, — проговорила Карлотта, мысленно содрогаясь от того, в какой грязи он был. Хотя Карлотта и не любила осужденную, она не завидовала, что той приходится стирать одежду отца и сына.

— Так и есть, — ответил Эван, с любовью улыбаясь своему сыну.

— Вы знаете, чем он болел?

Фермер болезненно поморщился.

— Нет, понятия не имею. — Он нежно погладил курчавые волосы малыша.

Карлотта редко видела, чтобы Эван показывал свои чувства.

— Если он снова заболит, вы отвезете его в Кингскот?

— Я не могу оставить здесь девочек и животных, — мрачно проговорил он.

— А если он серьезно заболит, синьор? — продолжала настаивать итальянка.

— Когда это случится, тогда и буду думать. А пока он здоров. — Эван отвернулся и начал собирать навоз.

Карлотта уже собиралась уходить, когда он вдруг снова заговорил.

— Там дети могут подхватить намного более серьезные заболевания от городских детей.

Карлотта понимала, что так он просто пытался оправдать свой образ жизни.

— Шестерым детям все равно иногда нужен будет врач, *vero*?

— Доктора не волшебники. Иногда нам приходится самим бороться с тем, что выпадает на нашу долю, — пробормотал Эван.

Карлотта заметила, что этот разговор ему неприятен, он, наверное,

вспомнил смерть своей жены. Габриель, не вдаваясь в детали, рассказал ей, что его жена умерла примерно год назад. Из разговора между преступницей и Сисси Карлотта догадалась, что она умерла, рожая еще одного мальчика. Итальянке очень хотелось знать, сожалел ли Эван о том, что тогда рядом не было врача.

— Простите, что спрашиваю, синьор, а что случилось с матерью мальчика?

Эван побледнел.

— Она умерла... когда рожала, — пробормотал он.

— Здесь? — спросила Карлотта вьедливо.

Эван побелел и посмотрел в сторону холма, на расчищенную землю, туда, где паслись овцы. Его взгляд скользнул к тому месту, где простыми деревянными крестами были отмечены могилы Джейн и Джозефа. Отсюда их было не видно, но Эван точно знал, где они.

— Отец не любит говорить об этом, — внезапно раздался детский голос. — Он очень переживает.

Карлотта обернулась и увидела позади себя Сисси, которая негодуяще смотрела на итальянку.

— Все нормально, Сисси, — заверил дочь Эван.

— Я думала, что вы уже закончили здесь свои дела, — проговорила девочка, обращаясь к Карлотте. Она хорошо понимала, почему Амелия не любила Карлотту. Сисси было совершенно ясно, что итальянка любит совать нос в чужие дела.

— Разве так можно разговаривать с соседями? — сурово спросил Эван свою дочь.

Когда она промолчала в ответ, Эван закричал на нее.

— Иди в дом, Сисси.

Напуганная девочка повернулась и быстро направилась к дому.

— Простите, Карлотта, — проговорил Эван. — В последнее время моя дочь стала очень капризной. Сара говорит, это все потому, что она становится девушкой.

— Наверное, Сара права, — ответила Карлотта. Она приготовила преступнице сюрприз и не хотела показывать своего настоящего к ней отношения.

Кингсмот

— Лэнс, что случилось на празднике? — спросила Эдна, как только сын впустил ее в свой дом. Лэнс только что вернулся домой из банка и переодевался в домашнюю одежду.

— Что ты имеешь в виду, мама? — спросил он, оправляя рукава рубашки. Лэнс был немного удивлен, что мать даже не поприветствовала его, хотя они не виделись почти три дня. Лэнс много размышлял о странном поведении на балу подопечной его родителей, но не понимал, о чем именно говорит его мать. Вероятно, их подопечная не поведала Эдне всей истории.

— Амелия сегодня рассказала мне, что ей не понравилось на празднике.

— Да? — произнес Лэнс, ожидая, что же последует дальше.

— Она сказала, что не была готова к знакомству с возможными женихами.

Лэнса немного удивило то, что молодая женщина говорила подобные вещи.

— Она танцевала с некоторыми моими друзьями и просто молодыми людьми, мама. Я думал, что она хорошо проводит время.

Эдна вздохнула и села за стол на кухне, пока Лэнс ставил чайник на печь и разжигал огонь. Сухие щепки, которые он положил в топку, занялись мгновенно.

— Нам нужно быть к ней более чуткими, Лэнс. Она очень ранима, — проговорила Эдна.

Лэнс вспомнил, как эта «очень ранимая» девушка вела себя на танцах. Он не мог заставить себя рассказать матери, что Амелия бесстыдно флиртовала с молодыми людьми и что именно половина населения Кингскота говорила о ней.

Когда Лэнс не ответил, Эдна добавила:

— Я думала, ты будешь опекать ее, Лэнс.

— Я намеревался опекать ее, мама. Я не позволил бы, чтобы с ней что-то случилось, ты же знаешь. Я думал, что ей понравится танцевать и что она познакомится с новыми людьми.

— Очевидно, что ей хорошо только с тобой.

Лэнс был поражен.

— Я пригласил на праздник Оливию. Я не мог забыть о ней и проводить все время только с Амелией, верно?

— Я понимаю, Лэнс. — Эдна надеялась, что ее подопечная прочтет письма Камиллы перед ужином и присоединится к ним в столовой уже с другим настроением.

Сара действительно прочла письма Камиллы и вошла в столовую с новым страхом. Брайан Хаксвелл был не только юристом семьи Дивайн, он был и хорошим другом семьи. Камилла несколько раз упоминала о нем в своих письмах. Теперь Сара знала, что как только он увидит ее, то сразу поймет, что она самозванка. Каким-то образом ей нужно избежать встречи с ним.

— Добрый вечер, дядя Чарльтон, — поздоровалась Сара, войдя в столовую.

Полли поставила перед ней тарелку с супом и налила чаю. Сара все еще не привыкла, что ее обслуживают, и понимала, что все это только пока она продолжает быть Амелией Дивайн. От мысли о том, что ее разоблачат и снова отправят в тюрьму, Саре становилось дурно. Она не смогла бы вынести это снова. Уж лучше смерть.

— Добрый вечер, Амелия, дорогая, — проговорил Чарльтон, с любовью улыбаясь ей. — Как прошел твой день?

— Спасибо, хорошо, дядя. А где тетя Эдна?

— Она зашла к Лэнсу. Это не надолго.

Сара поняла, что Эдна отправилась поговорить с Лэнсом о том, что случилось на празднике. Сара была рада, что добивалась своего, но теперь ее волновал приезд Брайана Хаксвелла. Внезапно ей пришла в голову идея.

— А когда приезжает мистер Хаксвелл, дядя Чарльтон?

— Должен быть со дня на день. — Чарльтон в недоумении смотрел на выражение ее лица. Он думал, что девушка будет рада видеть Брайана, но почему-то она выглядела встревоженно.

— Я не хочу его видеть, дядя, — твердо заявила девушка. — Пожалуйста, скажите, разве мне обязательно с ним встречаться?

Чарльтон был удивлен.

— Он везет тебе бумаги, которые ты должна будешь подписать, Амелия.

— Я знаю, но должна ли я видеть его?

Чарльтон не знал, что думать.

— Есть ли какая-то причина, по которой ты не хочешь его видеть?

— Я... я не хочу видеть никого, кто связан с моей прошлой жизнью на Ван-Демьенз-Лэнд.

— Почему... нет? — Чарльтон был ошеломлен и не понимал девушку.

— Я просто больше не могу выносить слова соболезнования и жалости, дядя. Они снова возвращают меня в прошлое. Пожалуйста, не заставляйте меня видеться с ним.

Выражение лица Чарльтона смягчилось, он потянулся через стол и положил руку на руки девушки.

— Ты не должна делать ничего, что тебе не хочется, милая. Ты же знаешь.

— Вы так добры ко мне, дядя. Я подпишу все, что потребуется, если только мне не нужно будет видеться с мистером Хаксвеллом. Он никогда мне не нравился, и мысль о том, что я увижу его снова, терзает мне сердце. — Слезы заблестели у Сары на глазах.

— Пожалуйста, не расстраивайся, Амелия. — Если ты не хочешь видеть Брайана Хаксвелла, то ты не должна этого делать. Я все устрою, как и обещал. Не хочу, чтобы ты волновалась и мучила себя.

— Спасибо, дядя. Не знаю, что бы я без вас делала.

Сара начала есть суп, едва сдерживая вздох облегчения. Она не могла поверить, как легко ей удалось манипулировать Чарльтоном Эшби. В ее руках он оказался податливым, словно глина.

Чарльтон снова взялся за чтение газеты, но не понимал ничего из прочитанного. Он был обескуражен такой реакцией подопечной на приезд Брайана Хаксвелла. Чарльтон не сомневался, что Брайан был очень хорошим другом семьи, и не понимал, почему вдруг Амелия утверждает, что он не нравился ей и она не хочет его видеть. Чарльтон надеялся, что вскоре вернется Эдна. Ему очень нужно было поговорить с ней о странном поведении их подопечной.

— Амелия сказала мне, что она чувствует себя свободно, разговаривая с тобой, так как вы примерно одного возраста, поэтому я считаю, что тебе нужно проводить с ней больше времени, Лэнс, — объяснила Эдна сыну. — Если она откроется тебе, то это будет счастье, ведь тогда Амелия сможет пережить трагическую гибель своей семьи.

— Я тоже так считал сначала, мама, но...

— Но что, Лэнс? Ты не хочешь проводить с ней время?

— Я не против, мама, но...

— Но что, Лэнс? Почему ты все время продолжаешь твердить это «но»? — Эдна не могла сдержать раздражение.

Лэнс понял, что ему ничего не остается, кроме как все рассказать матери.

— Прошу, дай мне договорить, мама.

— Прости, сын. Слова Амелии тронули меня. Пожалуйста, говори.

— У Амелии сложилось неверное впечатление. — Лэнс глубоко вздохнул.

— Что ты имеешь в виду? — Эдна непонимающе посмотрела на сына.

— Я полагаю, она приняла мою заботу за... романтическое ухаживание.

— Ты хочешь сказать, она считает, что у тебя к ней романтические чувства?

Лэнс кивнул.

— Это совсем не так, мама, и я не делал ничего, что могло бы даже косвенно указывать на подобное отношение с моей стороны. Я думал, что, пригласив Оливию на праздник, я окончательно расставлю все точки над «і», особенно если представлю ее своим друзьям и достойным молодым людям города. Если честно, я надеялся, что Амелии понравится кто-то из них и она забудет обо мне.

— Уверена, что ты ошибаешься, Лэнс. Ты, вероятно, все неправильно понял.

— Не думаю, мама.

— О боже! — Эдна схватилась руками за голову.

По дороге домой Эдна встретила с Бетти, у нее в руках была миска для яиц.

— Здравствуйте, Бетти.

— Что случилось, миссис? — спросила Бетти. Она видела, что Эдна чем-то обеспокоена.

— Я только что размышляла над словами Лэнса, Бетти. Вы пришли за яйцами?

— Да, миссис. — Бетти чувствовала, что такое состояние Эдны как-то связано с ее подопечной. Что-то не так с этой девушкой. Бетти избегала встреч с ней, когда приходила в дом к Эшби.

— Как дети? — спросила Эдна.

— Все хорошо, миссис. В пятницу на контрольной по счету Эрнест все сделал правильно, а Элла-Джейн теперь знает весь алфавит. — Бетти восхищалась успехами детей. Девочка неплохо говорила по-английски, но не могла прочитать ни слова. О том, что Элла-Джейн правильно выговаривает буквы алфавита, рассказал Бетти ее муж, Джон.

— Это замечательно, Бетти. А как Мартин? Как его успехи?

— Мартину больше нравится играть в мяч, чем учиться в школе. Однажды он отправится в буш, вот так.

Эдна заметила, что, хотя Бетти была рада тому, что ее дети учатся, она гордилась тем, что Мартин отправится в буш, в племя своей матери.

— Пусть только будет счастлив, Бетти. Это главное.

— Как ваша постоялица, миссис? — спросила Бетти. Она много думала о подопечной семье Эшби.

— Она все еще переживает потерю своей семьи, Бетти, но ведь это понятно, не так ли?

Бетти не ответила. Она была уверена, что девушка совсем не испытывает таких чувств.

— Полли уже собрала яйца, — сказала Эдна, когда они вошли на террасу и увидели большую посудину с яйцами. Эдна выбрала дюжину для Бетти. — Не желаете выпить чашечку чая? — спросила она.

— У меня есть дела, миссис. Может, в другой раз. — У Бетти было плохое предчувствие по поводу постоялицы этого дома, и ей не хотелось оказаться рядом с ней.

— Ну, хорошо, — ответила Эдна, а Бетти уже поспешила к двери.

Эдну немного озадачило такое поведение соседки. Она вошла на кухню и услышала, как Чарльтон зовет ее из их спальни.

Эдну встревожил взволнованный вид Чарльтона. Чарльтон буквально втащил ее в комнату и закрыл дверь.

— Что случилось? — спросила Эдна.

— Я хотел поговорить с тобой наедине. Ты видела Амелию?

— Нет. Что произошло, Чарльтон? Она чем-то расстроила тебя?

— Можно и так сказать. Брайан Хаксвелл приедет завтра или послезавтра. Он везет с собой бумаги, которые Амелия должна подписать, чтобы унаследовать состояние Камиллы и Генри.

— Совершенно верно.

— Амелия сказала мне, что не хочет его видеть.

— Но она должна подписать эти бумаги, иначе все состояние пойдет прахом.

— Я знаю. Она говорит, что подпишет бумаги, но при этом не хочет видеть Брайана.

— Почему?

— Она утверждает, что он никогда ей не нравился и что она не желает видеть людей, связанных с ее прошлой жизнью на Ван-Демьенз-Лэнд.

— Это очень странно. Камилла писала, что Брайан Хаксвелл был не только их юристом, но и близким другом их семьи. — Эдна изумилась.

— Действительно, очень странно, — согласился Чарльтон. — Даже не знаю, что делать. Я сказал ей, что она может не встречаться с ним, но надеюсь, Амелия изменит свое мнение, когда Брайан приедет.

— Вчера вечером я дала ей письма Камиллы.

Чарльтон нахмурился. Эдна слишком торопит события, заботясь о

моральном состоянии своей подопечной.

Эдна решила, что у нее есть лучшее объяснение.

— Я думала, это должно помочь ей пережить ее горе, по ее поведение становится все более странным. — Эдна начала мерить комнату шагами. — Что-то здесь не так, Чарльтон.

— Я сделаю все, чтобы помочь Амелии, Эдна, но должен признать, она меня немало озадачила.

— Наверное, Брайан Хаксвелл сможет пролить свет на то, почему Амелия такая.

— Будем надеяться. Жаль, что она наследует все богатство семьи именно в это время, потому что я не верю, что она способна справиться с такой ответственностью, и мои опасения совсем не связаны с ее возрастом.

Эдна думала над тем, чтобы спросить совета у доктора Томпсона. Он еще не встречался с их подопечной, но Эдна могла бы устроить под каким-нибудь предлогом его встречу с Амелией.

— Надо пригласить доктора Томпсона на ужин, — решила миссис Эшби.

Глава 16

Кейп-дю-Куэди

— Что вы ищете, Карлотта? — спросил Габриель. Он вошел в кладовую взять муки и увидел, что Карлотта в панике роется в вещах.

Она испуганно подняла глаза.

— Книги! — воскликнула она.

— Книги? — Габриель удивленно посмотрел на нее.

— *Si*, здесь есть какие-нибудь книги?

— Нет, — ответил Габриель, и Карлотта поникла. — Вы читаете по-английски? — спросил он.

— *Si*, — бросила итальянка в ответ.

В свое время ей пришлось учиться. Когда они жили на приисках Балларт, отец не одобрял, что у его дочерей слишком много свободного времени. Помочь отцу они мало чем могли, и он считал, что его дочери слишком привлекают внимание похотливых золотодобытчиков, поэтому он завербовал одну из «соседских» жен обучать его дочерей читать и писать по-английски. Теперь Карлотта довольно хорошо читала.

— У меня есть несколько книг дома, но не уверен, что они подойдут вам, — проговорил Габриель. В его коллекции были книги о маяках по всему миру, о кораблекрушениях, о видах судов, об иностранных портах, рифах островах и мелях, об австралийской флоре и фауне и об известных путешественниках.

— Может, и подойдут. Я посмотрю, *vero*?

Габриель подумал, не ищет ли снова Карлотта предлога остаться с ним наедине у него дома.

— Вы ищете что-то особенное? — осторожно спросил он.

— Я хотела узнать... об этом острове. — Карлотта постаралась придумать то, что не вызвало бы подозрений.

— Об острове? Вы имеете в виду его историю? Или что-то еще?

— Нет. Я имею в виду, да, но еще... о... как вы говорите... о растительности. — Она помахала руками для убедительности, изображая кусты и деревья.

— О растительности?! — Габриель не мог поверить своим ушам.

— Да, я люблю готовить, и хотела бы узнать, есть ли здесь какие-нибудь растения, которые я могла бы использовать. В это так трудно поверить?

Габриель хотел ответить, что ему трудно поверить вообще всему, что она говорит, но придумал ответ получше.

— Нет, конечно нет. Просто раньше вы вообще не проявляли интереса к острову, поэтому я немного удивлен.

— Мне стало скучно. Здесь нечего делать. Так есть у вас книги об этом или нет?

— Да, есть.

Хотя Габриеля и поразил внезапный интерес итальянки к местным растениям, он был доволен, что теперь у нее на уме будут не только они с Сарой.

— Хорошо, тогда вы дадите их мне, *vero*? — Карлотта улыбнулась.

— Сейчас?

— *Si*, сейчас. Я пойду с вами.

Габриель вздрогнул. Он никак не мог привыкнуть к тому, как бесцеремонно и напористо итальянка ведет себя. Он взял канистру с маслом и направился домой, а Карлотта последовала за ним. Дома он отобрал для нее три книги. Одна из них была написана профессором Джеймсом Лалли, ботаником из университета Нью-Саус-Уэльс. Эта книга сразу же понравилась итальянке.

— Здесь много иллюстраций, с помощью которых можно легко определить растения на острове, — сообщил Габриель.

Карлотта улыбнулась и быстро ушла, оставив Габриеля в раздумье.

Через час Габриель направился на ферму Финнли, надеясь встретить Сару. Они не разговаривали с тех пор, как она прочла письмо мисс Амелии Дивайн, Габриель тревожился.

Постучав по открытой двери большого дома, Габриель увидел, как Эван сидит за столом с Майло на коленях. Рядом с ними были Джесси и Молли. Амелия мыла тарелки после завтрака, а Сисси вытирала их.

— Входи, Габриель, — позвал Эван.

— Доброе утро, — поздоровался Габриель, войдя в дом.

Его взгляд был прикован к Амелии. Габриель видел, как напряглась девушка, когда Эван произнес его имя. Она не обернулась, чтобы поприветствовать его.

— Садись, — пригласил его к столу Эван — Сара приготовит тебе чашку чая.

— Нет, спасибо, Эван. Я только что пил чай.

Не обращая на него внимания, Амелия быстро пошла к двери. Сердце Габриеля болезненно сжалось.

Через полчаса Габриель подошел к огороду. Амелия копалась в земле, стоя на коленях. По тому, как яростно и методично девушка пронзала и переворачивала землю, Габриель понял, что она не рада его видеть.

— Вы продолжаете избегать меня, — проговорил он.

Она не ответила.

— Мои чувства к вам не изменились, Сара. И не изменятся, — добавил Габриель.

На мгновение Амелия перестала копать, но не посмотрела на него. Казалось, она собирается с мыслями, чтобы ответить. Амелия хотела сказать ему, что недостойна его чувств, но вместо слов к горлу подкатил ком. Она покачала головой, и слезы заблестели у нее на глазах.

— Вы заблуждаетесь. Я ужасный человек, — прошептала Амелия. — Забудьте обо мне. — Она поднялась и пошла прочь.

— Я не смогу забыть о вас... это все равно что забыть, как дышать, — произнес ей вслед Габриель.

Амелию тронули его слова, и она повернулась к нему. Слезы бежали у нее по щекам.

— Я не достойна вас. И никогда таковой не стану.

— Разве не мне это решать, Сара?

— Вы знаете меня слишком мало, и очевидно, что это не истинная я. Девушка из того письма — настоящая... она эгоистичная... она чудовище.

— Нет, Сара.

— Признайте это, Габриель, и держитесь от меня подальше. — Амелия повернулась и поспешила прочь, задыхаясь от нахлынувших на нее чувств. Она любила этого мужчину, и то, что она разрывала их отношения, похоронив надежду на совместное будущее, разбивало ей сердце. Но она должна была это сделать ради Габриеля.

Габриель хотел догнать и остановить Сару, но подумал, что сейчас лучше будет отпустить ее. Ей нужно побыть одной. Он лишь молился, чтобы девушка изменила свое мнение о себе, поняла, что она хороший человек. Он скорее вырежет себе сердце, чем забудет ее.

Кингскот

— А где Амелия? — спросил Чарльтон, когда его жена утром вошла на кухню.

— Полчаса назад она уехала в город, — ответила Эдна.

Чарльтон выглянул во двор через дверь черного хода и увидел там лошадь.

— Она захотела пройтись.

— Одна? — спросил он сурово.

— Да. Она настояла на этом.

Чарльтон собирался еще что-то сказать, но тут раздался стук в парадную дверь. Он пошел открывать, вернулся несколькими минутами позже с конвертом в руках.

— Кто приходил? — спросила Эдна.

— Мальчик доставил послание. — Чарльтон пробежал записку глазами. — Это от Брайана Хаксвелла. Сегодня утром он прибыл сюда на пароходе. Устроился в отеле «Озон». Видимо, он сильно страдал от морской болезни, поэтому сегодняшней и завтрашний день ему потребуется, чтобы прийти в себя. Он просит, чтобы я пришел с Амелией в отель в пятницу в десять.

— Не знаю, когда она вернется, но у меня такое чувство, что Амелия ушла, чтобы не встречаться с мистером Хаксвеллом. Она знала, что он должен приехать со дня на день.

К обеду Сара вернулась. У нее было на редкость хорошее настроение, что удивило Эдну и Чарльтона.

— Что ты делала в городе, дорогая? — спросила Эдна, гадая, стоит ли говорить, что Брайан Хаксвелл уже прибыл в Кингскот.

Сара действительно насладилась одиночеством и свободой. Она гуляла одна, впервые за много лет, и это было здорово.

— Я прошлась по магазинам, а затем выпила чаю в отеле «Озон», — рассказала Сара. Удивленные взгляды Эдны и Чарльтона смутили ее. — Что-то не так? — спросила она.

— Мы только что получили записку от Брайана Хаксвелла, — начал Чарльтон. — Он остановился в этом отеле и хочет видеть нас в пятницу утром.

Сара побледнела. Отель «Озон»! Что, если она встретила его? Конечно, она не знала, как он выглядит. Но и он не узнал бы ее, ведь она не Амелия Дивайн.

— В пятницу? — переспросила она.

— Он не хочет встречаться раньше, так как путешествие с Большой земли оказалось слишком тяжелым. У Брайана были сильные приступы морской болезни, и ему нужно несколько дней, чтобы поправиться.

Сара побледнела и без сил откинулась на спинку стула. В ее голове

замелькали ужасные картины.

— Что случилось, Амелия? — заволновалась Эдна. — Почему ты не хочешь видеть мистера Хаксвелла?

— Просто не хочу, — бросила в ответ Сара. Она посмотрела на Чарльтона. — А вы сказали, что я могу его не видеть, дядя Чарльтон.

— Да, я сказал, Амелия. Если ты так хочешь. Но...

— Почему ты не хочешь его видеть? — прервала его Эдна. Она намеревалась дойти до сути дела.

— Он мне не нравится, и я говорила дяде Чарльтону, что встречи с друзьями моих родителей напоминают мне о случившемся.

— Амелия, милая, встреча с добрыми друзьями только поможет тебе, — уговаривала ее Эдна.

— Нет, — резко возразила Сара. Она запаниковала и внезапно стала задыхаться.

— Успокойся, Амелия. К мистеру Хаксвеллу я отправлюсь один, — заверил ее Чарльтон. Он предупреждающе покачал головой, когда Эдна открыла рот, желая снова продолжить расспрос их подопечной. Его жена промолчала и пошла в кухню просить Полли подать обед.

После обеда, который прошел в полном молчании, Сара на нетвердых ногах отправилась в свою комнату и закрыла за собой дверь. Она думала о сегодняшнем посещении чайной комнаты отеля «Озон». Там Сара разговорилась с приветливым мужчиной, который проходил мимо ее столика с чашкой чая и случайно пролил его. Он извинялся, ведь он случайно задел ее столик, сказал, что его все еще «качает», так как он только сегодня утром прибыл с Большой земли, а путешествие через течение Бэкстэйрс-Пэсэдж было ужасающим. Он пожаловался, что страшно страдает от приступов морской болезни, не может даже нормально мыслить. Они разговаривали всего минуту, а затем джентльмен вышел на улицу глотнуть свежего воздуха. Не мог же этот господин быть Брайаном Хаксвеллом? Сара глубоко вдохнула, задержала дыхание и выдохнула с облегчением, обрадованная, что этот джентльмен не представился или, что еще хуже, не спросил, как ее зовут.

— Нравится ей Брайан Хаксвелл или нет, не должно иметь никакого значения, — обратился Чарльтон к своей жене, когда они остались одни за столом. — Ей нужно просто подписать бумаги, и, возможно, она больше не увидит его ни разу в жизни, если ей этого так хочется. Я просто не понимаю ее.

— Думаю, я должна пойти с тобой на встречу с мистером Хаксвеллом,

— предложила Эдна. Она хотела получить ответы на несколько вопросов, не дававших ей покоя.

— Наверное, это хорошая мысль, — согласился Чарльтон.

Глава 17

Кингскот

— Ты уверена, что не хочешь пойти с нами, Амелия? — спросила Эдна, когда они уже собрались уходить на встречу с Брайаном Хаксвеллом.

— Абсолютно уверена, — ответила Сара. — Я не хочу видеть мистера Хаксвелла. — Она взглянула на Чарльтона, который был встревожен ее поведением. — Я знаю, вы не понимаете, но я правда не могу говорить об этом. Уверена, мистер Хаксвелл покажется вам милым человеком, но поверьте мне, у него есть и другая сторона. — Сара говорила так неопределенно, чтобы посеять у четы Эшби сомнения, что Брайан Хаксвелл не тот человек, за которого себя выдает. И казалось, ее уловка сработала. Эдна и Чарльтон вопросительно переглянулись.

Брайан Хаксвелл ждал Амелию в чайной комнате отеля «Озон». Когда в комнату вошли Эдна с Чарльтоном, Брайан посмотрел на них и снова повернулся к большому окну, из которого открывался вид на бухту. Эдна и Чарльтон знали, что Брайан ждал Амелию, и поскольку ее не было с ними, он решил, что они не Эшби.

Брайан наблюдал за тем, как сильный ветер срывает пену с гребней волн в океане, и от мысли об обратном путешествии на Ван-Демьенз-Лэнд его прошибал холодный пот. Единственным утешением для него было то, что он снова увидит Амелию. Брайан очень волновался за нее, и это ужасное путешествие стоило того, чтобы самому удостовериться, что девушка на пути к восстановлению.

Поскольку Брайан был единственным джентльменом в чайной комнате, кто сидел в одиночестве, а Эшби знали почти всех остальных, они направились прямо к нему.

— Простите, сэр, это вы мистер Хаксвелл? — спросил Чарльтон, когда они с Эдной подошли к его столику.

— Да, — ответил Брайан.

— Меня зовут Чарльтон Эшби, а это моя жена, Эдна. — Мужчины пожали руки.

— А где... Амелия? — Брайан в недоумении посмотрел на дверь.

Чарльтон нервно взглянул на Эдну.

— Боюсь, она не придет, мистер Хаксвелл, — ответила Эдна.

— Жаль. — Брайан был явно растерян.

— Мы можем присесть? — спросил Чарльтон.

— Конечно, простите мою неучтивость. Я просто несколько... Я с нетерпением ждал встречи с Амелией. Она... больна?

— Она... нет, — ответила Эдна. — Вы уже чувствуете себя лучше?

— Меня все еще немного мутит, но все же мне уже гораздо лучше. Спасибо.

— Вы знали, что корабль, на котором была Амелия, затонул у берега.

— Да, об этом сообщили в Хобарт-Таун. Я страшно переживал, пока не выяснил, что она выжила. Я должен был бы написать, но подумал, что лучше приеду и лично проведу ее. — Брайан Хаксвелл был худощавым господином с добрыми голубыми глазами и аккуратно подстриженными усами и бородкой. Его костюм был безупречен. Эдна и Чарльтон предположили, что ему около пятидесяти лет. — Я подумал... Я надеялся, что она уже начала приходить в себя. Знаю, прошло не так много времени, но с вашей помощью и с переменой обстановки...

— Наверное, нам стоит объяснить, — вежливо начала Эдна. Она продолжала думать о том, что сказала Амелия, хотя и не поверила ни одному ее слову. Эдна считала себя наблюдательным человеком, умеющим определять характер людей, и обычно на это у нее уходило немного времени. О человеке, считала она, довольно точно можно было судить по первому впечатлению. Брайан Хаксвелл казался ей добропорядочным, открытым и искренним джентльменом, настоящим профессионалом своего дела. Эдна вспомнила, что поведение ее подопечной было странным с самого начала, но она относилась это к последствию катастрофы.

Эдна взглянула на мужа, ища поддержки.

— Амелия не захотела приходить, мистер Хаксвелл, — осторожно произнес Чарльтон.

Брайан Хаксвелл побледнел.

— Амелия сказала, что не хочет вас видеть, потому что не желает видеть никого, кто напоминает ей о жизни на Ван-Демьенз-Лэнд, — уточнила Эдна.

— Что? — изумился Брайан Хаксвелл.

— Ей кажется, что таким образом возвращается ее прошлое, — объяснила Эдна.

— Не могу поверить, что она не захотела видеть... меня, — огорчился Брайан.

Чарльтону и Эдне было совершенно очевидно, что Брайан Хаксвелл сбит с толку таким поведением девушки.

Чарльтон предложил всем чаю, давая возможность Брайану пережить

новости.

— Мы надеемся, вы сможете пролить свет на то, почему Амелия ведет себя подобным образом, — попросила его Эдна.

— Даже не знаю, смогу ли я, — ответил разочарованно Брайан.

— Какой она была до трагического случая, унесшего жизнь ее семьи?

— Она просто светилась от счастья и желания жить. Камилла и Генри всячески старались радовать ее.

Чарльтон и Эдна переглянулись. Девушка, живущая в их доме, была совсем другой.

— Вы должны понять, Амелия была чересчур избалованным ребенком. Камилла и Генри были не только моими клиентами, но и очень хорошими друзьями, поэтому я вправе утверждать, что они баловали своих детей. Я думал, что они слишком потакают детям во всем, но, учитывая, как распорядилась жизнь, я рад, что они были счастливы все вместе. — Брайан огорченно вздохнул. У Эдны в глазах заблестели слезы, когда она увидела его неподдельное страдание. Брайан совладал со своими чувствами и, посмотрев на Эдну, извинился. — Я знаю, Камилла была вашей очень близкой подругой. Простите, если расстраиваю вас.

— Мистер Хаквелл, вы описали Амелию как счастливую, энергичную девушку, но были ли такие периоды, хотя бы короткие, когда она была замкнутой или задумчивой?

— Абсолютно нет. Она преподавала в школе танцы, говорила на трех языках, любила ходить на вечера с родителями или подругами. Она пользовалась большим успехом в обществе.

— Сейчас она совсем не такая, — заметил Чарльтон.

— Потеря семьи оказалась ужасным потрясением. Вероятно, это сильно повлияло на ее характер, — произнес Брайан.

— Это понятно, и мы принимаем данные обстоятельства во внимание, поверьте. Но Амелия, которую мы знаем, нервная и очень робкая девушка. Наш сын, Лэнс, недавно сопровождал ее на бал, он сказал, что она ужасно вела себя там.

— Это совсем не похоже на Амелию. Она любила общество и танцы.

— Вы всегда с ней ладили? — спросил Чарльтон. — Я имею в виду, не было ли у вас с ней никаких размолвок?

— Конечно нет. Не хочу показаться нескромным, но можно сказать, что я был любимым дядей для детей Дивайнов. Я знаю их не один год. Вот почему меня так потрясло, что Амелия не захотела меня видеть. Я ненавижу морские путешествия, мог бы послать бумаги, которые необходимо подписать, но я решился на эту ужасную пытку, чтобы увидеть

Амелию. В день похорон я пообещал, что не буду терять связь с ней. Признаться, я ждал от нее письма.

Эдна и Чарльтон не решились сказать Брайану, что Амелия утверждала, что он не нравился ей, что она даже не упоминала о нем, пока Чарльтон не сообщил, что Брайан Хаксвелл собирается приехать сюда.

— Если вы были здесь в понедельник, вы могли видеть ее, — проговорила Эдна.

— Вообще-то я был здесь. Я пью очень много чая, поэтому я постоянно прихожу сюда.

— Тогда удивительно, что вы не встретили ее. Амелия сказала нам, что пила здесь чай утром в среду.

— Я ее не видел. — Брайан постарался вспомнить, была ли у него возможность разминуться с ней.

— Все кажется довольно странным. Например, Амелия пока совершенно не проявила никакого интереса к поэзии, хотя Камилла писала, что ее дочь очень любит писать стихи. Но самое странное, что Амелия никогда не вспоминала ни Камиллу, ни Генри, ни Маркуса. Кажется, их смерть настолько повлияла на нее, что она стала совершенно другим человеком.

— Наверное, ей стоит показаться врачу, — посоветовал Брайан. Он был очень сильно взволнован.

— Я тоже так думала, но сомневаюсь, что она добровольно захочет пойти к врачу, поэтому я сегодня пригласила его на ужин, — сказала Эдна. — Мне очень жаль, что вы проделали такой путь, чтобы увидеть ее, мистер Хаксвелл, и не смогли этого сделать, но Амелия сказала, что подпишет бумаги...

— Не передумает ли она до моего отъезда? — спросил Брайан.

— Возможно. — Эдна намеревалась убедить Амелию. — Посмотрим, что нам удастся сделать.

— В понедельник ее двадцатый день рождения. Я не пропускал ни одного ее дня рождения, поэтому собирался остаться здесь до вторника. Я очень люблю рисовать и планировал потратить несколько дней, чтобы запечатлеть красивые местные пейзажи.

— Мы собирались устроить для нее праздничное чаепитие в понедельник после обеда. Может быть, Амелия согласится, чтобы вы пришли.

— Для меня это многое бы значило. Если откровенно, то мысль о предстоящем пути назад меня совсем не радует. Если я не увижу Амелию, мне будет очень трудно вынести это путешествие.

— У вас есть семья, которая ждет вашего возвращения?

— Нет. Моя жена умерла от тифа через год после нашей женитьбы. Я больше так и не смог жениться, поэтому детей у меня нет. Признаться, я тоже немного баловал детей Дивайнов. Я никогда не думал... — Брайан умолк.

У Эдны на глазах снова выступили слезы, она вспомнила свою дорогую подругу Камиллу.

Кейп-дю-Куэди

Карлотта изучала растения, описанные в книге профессора Джеймса Лалли, но таких она не обнаружила рядом с маяком. У итальянки не хватало смелости отправиться в буш, она боялась заблудиться в густой дикой растительности. Через два дня разочарований Карлотта решила обратиться за помощью к Габриелю.

— Вы можете пойти со мной за некоторыми растениями? — спросила она, когда Габриэль вернулся с фермы Эвана, где он завтракал после поздней смены. В руках итальянка держала книгу.

— Сейчас, Карлотта? Я собирался лечь спать.

— Мы быстро, *vero*?

— Я никуда не пойду, пока не высплюсь, — рассердился Габриэль. В последние дни он мало спал, все время думая об Амелии.

— Когда вы проснетесь, тогда мы сможем пойти? — настаивала Карлотта. Она старалась сдержаться и не вспылить, так как не хотела, чтобы Габриэль совсем отказал ей.

— Возможно. — Габриэль направился в свой дом.

Карлотта была очень зла.

Эдгар вышел из их дома и увидел Карлотту с книгой в руках. Последние несколько дней она проводила за чтением, но он не спрашивал жену, что она задумала, хотя ему было это очень интересно. И то, что она не трогала его все эти дни, было слабым утешением.

— Доброе утро, дорогая, — поздоровался он. Карлотта неохотно проворчала что-то в ответ, и Эдгар тяжело вздохнул.

— Ты что-то ищешь? — спросил он, не надеясь на ответ.

— *Si*, — проговорила Карлотта и ушла.

Днем Эдгар выполнил свои обязанности, в которые входила очистка

линз, и направился домой пообедать. Его не очень удивило, что Карлотта ничего ему не приготовила. В зависимости от настроения жены Эдгару иногда доставался очень хороший обед, а иногда, как, например, сегодня, вообще ничего.

— Она готовит для всех, кроме меня, — проворчал он, отрезая хлеб и заваривая чай.

Через несколько минут в дом вошла Карлотта, что-то недовольно бурча себе под нос. Эдгар подумал, что лучше не спрашивать ее ни о чем, ему не хотелось, чтобы она выместила свое недовольство на нем.

Карлотта замерла на месте, увидев, что ее муж жуует листок какого-то растения.

— Что ты делаешь? — воскликнула она.

— Ничего, — ответил Эдгар, не понимая, что она имеет в виду.

— Что это? — спросила она, поднимая со стола еще один зеленый листок.

— Это я принимаю от артрита, — ответил Эдгар.

— Что это такое? — спросила итальянка.

— Полное название этого растения Сентелла Азиатика. Я нашел его недалеко отсюда два дня тому назад, чему очень обрадовался, так как мой артрит в последнее время сильно разыгрался. — Эдгар жаловался на боли, но Карлотта не обращала на это никакого внимания.

— Откуда ты знал, что эти листья помогут?

Эдгара озадачил тон жены.

— У меня был приятель из местных, который рассказал мне многое о лекарственных травах, что растут в буше.

— *Maledetto!* Ты мне этого не говорил, — вскричала Карлотта.

Не понимая, почему его жена снова так внезапно рассердилась, Эдгар промямлил:

— Я... не думал... что тебе это будет интересно, дорогая.

Карлотта замахнулась на него книгой.

— Смотри, что я читаю. *Accecare, stupidoidiota* [\[3\]](#).

Эдгар втянул голову в плечи, но книга все же ударила его по голове. Он совершенно не понимал причину такой внезапной вспышки ее гнева.

— Ты не говорила мне, что читаешь, дорогая. — Он хотел сказать, что предполагал, что она читает любовный роман, но промолчал, так как не хотел снова получить книгой по голове.

— У тебя был приятель абориген, *vero?* — Внезапно лицо Карлотты просветлело.

— Совершенно верно. Уанупингу работал со мной некоторое время на

золотых приисках Калгули. Он работал на правительство, выслеживал беглых преступников, поэтому довольно неплохо говорил по-английски. Но я недолго общался с ним. Вскоре он подался в бродяги.

— Мне не интересна его жизненная история, расскажи мне, чему он научил тебя.

— Очень многому. Я знаю, какие растения останавливают диарею, какие листья надо жевать от простуды, а какие растения излечивают порезы и раны и, конечно, артрит. — К сожалению, он не рассказал, что помогает от властной и своенравной жены, подумал Эдгар.

— Можешь показать?

— Да, если хочешь.

— Пошли, — решительно потребовала Карлотта.

Глава 18

Кейп-дю-Куэди

— Я не так знаком с окрестностями, как Габриель, дорогая, — произнес Эдгар, когда Карлотта тянула его за собой через буш. Эдгар смотрел по сторонам в надежде увидеть что-нибудь, что окажется полезным его жене.

С тех пор как они приехали на остров, Эдгар ежедневно ходил на прогулки. Он считал, что ему нужно позаботиться о своей физической форме, чтобы не отставать от молодой жены, но чаще всего он уходил, чтобы просто отдохнуть от Карлотты и ее скверного характера. Эдгар был внимательным и не отходил дальше одной-двух миль от маяка, боясь заблудиться.

— Наверное, тебе стоило попросить Габриеля, — предложил Эдгар. — Я наткнулся на это растение чисто случайно.

Карлотта не хотела говорить, что уже обращалась к Габриелю и что он не очень-то радушно отнесся к ней.

— Может быть, ты увидишь еще какое-нибудь знакомое растение.

Эдгар был начитанным человеком и многое знал, но он был чересчур скромн и неуверен в себе, что очень раздражало Карлотту. Не раз итальянка задавала себе вопрос, почему ее муж не может быть твердым и уверенным в себе человеком, как Габриель.

— Я все еще помню самое первое растение, которое показал мне Уанупингу. — Эдгар направлялся туда, где никогда раньше не был, по тропке, проложенной валлаби и другими местными кенгуру, которые были меньше и темнее по окрасу, с более толстым мехом, чем кенгуру с Большой земли. Буш и деревья были домом и для опоссумов, и для южных коричневых бандикутов — крупных крыс, и для болотных крыс, и летучих мышей шести разных видов. — Он рассказал мне о болезнях, которые может предупредить и вылечить эта трава; описал все симптомы, такие как отеки, кровоточащие десны, выпадение зубов, боль и неподвижность суставов, а также плохо заживающие раны. Ты знаешь, что за растение это было? — Эдгар остановился и посмотрел на Карлотту, когда она не ответила сразу. Он не догадывался, что его жена едва сдерживает свое раздражение. Она не желала слушать лекцию о пользе отдельных растений, а просто хотела найти что-нибудь, что помогло бы ей отделаться от этой преступницы.

— Ложечница лекарственная, — произнес Эдгар, но Карлотта не обратила на мужа никакого внимания, а он продолжал: — Моряки в долгих походах сильно страдают от цинги. Уанупингу показал мне это растение. Моряки сходили на берег и собирали эту траву, она помогала им поддерживать здоровье, когда у них кончались запасы свежих овощей и фруктов. У этого растения остrokонечные листья и маленький синий цветок. Было бы изумительно, если бы оно нам попало.

— *Si*, изумительно, — с сарказмом проговорила итальянка. Ей совершенно было не интересно, о чем говорил Эдгар. Она хотела найти то, что было нужно ей. — А можно ли заболеть, если съесть этого растения слишком много? — с надеждой спросила она.

Эдгар посчитал вопрос весьма странным, но он давно привык к ее странностям и далее не пытался понять ход ее мыслей. Да и спросить Карлотту он не посмел бы.

— Не думаю, дорогая.

— Пошли дальше, продолжим искать, — приказала Карлотта, подтолкнув мужа вперед.

Они направлялись в глубь острова, в противоположную сторону от маяка. Пройдя еще примерно пятьдесят ярдов, Эдгар остановился у дерева.

— Это черная акация, — он положил руку на ствол. — Уанупингу говорил, что если перетереть корни и внутреннюю часть коры, вымочить все это в воде, а затем выпить ее, то такой настой поможет снять боль. Красный ясень, который также известен как мыльный куст, оказывает схожее действие, но я не видел здесь ни одного дерева. — Эдгар снова зашагал вперед. Его слова совершенно не интересовали жену.

— О, посмотри-ка на это, — восторженно воскликнул Эдгар. Он показывал на растение впереди. Толстые мягкие стебли были усеяны большими ярко-зелеными листьями и белыми цветами. — Это местный имбирь, — обрадовался он. — Не могу поверить, что не заметил его раньше. Когда отцветут цветки, на их месте сформируются круглые синие плоды. Мякоть внутри имеет освежающий, лимонный вкус. Запомни это растение. Возможно, ты захочешь использовать мякоть этих плодов в приготовлении блюд как замену имбирю.

Карлотта смерила мужа недовольным взглядом. Эдгар же абсолютно не понимал, что сейчас он сделал не так.

— Молодые корни тоже съедобны, — продолжал Эдгар. — Уанупингу рассказал, что аборигены кладут мясо на листья, когда готовят его на костре. Листья придают приятный вкус и не дают мясу высохнуть.

— Я не использую имбирь, — бросила Карлотта. — Поэтому мне не

нужна замена, и уж точно я не буду готовить на костре. — Она больше не могла сдерживать свое разочарование. Эдгар был словно ходячей книгой, что еще раз напоминало о том, что разница в возрасте пролегла пропастью между ними.

Карлотта пока бурно не выражала свое недовольство прогулкой, и Эдгар двинулся дальше, жена последовала за ним.

— Ага! — воскликнул Эдгар, направляясь к следующему растению. — Вот кое-что интересное.

Карлотта только поморщилась.

— Если тебя когда-нибудь укусит змея, это как раз то, что нужно. Уанупингу как-то называл это растение, я сейчас точно не помню, но оно примерно переводилось как «белый корень». — Эдгар нервно засмеялся, Карлотта кипела от злости. Она скрестила руки и уже хотела закричать на мужа, но он продолжил: — Если сделать отвар из листьев, а потом выпить его, то начнется рвота. Не уверен, как это помогает, но это традиционное лекарство от укуса змей, о чем следует знать, ведь на острове полно змей. — Эдгар не сомневался, что, если бы его укусила змея, Карлотта не стала бы готовить для него лекарство. — Может, я сделаю отвар, чтобы он был на всякий случай всегда под рукой у нас дома? — робко спросил он.

«Отвар вызывает рвоту». Карлотту вдруг осенило. Она нашла именно то, что ей нужно. У этого небольшого куста были небольшие ярко-зеленые листья и маленькие белые цветы. Итальянка отметила про себя точное место, где рос этот куст.

— Это лекарство не опасно, если принять его слишком много, да? — спросила она, думая о своей будущей жертве.

— Нет, дорогая. — Эдгар засомневался, не ошибается ли он в том, что Карлотта действительно волнуется за него, но по-своему. Или же ему просто хочется в это верить?

— Пошли домой, — велела она.

— Но... разве ты не хочешь поискать еще каких-нибудь растений, которые ты могла бы использовать при готовке? — Эдгару нравилась прогулка. В его жизни редко выпадали такие моменты, когда его и Карлотту интересовали одни и те же вещи.

— Сегодня я видела достаточно, — заявила она, изо всех сил стараясь скрыть свою радость. — Мы должны возвращаться.

— Подожди, я соберу несколько листьев.

— Нет, я сама соберу их для тебя позже, *vero*?

— Хорошо, дорогая. Может, потом соберем их вместе. Здорово мы погуляли, правда?

— Si, — ответила Карлотта и поспешила обратно домой. Эдгару ничего не оставалось, как последовать за женой. Он никогда не понимал ее.

Кингскот

— Брайан Хаксвелл кажется очень милым джентльменом, — обратилась во время обеда Эдна к Саре.

— Я же сказала, что вы так и подумаете. — Сара старалась скрыть свое волнение. Она беспокоилась, что Брайан расскажет им что-то, что может выдать ее. — Но поверьте мне, он совсем не так мил, как кажется.

— Что именно ты имеешь в виду, Амелия? — Эдна уже теряла терпение. Ей хотелось немедленно услышать объяснения.

— Я не хочу об этом говорить. Он только притворяется джентльменом.

— Меня не так просто обмануть, — рассердилась Эдна. Она не могла представить, что мужчина, которого она сегодня встретила, не был порядочным человеком, и она не понимала, почему ее подопечная утверждает обратное.

Сара услышала в ее голосе крайнюю решимость.

— Вы просто должны мне поверить, тетя. Он дал вам бумаги, которые я должна подписать? — Имя Амелии Дивайн подарило Саре свободу. А ее наследство означало, что Сара может жить в роскоши. Ей также хотелось заполучить и Лэнса. Если бы не деньги и Лэнс, то Сары уже давно бы здесь не было.

— Они у Чарльтона, но нет нужды спешить с их подписью. Мистер Хаксвелл будет в городе еще несколько дней. — По выражению лица своей подопечной Эдна поняла, что эта новость совсем не обрадовала ее.

— Зачем?

— Ему совсем не хочется возвращаться, он не любитель дальних путешествий, — ответила Эдна. — Поэтому мистер Хаксвелл решил несколько дней отдохнуть.

Сара не предполагала, что Эдна собирается устраивать для нее праздничное чаепитие. Сара даже не знала, что в понедельник у Амелии день рождения. Брайан сказал, что никогда не пропускал день ее рождения с тех пор, как познакомился с ней.

Эдна не собиралась ничего говорить о том, как чувствовал себя Брайан, но внезапно ее захлестнули эмоции, и она не сдержалась.

— Мистер Хаксвелл очень расстроен, что, проделав такой путь, не

увидит тебя. Конечно, не мне говорить об этом, но думаю, было бы по-христиански простить ему ту обиду, которую он, по-твоему, нанес тебе, и помириться. У тебя впереди вся жизнь, Амелия, и тебе же не захочется все время жить с чувством обиды. Мистер Хаксвелл сказал, что у него нет детей, и нам с Чарльтоном было совершенно очевидно, что он очень, очень тебя любит.

— Мне совершенно все равно, что он чувствует, я знаю, что он просто притворяется, тетя. Я же сказала вам, я не буду с ним встречаться, поэтому, пожалуйста, оставьте это. — Сара запаниковала и вышла из комнаты.

— Сегодня к нам на ужин придут гости, — проговорила Эдна. — Может, ты захочешь как-нибудь одеться по-особому.

Сара обернулась. Она была уверена, что ее тетя не пригласила бы Брайана Хаксвелла на ужин, не сказав ей.

Эдна заметила, что девушка побледнела, и это поразило ее. Брайан Хаксвелл ведь говорил, что она любит общество.

— Кто? — спросила Сара. Если бы Эдна сказала, что это Брайан Хаксвелл, она просто бы убежала. Она не желала отправляться в тюрьму.

— Доктор Томпсон и его жена, Фелисити.

Сара помрачнела. Эдна задумалась, догадывается ли ее подопечная о реальной причине приглашения доктора с женой на ужин.

— Томпсоны — наши друзья, — пояснила Эдна и отвернулась, чтобы налить себе чай, дабы ее подопечная не заметила ее виноватый взгляд.

Сара вышла на улицу. Она была напугана и очень рассержена. Чарльтон сделал все, как просила Сара, но Эдна, видимо, не собиралась так просто сдаваться. Надо придумать что-то ужасное и мерзкое, что он мог бы ей сделать, что-то такое, чего Эдна не смогла бы ему простить и о чем не решилась бы заговорить с Брайаном.

Сара была в своей комнате и готовилась к обеду, когда прибыли Томпсоны. Она слышала, как Эдна негромко разговаривала с ними, но Сара ничего не могла разобрать.

Эдна, услышав, что Сара открыла дверь своей спальни, делано веселым тоном проговорила:

— Как самочувствие детей, Фелисити?

Сара тут же поняла, что Эдна говорила о ней, потому что этот вопрос Эдна задала, как только доктор Томпсон и его жена вошли в дом. Сара еще больше смутилась, но она твердо знала, что ей нужно перетерпеть этот вечер, чтобы рассеять все сомнения Эдны. Глубоко вдохнув, она направилась в гостиную.

— Спасибо, хорошо, Эдна, — громко ответила Фелисити.

— Вот и ты, Амелия, — произнес Чарльтон, когда Сара появилась в дверях гостиной.

Сара заставила себя улыбнуться.

— Разреши представить тебе чету Томпсон. Это доктор Дэннис Томпсон. — Врач стоял рядом с Чарльтоном у камина. Сара поприветствовала его с максимально возможной вежливостью.

Доктор Томпсон тепло улыбнулся ей.

— А это его жена, Фелисити, — добавил Чарльтон.

— Рада познакомиться. — Сара вежливо обратилась к женщине, расположившейся на софе рядом с Эдной. Она подумала, что им обоим уже за тридцать. Доктору ближе к сорока, а Фелисити, может, только недавно исполнилось тридцать. Дэннис был высоким, стройным брюнетом с бледно-зелеными глазами. У него было загорелое лицо, и Сара предположила, что он загорел, часто посещая своих пациентов. Фелисити была миниатюрной блондинкой с голубыми глазами. Фелисити и Дэннис улыбались тепло и открыто.

— Приятно познакомиться с вами, — начала Фелисити на американский манер, немного растягивая слова. — И пожалуйста, примите наши искренние соболезнования по поводу вашей утраты.

— Спасибо, — поблагодарила Сара и отвела глаза.

— Амелия, не желаешь ли выпить немного вина, пока Полли накрывает на стол? — поинтересовался Чарльтон. — Составь компанию Эдне и Фелисити.

— Спасибо, дядя Чарльтон. — Сара твердо намеревалась ограничиться только одним бокалом, чтобы сохранить ясность мышления. Но Чарльтон и Эдна хотели сделать так, чтобы она, наоборот, максимально расслабилась и раскрепостилась.

— Лэнс присоединится к нам? — спросила Сара. Она не видела его с вечера праздничного дня.

— Нет, у него сегодня другие дела, — пояснила Эдна. Лэнс сегодня пригласил Оливию в отель «Озон» на ужин, но она не собиралась говорить об этом.

Полли сегодня запекла баранину с томатами, фасолью и другими овощами, с добавлением вина. Запах был восхитительным, все с нетерпением ждали, когда же она наконец накроет на стол. Чтобы занять себя на это время, хозяйева и гости разговаривали о детях Томпсонов — сыновьях-двойняшках и их младшей сестре. Судя по рассказам родителей, дети были еще теми сорванцами.

Десятью минутами позже все заняли свои места за столом, а Полли достала главное блюдо и поставила на стол свежие овощи и вареный картофель.

— На прошлой неделе я навещал Эллу-Джейн Хаммонд и увидел, что Джон в этом году не занимается овцами, — обратился Дэннис к Чарльтону, пока Полли обслуживала его.

— Нет, в этом году он занялся пшеницей. Ее можно собирать уже через пару недель, если не будет сильных дождей, иначе все пропадет. А пока он помогает Перси Киркбрайту собирать урожай овса.

— У Перси, должно быть, хороший урожай. Мой сосед, Чарли Пикфорд, тоже ему помогает. — Дэннис повернулся к Саре. — Амелия, Эдна говорила, что вы жили в Хобарт-Таун.

— Именно так.

— Я никогда там не был. Что это за город?

В своей жизни Сара не видела почти ничего, кроме окружающего пейзажа тюрьмы, поэтому ей следовало быть осторожной. В тюремную прачечную привозили белье из городской больницы и приюта, поэтому ничего, кроме дворика для прогулок, куда Сара выходила на час подышать свежим воздухом, она больше не видела.

— Что бы вы хотели знать? — нервно спросила она.

— Что-нибудь, что вам кажется интересным, — ответил Дэннис.

Сара пыталась скрыть свое волнение.

— В Хобарт-Таун живет намного больше людей, чем здесь, на Кенгуру-Айленд. — Это первое, что пришло ей в голову, и она почувствовала, что краснеет.

— Кажется, это утверждение верно при сравнении и с любым другим городом. — Дэннис рассмеялся, — Но именно это нам и нравится, не так ли, Фелисити?

— Верно. Я родом из Нью-Йорка, который вообще жутко перенаселен. Здесь как в раю, особенно это хорошо для детей, и здесь много работы для Дэнниса.

Сара чувствовала, что врач готовится задать ей следующий вопрос, и решила отвлечь от себя внимание.

— Доктор Томпсон, а где вы работали до того, как приехали на Кенгуру-Айленд?

— Я изучал медицину в Америке, работал в Нью-Йорке три года после того, как получил лицензию на врачебную практику. Там я и познакомился с Фелисити. Она работала сестрой в больнице, куда устроился и я. Когда мы приехали сюда, я получил работу в Аделаиде, и там же родились наши

сыновья. Вы были там?

Сара разволновалась. Она не знала, бывала ли Амелия в Аделаиде. Если бывала, то знает ли об этом Эдна? Сара не помнила, чтобы в письмах Камиллы или в тетради Амелии ей на глаза попались строки про Аделаиду. Сара подумала, что спасена. Замешкавшись с ответом, она почувствовала, что все взгляды направлены на нее.

— Нет, не была, — ответила Сара, молясь про себя, что не ошиблась в этом. Когда же Эдна и Чарльтон не возразили ей, девушка вздохнула с облегчением.

— Амелия, Эдна рассказывала, что вы попали в кораблекрушение. Вероятно, это было ужасно.

Сара ощутила некоторую уверенность.

— Да, действительно. Я никогда так не боялась за всю свою жизнь. Мы, осужденная преступница и я, оказались единственными выжившими, но полагаю, тетя уже говорила вам об этом.

— Да. Она также упоминала о том, что вы путешествовали, не одна. Наверняка вам было очень больно выполнить такую нелегкую задачу, как сообщить родным о смерти вашей попутчицы?

Сара сжала губы, вспомнила о том, что рассказала ей Люси.

— Нет, Люси была сиротой и воспитывалась в приюте.

— Да? В каком?

Сара тупо посмотрела на Фелисити. Она не ожидала подобного вопроса.

— Простите, Амелия. Я не хотела расстраивать вас. Я спросила только потому, что один из моих друзей владеет приютом.

— Где? — спросила Сара и решила, что какой бы приют ни назвала Фелисити, она назовет приют в другом городе.

— В Мельбурне.

— Люси из Хобарт-Таун.

— А как долго она была с вами? — спросил доктор Томпсон.

— Пару... недель. — Сара вспомнила свой разговор с Люси, в котором девушка рассказала ей, что у Амелии она совсем недавно.

— Но вы, наверное, стали близки? — допрашивала Фелисити.

— Да, — ответила Сара, не поднимая глаз.

— Амелия, Эдна говорила, что вы были учительницей танцев.

— Да, верно. — Сара посмотрела на Фелисити.

— Какой замечательный способ зарабатывать на жизнь. — Эдна сказала Фелисити, что Амелия могла не работать, так как ее родители были очень обеспеченными людьми, но Камилла всегда поощряла свою дочь

быть хоть немного независимой, так как это помогло бы ей в будущем.

— Да... это так.

— Амелия также говорит по-французски и по-итальянски. И еще она учила испанский, — сообщила Эдна.

— Вот как? — воскликнула Фелисити. — Это очень впечатляет.

Сара была в ужасе, что ее попросят сказать что-нибудь на одном из этих языков.

— А вы помогаете своему мужу с пациентами? — спросила она, пытаясь отвлечь всеобщее внимание от себя.

— Сейчас нет. У меня полно забот с детьми, а Дэннису приходится довольно много времени проводить в разъездах, навещая своих пациентов.

— Неужели?

— Да. В Пенншоу есть еще один врач, но они вместе присматривают за пациентами в Американ-Ривер. В зависимости от того, кто из них свободен. Иногда Дэнниса не бывает дома целыми днями. Но надеюсь, я смогу помогать ему, когда дети подрастут.

— Чем занимался ваш отец, Амелия? — спросил Дэннис.

Сара положила в рот немного еды, чтобы хоть немного выиграть время и подумать. Потом проговорила:

— Он... занимался многими вещами. — Сара взглянула на Чарльтона, ища поддержки. Ничего не дождавшись, она снова посмотрела на доктора Томпсона. — А что делал ваш отец? — поинтересовалась она. — Он тоже был врачом?

Дэннис Томпсон медленно улыбнулся.

— Простите, Амелия. Вам, наверное, кажется, что вы на допросе. Мы нечасто встречаемся с новыми людьми, поэтому нас так интересует ваша жизнь.

— Я понимаю. Но я совсем недавно потеряла свою семью, и мне больно говорить о них. Со временем, я уверена, все изменится. — Она притворилась, что чувства переполняют ее, и промокнула платком воображаемую слезу.

— Да, это так. — Ваша реакция вполне естественна. Может быть, тогда расскажете нам о себе? — попросил Дэннис.

— Я не знаю, что рассказать. У меня такое чувство, словно той девушки, что жила в Хобарт-Таун, больше нет. Вы думаете, это нормально? — Сара чувствовала, что доктор Томпсон симпатизирует ей.

— Полагаю, да. Вам кажется, что после такого внезапного трагического случая вы потеряли связь с вашей прошлой жизнью.

— Именно так я и чувствую, доктор Томпсон. Вы определенно

специалист в своем деле. — Сара одарила его восхищенным взглядом.

Дэннис Томпсон взглянул на Эдну и улыбнулся ей. Эдне показалось, что доктор Томпсон уловил что-то подозрительное в словах ее подопечной, но она ошибалась. Дэннис считал, что Амелия совершенно обычная девушка, на долю которой выпали ужасные страдания, о которых ей очень трудно говорить.

На следующее утро Эшби сказали Саре, что собираются навестить друзей. Сара задумалась, не идут ли они к доктору Томпсону, чтобы узнать, каково его «профессиональное» мнение о ней. Она успокаивала себя, ведь вечер прошел неплохо. Она даже поздравила себя с тем, как хорошо справилась с задачей не дать ничего заподозрить Томпсонам.

Заскучав, Сара отправилась во двор, где Полли собиралась развешивать белье. Сара решила помочь ей. Не в первый раз она помогала служанке с работой по дому. Особенно искусна она была в стирке, что совершенно ошеломило Полли.

— Я сама все сделаю, — растерянно проговорила Полли, когда Сара начала развешивать белье на веревке.

— Я хочу помочь, — настаивала Сара. — Мне все равно нечего делать.

Сара никогда не могла празднично проводить время и никак не могла привыкнуть к этому. Она симпатизировала Полли, так как сама была служанкой и знала, сколько работы приходится выполнять девушке. У Полли редко было свободное время, даже в воскресенье, когда предполагалось, что после обеда она должна отдыхать. Сара сама была в похожей ситуации, когда служила у семьи Мердок. Правда, здесь не было двух испорченных сестер, которые издевались бы над Полли.

— Наверняка вы не стирали сами, когда жили с родителями в Хобарт-Таун. — Полли не верилось, что человек, который редко стирал, может быть таким профессионалом в этом деле. Девушка вешала белье, как настоящая прачка.

Сара поставила два колышка под одну из нижних юбок Эдны. Из слов Полли Сара поняла, что ее поведение кажется девушке странным.

— Конечно нет. У нас были слуги... но мне нравится самой что-то делать. Может, я странная... но я считаю, что женщина должна многое уметь.

Полли пожала плечами. Она представляла, что мисс Амелия Дивайн выйдет замуж за богатого господина, а если нет, то все равно Амелия будет богата, когда получит наследство, и ей не надо уметь что-то делать по дому.

— Когда вы научились так хорошо стирать и штопать? Я думала, что

богатые люди, чтобы занять время, занимаются только тонкой вышивкой. — Полли умирала от любопытства, но не решалась спросить об этом раньше.

Сара покраснела. Она не умела вышивать.

— Я же говорила тебе, мне нравится делать это, и я наблюдала за слугами у нас дома. — Девушка посмотрела на двор у дома семьи Хаммонд, где Бетти тоже вешала свое белье. Дворы разделял всего лишь низкий забор, поэтому все хорошо просматривалось. Так как в последнее время Сара не видела Бетти, она немного успокоилась. Но сейчас к Саре снова вернулись все ее былые страхи. Эта чернокожая способна нарушить ее планы. Девушка видела, что Бетти продолжает смотреть в их сторону, и поспешила отвернуться.

— Когда мои родители уходили из дома, я обычно помогала слугам, — солгала Сара. — Так я боролась со скукой.

Полли не представляла, как богатой девочке может быть скучно, и удивленно посмотрела на нее.

— Но миссис Эшби говорила, что у вас было много друзей, и потом, разве у вас не было пони? Я еще слышала, что миссис Эшби упоминала о том, что вы ходили на балы и преподавали в танцевальной школе. Поэтому, у вас совсем не было времени скучать. — Полли отдала бы все, чтобы хоть на один день стать такой, как Амелия Дивайн.

— Мне было жалко слуг, им приходилось много работать. — Сара немного растерялась. Она больше ничего не могла придумать. Бетти все еще смотрела на Сару. — Если тебе не нужна моя помощь, я пойду домой, — обиделась девушка.

— Я этого не говорила, мисс Дивайн. Я просто думаю, что это неправильно, что вы делаете мою работу. Если бы вас увидела миссис Эшби, она бы рассердилась на меня.

— Вот почему я помогаю тебе, когда ее нет дома.

Сара снова взглянула на соседний двор. Бетти продолжала смотреть на нее.

— Наша любопытная соседка разглядывает нас, она может рассказать все тете, поэтому я лучше пойду, Полли. — Сара направилась к дому. Полли помахала Бетти и снова принялась развешивать белье.

— Вы знаете, зачем мы пришли, Дэннис, — начала Эдна, когда они пришли домой к врачу. Доктор Томпсон как раз хотел идти к Перси Киркбрайту, который поранил ногу, собирая урожай.

— Да, Эдна, и я не знаю, что вам сказать. Амелия кажется очень милой

девушкой, и хотя она немного нервная и замкнутая, она неплохо справляется, учитывая, что недавно потеряла свою семью. Я ожидал, что она вообще не может сохранить самообладание, особенно когда я или Фелисити спрашивали о ее родителях или погибшей служанке, но она вела себя хорошо.

— В этом-то все и дело. Она... держит все в себе, это какая-то нездоровая реакция. Она не желает говорить о родителях, но не плачет и не хандрит.

— Этому можно только порадоваться. Пожалуйста, заметьте, что люди справляются со своим горем каждый по-своему.

— Возможно, вы правы, но она очень нервная девушка, совсем не похожа на ту Амелию, о которой говорила в своих письмах ее мать.

Дэннис понимал, что Эдна и Чарльтон очень волнуются, но считал их опасения чрезмерными.

— Камилла могла преувеличивать способности своей дочери. Родители нередко так поступают.

— Камилла была совсем не такой, — возмутилась Эдна.

— Тогда я могу объяснить такие изменения в характере Амелии тем, что бедная девушка слишком много пережила.

— Сначала мы тоже так думали, — заговорил Чарльтон. — Но здесь что-то не так, Дэннис.

— Вчера мы встречались с юристом семьи Дивайн, который был также близким другом семьи, — продолжала Эдна. — Он проделал огромный путь, чтобы увидеть Амелию и привезти бумаги, касающиеся наследства ее семьи, а она не желает его видеть.

— Почему?

— Утверждает, что он не нравится ей, что он совсем не тот человек, за которого себя выдает.

— Определенно это ее дело, Эдна. Если Брайан ей не нравится, то наверняка у нее есть на это веская причина.

— Но этот человек кажется вполне достойным джентльменом, а Амелия не называет причину, по которой не хочет видеть его.

— Он может казаться милым, но вы же не знаете его так хорошо, как Амелия.

Эдна и Чарльтон поняли, что их подопечная очаровала Дэнниса Томпсона и его жену. Она была или очень умной, или же крайне хитрой. Они не знали, что делать дальше.

Глава 19

Кингскот

После обеда Бетти пошла с детьми на прогулку на утес в Ривз-Пойнт. Они шли к тутовому дереву, посаженному в 1836 году командой корабля «Герцог Йорка», и под их ногами мягким зеленым ковром стелилась сочная трава. Пока дети резвились, Бетти бродила вокруг заброшенного колодца, построенного еще первыми поселенцами острова. Положив руку на каменный бортик, она внезапно ощутила дурное предчувствие. Несмотря на холодный ветер с моря, у Бетти на лбу даже выступили капли пота.

Жуткое эхо приглушенных голосов из мрачных глубин влекло ее, словно магнит. Бетти стало страшно. Она была уверена, что это ветер так зло шутит над ней, но не могла пошевелиться. Казалось, невидимые силы удерживали ее, зывали к ней. Дрожа, она попыталась отступить, но ноги внезапно налились свинцом и не слушались ее. Видение, в котором огромный корабль налетел на риф, пронеслось у Бетти перед глазами. Звуки бушующих волн, стонущего ветра и крики ужаса, донеслись из глубины колодца. Бетти казалось, что она сходит с ума.

Вдруг из тьмы возникло лицо прекрасной темноволосой девушки. Ее локоны трепал ветер, бархатная кожа была пепельного цвета. Лишь розовый бутон губ и взгляд темных, манящих глаз оживлял этот образ. «*Остерегайтесь*», — простонала девушка, прежде чем снова пропала во мрачной сырости колодца.

Бетти едва не задохнулась. Магическая сила, что крепко удерживала ее у края колодца, наконец исчезла, и Бетти рухнула на траву. Несколько мгновений она пребывала в оцепенении, но потом повернулась и стала искать взглядом детей. Их рядом не было. Женщина посмотрела на вершину скал, оттуда открывался самый лучший вид на бухту Бэй-оф-Шоулс. Бетти считала, что на этих скалах очень опасно, особенно при сильном ветре. Она представила, что ее дети сейчас там, и ее охватила паника. Бетти изо всех сил бежала против ветра. Предупреждение темноволосой девушки из колодца стучало в висках. Бетти верила, что получила знак — ее дети в опасности.

— Мама, — услышала она крик Эллы-Джейн.

— Элла-Джейн, — воскликнула Бетти истерично. Она продолжала бежать, но краем глаза заметила какое-то движение. Бетти повернулась и

увидела, как дети радостно смеются и кувыркаются в траве на склоне холма в сотне ярдов левее от нее.

Бетти едва не закричала от радости. Она остановилась, чтобы отдышаться. Ее сердце гулко билось в груди, а перед глазами все еще стоял образ прекрасной темноволосой девушки, которая говорила ей *остерегайтесь*. Если это предупреждение не касалось детей, тогда что оно значило?

В последнее время Бетти чувствовала себя очень неудобно, и виной тому была подопечная Эшби. Женщине она казалась подозрительной. Сегодня утром Бетти увидела, что девушка вешала белье вместе с Полли. Что-то с гостьей семьи Эшби было не так. Бетти считала, что эта мисс обманывает Эдну и Чарльтона.

Пока дети резвились, гоняясь друг за другом, Бетти смотрела на них. Наблюдая за ними, она ощутила, как дурное предчувствие становится все сильнее, и хотя они были в безопасном месте, вдали от опасных скал, Бетти почувствовала необходимость вернуться с детьми домой.

— Ну можно нам еще чуть-чуть поиграть здесь? — плаксиво произнес Эрнест после того, как мать сказала им, что они идут домой. Она не разрешала им приходить сюда одним, в их самое любимое место. Они не понимали опасности, но никогда не нарушали этот запрет.

— Нет, — твердо проговорила Бетти. — Пора идти. И никогда не приходите сюда одни, слышите?

— Да, мама, но можно поиграть еще хоть пять минут? — капризно спросил Мартин.

— Нет, — сурово ответила Бетти и взяла Эллу-Джейн за руку. Ее сердце бешено забило, когда она снова посмотрела на колодец. Мальчики посмотрели друг на друга и послушно пошли за матерью.

Еще издали Бетти заметила Эдну перед домом. Подойдя ближе, она увидела, как ее соседка поливает цветы, которые посадила вдоль забора, отделяющего их дома. Бетти была все еще под впечатлением видения и хотела проскользнуть мимо незамеченной, но в этот момент Эдна повернулась и увидела ее с детьми.

— Здравствуйте, Бетти, — поприветствовала она женщину. — Здравствуйте, дети.

— Здравствуйте, миссис, — ответила Бетти, и дети, словно эхо, повторили ее приветствие.

Вскоре Эдна заметила, что соседка выглядит немного болезненно.

— Что-нибудь случилось, Бетти? — спросила она, когда ее соседка подошла ближе. Эдна заметила испарину на лбу женщины, хотя дул

холодный ветер.

Бетти отправила детей вперед, строго наказав им идти в дом и оставаться там. Эдна подумала, что дети расстроили мать, так как ей никогда раньше не доводилось слышать, чтобы эта женщина была так строга с ними.

Бетти никак не могла решиться, говорить ли Эдне о том, что с ее подопечной что-то не так. С одной стороны, она считала, что Эдна заслуживает право знать это, но с другой — не хотела расстраивать и волновать ее. А вдруг предупреждение от девушки из колодца означало, что она должна предупредить Эдну?

— Я гуляла с детьми в Ривз-Пойнт, миссис, — произнесла Бетти, наблюдая за тем, как Мартин, Эрнест и Элла-Джейн зашли в дом. — Не хочу, чтобы они подходили к скалам. — Бетти все еще чувствовала некоторую дрожь и не могла заставить себя рассказать о девушке из колодца. Эдна всегда очень серьезно относилась к ее озарениям, но даже сама Бетти считала, что такое странное видение балансирует на грани безумия. Она не хотела, чтобы соседка посчитала ее сумасшедшей.

— Дети совсем не осознают опасности, не так ли, Бетти? — Эдна нахмурилась, задумавшись о чем-то.

— Вы чем-то взволнованы, миссис?

— Да, Бетти. Признаться, я уже довольно долго не нахожу себе покоя... — Она бросила взгляд в сторону дома. — Это все из-за моей подопечной, Амелии. — Эдна понимала, что нехорошо говорить о дочери Камиллы за ее спиной, но поскольку Бетти обладала редким даром, Эдна подумала, что есть крохотный шанс, что эта женщина может найти ответы на вопросы, которые мучили ее. Встреча с Брайаном Хаксвеллом вызвала еще больше вопросов. Она возлагала надежды на доктора Томпсона, но после разговора с ним запуталась окончательно.

— А что с ней, миссис? — спросила Бетти. Она обрадовалась, что Эдна сама заговорила о своей подопечной.

— Даже не знаю, с чего начать, Бетти. С того момента, как Амелия появилась здесь, я замечаю, что с ней что-то не так. Хотя не могу это твердо утверждать. Амелия лишилась семьи, и это ужасная трагедия, но она никогда не говорит о близких. У меня такое чувство, что она что-то скрывает.

— Я тоже так думала, миссис, — проговорила Бетти с облегчением.

Эдна удивленно посмотрела на нее.

— Правда, Бетти?

— Да, миссис. Мне кажется, она не скорбит, она чем-то напугана.

Эдна была поражена.

— Вчера у нас был доктор Томпсон, и он сказал, что она нервничает. Возможно, ей неуютно в новой обстановке, среди незнакомых людей. Но в остальном он считает, что ее поведение вполне нормально.

Бетти покачала головой.

— Разве вы не знали ее еще маленьким ребенком, миссис? — Этот вопрос уже давно крутился у нее в голове.

— Конечно же, знала, Бетти. Мы вместе уехали в Австралию, а потом навещали Амелию и ее семью в Хобарт-Таун, прежде чем переехать сюда. Это было почти сразу после рождения ее младшего брата Маркуса. Амелия была милой маленькой девочкой, красивой как картинка, — проговорила Эдна, улыбаясь. Улыбка исчезла, когда она вспомнила еще что-то. — Если откровенно, Бетти, то Лэнс был немного... — Она постаралась подобрать подходящее слово, чтобы передать реакцию ее сына, когда он впервые увидел Амелию после стольких лет. Он был по-настоящему разочарован, но это слово казалось слишком жестоким. — Он был... немного удивлен... какой невзрачной девушкой она стала. У нее такие же темные волосы и светлая кожа, но в остальном я вовсе не узнала бы ее. — Эдна задумалась. — Я вспоминаю, что однажды Камилла прислала мне вырезку из газеты «Хобарт Энквайрер» со светской хроникой. Это была заметка с фотографией Амелии на ее дебютном балу. Ей тогда было шестнадцать. Я совсем забыла об этой вырезке, но теперь вспомнила, что на той фотографии Амелия очень красива. Это странно, не так ли? Вырезка где-то сохранилась. Может, мне стоит взглянуть на нее снова.

Бетти не знала, что такое дебютный бал, но поняла, что эта вырезка из газеты очень важна. Красивая девушка. Она подумала о том красивом лице, что видела в колодце.

— Найдите ее, миссис, — проговорила с тревогой Бетти.

— Почему, Бетти? — выражение лица соседки обеспокоило Эдну, и она хотела объяснений.

— Что-то не так, миссис. Я не знаю, что именно, но эта девушка что-то скрывает. Я боюсь за вас, миссис. — Бетти задумалась о том, предназначалось ли то послание из колодца для Эдны. Наверное, оно должно было предупредить ее об Амелии.

Женщина всерьез забеспокоилась.

— Вы можете сказать что-нибудь более конкретное, Бетти?

Бетти покачала головой.

— Я должна идти, миссис. Найдите эту вырезку из газеты.

Как только Бетти ушла, Эдна направилась в дом и обыскала свою

спальню. Она рылась в ящиках, которые вытащила из шкафа, когда вошел Чарльтон.

— Что ты потеряла, дорогая? — спросил он.

От испуга Эдна едва не упала.

— Тсс... Где Амелия? — прошептала Эдна.

— Кажется, она на заднем дворе с Полли. Что ты делаешь? И почему мы шепчемся?

Эдна плотно затворила дверь.

— Я ищу вырезку из газеты, которую прислала мне Камилла пару лет назад.

— Вырезку из газеты?

— Да, ты помнишь, она прислала нам вырезку из газеты со страничкой светской хроники? Там была статья и фотография Амелии на дебютном балу.

Чарльтон задумался.

— Что-то припоминаю. А зачем она тебе? Хочешь показать ее Амелии?

— Нет. Я просто разговаривала с Бетти и внезапно вспомнила эту статью с фотографией. Бетти сказала, что мне нужно найти ее, потому что это важно.

Чарльтон был заинтригован, впрочем, как и Сара, которая стояла в коридоре, недалеко от спальни четы Эшби. Похолодало, и она зашла в дом, чтобы накинуть шаль. Проходя мимо спальни Эдны и Чарльтона, Сара услышала, что Эдна говорит об Амелии. Когда же Эдна упомянула Бетти, Сара зло прищурилась. Она знала, что эта женщина доставит ей неприятности, но если Эшби найдут газетную вырезку, то Сару снова отправят в тюрьму.

— Разве она не лежала вместе с письмами Камиллы? — спросил Чарльтон, пока Эдна продолжала искать, совершенно не догадываясь, что их разговор подслушивают.

— Нет, я уверена, что она лежала отдельно. Мы должны найти ее, Чарльтон.

— Я помогу тебе. Где мне посмотреть?

— Не знаю. Я думала, что она где-то в одном из этих ящиков, но там ее нет. — Эдна достала из шкафа несколько ящиков и высыпала на кровать всевозможные сувениры и памятные подарки, собранные за всю жизнь, но среди них не было вырезки из газеты.

— Наверное, ты положила ее куда-то еще, — предположил Чарльтон.

— Может, я положила ее в какую-нибудь книгу, чтобы не помять. Я не

стану искать ее сегодня вечером, чтобы не привлекать внимания Амелии, поищу завтра утром. Амелия обычно встает намного позже, и мне должно хватить времени.

Сара пробралась в свою комнату и спряталась за дверью.

— Я должна найти эту газетную вырезку раньше Эдны, — сказала она себе. — Если не найду... — Сара сразу представила, как ее арестовывают и отвозят в тюрьму на Ван-Демьенз-Лэнд, а Лэнс, не скрывая отвращения, глядит, как ее уводят служители закона. — Потом разделаюсь с Бетти Хаммонд.

Сара незаметно выскользнула из парадной двери, обошла дом и вошла через кухню, чтобы ее опекуны не догадались, что она была в доме.

Кейп-дю-Куэди

Карлотта испекла целую корзинку печенья, которую она отнесла на ферму Финнли перед самым ужином. Для Майло она приготовила одно особое печенье.

— Никаких сладостей перед едой, — строго сказал Эван.

Карлотта подумала, что ее план рухнет. Она хотела убедиться, что Майло съест печенье, приготовленное специально для него.

— Всего одно не повредит, синьор, — настаивала Карлотта.

— Они могут съесть выпечку после ужина, — не сдавался Эван.

Амелия стояла у очага, слушая разговор, и мысленно аплодировала Эвану за то, что он не поддавался итальянке, которая проявляла чрезмерную настойчивость.

— Оставьте печенье, и я прослежу, чтобы дети съели его, — равнодушно произнесла Амелия.

Особое печенье в обертке лежало в корзинке на самом верху.

— Это для тебя, Майло. Оно особенное, — сказала Карлотта, мальчику. — Скушай его после ужина. — Итальянка бросила на Амелию холодный взгляд, а затем мило улыбнулась малышу, который сидел за столом рядом с отцом.

Потрепав темные кудри мальчика, итальянка поставила корзину на середину стола.

— До свиданья, синьор, — попрощалась она с Эваном и вышла.

Карлотта что-то замышляет, подумала Амелия.

После ужина она пошла на огород, чтобы посадить картофель. За то

время, что она провела на ферме, ее руки стали неузнаваемы — под ногтями — грязь, ладони — в мозолях. Амелия даже не могла смотреть на свои руки.

Она копалась на грядках уже почти час, начали сгущаться сумерки, и девушка уже собиралась уходить, как из большого дома ее позвала Сисси.

— Сара, иди скорее. Майло снова заболел.

Амелия бросилась к дому. Эван был в детской, вместе с Майло. Малыш стонал от боли. Его рвало.

Амелия намочила тряпку и вытерла испарину со лба мальчика.

— Что с ним случилось? — с тревогой спросил Эван. — Почему он снова заболел?

— В прошлый раз его не рвало, а сейчас у него нет жара.

— Должно быть, он что-то съел, — проговорил Эван раздраженно.

— Он ел только картошку и холодное мясо, как и мы, но с нами все нормально, — оправдывалась Амелия.

— И печенье Карлотты, — добавила Сисси. Она посмотрела на Амелию, а затем на отца.

— Он бы не заболел от печенья Карлотты. — Эван считал итальянку очень хорошей поварихой.

Майло рвало еще час, а потом он уснул. Эван отнес его на свою кровать и уложил малыша рядом с собой, чтобы присматривать за ним ночью.

Кингскот

В два часа ночи Сара встала и пробралась в гостиную. Она начала поочередно доставать книги с верхней полки книжного шкафа и просматривать их. Книги стояли в три ряда. Просмотрев все книги с первой полки, Сара разочаровалась. У нее опустились руки. Она должна найти эту статью с фотографией раньше Эдны. Ведь совершенно невозможно объяснить, почему она не похожа на настоящую Амелию на снимке. Саре еще очень повезло, что Эдна плохо помнила, как выглядела Амелия.

Сара просматривала книги со второй полки, когда наконец нашла вырезку, аккуратно сложенную в книге Чарльза Диккенса «Американские записки». Вместе с фотографией в книге лежал засушенный цветок. Сара достала статью с фотографией и взгляделась в лицо Амелии Дивайн. Амелия была завораживающе красива, и Сара позеленела от зависти. Она

успокоила себя тем, что сейчас эта девица с утра до ночи стирает грязное белье и кормит скотину на ферме. В статье говорилось о том, что семья Дивайн — одна из самых выдающихся семей в городе. Их богатством, подумала Сара, она вскоре завладеет.

Сара смяла газетную вырезку. Интересно, вспомнила ли что-нибудь Амелия о своей прошлой жизни.

— Больше никогда она не будет жить так, как раньше, — злорадно проговорила Сара. Она взглянула на комочек бумаги в руке. — Теперь я в безопасности. — Она прошла на кухню, бросила смятую бумагу на тлеющие угли в печи, и через мгновение газета вспыхнула ярким пламенем.

Погасив лампу, Сара прокралась к себе в комнату и улеглась в постель, размышляя о том, что же делать с Бетти Хаммонд.

Кингскот

На следующий день Майло стало намного лучше. Необычайно рано на ферме снова появилась Карлотта, на этот раз с хлебом.

— Доброе утро, синьор, — весело проговорила она.

Эван занимался поросятами. Он неохотно пробурчал приветствие, и Карлотта поняла, что у него была тяжелая ночь. Она взглянула на бледное лицо Майло, и сердце итальянки почти смягчилось. Почти.

— Как ваш сын? — спросила она. — Сегодня он кажется немного бледным.

— Майло было плохо всю ночь. Но сейчас с ним все в порядке, — ответил Эван. Он пытался понять, отчего мог заболеть его сын. — Вы клали какие-нибудь специи в свое печенье?

— Нет, синьор. Только муку, овес, масло и патоку. Все.

— Это не могло ему повредить, — проговорил Эван, хмуро глядя на сына.

— Я принесла его любимый хлеб, синьор. Он поможет Майло поправиться.

— Спасибо, Карлотта. Он сегодня немного капризничает и не ест, но, может быть, ваш хлеб вызовет аппетит.

— Я пойду и отрежу ему кусочек, — улыбнулась Карлотта.

— Мы помоем руки и придем на кухню, — ответил Эван. Он сам захотел есть, почувствовав запах свежего хлеба.

— Sì, — проговорила Карлотта. Как обычно, Майло весь вывозился в

навозе. В доме тоже было грязно. Карлотте не нравилась, когда мужчина не уделял внимания порядку в доме, итальянка ревностно следила, чтобы ее муж соблюдал чистоту во всем. Габриель не часто брился, особенно в последнее время, но на нем всегда была чистая рубашка. Карлотта заметила, что он стал более замкнутым, а в глазах преступницы больше нет радостных искорок. Карлотта решила, что между осужденной и Габриелем что-то произошло, и это обрадовало итальянку.

Рядом с домом в большом жестяном корыте Амелия стирала белье. Рядом стояло корыто поменьше, до краев заполненное грязным бельем. Это корыто во многих местах проржавело насквозь.

С шестью детьми стирка не заканчивалась никогда. Майло всегда ходил в свинарник с отцом, где малыша постоянно сбивали с ног шустрые поросята. Амелия прекрасно вышивала, но чинить и штопать одежду ей не удавалось. Эван сказал ей, что вышивание дело бесполезное и ей нужно учиться штопать, потому что у всех одежда местами уже износилась до дыр. И снова она почувствовала себя бесполезной, но, по крайней мере, Сисси и Роза попросили ее показать им, как вышивать.

Амелия заметила что к ней идет Карлотта.

— Разве ей не нужно заботиться о муже? — Амелию раздражало, что итальянка проводит больше времени на ферме, чем со своим мужем.

Карлотта едва сдержала улыбку. Она знала, что ее соперница вскоре вынуждена будет уехать отсюда.

— Кому-то нужно следить, чтобы дети Финнли ели приличную пищу, — злорадно усмехнулась Карлотта.

— Вам лучше завести свою семью, — отрезала Амелия.

Карлотта улыбнулась про себя. «Однажды я это и сделаю, и моих детей будет растить молодой смотритель маяка», — подумала итальянка. Она мечтала соблазнить Габриеля и забеременеть от него. А Эдгару придется ее отпустить. Когда Карлотту и Эдгара венчал священник на золотых приисках, она сомневалась, что их брак официально занесен в какой-либо реестр. Поэтому она с Габриелем могла оставить этот остров и устроиться где-нибудь на Большой земле и просто выйти за него замуж.

— Кажется, кому-то лучше научиться готовить, — ответила итальянка вслух.

— У меня есть занятия получше, — саркастически ответила Амелия. Она подумала о том, что не пошла бы на уроки Карлотты и под дулом пистолета.

— Я вижу, — ухмыльнулась итальянка и направилась к дому, покачивая бедрами.

Поприветствовав девочек, итальянка достала хлеб, начала резать его, раздавая детям.

— Майло вчера болел, — проронила Сисси.

— *Si*, ваш отец только что рассказал мне об этом. Что случилось?

— Примерно через час после ужина у него началась рвота.

— И у него сильно болел живот, — добавила Роза.

— Бедный маленький мальчик! — воскликнула Карлотта. — Она не чувствовала никакой вины.

Увидев, что Майло с Эваном направляются к дому, Карлотта отогнала девочек от стола, сказав им, что их отец рассердится, если они станут мельтешить у него перед глазами. Зная, каким может быть их отец после бессонной ночи, девочки ушли в свою комнату. Эван мало спал с тех пор, как умерли его жена и ребенок. Боль утраты и мрачные мысли не давали ему уснуть. И тогда он был очень строг с детьми.

Когда девочки ушли, Карлотта достала из корзинки *особый* кусок хлеба, который отдала Майло. Мальчик был голоден, поэтому быстро съел кусочек и попросил еще. Карлотта отрезала Майло кусок от обычной буханки, убедившись, что Эван видел это.

— Вам нужно заставить Сару делать масло, — сказала Карлотта.

Эван закатил глаза.

— Она только недавно научилась доить корову, — ответил он. — И потом, она отказывается подходить к поросятам. Я просто удивляюсь, какую жизнь она вела прежде. Она не умеет готовить или штопать, на стирку белья у нее уходит целая вечность, но при этом она довольно образованная. Говорит по-французски, умеет танцевать, читать и писать. Я думаю, может, она была гувернанткой или учительницей. А вы что думаете, Карлотта?

— Она обворовала хозяев, поэтому она воровка, и больше никто. И не важно, образованная она или нет, — ответила Карлотта.

Кингскот

Эдна встала рано. Одевшись, она пошла в гостиную и начала просматривать книги. К ней присоединился Чарльтон, который пообещал приглядывать за их подопечной. Полли встала вскоре после них, чтобы разжечь огонь в печи. Она удивилась, что Эшби уже на ногах, и поинтересовалась, что они ищут.

— Ничего важного, — уклончиво ответила Эдна. — Разожги огонь и сделай, пожалуйста, чай, Полли. — Если она расскажет служанке о газетной статье, та случайно может упомянуть об этом, и их подопечная обо всем узнает. Эдна не могла рисковать.

Большая часть книг наверху состояла из тех, которые Эдна называла «серьезными книгами» Чарльтона — научные книги по сельскому хозяйству и животноводству, которые совсем не представляли для нее интереса. Эдна не стала бы класть вырезку туда. Она сразу начала искать на второй полке.

В середине полки женщина обнаружила книгу Чарльза Диккенса под названием «Американские записки». Диккенс был новым популярным писателем. В книге она нашла засушенный цветок. Несколько мгновений Эдна рассматривала цветок, и к ней вернулись воспоминания. Она получила от Камиллы письмо с газетной вырезкой в тот же день, когда впервые расцвел первый бутон камелии. Срывая цветок, она думала о том, как ей не хватает Камиллы. Тогда Эдна положила цветок в книгу вместе с фотографией Амелии.

— Это очень странно, Чарльтон, статья должна была быть тут, вместе с цветком.

— Ты уверена, дорогая? Вчера ты не могла вспомнить, где она.

— Я знаю, но этот цветок напомнил мне все. Я сорвала его в тот день, когда пришло письмо от Камиллы. Камелии всегда напоминали мне о ней. Поскольку цветок был очень красивым, я захотела сохранить его. Теперь я помню, что подумала, как красива Амелия, и поэтому положила ее фотографию и цветок вместе в эту книгу. Очень странно, что газетной вырезки здесь больше нет.

Эдна позвала Полли, которая пришла из кухни.

— Полли ты не видела вырезку из газеты где-нибудь на этой полке?

— Нет, миссис Эшби. — Полли открыла тяжелые шторы, и солнечный свет залил комнату.

— Она должна находиться в этой книге, — проговорила Эдна, показывая книгу Полли. — Но, возможно, выпала оттуда.

— Я не видела ничего похожего на газетную вырезку, миссис Эшби. А что такое?

— Да ничего. — Эдна снова посмотрела на книжный шкаф. Лучи солнца проходили через окно и падали на полки с книгами. Она заметила тонкий слой пыли на нижней полке. На средней полке, до книги Диккенса, на полке были видны следы. Когда Эдна посмотрела на верхнюю полку, то увидела, что слой пыли и там потревожен, хотя там к книгам она не

прикасалась.

— Полли, ты вчера подходила к книжному шкафу? — спросила Эдна. На острове почти всегда дул ветер, и пыль очень быстро собиралась на поверхностях.

— Нет, миссис Эшби. Вчера я ничего не делала в этой комнате.

Эдна взглянула на Чарльтона.

— Иди на кухню, Полли, и поставь чайник.

Полли удалилась.

Чарльтон растерянно посмотрел на жену.

— И что ты думаешь? — тихо спросил он.

— Я думаю, кто-то другой нашел вырезку, — прошептала Эдна.

Чарльтон прекрасно понял, кого она имеет в виду.

— Но откуда она узнала...

Эдна пошла на кухню, пригласив жестом Чарльтона следовать за ней.

— Полли, Амелия вчера вечером была с тобой на улице, не так ли?

— Да, — ответила Полли. — Я взбивала масло, а она наблюдала за мной. — На самом деле Сара помогала ей, но Полли надеялась, что Эшби этого не знали.

— Она заходила в дом за чем-нибудь?

— Что вы имеете в виду, миссис Эшби?

— Она заходила в дом, чтобы принести что-нибудь тебе или найти Чарльтона или меня?

— Нет, миссис Эшби. — Но потом Полли вспомнила. — Подождите, она заходила в дом всего на несколько минут. Амелия пошла взять шаль, потому что похолодало.

Внезапно Эдна все поняла.

«Амелия, должно быть, подслушала наш разговор, когда проходила вчера мимо нашей спальни в свою комнату», — подумала она.

— Завари чаю, Полли, и подай его в гостиную.

— Хорошо, миссис Эшби.

Эдна и Чарльтон отправились в гостиную и закрыли дверь.

— Амелия наверняка услышала наш разговор, а потом пошла искать вырезку. Очевидно, что она нашла ее, — раздраженно проговорила Эдна.

— Когда же она могла это сделать? Она легла спать раньше нас и до сих пор не встала. Невероятно, что девушка может быть такой хитрой.

— Должно быть, она вставала посреди ночи, — ответила Эдна.

— Не может быть.

— А как еще это объяснить, дорогой? Пыль на верхней полке стерта, но на нижней полке она лежит, как лежала. Вырезка была в книге посреди

второй полки. Я не трогала книги сверху, а Полли не приближалась к шкафу. Вопрос в следующем: будем мы обвинять в этом Амелию? — Эдна была уверена, что Чарльтон скажет «нет», но сама она считала по-другому.

— Вопрос в том, зачем она взяла эту статью, — задумался Чарльтон.

— Вот это мы и должны выяснить, — ответила его жена.

Глава 20

Кингскот

— Амелия, мы должны тебя о чем-то спросить.

— Что, тетя? — Дрожа, Сара посмотрела на Эдну и Чарльтона, пытаюсь понять, что им известно.

— У меня в книжном шкафу в гостиной в одной книге лежала газетная вырезка. Теперь ее там нет. Тебе что-нибудь известно о ней?

— Нет, тетя, — ответила Сара, стараясь скрыть волнение и сохранить невинный вид. Она явно недооценила Эшби. Сара не ожидала, что Эдна и Чарльтон станут спрашивать ее об этой вырезке, и не придумала объяснения. В конце концов, зачем нужна ей эта газетная статья? Эдна внимательно смотрела на Сару, чтобы понять, лжет ли она. — А о чем эта статья?

Эдна не обратила на вопрос Сары никакого внимания.

— Кто-то просматривал книги в ее поисках. Об этом свидетельствует потревоженный слой пыли. Полли сказала, что не убирала в шкафу, а я не касалась верхней полки...

— Вы же не думаете, что это я сделала, — ответила Сара с обидой в голосе. Она взглянула на Чарльтона, который обычно поддерживал ее, но сейчас он не собирался приходить ей на помощь.

— Больше никому, — проговорила Эдна.

В глазах Сары заблестели слезы.

— Зачем мне эта вырезка из газеты?

— Полагаю, вчера вечером ты подслушала наш с Чарльтоном разговор, — ответила Эдна.

— Нет, я ничего не слышала. Я провела на улице вместе с Полли почти весь вечер.

Эдна не стала говорить, что знает от Полли, что Сара заходила в дом.

— Твоя мать прислала мне вырезку статьи из городской газеты. В ней говорилось о первом бале и помещена твоя фотография.

Сара посмотрела на Эдну так, словно она не понимает, о чем идет речь.

— А почему вы решили, что мне она нужна?

— Мы не знаем, Амелия. Но по каким-то причинам ты не хочешь, чтобы мы видели эту фотографию.

Девушка изобразила удивление.

— Но вы же видели ее, тетя, если сами положили в книгу. — Сара подумала, что проявила находчивость.

— Ты уверена, что не брала ее, Амелия? — спросила Эдна. Если бы девушка не вела себя так странно, возможно, она бы поверила ей.

У Сары не осталось иного оружия, кроме слез. Закрыв лицо руками, она начала плакать, всхлипывая:

— Я... не... брала ее. Я... не могу поверить... что вы подумали... что я могу... солгать вам.

Эшби недоуменно переглянулись. Они ничего не могли понять.

— Хорошо. Не расстраивайся, Амелия. — Эдна взглянула на мужа. — Наверное, я ошиблась. — Она не верила Саре, но не хотела поднимать лишнего шума.

Эдна ушла, оставив Чарльтона утешать девушку.

Выйдя на улицу через заднюю дверь, она увидела Бетти и направилась к ней.

Женщина снимала белье и не слышала, как подошла соседка.

Бетти схватилась рукой за сердце и глубоко вздохнула. Она очень нервничала в последнее время, а после того, как получила предупреждение от девушки из колодца, ею завладел страх. Она видела опасность в каждой тени, не могла спать и все время думала об этом видении.

— Вы нашли ту вырезку из газеты, миссис? — Бетти думала об этом всю ночь и была уверена, что эта бумага имеет огромную важность.

— Нет, Бетти. Я вспомнила, куда положила ее, но кто-то нашел ее раньше меня. Я уверена, что это Амелия.

Бетти ахнула.

— Почему вы так думаете?

— Есть несколько фактов, явно указывающих на то, что кто-то искал эту газетную статью до меня. Я не смотрела на верхней полке, там, где лежат книги Чарльтона, но тонкий слой пыли на этой полке стерт. Полли сказала, что не подходила к шкафу, поэтому остается только Амелия. Хотела бы я знать, зачем она взяла ее, Бетти.

— Вы спрашивали ее, миссис?

— Да, буквально пару минут назад. Она отрицает, что искала эту вырезку.

Внезапно у Бетти перед глазами заплясали языки пламени.

— Я думаю, она сожгла эту газетную вырезку, миссис.

Эдна подумала о печи на кухне. «Неужели Амелия положила фотографию в печь, на тлеющие угли ночью», — задала себе вопрос Эдна. Такое объяснение вполне правдоподобно, но теперь уже поздно искать

какие-нибудь улики, так как Полли утром уже разожгла огонь. Ей придется просто забыть об этом.

— Я не собираюсь больше ничего говорить Амелии, потому что в понедельник мы устраиваем в честь ее дня рождения чаепитие, которое будет для нее сюрпризом. Не стоит лишний раз расстраивать ее.

У Бетти снова появилось плохое предчувствие. Впервые оно возникло тогда, когда она отправилась с детьми в Ривз-Пойнт, но теперь это ощущение стало настолько сильным, что у женщины закружилась голова.

— Бетти, приходите с Джоном и детьми к нам на чаепитие, — пригласила Эдна.

При одной мысли о том, что ей придется оказаться рядом с подопечной Эшби, Бетти стало плохо, но она не хотела расстраивать Эдну.

— Не уверена, что Джон будет дома, миссис, но мы с детьми придем.

— Замечательно. — Эдна заметила, что Бетти нехорошо. — Что-то не так, Бетти?

— Нет, миссис. Иногда дети слишком заигрываются, заставляя меня нервничать. Со мной все в порядке.

— Жду вас завтра в пять.

Вечером Эдна поделилась с мужем подозрениями:

— Уверена, что Амелия лжет. Но мы не можем ничего доказать. Придется внимательнее приглядывать за ней.

— Я думаю, нам нужно завтра утром поехать в город и повидаться с Брайаном Хаксвеллом, — тихо проговорил Чарльтон.

— Хорошая мысль, — согласилась Эдна. — Все равно мне надо кое-что купить для завтрашнего праздничного чаепития.

Кейп-дю-Куэди

Сисси трясла Амелию, пока она не проснулась.

— Пошли быстрее, Сара, — проговорила она взволнованно.

— Что... случилось? — сонно спросила Амелия. Она все еще не могла прийти в себя.

— Майло очень плохо.

— Майло? О нет! Который сейчас час?

— Почти полночь, — ответила Сисси. — Прости, что я разбудила тебя, но папа сейчас с Майло.

— Все в порядке, — проговорила Амелия. Она с горькой усмешкой

подумала, что, наверное, впервые заснула до полуночи.

Майло весь день чувствовал себя скверно. Он лег спать после обеда и не проснулся к ужину. Эван предложил не будить малыша и дать ему выспаться, так как прошлой ночью он почти не сомкнул глаз.

Амелия накинула плащ поверх ночной рубашки, сунула ноги в ботинки и бросилась к дому вместе с Сисси. Майло сильно рвало. В перерывах между рвотными спазмами, малыш кричал от боли и хватался руками за живот.

— С ним что-то серьезное. Ему надо к врачу, — твердо сказала Амелия.

Эван держал своего сына за руку и гладил по голове. Он думал о том, что дорога на лошади в Кингскот займет три дня, а Майло слишком плох, чтобы выдержать такое испытание.

— Мы ничего не можем сделать, Эван. Ему нужно к врачу, — повторила Амелия.

Мужчина кивнул и закрыл лицо руками.

— Я пойду скажу Габриелю, чтобы он посигналил первому же рыбацкому судну, — проговорил Эван. Он молился, чтобы Майло только не стало хуже. Несчастный отец не мог потерять и его.

Амелия видела, что сердце Эвана разрывается от боли.

— Корабли проплывают здесь ночью?

— Иногда, но они не подходят к берегу ночью, здесь слишком опасно, много подводных рифов и камней. Маяк тут и построен, чтобы предупреждать суда об опасности. Но несколько рыбацких шхун точно пройдут мимо на рассвете, и одна из них сможет зайти в бухту Вейрс-Коув, если не будет штормить.

Эван взял плащ.

— Я быстро, — проговорил Эван и вышел.

У мальчика продолжались рвотные спазмы, хотя его желудок был пуст. Амелия боялась обезвоживания организма. Майло сделал маленький глоток воды и упал без сил на кровать.

Когда Эван вернулся, мальчик уже спал.

— Его перестало тошнить? — спросил он.

— Да, думаю, худшее уже позади, — ответила Амелия. — Габриель подаст сигнал?

— Да, он как раз собирался на вахту и сказал, что несколько судов уже прошли мимо и есть хороший шанс, что на рассвете, когда они с уловом будут возвращаться в Кингскот, какой-нибудь корабль причалит здесь.

— Вы поступаете правильно, — тихо сказала Амелия. Она понимала, что ожидание будет для Эвана настоящей пыткой.

— Если бы я знал, отчего ему так плохо, — проговорил Эван дрожащим голосом. Он посмотрел на Майло, который сейчас мирно спал, а час назад корчился от боли. Эван с болью в сердце смотрел, на маленького и хрупкого сына. Он отчаянно молился, чтобы Майло стало лучше.

— Пусть поспит до утра, — прошептала Амелия, — а я пойду к себе. Если его снова начнет тошнить, зовите меня.

Амелия уже собиралась уйти, когда раздался стук в дверь. На пороге стояли Эдгар и Карлотта.

— Как мальчик? — спросил Эдгар. Он готовился передать смену Габриелю, когда на маяк прибежал взволнованный Эван и попросил посигналить кораблям. Когда Эдгар рассказал обо всем Карлотте, она настояла навестить мальчика на ферме.

— Бедный *bambino*, — проговорила Карлотта. Увидев бледного и слабого Майло, его мокрые от пота пряди черных волос, итальянка на миг ощутила болезненный укол вины.

— Думаю, худшее уже позади, Эван утром отвезет его в Кингскот к врачу.

Эдгар подошел к Майло.

— Мы с Габриелем присмотрим за фермой, пока вас не будет, не волнуйтесь. — Он посмотрел на жену и понял, что она недовольна. — Самое главное, пусть этот маленький джентльмен поправляется.

— Спасибо, Эдгар, — ответил Эван. — Я очень вам благодарен.

Амелия тоже заметила по выражению лица итальянки, что та чем-то недовольна. Наверное, Карлотта злится, что Габриель и ее муж будут проводить время на ферме. Амелия уже смирилась с тем, что у нее нет будущего с Габриелем, и ежедневные встречи стали бы для нее пыткой.

— А почему бы вам не взять с собой Сару? — предложила Карлотта Эвану. — Она может помочь вам с Майло, а я позабочусь о *bambini*. — Она не только надеялась, что осужденная уедет отсюда, она молилась, чтобы врач из Кингскота рекомендовал семье Финнли переехать временно в город.

— Сара должна оставаться здесь, — твердо ответил Эван. — Я сам справлюсь с Майло.

Карлотта расстроилась, но не собиралась сдаваться.

— А если доктор не сможет поставить диагноз?

— Не знаю, — ответил Эван. — Хочется верить, что он все выяснит.

Карлотта была уверена, что врач не сможет понять, что мальчику

специально давали вредное снадобье. По крайней мере, итальянка на это надеялась.

Когда Карлотта и Эдгар ушли, Амелия попрощалась с девочками и направилась к двери.

— Позовите, если понадобится, — сказала она Эвану тихо.

— Мне будет спокойней, если ты останешься с девочками, Сара. Я знаю, что Майло очень любит тебя, но я сам присмотрю за ним и не буду волноваться, зная, что ты рядом с моими девочками.

Амелия была поражена.

— Я думала, что вы не хотите, чтобы я ехала с вами, потому что... — Она умолкла.

— Я доверяю очень немногим людям, — просто ответил Эван. Он снова взглянул на сына, и слезы наполнили глаза Амелии. Эван был сложным человеком, но сейчас он сделал ей самый большой комплимент.

— Это многое значит для меня, Эван. Я не подведу вас, — прошептала Амелия.

В восемь часов Габриель сообщил Эвану, что шхуна «Рыба-меч» откликнулась на сигнал и причалила в бухте Вейрс-Коув. Эван вздохнул с облегчением. Он уже собрал сумку. Майло стало намного лучше, хотя он все еще был слаб. Эван не спал всю ночь, переживая за сына. Амелия с девочками отправились проводить Майло с Эваном. Малыша с отцом Габриель спустил вниз на канате в лодку, где их ждал капитан Картрайт. Вскоре корабль отправился в путь, а Амелия с девочками вернулись на ферму.

Габриель последовал за Амелией. Эван сказал, что овцы вполне могут пастись несколько дней там, где он оставил их, но попросил приглядывать за ягнятами и проверять, достаточно ли им питья. Кроме того, уход требовался поросятам, корове, лошади и курам, но Эван сказал Габриелю, что с курами справятся девочки.

Амелия отправилась в дом, а Габриель покормил коня и выпустил его погулять во двор. Куры кудахтали без умолку, но младшие девочки покормили кур, Габриель — поросят, а потом из дома с табуреткой и ведром вышла Сисси доить корову.

Габриель все еще занимался с поросятами, когда заметил, что Сисси наблюдает за ним.

— Майло поправится, Габриель? — спросила Сисси. Он сам настоял на том, чтобы дети звали его по имени, а не мистер Доннели.

— Я уверен, с ним все будет в порядке, — ответил он. Габриель сам волновался, но не хотел расстраивать девочек. — Доктор узнает, отчего

Майло стало плохо, вылечит его, и твой брат вернется домой быстрее, чем ты даже успеешь соскучиться.

— Я заметила, что Майло начал болеть после того, как съел *особое* печенье, которое испекла для него Карлотта.

— А что в нем такого *особого*?

— Не знаю. А потом ему снова стало плохо после того, как он съел ее хлеб. Майло никогда раньше так не болел, когда папа готовил нам еду.

— А что с ним случилось неделю назад? — спросил Габриель.

— Его лихорадило, но не рвало, поэтому я думаю, что тогда это было что-то другое, — ответила Сисси.

— Никто же больше не заболел от еды Карлотты, не так ли? — спросил Габриель. Он не думал, что мальчику стало плохо от печенья, и он также заметил, что Сисси не очень-то любит итальянку.

— Нет, но Майло еще совсем маленький. — Сисси молча смотрела, как Габриель сгреб навоз в свинарнике, потом промыл пол водой. Девочка хотела поговорить и о другом. — Габриель, ты же знаешь, что Сара хорошая девушка, правда?

Габриель удивленно взглянул на нее.

— Да, — ответил он.

— Я думаю, что она не должна расплачиваться всю свою жизнь за одну ошибку, не так ли?

— Нет, не должна. Сара должна простить себя и жить дальше, — подтвердил Габриель. Он уже пытался убедить ее, что она совсем не тот человек, которого описала леди Дивайн. Возможно, когда-то она была такой, хотя Габриелю трудно в это поверить. Но у женщины, которую он полюбил, доброе сердце.

— Тогда почему вы больше не общаетесь? — спросила Сисси.

Габриель смутился. Старшая дочь Эвана быстро выросла. Но все же Габриель считал, что не должен обсуждать проблемы взрослых с Сисси, хотя и понимал, что у нее с мисс Джонс возникла особая связь.

— Она так решила, — тихо ответил он.

— Она все время грустит. Когда вы дружили, она совсем не была такой.

— Я не могу заставить ее изменить свое мнение, Сисси. Она взрослый человек, и это ее выбор. Она не видит меня в своей жизни.

— Ты же хочешь быть в ее жизни, так?

Габриель молчал несколько секунд. Дни и ночи он думал только об этом.

— Я хочу этого больше всего и надеюсь, что она передумает.

— Я тоже на это надеюсь. Я хочу ей счастья. — Сисси мечтала, чтобы Сара осталась с ними. Мысль о том, что она потеряет ее, стала для девочки невыносимой. «Если Сара и Габриель полюбят друг друга, тогда Сара останется!» Сисси была уверена в этом.

Габриель понял, что думала девочка. Сара заполнила пустоту в жизни детей. Она не заменила Джейн, но стала таким человеком, которому можно довериться, что особенно важно для Сисси и Розы, так как они очень быстро взрослеют.

— Не все в нашей встали, Сисси. Иногда нам приходится учиться справляться с теми обстоятельствами, на которые мы не в силах повлиять.

— Как смерть мамы?

— Именно. Я знаю, тебе очень нравится Сара, но она не может остаться с тобой навсегда.

— Это несправедливо, — проговорила Сисси, и ее глаза заблестели от слез.

Габриель уловил отчаяние в голосе девочки.

— Когда срок подойдет к концу, она станет свободной, тогда вряд ли захочет здесь остаться. Такая жизнь не для всех. — Габриель надеялся, что она останется. Как и Сисси, он представлял их идеальную жизнь.

Отъезд Сары огорчил бы Габриеля так же, как и Сисси. Даже разговор о ней причинял Габриелю душевную боль.

— Но еще есть время во всем разобраться. Не сдавайся. — Сисси повернулась и пошла к дому, оставив Габриеля размышлять о том, какой пронзительный совет дала ему тринадцатилетняя девочка.

Когда Габриель закончил работу, он отправился искать Сару. Она стирала белье.

— Я накормил лошадь, корову и свиней. Могу ли я сделать еще что-нибудь?

— Нет, спасибо, — холодно ответила Амелия, даже не взглянув на него, и продолжала усиленно тереть одежду.

— Я приду позже, возможно, вам еще что-нибудь потребуется, — проговорил он и пошел. Отойдя на несколько шагов, Габриель остановился и обернулся. Девушка посмотрела на него, но затем снова опустила глаза.

— Я думал о том, чтобы прервать свой контракт, — сказал Габриель.

Его слова шокировали девушку. Она перестала стирать, но все же не подняла глаз на Габриеля.

— Вы не хотите знать почему? — спросил он.

Амелия взглянула на Габриеля, стараясь сохранить безучастное выражение лица, хотя его слова очень ее огорчили.

— Это ваше решение. Если вам не нравится ваша работа...

— Вы знаете, что я люблю свою работу.

— Надеюсь, ваше решение не имеет отношение ко мне.

— Все мои мысли имеют отношение к вам, Сара, потому что... я люблю вас. — Эти слова почему-то сами слетели с его губ.

Она взглянула на Габриеля и увидела, как любовь сияет в глубине его глаз. Амелия тоже любила этого мужчину всем сердцем, но не смела признаться ему в этом.

— Вам лучше забыть меня, Габриель. Найдите ту, которая будет достойна вас.

— Я уже нашел. Но она просто не замечает этого, — с грустью сказал он и ушел.

Амелия смотрела ему вслед, слезы катились по ее щекам. Ей хотелось броситься за Габриелем, обнять его, но она не в силах была забыть, что ответственна за чью-то смерть. Разве она заслуживает хоть толику счастья, если была так эгоистична и жестока?

Кингскот

Эдна и Чарльтон увидели Брайана Хаксвелла на веранде отеля «Озон». Он сидел в лучах утреннего солнца и читал газету, а рядом на столе стояла пустая чашка.

— Доброе утро, мистер Хаксвелл, — поздоровался Чарльтон.

Брайан оторвал взгляд от газеты, и Эдна увидела в его глазах надежду. Не требовалось особой проницательности, дабы понять, что он молился и надеялся, что Амелия передумает и захочет увидеть его.

— Доброе утро, — ответил Брайан, поднимаясь из-за стола.

— Мы приехали в город и подумали, что можем навестить вас, — проговорила Эдна.

— Замечательно. Не желаете чаю?

— С удовольствием.

Брайан обратился к официантке и заказал чайник со свежей заваркой и еще две чашки.

— Как Амелия? — спросил он.

Эдна вздохнула.

— Что-то случилось?

— Ничего не изменилось, — ответила Эдна.

Брайан взглянул на Чарльтона и нахмурился. Эдна удобно устроилась на стуле и перешла к делу.

— Я вспомнила о вырезке из газеты, присланной мне Камиллой, в которой говорилось о первом выходе Амелии в свет. Совершенно запамятовав, куда я положила ее, я начала искать вырезку в книгах, на полках в книжном шкафу. Короче, я нашла книгу, в которую положила эту статью, но ее там не оказалось. Не подлежит никаким сомнениям, что кто-то обыскивал книжный шкаф до меня. Я расспросила нашу служанку, но она не трогала книги. Тогда я вспомнила, что Амелия заходила в дом, когда мы с Чарльтоном говорили об этой статье. Вероятно, она подслушала наш разговор и нашла статью, пока мы спали.

— Зачем ей это понадобилось? — удивился Брайан.

— Мы не знаем. Мы спросили Амелию об этом вчера утром, но она все отрицала и очень расстроилась. Я не верю ей, но не захотела проявлять излишнюю настойчивость. Мне не хотелось расстраивать ее, так как сегодня после обеда мы устраиваем праздничное чаепитие в честь ее дня рождения. Мы не представляем, для чего ей понадобилась эта статья с фотографией, но разумное объяснение одно: Амелия не хотела, чтобы мы видели статью. Знаю, это какая-то бессмыслица, но какие еще на то могут быть причины?

— Она сказала что-нибудь обо мне, согласилась ли увидеться до моего отъезда? — спросил Брайан.

— Боюсь, что нет, — ответил Чарльтон.

Брайан кивнул.

— Я так и думал, но все равно надеялся.

— Вы уже заказали билет на обратный рейс?

— Да, я отбываю завтра, после обеда.

— Я прослежу, чтобы Амелия подписала бумаги к завтрашнему утру, и доставлю их вам в первой половине дня, — пообещал Чарльтон.

Эдна думала о том, что девушка солгала ей по поводу газетной вырезки, и чувствовала, что она также и обманула ее об истинных причинах нежелания видеть Брайана. Оставалось единственно возможное решение: Амелия должна встретиться с мистером Хаксвеллом и поговорить с ним.

— Полагаю, вам следует заглянуть к нам домой сегодня во второй половине дня, Брайан, — произнесла Эдна. — Вы можете сказать, что забыли передать нам одну из бумаг, которую должна подписать Амелия.

— Эдна, я дал Амелии слово, что ей не придется видеться с Брайаном. — Чарльтон был потрясен словами жены.

— Знаю, дорогой, но это единственная возможность узнать, что происходит. — Она снова посмотрела на Брайана. — Как бы вы описали внешность Амелии тому, кто никогда не видел ее?

Услышав такой вопрос, Брайан растерялся, но все же ответил:

— Хрупкая девушка с длинными темными волосами и светлой кожей. У нее темные карие глаза. Она милая девочка.

Амелия вполне подходила под описание Брайана, но Эдна помнила, что на той газетной фотографии девушка выглядела очень красивой. Она недоумевала, как же это возможно.

— По-вашему, ее можно назвать привлекательной? — спросила Эдна.

— Да, конечно.

Эдна взглянула на Чарльтона. Она была в полном замешательстве.

Глава 21

Кингскот

Когда Эшби вернулись из города, Эдна спросила у Полли, где их подопечная.

— Она в своей комнате, миссис Эшби, — ответила Полли, смахнув пот со лба. Она разглаживала утюгом одну из нижних юбок Амелии. На печи еще стояли несколько утюгов, разных форм и размеров. — Она там уже давно, но я не знаю, что делает мисс Дивайн, потому что она заперла дверь.

— Надеюсь, ты не говорила ей о праздничном чаепитии, — спросила Эдна.

— Нет, миссис Эшби, но я себя ужасно чувствую. Она, наверное, думает, что мы забыли.

— Мы хотим, чтобы это стало для нее настоящим сюрпризом, поэтому не поздравляй ее, пока мы не поговорим с ней.

— Но я с самого утра пеку печенья и пирожки, миссис Эшби. Неужели она не догадается, что мы устраиваем праздничное чаепитие?

— Обычно ты всегда занимаешься выпечкой в начале недели, поэтому она, возможно, и не догадается.

Полли пообещала быть осторожной.

Эдна подошла к двери Сары и постучалась.

— Амелия, милая, у тебя все хорошо? — спросила она.

— Да, тетя, — ответила Сара. Она раздумывала, как избавиться от Бетти Хаммонд, но ей ничего не приходило в голову.

Голос девушки прозвучал как-то печально.

— Прости, если вчера я обидела тебя.

— Все хорошо, тетя. Поймите, мне совершенно не нужна эта газетная вырезка.

Эдна не могла не согласиться с ней.

— Ты права. Не знаю, что на меня нашло. — Все-таки Эдна чувствовала, здесь что-то не так, но не понимала, что именно. Все же следует сказать Амелии, что сегодня к ним приедет Брайан Хаксвелл, но только прямо перед самым его приездом. Она думала, что, когда они встретятся и поговорят, все старые обиды будут забыты.

— Я уже все забыла, тетя.

После обеда, который прошел в несколько напряженной обстановке,

Сара отправилась на поиски Полли и застала ее на заднем дворе за уборкой курятника. Эдна и Чарльтон были в доме, в гостиной. Чарльтон читал газету, а Эдна обрамляла красивой вышивкой наволочки для диванных подушек.

— Ты много знаешь об аборигенах? — спросила Сара у Полли.

— Нет, не очень. — Полли удивил ее вопрос. — А почему вы спрашиваете?

— Просто интересно. Мне не доводилось общаться с такими людьми.

— Наверняка вы встречали их в Хобарт-Таун. В нашей газете писали, что они часто доставляют неприятности жителям города. Однажды даже писали про небольшое восстание, к статье прилагалось несколько пугающих фотографий.

Сара покраснела. В письмах Камилла ничего не говорила про восстание, но небольшое упоминание было в тетради Амелии. Тогда Саре оно не показалось таким важным.

— Думаю, в газетах все сильно преувеличено.

— Миссис Эшби и мистер Чарльтон очень волновались за вашу семью. В газете говорилось о том, что аборигены были с копьями, фотографии не могли что-то преувеличить. Разве ваши родители были не сильно обеспокоены?

— Совсем нет. Это всего лишь несколько местных хулиганов наделали много шума. А фотограф наверняка подкупил их, чтобы они на фото выглядели так зловеще. Могу заверить, что мы не видели ничего страшного, не слышали, чтобы кто-то пострадал. Я удивлена, что этот инцидент попал в местную газету.

— Овца, родившая двух ягнят, здесь уже новость, поэтому местные издатели помещают в газетах новости недельной давности с Большой земли или с Ван-Демьенз-Лэнд. — Полли снова принялась за уборку. — Я немного знала об аборигенах, пока не приехала сюда. Все изменилось после того, как в доме Черити-Коттедж, еще до того, как туда въехал Лэнс, поселилась местная женщина. Как и у Бетти, ее муж был англичанином. Она регулярно приходила в Хоуп-Коттедж. — Полли рассмеялась. — Ее звали Роузи. Конечно, это не было ее настоящим именем, но ее так звал муж. Вот она была еще тем персонажем.

— То есть?

— Во-первых, я никогда не встречала человека, который был бы так суеверен.

— Правда? А чего она так опасалась?

— Всего. — Полли снова рассмеялась, вспомнив большие темные

глаза Роузи и ее порой нелепое поведение. — Не знаю, где нашел ее муж. Вероятно, прямо в буше, потому что она была очень привержена традициям своего народа. Ее муж насилу убедил ее носить одежду, но она наотрез отказалась носить обувь. Кожа на ее ногах была такой грубой, как копыта коровы.

Сара поморщилась.

— Когда Роузи приехала сюда, она плохо говорила по-английски. Миссис Эшби стала заниматься с ней, научила ее английскому. Я всегда буду помнить одну историю, которую Роузи рассказала нам. Когда-то она была замужем за аборигеном, у них родился ребенок. Но однажды знахарь их племени, или кадаича, как она его называла, указал костью на ее мужа, и тот умер. Он прямо убил его. Я просто не могу в это поверить.

— Ты говоришь, что его убила кость?

— Не в физическом смысле. Это что-то наподобие проклятия. Даже если человек практически здоров, он совершенно уверен, что обречен, когда кость направлена на него. Ни один врач не в силах спасти беднягу. Разум обладает чудовищной силой.

Сара подумала, что это поможет ей разобраться с Бетти, хотя она еще не представляла, как именно это может сделать.

— Невероятно! А это работает, только когда знахарь указывает костью, или это может быть кто-то другой?

— Думаю, что только кадаича может это сделать. Обряды племени могут казаться довольно примитивными большинству белых людей, но я нахожу их весьма интересными. Я узнала, что почти все аборигены носят с собой что-то священное для себя. Они верят, что эти вещи защищают их дух.

— Что, например?

— Это может быть все, что угодно. Перышко, камень или, как в случае с Роузи, череп птицы. Она носила его на шее на кожаном шнурке. Выглядело это довольно странно, но она очень дорожила этим черепом и ни при каких обстоятельствах не снимала его.

— А что стало с ее ребенком?

— Она сказала нам, что племя растило его. Не знаю, новый муж Роузи не пожелал брать ее ребенка к себе или она сама захотела, чтобы мальчик рос в ее племени. Роузи родила еще двоих детей, но с тех пор, как они переехали, мы больше ничего о них не слышали.

— А Бетти суеверна?

— О да, почти так же, как и Роузи. Я не видела, чтобы еще кто-нибудь так радовался, найдя белое перо.

— Белое перо? Как перо чайки?

— Это может быть перо любой птицы, включая голубя или даже курицы, но оно должно упасть прямо ей на тропу.

— С неба?

— Да, или просто может быть принесено ветром прямо ей под ноги. Если это случается, значит, ее ждет счастье.

— Как необычно.

— Еще бы. Наши куры линяют. — Полли граблями сгребла кучку белых перьев. — Если они и приносят счастье, то явно не мне. Но Бетти абсолютно уверена, что это к счастью. — Полли остановилась и очень серьезно посмотрела на Сару. — Однажды она сказала мне, что черное перо означает смерть, и она ужасно боится, что однажды такое перо окажется у нее или у ее детей на пути. Конечно, все это ерунда, но, к счастью, черные перья не часто попадают на глаза.

— Да, — согласилась Сара. — Я пойду пройду, Полли. Я не надолго. Полли пожала плечами и снова принялась за работу.

Сара направилась к Ривз-Пойнт, размышляя над тем, что рассказала ей Полли. По пути она смотрела вверх на деревья в надежде увидеть воронов. Они были единственными черными птицами, которых знала Сара. Конечно, она не могла поймать ворона, поэтому она хотела найти хотя бы одно их гнездо. Вороны гнездились очень высоко, но девушка полагала, что ей удастся найти хотя бы одно воронье перышко где-нибудь рядом. Разглядывая кроны деревьев, Сара решила, что заметила вдалеке стаю этих птиц, но было очень тяжело разглядеть птицу среди огромных крон эвкалиптовых деревьев. Дойдя до Ривз-Пойнт, она села на траву под деревом и стала ждать, надеясь увидеть воронов, но тщетно.

— Почему Бетти не боится белых перьев? — проговорила вслух Сара, наблюдая, как в небе парят чайки. Она думала о белых курах Эшби, о куче белых перьев в курятнике. Было бы совсем не сложно подложить одно из них на тропинку у дома Бетти.

Поднялся ветер, и на Сару с дерева, под которым она сидела, упало прямо ей на колени несколько небольших черных ягод. Девушка с раздражением смахнула их, но раздавила несколько штук и запятнала платье, отчего разозлилась еще больше. Она постаралась вытереть руку платком, но запачкала и платок. Пятна от ягод не оттирались.

Сара встала и направилась к воде, осторожно ступая по камням, пока не нашла достаточно глубокую впадину с водой, где можно было помыть руки. Пытаясь оттереть руки, Сара заметила, что ягоды окрасили ее кожу и их сок совсем не отмывается. Она со злостью выпрямилась, но вдруг на ее

лице появилась довольная улыбка.

Кейп-дю-Куэди

После того как Габриель поспал и поел, он снова направился на ферму Финнли, чтобы заняться делами. Габриель не переставал думать о Саре, о том, что она охладела к нему, стала сторониться его общества.

Через некоторое время вслед за Габриелем на ферме появилась и Карлотта. Она нашла его в конюшне и попыталась завязать разговор. Габриель сосредоточился на расчистке конюшни, стараясь не обращать на итальянку никакого внимания. Он несколько раз совершенно случайно попал в нее навозом, и она, поняв намек, мрачно удалилась в дом. Безразличие Габриеля всегда очень раздражало Карлотту.

— Здравствуйте, девочки, — отрывисто проговорила она, войдя в дом.

Сисси подметала пол, Амелия убиралась в детской комнате. Услышав голос Карлотты, Амелия застонала.

— Что вы здесь делаете? — спросила Амелия, отбросив ложную вежливость.

— Я пришла готовить для *bambini*, — ответила Карлотта, ставя корзину на стол.

Амелия очень хорошо знала, что это всего лишь предлог. Очевидно, на ферму вернулся Габриель, хотя она еще его не видела.

— Позвольте я догадаюсь. Габриель занимается с овцами или ухаживает за лошастью?

— Пойди принеси воды, — сухо обратилась Карлотта к Розе. — Вижу, у вас нечего есть, а я что-нибудь приготовлю.

Амелия взяла Розу за руку, остановив ее.

— Я сама могу приготовить еду для детей.

— Насколько я знаю, твоя каша годится только для кур. — Карлотта фыркнула и состроила гримасу.

Амелия покраснела от злости.

— Это неправда, — защитила девушку Сисси.

— Можете возвращаться к своему мужу, — заявила Амелия. — Я сама здесь справлюсь.

— Уверена, что ты найдешь себе подходящее занятие, пока я буду готовить. Например, займешься стиркой, — не унималась Карлотта.

В дверях появился Габриель, и едкий тон итальянки в ту же секунду

чудесным образом изменился.

— Габриель, вы могли бы принести ведро воды, чтобы я смогла приготовить еду *bambini*? — промурлыкала она.

Габриель взглянул на Амелию, которая в гневе сжала губы. Совершенно очевидно, что две женщины не ладили между собой.

— Конечно, — ответил Габриель.

Карлотта протянула ему ведро и одарила его соблазнительной улыбкой. Но как только Габриель исчез из виду, ее фальшивая улыбка мгновенно растворилась. Итальянка закатала рукава, взяла мешок с мукой, что стоял рядом с очагом, и положила две большие горсти муки на стол, собираясь сделать тесто. Амелия молча наблюдала за тем, как Карлотта добавила к муке щепотку соли и немного своих трав.

— Вы накормили кур? — спросила она у Бесс, которая стояла у стола и тоже следила за ней.

— Еще нет, — ответила Бесс и робко взглянула на Амелию.

— Тогда чего же вы ждете? — бросила итальянка. — Идите покормите кур и соберите яйца.

— Перестаньте приказывать детям, — разозлилась Амелия.

— Они должны помогать в домашнем хозяйстве. А почему ты еще не отправилась стирать?

Амелия просто не могла поверить, что Карлотта указывает ей, что делать по дому. Амелия ради детей попыталась побороть ярость и взять себя в руки, но не смогла.

— Убирайтесь вон, — тихо приказала Амелия.

— *Scusi?* — произнесла Карлотта.

— Вы меня слышали. Убирайтесь отсюда.

— Ты не смеешь мне приказывать. Ты всего лишь преступница.

Unaladraeunabugiarda.

Амелии словно вlepили пощечину. Карлотта только что назвала ее преступницей, воровкой и лгуньей.

— Эван оставил меня следить за его семьей, и я не хочу, чтобы вы были здесь, командовали детьми, как... хозяйка дома. Уходите, — повторила Амелия.

— Если я уйду, мой муж не будет приходить сюда и не станет помогать вам, — пригрозила Карлотта.

— Тогда скажите, чтобы он не приходил. Мы прекрасно справимся без вас двоих.

Карлотта прищурилась.

— Ты просто хочешь остаться наедине с Габриелем, — злобно

прошипела она.

— Вы думаете так, потому что вы сами хотите его. Я видела, как вы смотрите на него. И кстати, я понимаю итальянский. — Для большего эффекта Амелия выдержала паузу. Глаза Карлотты расширились от ужаса, когда Амелия продолжила. — Я знаю, что именно вы думаете обо мне и о Габриеле. Уверена, вашему мужу будет интересно узнать, что вы считаете Габриеля «красавцем» и хотите его заполучить.

Они обе не знали, что Габриель стоял на пороге, пока он деликатно не кашлянул. Габриель посмотрел на женщин. Они замолчали.

— Вот вода. — Габриель поставил ведро на стол. — Я покормил животных, так что я пойду. — Он повернулся и вышел.

— Видишь, что ты наделала? — возмутилась Карлотта.

— Я? — негодуяюще воскликнула Амелия.

Карлотта схватила свою корзинку с травами и повернулась, чтобы уйти.

— Так вы сохраните это в тайне, *vero*? — язвительно спросила она. — Знаешь, как говорить по-итальянски? Как интересно. Я считаю, что ты вовсе не потеряла память. Очень удобно лгать, чтобы заморочить всем голову. Но ты меня не одурачишь, и ты не смогла обмануть Габриеля. Он только притворяется твоим другом, но он знает, что ты годишься только для того, чтобы покувыркаться с тобой разок-другой на сеновале. Когда Габриель захочет отдать кому-нибудь свое сердце, он найдет себе честную и хорошую девушку, а не воровку!

— Не слушай ее, — проговорила Сисси. — Она злая женщина.

Амелия думала, что слова Карлотты лишь подтвердили ее собственные мысли. Она не стоила Габриеля. Может быть, он сам так думал, только притворялся, что любит ее, чтобы соблазнить.

Габриель бесцельно бродил вокруг маяка. Он пытался осмыслить ту сцену, свидетелем которой стал, Габриель возле дома случайно услышал разговор двух женщин. Он был очень удивлен, что Амелия знает итальянский, что ей известно, что Карлотта без ума от него. Габриель волновался, как бы об этом не узнал Эдгар. Он очень нравился ему, переживал, что у того жена такая мегера.

Эдгар рассказал Габриелю, что даже не собирался жениться. Он был убежденным холостяком, ему было уже около шестидесяти лет, когда он на золотых приисках познакомился с Карлоттой и ее семьей. После недолгого пребывания там, Эдгар собрался возвращаться к работе смотрителя маяка. Когда Луиджи, отец Карлотты, намекнул, что ему стоит жениться на его дочери, Эдгар ответил, что для большинства женщин жизнь на маяке

покажется слишком скучной. Луиджи утверждал, что его дочь без ума от Эдгара, что стать женой смотрителя маяка будет для Карлотты лучше всего. Луиджи, по словам Эдгара, был крикливым и властным мужчиной, он держал своих дочерей и жену в ежовых рукавицах. Луиджи надавил на Эдгара. Правда, признался Эдгар, внимание со стороны молодой девушки вскружило ему голову. Вскоре после того, как он дал свое согласие на брак с Карлоттой, Эдгару стало ясно, что отец просто хотел отделаться от нее. Эдгар, по натуре своей мягкий и добрый человек, жалел девушку. Вскоре он понял, что Карлотта была рада вырваться из-под жесткого контроля своего отца, поэтому спокойно и благосклонно приняла его предложение. Единственный раз в жизни Эдгар видел Карлотту спокойной и благосклонной. Но, как только обручальное кольцо оказалось у нее на пальце, Карлотта стала крикливой и властной, как ее отец.

Вернувшись домой, Габриель принялся подметать двор. Внезапно до него донесся гневный голос Карлотты. Она кричала на Эдгара. Габриель не вправе был вмешиваться и продолжал подметать.

Голос Карлотты становился все громче и громче. Габриель слышал, как она кричит, чтобы Эдгар не приходил на ферму. Муж героически попытался возразить ей, но Карлотта не дала ему закончить фразу, разразившись бурной тирадой на английском вперемешку с итальянским. Габриелю было очень жаль беднягу Эдгара.

Внезапно дверь соседнего дома отворилась и с силой захлопнулась. Габриель увидел Эдгара. Он не знал, сбежал ли тот от Карлотты или итальянка выгнала его. Эдгар, тяжело дыша, подошел к Габриелю.

— Габриель, вы были на ферме Финли. Что там произошло? — спросил он.

— Ваша жена поругалась с Сарой, — ответил Габриель. — Думаю, Сара хочет присматривать за детьми без помощи Карлотты.

— Без вмешательства, вы хотите сказать. Но я дал Эвану слово, что буду помогать ему, а Карлотта теперь поднимает шум.

— Я могу справиться сам, — успокоил его Габриель.

— Будет нечестно, если я не стану помогать вам, но Карлотта угрожала мне. Она способна испортить жизнь нам всем. — Эдгар покраснел от стыда. — Она даже сказала, что Сара сама просила меня держаться подальше. Если это правда, я не виню Сару. Подозреваю, что Карлотта сказала, что я не буду приходить, если ее не хотят видеть на ферме. — Эдгар покачал головой и вздохнул, немного успокоившись — Я вот что вам скажу, Габриель. Если вы станете помогать на ферме, я буду дежурить за вас каждую ночь на маяке до приезда Эвана.

— В этом нет необходимости, Эдгар.
— Не лишайте меня нескольких лишних часов покоя, которые я могу провести без жены.
— Ну, если так... — Габриель не смог сдержать улыбку.
— Маяк единственное место, где я могу отдохнуть от ее ворчания. Сейчас я пойду очищу линзу и заполню лампу маслом.

Кингскот

— Где Амелия? — Эдна спросила Полли.
— Не знаю, миссис Эшби. Она сказала, что пойдет на прогулку. Не так давно я видела ее у курятника, поэтому думала, что она уже вернулась.
— Странно. Может, она расстроена, думает, что мы забыли о ее дне рождения.
— Может быть, — ответила Полли.
— Думаешь, она отправилась встретиться с Брайаном Хаксвеллом? — Эдна повернулась к Чарльтону.
— Сомневаюсь, но все это действительно странно.
Сара собрала в курятнике несколько белых перьев, взяла старую жестяную банку, которую нашла рядом с курятником. Она налила в жестянку немного воды и вернулась в Ривз-Пойнт собрать немного ягод. Набрав пригоршню, Сара с помощью двух камней раздавила ягоды, потом положила их в банку с водой. В жестянке получилось нечто напоминающее чернила, куда злоумышленница и опустила перья. Несмотря на все предосторожности, она все же окрасила себе пальцы. Затаив дыхание, девушка следила, как перья меняют цвет; чтобы они почернели еще больше, Сара добавила туда еще раздавленных ягод. Удовлетворенная результатом, она нашла укромное место между камней и положила туда перья сушиться. Пока они сохнут, Сара решила прогуляться к воде, а заодно и подумать о том, как она подбросит перья под ноги Бетти.
— Скоро я отделаюсь от нее, — улыбнулась Сара. День был довольно ясным, и перья высохли, когда через полчаса она вернулась. Девушка взяла их и направилась обратно в Хоуп-Коттедж.
— Где же Амелия может быть? — волновалась Эдна. — Гости скоро уже придут.
Они услышали, как хлопнула дверь стеклянной террасы.

— Вот и она, — ответила Полли.

— Где ты была, Амелия? — спросила Эдна.

— Я была у Ривз-Пойнт, тетя.

— Так долго?

— Я прилегла на траве и заснула, — солгала Сара. — А какой сейчас час?

— Почти половина третьего.

— Боже мой! Неудивительно, что вы волновались. Простите меня, тетя. Я пойду помою руки. — Она не могла скрыть пятна от внимательного взгляда Эдны.

— Что случилось с твоими руками?

— На прогулке я собрала несколько ягод, и их сок окрасил мне пальцы. Теперь он не отмывается.

— О, милая. Это, должно быть, ягоды с дерева блэк-бин. Мне следовало тебя предупредить, чтобы ты не трогала их. Твои руки действительно выглядят неприглядно... Я подумала, что ты захочешь принять ванну, поэтому попросила Полли нагреть воды.

— Это было бы замечательно, тетя. Спасибо.

— Я дам тебе пемзу, чтобы ты могла потереть руки. Когда закончишь, я сделаю тебе прическу.

— Хорошо, тетя.

Она думала, что Эдна все еще чувствует свою вину перед ней и старается ее заглядить. Сара взглянула на печенья и пирожные, лежавшие на кухонном столе под сеткой от мух.

— Сегодня ты весь день трудилась, Полли. На вид они очень вкусные. Эдна и Полли переглянулись.

— Могу я съесть кусочек пирожного?

— После того как примешь ванну, — ответила Эдна. Она не хотела разрезать пирог, пока не пришли гости.

— Кажется, она совсем не расстроена, что мы могли бы забыть о ее дне рождения, — заметила Эдна, когда Сара ушла в свою комнату.

— Да, — согласилась Полли. — Может, она не знает, какое сегодня число?

— Точно знает. Она наверняка видела дату сегодняшней газеты.

Когда Полли взяла кастрюлю с горячей водой и понесла ее в комнату Сары, Эдна последовала за ней.

— Когда ты закончишь, я сделаю тебе прическу, — предложила Эдна.

— Хорошо, тетя.

Ей очень нравилось, когда ее баловали. В такие моменты она всегда

вспоминала об Амелии, о ее теперешней ужасной жизни. Сара считала, что именно такой жизни и заслуживает мисс Дивайн. И это радовало Сару.

Сара отмокала полчаса. В это время Эдна и Полли были заняты приготовлением праздничного чаепития. Услышав, что Сара ходит по комнате, Эдна заторопилась. Она взглянула на часы.

— Гости придут меньше чем через час, поэтому я пойду займусь прической Амелии.

Эдна подошла к двери комнаты Сары и постучалась.

— Можно войти? — спросила она.

— Да, тетя.

Сара надевала простое платье.

— Не надевай его, дорогая. Сегодня к нам заглянет Лэнс.:

— Правда? — обрадовалась Сара. За последние несколько дней она видела его всего лишь раз. Он извинился, что не может проводить с ней больше времени, так как очень занят. Лэнс рано уходил на работу и поздно возвращался домой. Сара выбрала одно из своих новых платьев и села на стул, чтобы Эдна сделала ей прическу.

В четыре часа пришла Бетти с детьми. Вскоре за ними появилась Норма Барнс и ее двое детей, а также Сильвия Стратборн. Полли попросила всех разговаривать как можно тише, до тех пор, пока не появится именинница.

— А где почетная гостья? — спросила Сильвия. Бетти сидела спокойно, она намеревалась уйти как можно скорее.

— Миссис Эшби делает ей прическу, но она уже скоро придет, — прошептала в ответ Полли.

Через несколько минут появились Оливия и Лэнс. Гости были в гостинной, когда Эдна привела туда Сару.

— С днем рождения! — закричали все вместе.

Сара замерла в оцепенении.

— Сегодня не мой день рождения, — в замешательстве проговорила она.

— Конечно твой, — подтвердила Эдна. Она не могла представить, что ее подопечная забудет про свой день рождения. Камилла писала, что Амелия всегда настаивала на том, чтобы семья устраивала большой праздник в этот день.

— Нет, не мой. Мой день рождения... — Сара внезапно поняла, что сегодня день рождения Амелии. — Ой, — смутилась она. — Конечно. Как глупо с моей стороны. Я совсем забыла, какое сегодня число. — Она

быстро подсчитала, что сегодня 12 ноября. — Я думала, что сегодня одиннадцатое число.

— Неудивительно, что ты не расстроилась, что мы забыли о твоём дне рождения, — улыбнулась Эдна.

— Я была бы очень расстроена, — ответила Сара.

— Знаю, что сегодня также и печальный день, Амелия, ведь рядом с тобой нет твоих родителей и брата, но надеюсь, ты все же сможешь хорошо провести вечер.

Сара притворилась, что опечалилась, но ей не нужно было особенно стараться. Ей действительно стало очень грустно, как только она увидела Оливию вместе с Лэнсом. Тут Лэнс преподнес ей небольшую коробочку и со словами поздравления поцеловал Сару в щеку. Дрожащими руками Сара открыла подарок. В коробочке было жемчужное ожерелье.

— Спасибо большое, Лэнс, оно такое красивое! — воскликнула Сара. Она никогда не видела ничего более прекрасного.

— Уверен, у тебя множество красивых ожерелий, — смутился Лэнс.

— Совсем нет.

Лэнс удивленно посмотрел на нее, и Сара поняла, что у настоящей Амелии действительно должно быть очень много прекрасных ожерелий.

— Я хотела сказать, здесь, — добавила она. — И потом, у меня нет ничего похожего на это ожерелье. Оно просто божественно ^[4], — улыбнулась Сара своей шутке. Лэнс улыбнулся в ответ.

Оливия подарила Саре маленькую бутылочку ароматной сиреневой воды. Сильвия преподнесла цветы, а Бетти красивый голубой камень.

— Это счастливый камень, мисс, — сказала она. — Я нашла его когда-то давно, очень далеко отсюда.

Бетти хранила этот камень у себя для защиты, когда путешествовала со своим племенем. Сейчас она надеялась, что, отдав его подопечной Эшби, она защитит себя и своих детей от нее, заставит девушку быть честной.

В парадную дверь постучали, и Эдна встревоженно посмотрела на Чарльтона. Это мог быть только Брайан Хаксвелл — значит, он пришел на полчаса раньше. Эдна хотела дать Амелии время открыть подарки, а потом сообщить ей, что придет Брайан. Но его раннее появление нарушило ее планы.

— Подай, пожалуйста, чай, Полли, — попросила она и быстро отвела Сару в холл. — Это Брайан Хаксвелл, дорогая, — прошептала она. — Он сказал, что придет и принесет бумагу, которую забыл нам отдать. Она очень важная...

— Как вы могли поступить так со мной? — произнесла девушка,

посмотрев мимо Эдны на Чарльтона, который подошел к ним. Испугавшись, она побежала в свою комнату.

Эдна последовала за ней. Чарльтон смущенно улыбнулся гостям и пошел к двери.

Сара была в замешательстве. Чарльтон предал ее, хотя обещал, что ей не придется видеться с Брайаном Хаксвеллом. Если бы Сара знала, что задумали Чарльтон и Эдна, она не пришла бы домой, пока Брайан благополучно не отправится на корабле в обратный путь на Ван-Демьенз-Лэнд. Сара хотела закрыть за собой дверь, но Эдна успела проскользнуть в комнату. Сара захлопнула дверь. Она знала, что через несколько минут ее могут разоблачить и все ее планы рухнут. Как только станет известно, что она самозванка, ее немедленно отправят в тюрьму и продлят срок. Сара представила лицо Лэнса, когда он узнает, что она осужденная преступница, и от страха вздрогнула. Ее мечта снова увидеть свою семью разбилась, как и мечта о том, чтобы стать богатой. Сара не могла вынести мысль о том, что снова окажется нищей. Надо было на что-то решиться, причем немедленно.

— Амелия, тебе всего лишь нужно поприветствовать Брайана Хаксвелла, и все. — Ты же можешь это сделать, не так ли? — Эдна никогда не видела свою подопечную такой бледной. Сейчас девушка была похожа на привидение.

Всего через мгновение он поймет, что она самозванка.

— Я не могу, тетя. Не могу видеть его. Он... трогал меня, — выпалила Сара.

— Трогал тебя? Что ты имеешь в виду? — Эдна замерла от удивления. На этот раз она добьется подробного объяснения.

— Он говорил, что я очень привлекательная, — заплакала Сара. — А ведь это неправда.

Эдна не знала, что ответить. У девушки было довольно простое лицо. По словам Амелии выходило, что он покровительствовал ей. Эдна вспомнила, что слова Брайана о том, что он считает Амелию привлекательной, показались ей странными. Очевидно, он желал ее. От одной только мысли об этом Эдне стало нехорошо.

— Амелия, а может быть, это просто какое-то недоразумение?

— Это не было недоразумением, когда он гладил мою грудь, тетя. — Сара опустила глаза.

— А где... была Камилла, когда это случилось? — Эдна ахнула.

— Я была одна с мистером Хаксвеллом в саду. Мама и папа были дома. Это случилось вечером, в день моего первого бала. — Сара нашла

прекрасный шанс вернуть себе доверие Эдны. Она понимала, что после случая с газетной вырезкой Эдна все равно не оставила своих подозрений насчет нее. Сара всхлипнула. — Простите, что солгала вам, тетя. Я действительно искала вырезку из газеты и нашла ее. Потом я сожгла статью с фотографией, потому что не хотела, чтобы она напоминала мне о том ужасном вечере с этим страшным человеком.

— Ну-ну, не расстраивайся, милая. — Эдне сразу стало легче, как только раскрылся секрет пропажи газетной статьи. Она обняла Сару и серьезно посмотрела на нее. — Ты говорила Камилле или Генри о том, что случилось?

— Нет. Мне было стыдно и страшно.

— Тебе нечего стыдиться, Амелия. Ты совершенно ни в чем не виновата.

— Я думала, что у меня все еще могут быть неприятности. Мистер Хаксвелл намекнул, что никто мне не поверит, если я расскажу об этом. Он сказал, что это будет нашим маленьким секретом. У нас с ним всегда были особые отношения, по крайней мере, я так думала. Меньше всего я ожидала от него подобного. Я всегда считала мистера Хаксвелла добрым, порядочным человеком, он был мне как дядя. — Сара подумала, что, возможно, именно такими и были настоящие отношения Амелии с Брайаном Хаксвеллом. — Я была потрясена, просто не могла поверить, что он способен на такое. Потом, когда мама и папа погибли, он стал оказывать мне... ну, более навязчивые знаки внимания, а мне не к кому было обратиться. — Сара вытерла фальшивые слезы.

Эдна была в ужасе. Она подошла к кровати и села, не в силах осмыслить услышанное. То, что совершил Брайан Хаксвелл, нельзя было простить.

— Я не хотела говорить вам, тетя. Все это так унижительно. Наверное, вы плохо думаете обо мне... — Сара прикрыла лицо руками и начала всхлипывать.

— Не плачь, не плачь, бедная девочка, — успокаивала ее Эдна. — Конечно, я не думаю плохо о тебе. Это не твоя вина. Во всем виноват этот мерзкий человек, Брайан Хаксвелл. Его следует посадить в тюрьму, чтобы оградить молодых девушек от его посягательств.

— Теперь вы понимаете, почему я не могу встречаться с ним, тетя. Я даже не могу видеть его. Он притворяется таким достопочтенным господином, но я знаю, что на самом деле у него на уме.

— Тебе не придется видеться с ним. Я прослежу, чтобы Чарльтон прогнал его.

— Пожалуйста, не говорите дяде Чарльтону об этом, тетя. Мне будет очень стыдно. Иначе мне придется покинуть вас, а я не хочу этого.

Сара боялась, что Чарльтон обвинит Брайана Хаксвелла, а тот сможет убедить его в том, что ничего подобного не было, а затем потребует открытого разговора с ней.

— Амелия, милая, я же сказала, что тебе нечего стыдиться. Но я сохраню эту тайну между нами.

Эдна встала и пошла к двери комнаты. Она обернулась к Саре.

— Я дам тебе знать, когда он уйдет, — пообещала она.

Сара кивнула. Как только Эдна вышла из спальни, девушка облегченно вздохнула. Катастрофа была так близка.

В холле Эдна жестом подозвала Чарльтона к себе. Брайан стоял с гостями, держа чашку чая в руках. Он спросил Чарльтона, где Амелия, но тот не смог дать вразумительного объяснения.

— А где Амелия? — спросил Чарльтон, подойдя к Эдне.

— Она не выйдет.

Чарльтон не очень удивился. Конечно, Брайан будет очень расстроен, он так надеялся сегодня увидеться с ней.

— Я хочу, чтобы ты попросил Хаксвелла уйти.

— Но... я думал...

— Амелия только что все мне рассказала. Определенно, что мистер Хаксвелл обошелся с ней в Хобарт-Таун совсем не по-джентльменски.

— Ты веришь ей, Эдна?

— Да, верю. Это объясняет ее странное поведение и кардинальную перемену характера.

Чарльтон понял, что Эдна вполне удовлетворена тем, что добралась до сути дела.

— Пойду попрошу его уйти, — произнес он.

Глава 22

Кингскот

Сара прильнула к двери своей комнаты и услышала, как Чарльтон позвал Брайана Хаксвелла в холл.

— Боюсь, что вы потратили зря время, придя сюда, мистер Хаксвелл. Амелия не будет с вами встречаться, — сказал он.

Брайан бросил взгляд на дверь, из которой вышла Эдна. «Амелия, вероятно, по ту сторону двери», — подумал он. Ему только нужно открыть ее. Брайан был уверен, что если бы она увидела его, то вся эта нелепая ситуация была бы тут же забыта.

— Я уверен, что если повидаюсь с Амелией, то все благополучно разрешится.

Сара это слышала, и ее сердце гулко забилося от страха. Похоже, он не собирается уходить. Сара так испугалась, что едва не лишилась чувств.

— Я ничего не понимаю, — начал Брайан. — Мы были очень близки с Амелией. Все это какая-то бессмыслица.

— Неужели? — холодно спросила Эдна.

От мысли о том, что он сделал с бедной девочкой, ей стало нехорошо. Она едва смогла сдержаться, чтобы не назвать его нечестивцем. Только из-за гостей она промолчала. Устроив сейчас сцену, она только даст повод сплетням и слухам, а бедная девочка и так достаточно натерпелась.

— Мы пообещали друг другу, что не будем терять связь. — Брайан вспомнил его волнующее расставание с настоящей Амелией Дивайн. Он сам едва сдерживал слезы, а Амелия плакала у него на плече. Брайан смог утешить ее, клятвенно пообещав, что однажды они еще встретятся. Поэтому, не дождавшись от нее письма, он и отправился в это путешествие. — Я был уверен, что она будет очень рада видеть меня. Я был для нее семьей после гибели Генри, Камиллы и Маркуса, я единственный, кто остался у нее.

— Думаю, вам лучше уйти, сейчас же, — настаивала Эдна довольно резко.

Она представила, как Брайан шантажирует Амелию. Эдна не могла понять, как он мог быть так жесток после того, как девочка потеряла семью. Значит, наверняка он был совершенно бессердечным, низким человеком.

Брайан был поражен такой резкой переменой в отношении к нему.

— Амелия, — позвал он. — Амелия, пожалуйста, не дай уйти, не повидав тебя.

Сара была уверена, что Брайан попытается ворваться в ее комнату. Она прислушалась, и в этот момент за дверью раздалась какая-то возня.

— О боже! — воскликнула Сара. Она запаниковала еще больше, когда поняла, что в замке на двери нет ключа.

Чарльтон попытался выпроводить Брайана из дома, но тот отпихнул его и бросился в комнату Сары.

— Амелия, — позвал он снова.

Эдна была в ужасе.

— Убирайтесь немедленно, — приказала она, протиснувшись вперед него в спальню, желая защитить свою подопечную.

Брайан остановился, оглядывая пустую комнату, как и Эдна и Чарльтон, которые тоже вбежали в спальню. Они посмотрели на открытое окно. Сара сумела сбежать за какие-то мгновения до того, как Брайан ворвался в ее спальню.

Он подошел к окну и выглянул наружу. Амелии на улице не было. Брайан поник от отчаяния, осознав, как на самом деле сильно она ненавидит его. Но почему? Он не понимал поведения девушки. Что же такого он сделал?

— Где она? — спросил Чарльтон свою жену.

— Не знаю, — ответила Эдна. Она еще больше разозлилась. Сделал ли этот человек с ней что-то такое, о чем Амелия не сказала ей? Неужели он совершил что-то такое ужасное, о чем ее подопечная не смогла рассказать?

Брайан взял подписанные бумаги, которые протянул ему Чарльтон, и покинул дом, не проронив больше ни слова. Было очевидно, что он убит горем, но Эдна не жалела его.

Она посмотрела на Чарльтона, ее муж явно хотел услышать объяснения, он не понял, почему она так разозлилась.

— Что произошло между ними, Эдна? — спросил Чарльтон.

— Амелия попросила меня не раскрывать все детали, дорогой, и я должна уважать ее желание, но скажу тебе, что мистер Хаксвелл неподобающим образом поступил по отношению к ней.

Чарльтон нахмурился.

— Он оказался совсем не таким милым дядюшкой, каким представлялся, — намекнула Эдна.

— Может, нам поискать Амелию? — Чарльтон помотал головой от отвращения.

— Я уверена, что она где-то поблизости, — ответила Эдна. —

Сомневаюсь, что она вернется до того, как разойдутся гости. — Эдна снова посмотрела на улицу через открытую парадную дверь, вслед удаляющемуся Брайану Хаксвеллу. — Я буду рада, когда его корабль отплывет и Амелия сможет спокойно жить дальше.

Может быть, им с Чарльтоном стоит отправиться в отель и потребовать от Брайана объяснений? Но их Амелия не хотела, а поскольку ее душевное состояние было для Эшби важнее всего, Эдна решила оставить все как есть.

— Теперь я понимаю, через что пришлось пройти бедной девочке, и постараюсь быть более терпимой и внимательной. — Эдна лишь хотела бы знать все это раньше.

Кейп-дю-Куэди

Ближе к вечеру Габриель вернулся на ферму. Амелия с трудом пыталась копать каменистую почву на огороде.

— Мне надо было захватить белый флаг? — спросил нерешительно Габриель. Он хотел снять напряжение между ними.

Амелия, возможно, улыбнулась бы, но, увидев Габриеля, тут же вспомнила слова Карлотты, что она годится лишь для утех, никогда мужчина не захочет с ней серьезных отношений.

— Только если эта итальянская гадюка с вами, — резко ответила Амелия. Она возненавидела Карлотту еще больше за то, что итальянка так принизила их отношения с Габриелем. — Мне не нужна и ваша помощь. Я вполне могу справиться со всеми делами, пока не вернется Эван.

— Почему вы всегда стараетесь быть такой независимой? — сердито спросил ее Габриель.

— Вы думаете, что поскольку я женщина, то не могу присмотреть за несколькими животными?

— Я этого не говорил.

— Но я могу. Поэтому можете возвращаться к себе на маяк.

— Я обещал Эвану, что присмотрю за хозяйством, и я собираюсь сдержать свое обещание.

Амелия гневно посмотрела на него.

— Я пойду покормлю свиней.

— Как хотите, — безразлично ответила Амелия. — Мы с детьми все остальное сделали.

Габриель кивнул. Он был уверен, что девушка ведет себя так, потому что слишком плохо думает о себе, и это очень волновало его. Он не знал, как поступить, чтобы изменить ее отношение к себе. Габриель направился к свинарнику. К тому времени, как он все сделал, Амелия уже ушла в дом.

Через некоторое время она выглянула на улицу и увидела, что Габриель копается на огороде. Амелия подошла к нему.

— Вы не должны это делать, — проговорила она сквозь зубы, изумляясь его работе. Габриель вскопал все междурядья и удалил сорняки. Он сохранил ей уйму времени и сил, огород теперь выглядел удивительно. В этот момент пошел дождь.

— Теперь вам не нужно поливать, — дружелюбно заметил Габриель и невольно улыбнулся ей. Он был таким красивым! Амелию очень тронуло, что он сделал для нее. Ее сердце наполнилось любовью к нему. Но она тут же вспомнила о попутчице Амелии Дивайн и опустила голову. Не говоря ни слова, Амелия повернулась и ушла в дом. Надо было бы предложить Габриелю чашку чая в благодарность за то, что он так помог ей, или хотя бы предложить ему переждать дождь, но для Амелии было слишком тяжело находиться рядом с ним. Когда она снова выглянула на улицу, Габриеля уже не было.

— Давайте послушаем музыку и потанцуем, — предложила Сисси, надеясь таким образом развеселить Амелию.

— Я не в настроении, — ответила девушка, но Роза уже подошла к пианоле и начала крутить ручку. Когда комнату наполнила музыка, Амелия вспомнила, что и за это она должна благодарить Габриеля.

Сисси потянула Амелию за руку и начала танцевать. Вскоре Амелия уже смеялась, и к ней с Сисси присоединились остальные девочки, они кружились вихрем по комнате. Вдруг, в момент очередного па, когда Амелия повернулась вокруг своей оси, держа Джесси за руку, перед ее глазами возникли образы из прошлого. Амелия увидела, как она кружится в танце в прекрасном бальном зале вместе с красивым молодым человеком. Этот образ исчез так же внезапно, как и появился. Амелия остановилась как вкопанная. Неужели память начала к ней возвращаться? И это только начало? Хотела ли она вспомнить, какой была раньше? И не станет ли она ненавидеть себя еще больше?

Кингсмот

Как только Эван прибыл в Кингскот вместе с Майло, он сразу же направился к доктору Томпсону. Эван огорчился, узнав, что мистер Томпсон посещает своих пациентов на дому, и Фелисити не знает, когда он вернется. Майло очень устал после путешествия, и Эван отвез его в отель «Озон», где снял номер на ночь. Эван сказал Фелисити, что вернется завтра утром.

На следующий день в семь утра Эван и Майло снова прибыли в дом врача. Дэннис уже ждал их и сразу же проводил в смотровой кабинет.

— Спасибо, что согласились осмотреть нас так рано, — поблагодарил Эван.

— Не стоит благодарности, Эван. Фелисити сказала, что вы были очень взволнованы.

— Точно так. — Фермер рассказал, как лихорадило и тошнило его сына, и доктор внимательно осмотрел малыша.

— У мальчика увеличена селезенка, — сказал Дэннис.

— Это серьезно?

— Возможно. — Доктор Томпсон заглянул Майло в глаза и заметил, что белки глаз немного желтые.

— Что это значит? — с тревогой спросил Эван.

— Вы сказали, что у него была высокая температура, поэтому, вероятнее всего, он подхватил какую-то инфекцию. Возможно поражение печени. Я не уверен, что это могло вызвать рвоту, но, похоже, печень мальчика не работает так, как надо. Я бы хотел более тщательно понаблюдать за ним, Эван. Как долго вы собираетесь оставаться в городе?

— Я не могу остаться надолго. Мне надо возвращаться на ферму, к моим девочкам. Я надеялся, что вы можете дать Майло какое-нибудь лекарство, чтобы он поправился.

— Простите, Эван, но все не так просто. — Дэннис посмотрел на Майло и нахмурился. — Ваш сын относительно своего возраста недобирает по весу. Если вы вернетесь домой и Майло подхватит еще какую-нибудь серьезную инфекцию...

— О чем вы говорите? — ужаснулся Эван, сразу же вспомнив о Джейн и Джозефе. Перед его глазами возник образ их могилы, и холодок пробежал по спине фермера.

— Малыш может не выдержать еще одного путешествия сюда, или же вы просто не успеете привезти его ко мне, Эван. Вы можете потерять своего сына.

У Эвана закружилась голова.

— Если бы Майло был моим сыном, я бы не рисковал его здоровьем,

уезжая на Кейп-дю-Куэди. Это слишком отдаленное место.

— Но ферма — это вся моя жизнь. Никто не выкупит у меня землю там, и я не смогу позволить себе купить землю вблизи города.

Эван купил землю на Кейп-дю-Куэди практически даром, потому что это место было слишком далеко, да и земля была очень бедной, чтобы вырастить на ней хороший урожай. Лишь овцы и козы могли выжить там, а также небольшое количество крупного рогатого скота и лошадей. Но такая жизнь подходила Эвану, да и Джейн она нравилась.

— Тогда вам предстоит непростое решение. Пока я приготовлю Майло микстуру, которая поможет поддержать его. Я хотел бы наблюдать его каждый день по крайней мере в течение двух недель. Хочу убедиться, станет ли его селезенка нормального размера, пройдет ли желтуха.

Эван растерялся. Если бы с ними была Сара, он мог бы оставить ее в городе с Майло и вернуться на ферму забрать девочек.

Эван покинул дом доктора Томпсона в шоковом состоянии, пообещав вернуться вечером за микстурой. Ему предстояло принять нелегкое решение. Эван направился в отель через город, неся Майло на руках. Проходя мимо церкви, он буквально наткнулся на Эдну с Чарльтоном.

Собравшись в город, Эшби попросили свою подопечную составить им компанию, но она так боялась, что может повстречать Брайана Хаксвелла, что отказалась наотрез. В тот вечер, когда Эдна устраивала праздничное чаепитие, Амелия не вернулась домой, пока не убедилась, что все гости разошлись и ей больше не грозит опасность. Увидев ее, Эдна и Чарльтон вздохнули с облегчением, но больше них рада была сама девушка, когда узнала, что Брайан ушел не сказав ни слова, тем самым не дав повода для подозрений.

Эван не узнал Эшби, но они сразу же заметили, что фермер чем-то расстроен.

— Доброе утро, Эван, — поздоровался Чарльтон.

— Как поживаете? — спросила Эдна.

Многие старались избегать Финнли, считая его довольно странным человеком, но только не Эшби. Он жил рядом с ними, когда они впервые приехали на остров, поэтому они хорошо знали его и спокойно относились к его неординарной манере общения.

Фермер не слышал их. Он глубоко задумался, пытаясь найти решение.

— Эван, — снова обратился к нему Чарльтон. — У вас все хорошо?

На этот раз Эван остановился и ответил на приветствие.

— Как ваш мальчик? — спросила Эдна. — Последний раз я видела его совсем маленьким. — Тогда Джейн настояла, чтобы Майло крестили в

церкви, и поэтому им пришлось приехать в город.

Эван собрался идти дальше, но Эдна подошла к его сыну.

— Ты выглядишь болезненно, Майло. Как ты себя чувствуешь? — спросила она и погладила малыша по голове.

— Что привело вас в город? — спросил Чарльтон.

— Мой сын. Мы только что были у врача, — сказал Эван.

— Малыш болен? — разволновалась Эдна.

— Ему нездоровится. Доктор хочет понаблюдать за ним.

— О боже! А где ваши девочки?

— Они на ферме. За ними присматривает моя работница и, конечно, Габриель Доннели. Однако я должен возвращаться. — Эван посмотрел на своего сына.

— Мы можем вам чем-то помочь? — спросил Чарльтон.

— Не думаю.

— А какое лечение нужно Майло? — поинтересовалась Эдна.

— Доктор даст ему микстуру, которая должна поддержать его. Кроме того, ему надо наблюдать за Майло. По крайней мере, две недели он хочет осматривать сына каждый день. Мистер Томпсон сказал, что для Майло очень опасно жить в таком удаленном месте, — пробормотал Эван.

— Значит, вы будете переезжать в город? — спросил Чарльтон.

— Я... я думаю, что придется, — ответил фермер. Он не мог рисковать жизнью сына. — Мне действительно не стоит брать Майло с собой на ферму, вдруг он снова заболеет, но мне нужно возвращаться к девочкам и моим животным.

— Мы можем присмотреть за Майло, — предложила Эдна. — И тогда доктор Томпсон сможет осматривать его каждый день, до вашего возвращения.

— Спасибо за предложение, но Майло останется со мной. — Эван был явно поражен. Он считал, что абсолютно неприемлемо передавать заботу о собственном сыне чужим людям, какими бы порядочными они ни являлись.

— Подумайте об этом, Эван, потому что это разумное решение вашей проблемы, — заметила Эдна. — Где вы остановились?

— В отеле «Озон».

— Если передумаете, заходите к нам завтра. И если вы все-таки решите оставить Майло с нами на несколько дней, я буду внимательно заботиться о нем. Было бы очень здорово снова услышать детский смех в доме. — Эдна повернулась к мужу. — Не правда ли, Чарльтон?

— Да, — согласился он.

— К тому же Дэннис Томпсон живет поблизости.

— Я подумую, — обещал Эван. Он не собирался отдавать Майло на попечение чете Эшби, но оценил их доброту. Эван попрощался, поднял Майло на руки и пошел дальше.

Сара пряталась за курятником и наблюдала за тем, как Бетти стирает белье. Она уже убедилась, что ветер дует в сторону Бетти. Полли была занята приготовлением обеда, поэтому у Сары была прекрасная возможность выполнить задуманное.

Запустив руку в карман юбки, она достала черное перо и подняла его вверх, чтобы ветер подхватил его. Почувствовав порыв, она отпустила перо, и, затаив дыхание, стала следить, как ветер увлекает черное перо в сторону Бетти. Но вдруг ветер изменился и понес перо совсем в другом направлении. Сара вышла из себя от злости. Женщина была полностью поглощена стиркой и ничего не заметила.

Сара подождала несколько минут, пока Бетти не пошла к веревкам, которые были ближе к курятнику. Сара достала еще одно перо из кармана и отпустила его. На этот раз оно приземлилось всего в нескольких ярдах от женщины. Бетти услышала, что ее мальчики затевают ссору, и посмотрела в сторону своего дома.

— Не уходи, Бетти, — прошептала Сара, перо немного передвинулось вперед.

Бетти наклонилась, чтобы достать белье из корзины в тот момент, когда перо, подхваченное порывом ветра, поднялось в воздух, пролетело мимо нее и приземлилось в нескольких футах от двери черного хода ее дома. Замерев от ужаса, Бетти проводила полет пера взглядом. Рубашка выпала из ее рук на пыльную землю, и Бетти, испустив леденящий кровь вопль, побежала в дом. Сара собралась вернуться домой. Она уже подошла к двери черного хода, когда навстречу ей вышла Полли.

— Кажется, Бетти кричала? — спросила она Сару.

— Ее дети подрались, и она кричала на них, — ответила Сара.

— Это не похоже на Бетти, — заметила Полли, — хотя в последнее время она, кажется, заметно нервничает.

Эдна и Чарльтон вернулись домой, Полли подала обед. Прежде чем сесть за стол, Эдна отвела Амелию в сторону и рассказала ей, что они не видели Брайана Хаксвелла в городе. Девушка вздохнула с облегчением.

За обедом Эдна и Чарльтон заговорили об Эване и малыше Майло. Сара была занята размышлениями о Бетти и совсем не обратила внимания

на то, что Эшби говорят о фермере с мыса Кейп-дю-Куэди, о том самом фермере, у кого жила настоящая Амелия.

— Как ты думаешь, Эван примет наше предложение? — спросила Эдна мужа.

— Надеюсь, ведь его мальчику действительно опасно возвращаться на ферму.

После обеда Сара вызвалась отнести остатки еды курам. Стоя рядом с курятником, она бросала кусочки хлеба птицам и посматривала на Фейт-Коттедж. Она не видела и не слышала ни Бетти, ни детей. В доме было даже пугающе тихо. Саре очень хотелось узнать, что же сделала Бетти, когда с криком вбежала в дом, но пока ей оставалось только терпеливо ждать.

Ближе к вечеру, когда Сара дремала в своей комнате, ее разбудили мужские голоса. Когда она встала и вошла на кухню, Эдна с Чарльтоном говорили о семье Хаммонд.

— Куда могла пойти Бетти? — спросил Чарльтон.

— Что случилось? — спросила Сара.

— Только что приходил Джон Хаммонд. Он искал Бетти. Ее не было дома, когда он вернулся.

— Может быть, она просто ушла на прогулку, — предположила девушка.

— Пропала кое-какая детская одежда, а остальные вещи разбросаны по всему дому. Джон заподозрил неладное, так как Бетти очень аккуратная. Еще пропали некоторые детские игрушки. Джон очень взволнован.

— Все это совсем не похоже на Бетти, — заметила Эдна. — Надеюсь, с ней все в порядке. — Она рассказала Джону, что Бетти ничего не говорила ей. Не было и намека на то, что она собирается уезжать.

— А где сейчас мистер Хаммонд?

— Отправился искать жену, — ответил Чарльтон. — Она ничего тебе не говорила? — спросил он Полли, которая только что вошла на кухню.

— Нет, мистер Эшби. Я не видела ее со вчерашнего дня, и она ничего мне не говорила тогда.

— Я сейчас припоминаю, что разговаривала с ней в воскресенье. Тогда мне показалось, что она немного нервничает, — вспомнила Эдна. — Я спросила ее, все ли в порядке, и она сказала, что дети слишком разыгрались. Надо мне было рассказать об этом Джону.

— Ты скажешь ему, когда он вернется, — проговорил Чарльтон. — Есть вероятность, что она направилась бродяжничать. Бетти замечательная

женщина, но она очень чтит традиции своего племени. Чего-то подобного можно было ожидать.

— Не думаю, что это именно так, Чарльтон. Бетти никогда раньше так не поступала.

Пока они разговаривали, Полли вышла на улицу, чтобы вылить ведро с грязной водой. Она вернулась, держа в руке черное перо.

— Посмотрите, что я нашла, — обратилась она к Эшби.

— А что особенного в этом черном перышке, Полли? — спросила Эдна.

Полли посмотрела на девушку, которая заметно напряглась.

— Я говорила вам, что Бетти очень суеверна. Если это перо пролетело сегодня рядом с ней или ее ребенком, тогда все понятно.

— О чем ты говоришь, Полли? — удивился Чарльтон.

— Я только вчера утром рассказала Амелии, как Бетти боится черных перьев. Она верит, что это знамение, которое говорит о смерти.

— Но мы не знаем, видела ли она перо, — засомневалась Эдна.

— Нет, не знаем, но это может объяснить ее внезапный отъезд.

Вечером того же дня Джон вернулся. Он нашел Бетти, которая уже собралась уезжать на Большую землю. Она была совершенно не в себе, и он никак не мог убедить ее остаться.

— Я еду с ней, — сказал Джон Чарльтону. — Простите, что так внезапно бросаю ферму и дом, но я не могу оставить своих детей. В таком состоянии Бетти может натворить все, что угодно.

— Я понимаю, Джон. Поступайте, как считаете нужным, но как же урожай?

— Вы сами можете его собрать или отдать тому, кто это сделает.

— Может, мне пока придержать ферму на тот случай, если вы захотите вернуться?

— По тому, что говорит Бетти, не думаю, что она когда-нибудь захочет вернуться сюда.

— Она случайно не упоминала о черном пере? — спросил Чарльтон. Он чувствовал себя глупо, что вообще поднял эту тему, но решил все выяснить.

— Да, упоминала. Она очень верит в приметы и, несмотря на все мои убеждения, не изменит своего мнения. Я должен ехать, Чарльтон. Спасибо вам за все.

Мужчины тепло пожали друг другу руки, и Джон ушел.

На следующее утро Сара проснулась в отличном настроении. Она была очень довольна собой. Ее план отлично сработал. Она смогла отделаться от Бетти Хаммонд и Брайана Хаксвелла. Теперь ее ничто не остановит.

Сара была одна в доме, Эшби и Полли отправились в дом, где жили Хаммонды, посмотреть, какие работы требуются по дому. Внезапно в парадную дверь постучали. Когда Сара открыла ее, она едва не потеряла сознание от неожиданности. Она сразу узнала Эвана Финнли.

— Доброе утро, — произнес он. — Дома ли Эдна и Чарльтон?

— А-а... они в доме по соседству. Могу я вам чем-то помочь?

— Я встречал вас раньше, не так ли? — спросил Эван. — Вы та девушка, которую Габриель Доннели вытащил из моря.

— Верно. А вы фермер с мыса Кейп-дю-Куэди. «Тот самый фермер, у которого я должна была работать», — подумала Сара.

Эван кивнул.

— Вы приехали в город с семьей? — поинтересовалась девушка. Ей надо было знать, приехала ли настоящая Амелия в Кингскот.

— Нет, только с Майло. — Малыш сидел на руках у Эвана.

— Та осужденная все еще работает у вас на ферме?

— Сара? Да. Поначалу от нее было не так много пользы, но она научилась и теперь очень помогает вместе с моими девочками.

— Рада слышать. А к ней... вернулась память?

— Нет, и сомневаюсь, что когда-нибудь вернется.

Сара вздохнула с облегчением, но Эван, кажется, не заметил этого.

— Почему вы так говорите?

— Думаю, что если бы к ней смогла бы вернуться память, то это уже бы произошло.

Чарльтон и Эдна в это время вошли и услышали голоса.

— Амелия, с кем ты разговариваешь? — спросила Эдна. Эшби волновались, что это мог быть Брайан Хаксвелл, который не уплыл вчера домой, как собирался.

— Эван, пожалуйста, заходите, — пригласила Эдна, увидев фермера.

Эван вошел вместе с Майло, Эшби проводили их в гостиную.

— Что привело вас сюда, Эван? — Эдна надеялась, что мужчина передумал и оставит Майло у них.

— Я решил принять ваше предложение, — медленно начал он.

Женщина видела, что фермеру тяжело говорить об этом.

Эван думал о предложении миссис Эшби всю ночь. Мысль о том, что ему придется разлучиться с Майло, была невыносимой, но отец не мог

рисковать жизнью сына. Он хотел быстрее вернуться на ферму, к девочкам. Если здесь у него нет фермы, то и нет смысла везти сюда скот. Но жизнь Майло была для него важнее всего на свете. Эван чувствовал, что Джейн хотела бы, чтобы он в первую очередь думал о здоровье их сына.

— Вы поступаете правильно, Эван, — ободрила его Эдна.

— У меня есть новости, которые, возможно, будут вам интересны, — проговорил Чарльтон.

— Какие же?

— Только что по соседству вместе с земельным наделом освобовился один из моих домов. Если это вас интересует, вы можете вселиться туда. К счастью, уже почти созрел урожай пшеницы. И потом, на этой земле хватит места всем вашим животным.

Лицо Эвана озарилось, Сара побледнела. Она не поверила своим ушам: настоящая Амелия может поселиться рядом с ней, в соседнем доме!

— Это замечательно. — Эван светился от радости. Он очень волновался, что ему не удастся найти место для своей семьи. — Могу я осмотреть дом, Чарльтон?

— Конечно.

Фермер встал, все еще не отпуская сына.

— Почему бы вам не оставить Майло со мной, мы познакомимся с ним поближе.

Эван засомневался, но затем протянул сына Эдне.

— Я отведу его на кухню. Полли сегодня утром испекла печенья, и я уверена, что Майло с удовольствием попробует несколько штук.

Сара последовала за тетужкой на кухню.

— Тетя, а как вы думаете, Эван привезет с собой преступницу?

— Это та девушка, что выжила с тобой в кораблекрушении, не так ли?

Сара кивнула.

— Полагаю, да. Ее определили к нему для работы, и она должна отбывать срок рядом с ним. — Эдна видела, что ее подопечная не слишком этим довольна. — Я уверена, что она не побеспокоит нас, Амелия, милая.

— А почему Эван привез сюда своего сына, тетя? Я не знала, что вы дружите.

— Мы уже давно знакомы. Эван поселился рядом с нами, как только женился, а мы тогда сами недавно приехали сюда. К нему надо немного привыкнуть, но, несмотря на грубую внешность, Эван милый человек. Его жена умерла на мысе Кейп-дю-Куэди, поэтому он вправе обратиться ко всем друзьям, что у него остались. Вчера мы с Чарльтоном встретили Эвана в городе. Он шел вместе с сыном от доктора Дэнниса Томпсона и был очень

подавлен. Мы предложили ему оставить Майло с нами, пока он не привезет сюда своих дочерей. А Дэннис сможет следить за здоровьем мальчика.

Майло жевал печенье, Полли наливала ему кружку молока.

— Он такой милый мальш, не правда ли? Замечательно, что он побудет у нас.

Сара быстро поняла, что Эван приехал в город из-за Майло. Возможно, если с Майло что-то случится, Эван не станет переезжать в Кингскот.

Сара смотрела в невинные, темные глаза Майло. Мальчик был немного смущен, так как его окружали незнакомые люди, Сара знала, что никогда не сможет причинить вред невинному ребенку. Но если Майло почувствует себя лучше, то фермер серьезно задумается, стоит ли ему оставлять свой дом на мысе Кейп-дю-Куэди.

Она вздохнула. Эван сказал, что к Амелии до сих пор не вернулась память, поэтому ей, возможно, не надо волноваться. Но ей также не нужно испытывать судьбу. Необходимо уехать раньше, чем в город приедет семья Финнли с настоящей Амелией.

— Здравствуйте, все, — раздался голос Лэнса.

— Лэнс, почему ты не на работе? — удивилась Эдна.

— Я решил взять выходной, мама. В последнее время я слишком много работал и совершенно не уделял внимания одной молодой особе. — Он мельком взглянул на девушку. — Думаю, кто-то должен восполнить время праздничного чаепития, которое было так внезапно прервано. Амелия, как ты относишься к тому, чтобы пообедать со мной в отеле «Озон»? — спросил Лэнс.

— Я с удовольствием пообедаю с тобой. — Глаза Сары восторженно засветились.

— Хорошо, тогда договорились. Я заеду за тобой в двенадцать часов. — Лэнс посмотрел на Майло, который сидел у Эдны на руках. — А кто этот маленький джентльмен?

— Сын Эвана Финнли. Он побудет у нас несколько дней.

— А где Эван?

— Пошел с твоим отцом смотреть Фейт-Коттедж. Он переедет туда со своей семьей, когда привезет девочек с мыса Кейп-дю-Куэди.

— А где Хаммонды?

— Они вчера уехали.

— Не знал, что они собираются уезжать. Джон даже не собрал урожай. — Лэнса удивила эта новость.

— Это долгая история. Амелия все расскажет тебе за обедом.

Сара думала, что надеть для выхода в ресторан, ее радостное

предвкушение приятного полдня омрачила одна мысль. Ей надо скоро уезжать, одной, без Лэнса. Пожалуй, сегодня ее последний шанс убедить его, какой хорошей женой она ему будет. Больше возможности может не представиться.

Глава 23

Кейп-дю-Куэди

Капитан Картрайт предложил отвезти Эвана обратно на борту своего корабля «Рыба-меч». Эван, осмотрев свой будущий дом, отправился в бухту, где пришвартовался корабль. Расставание с Майло было для Эвана очень болезненным, но он продолжал напоминать себе, что все это только для блага сына. Везти малыша обратно на остров было большим риском, на который не мог пойти настоящий, любящий отец.

Корабль поднял якорь до наступления темноты и направился вдоль северной части острова. Когда они проходили мимо бухты Эму-Бэй, к мысу Борда, матросы выбросили сеть за борт. Через некоторое время они вытащили добычу, отсортировали рыбу на палубе, выбросив за борт то, что им не было нужно, потом капитан взял курс на Кейп-дю-Куэди. С первыми лучами солнца, когда подходить к берегу было безопасно, корабль вошел в бухту Вейрс-Коув.

Эдгар был на маяке и увидел, как «Рыба-меч» ждет у берега рассвета, чтобы бросить якорь в бухте, пройдя мимо рифов и острых камней. Габриель вместе с Эдгаром спустили грузовую сеть, чтобы поднять Эвана на скалу. Как только Эван оказался на вершине скалы, Габриель спросил, где Майло.

— Он остался вместе с Чарльтоном и Эдной Эшби, на несколько дней, — ответил Эван.

Этим утром ветер был довольно прохладным, поэтому трое мужчин направились в дом Габриеля, где хозяин предложил всем по чашке горячего чая.

— Как себя чувствует Майло? Что сказал доктор? — волновался Габриель. Он заметил, что Эван не выглядит слишком подавленным, поэтому ожидал, что новости не будут плохими. Габриель был лишь озадачен тем, что Эван приехал один.

— У него увеличена селезенка из-за того, что он, возможно, чем-то заразился, а еще у него небольшая желтуха. Ему нужна микстура, чтобы поддержать организм, и доктор Томпсон должен понаблюдать за ним.

— Когда он сможет вернуться домой?

— Он не приедет сюда, Габриель, — пояснил Эван. — Я переезжаю с семьей в Кингскот. Доктор Томпсон посоветовал так сделать. Слишком опасно жить здесь с детьми. Если Майло вдруг еще подхватит какую-

нибудь заразу... — Он не смог закончить фразу, но Габриель все понял. Майло может не выжить. Он и сам так думал, но не мог заставить себя сказать об этом Эвану.

— Мне жаль, что вы уезжаете Эван, но это правильный поступок. Нельзя рисковать жизнью сына. Да и девочкам в городе расти намного лучше, — заверил его Габриель.

— Совершенно верно, — согласился Эдгар. — Семья должна быть на первом месте.

— В глубине души я осознавал, что мои дни здесь сочтены, но мне просто трудно было признать то, что мне придется уехать. — Эван чувствовал вину за то, что оставляет могилы Джейн и Джозефа, но он не мог вынести мысли о том, что из-за его упрямства рядом с ними может появиться еще одна могила, на которой будет написано Майло или имя одной из его дочерей.

За все время их знакомства Эван впервые открыто говорил то, что чувствовал. Слова врача, видимо, действительно потрясли его, подумал Габриель.

Эван передал Габриелю и Эдгару сверток с морепродуктами, подарок от капитана Картрайта. В свертке было несколько морских щук, снуков, немного крабов и кальмаров. Эдгар очень обрадовался этому, зная, что Карлотта с удовольствием приготовит рыбу, а все, что радовало ее, делало и жизнь Эдгара немного легче.

— Полагаю, у вас не было времени, чтобы найти жилье? — спросил Габриель.

— Мне очень повезло, что я встретил Эшби. Они не только взяли себя приютить у себя Майло, пока я не вернусь с девочками, но и предложили ферму и дом Фейт-Коттедж, которые только что освободились. Хаммонды внезапно решили уехать с острова. Скоро нужно будет собирать овес, поэтому мы с Чарльтоном поделим урожай, если я его соберу. Там и для моих животных будет достаточно места.

— Это отличные новости, Эван, — обрадовался Габриель.

— Теперь мне надо как-то перевезти семью и животных в Кингскот, — продолжал Эван. Лошадь, корову, пять овец и барана привезли в Вейрс-Коув на шхуне несколько лет назад, а потом в грузовой сетке подняли на скалу. Тогда для этого потребовалось несколько человек, и теперь, чтобы спустить вниз животных, потребуется не меньшее количество людей. — Чарльтон Эшби зафрахтовал корабль, который придет сюда послезавтра, если позволит погода. Капитан его должник, и он пообещал, что его люди помогут погрузить лошадь и корову.

— У нас нечасто выдаются спокойные дни, — заметил Габриель.

— Я знаю. Если погода будет плохой и без надежды на улучшение, то мне придется отправить Сару с девочками на корабле, а животных вести по суше.

— Вам не справиться одному сразу с лошадью, коровой и овцами, не говоря уже о поросятах. Я могу помочь с овцами, но было бы лучше погрузить свиней на корабль в клетках, — посоветовал Габриель.

— Мне надо идти, сказать девочкам, что мы переезжаем. Пока я отсутствовал, все было в порядке? — спросил Эван.

— Да, в полном порядке, — успокоил Габриель фермера.

— У меня нет слов, чтобы отблагодарить вас за то, что присматривали за фермой.

— Все работы на ферме делал Габриель. Я дежурил за него на маяке. Мы решили, что так будет лучше, — сказал Эдгар.

Эван немного растерялся.

— Мы решили, что так будет лучше, — стал объяснять Габриель. Не мог же он сказать Эвану, что жена запретила Эдгару приходить на ферму.

Эдгар смутился.

— Между Карлоттой и Сарой произошла размолвка? — Эван чувствовал, что две женщины питают друг к другу взаимную неприязнь.

— Они немного поспорили, — добавил Эдгар, — но вины Сары в этом нет. Карлотта любит, когда всё делают, как она хочет, она не терпит никаких возражений.

— Может, это даже и к лучшему, что мы уезжаем, — заключил Эван.

Амелия была в саду вместе с Сисси, когда появился Эван. Девушки удивились, что он вернулся так скоро и без Майло.

— Папа, ты приехал! — воскликнула Сисси. — А где Майло?

— Идите в дом, — угрюмо велел Эван.

Недоуменно переглянувшись, Амелия и Сисси последовали за Эваном в дом. Эван позвал остальных, и девочки собрались вокруг стола.

— С Майло все хорошо, — сообщил Эван. Он видел, что все с тревогой ждут новостей. — Он остался у Эшби, в Кингскоте.

— Почему? — спросила Сисси.

— Доктор хочет еще две недели осматривать Майло каждый день, понаблюдать за его самочувствием. Так что волноваться не о чем.

— Значит, его не будет две недели? — спросила Амелия. Она знала, что Эван тяжело переживает разлуку с сыном, да и девочкам тоже очень не хватает брата.

— Он не приедет, — произнес Эван. — Для него слишком опасно жить здесь. Так сказал доктор.

Дети от удивления ахнули и замерли, молча смотря на Эвана. Неужели Майло останется жить в другой семье?

— Мы переезжаем в Кингскот, — добавил Эван. — Послезавтра нас вместе с животными заберет шхуна, а пока нам предстоит много дел.

— Мы переезжаем в город? — Сисси не верила своим ушам.

— Совершенно верно, — подтвердил Эван. — Я нашел дом с участком земли, поэтому я хочу, чтобы вы помогли Саре собираться.

— А я... поеду с вами? — спросила, запинаясь, Амелия.

— Конечно поедешь. Неужели ты думаешь, что я оставлю тебя здесь?

— Нет, я не знаю... может быть, вы пошлете меня... обратно в тюрьму.

— Это зачем? — спросил он в своей обычной грубоватой манере. — Там, куда мы уезжаем, будет много работы. — Он вышел проверить животных. Амелия не ожидала, что Эван скажет, что она хорошая работница, что она нужна его детям. Это было не в его стиле. Compliments от Эвана были так же редки, как и кенгуру альбиносы.

Когда Эван ушел, старшие девочки завизжали от восторга. Их радовало, что поблизости будут магазины, хотя они могли позволить себе только поглазеть на витрины. К тому же у девочек никогда не было возможности ходить в школу с другими детьми, общаться с ними и играть. Им было очень интересно, каким будет их новый дом. Амелия же не разделяла их радости. Хотя пребывание здесь, на мысе, было для нее своего рода заключением, отъезд означал, что она больше никогда не увидит Габриеля. Несмотря на их серьезную размолвку, Амелия всем сердцем любила его. Она надеялась, что случится чудо и она обретет счастье с Габриелем.

Оставив детей радостно обсуждать их новую жизнь, Амелия вышла на улицу. Подойдя к огороду, она прислонилась к забору, заплакала. «Наверное, это к лучшему, — успокоила себя Амелия. — Но почему мне так больно?»

Вечером, когда девочки поели и пошли в свою комнату, Амелия, пожелав спокойной ночи Эвану, направилась к своему домику. Но, не дойдя до него, повернула к скалам, в секретное место, куда однажды отвел ее Габриель.

Луна, хотя и не полная, давала достаточно света, и Амелия нашла тропу. Дойдя до места, девушка посмотрела на море. Она знала, что никогда не забудет этот укромный уголок, не забудет и Габриеля.

Амелия смотрела на лунную дорожку, идущую за горизонт по глади моря, и ею овладело чувство абсолютного и всепоглощающего одиночества. Ей остается только жить в семье Финнли и работать для нее. Она подумала, что если подойдет к краю скалы и сделает еще один шаг, то положит конец всем своим страданиям. Никто не вспомнит о ней... Амелия шагнула к краю. Еще два шага... и боли больше не будет.

— Сара, — вдруг раздался тихий голос за спиной. На секунду Амелии показалось, что это просто галлюцинация. Она обернулась и увидела Габриеля.

— Габриель, — удивилась она. Луна освещала его прекрасное лицо. Амелии отчаянно захотелось, чтобы он обнял ее. Она мечтала, чтобы Габриель любил ее, как она любит его, но слова Карлотты до сих пор звучали у нее в ушах.

Габриель пришел к скалам, не смея надеяться, что девушка будет здесь.

— Полагаю, вы знаете, что мы уезжаем, — тихо произнесла она.

Он молча кивнул.

— Просто не верится, что я уезжаю отсюда, — продолжала Амелия, стараясь скрыть свои чувства.

— Без вас здесь будет все по-другому, — хрипло прошептал Габриель. — С тех пор как он узнал, что она уезжает, все его мысли были только об их отъезде. — Я... уже скучаю по вас.

— В это верится с трудом. Вы вполне были здесь счастливы до моего приезда.

— Я тоже так думал, пока не встретил вас.

— О чем вы говорите, Габриель?

Он подошел ближе. Ему хотелось заключить Амелию в свои объятия.

— Еще никогда мне никто так не нравился. Я никогда в жизни не был так сильно влюблен. Все прежние увлечения и влюбленности не идут ни в какое сравнение с тем чувством, что я испытываю к вам. Теперь я знаю, что люди имеют в виду, когда говорят «любовь всей жизни».

— О, Габриель! Вы очень нужны мне, но это ничего не меняет, — заплакала она.

— Вы ошибаетесь, Сара. Все уже изменилось. Я, вы, наша жизнь. Так всегда происходит, когда вы встречаете человека, вместе с которым суждено провести остаток жизни.

Амелия замерла от неожиданности. Она не ослышалась?

— Вы это серьезно? Вы просто не можете говорить об этом серьезно.

— Я более чем серьезен. Я не могу жить без вас. Когда ваш срок

подойдет к концу и вы станете свободной, я попрошу вас стать моей женой.

Амелия поняла, что Габриель говорит правду. Карлотта ошибалась. Он не собирался просто развлекаться с ней. Девушка почувствовала необыкновенный прилив счастья, но затем быстро пришла в себя.

— Но вы заслуживаете лучшего, чем... чем преступница...

— Как я могу убедить вас, что вы стоите той любви, которую я испытываю к вам, что я буду счастливейшим человеком на свете, если вы ответите мне взаимностью?

— Я люблю вас, но...

Габриель прижал палец к ее губам.

— Вы не должны страдать всю жизнь за то, что один раз совершили ошибку. Я тоже ошибался. Людям вообще свойственно ошибаться. Нам остается только учиться на ошибках и стараться быть лучше. Нет причины, по которой мы не могли бы делать это вместе, Сара. Поймите, прошлого нельзя изменить.

Амелия покачала головой, слезы заструились по ее щекам.

— Я буду ждать вас. — Габриель обнимал девушку. — А когда вы станете свободной, я буду молиться, чтобы вы согласились стать моей женой. — Он крепче сжал ее в своих объятиях, и если бы не стук его сердца, то Амелия решила бы, что видит прекрасный сон.

Они стояли, обнявшись, в серебристом свете луны, зная, что скоро им предстоит расстаться.

Амелия почувствовала, что сможет дожить до конца своего заключения, если будет знать, что Габриель любит ее и их ждет счастливое будущее. Габриель прав, она не в силах изменить прошлое. Нужно перестать винить себя.

— Никто не должен знать о наших чувствах, Габриель, — попросила Амелия. — Если Эван узнает, он отправит меня в тюрьму.

— Я тоже так думал, Сара. Я не вынесу, если потеряю вас, наша любовь должна оставаться в тайне.

— Это эгоистично с моей стороны, но я хотела бы, чтобы моя новая жизнь началась прямо сейчас, — прошептала Амелия. — В эту самую секунду.

— Давайте заключим соглашение здесь и сейчас, — предложил Габриель, глядя прямо в глаза Амелии. — Прошлого больше нет. Наша жизнь начинается в это мгновение. Больше никаких сожалений о том, что было в прошлом.

Амелия кивнула, и они скрепили договор поцелуем.

Кингскот

Майло очень скучал по отцу и семье, поэтому Эдна, Полли и Сара по очереди развлекали его. Сара предложила Полли помочь убраться в Фейт-Коттедж и упаковать оставшиеся личные вещи семьи Хаммонд, чтобы потом отправить их на корабле хозяевам.

В пятницу утром доктор Томпсон пришел навестить Майло. Он с удовлетворением отметил, что желтуха у малыша постепенно проходит.

Сара была рада этой новости.

— Думаю, нам надо послать записку отцу мальчика, чтобы известить его о том, что малыш поправляется. Возможно, он передумает переезжать с семьей в город.

— Амелия, доктор Томпсон сказал, что будет лучше, если семья Финнли переедет сюда, — проговорила Эдна. — Жить там с детьми очень трудно. Если бы поблизости оказалась акушерка, то жена Эвана и ребенок сейчас, возможно, были бы живы. Кроме того, девочки растут. Какой шанс у них найти мужей в такой глуши? Никто из молодых людей никогда не поедет туда. Нет, Эван поступает правильно, Амелия.

Сара испугалась. Чем больше она думала о том, что настоящая Амелия будет жить по соседству, тем сильнее ее охватывал страх. Лучше бы здесь осталась Бетти Хаммонд.

Сара видела Лэнса несколько раз после их последней встречи. Как и было условлено, они отправились пообедать, но встреча прошла не очень хорошо, так как Сара слишком нервничала и не могла насладиться свиданием с Лэнсом в полной мере. Она постоянно думала о том, вернется ли память к Амелии, когда та увидит ее, но потом вспомнила слова Эвана Финнли о том, что память к осужденной не может вернуться. Саре оставалось только надеяться и молиться, чтобы Амелия потеряла память навсегда. Ей совсем не хотелось уезжать отсюда. В последнее время Лэнс стал внимателен к ней, и девушке это очень нравилось. Она намеревалась оставаться у Эшби до тех пор, пока не завоюет сердце Лэнса.

— Что-то беспокоит тебя, Амелия? — спросил Лэнс, навестив ее в свой обеденный перерыв. — В последнее время ты чем-то сильно озабочена.

Сара подумала, что сейчас она может быть откровенной:

— Просто мне совсем не хочется снова видеть эту преступницу.

— Почему?

— При виде нее в моей памяти снова оживут ужасные картины

кораблекрушения. Я только недавно перестала видеть кошмары по ночам.

— Вы пережили этот ужас вместе, Амелия. Несчастье обычно сближает людей.

— Я так не думаю.

— Не волнуйся, сомневаюсь, что ты будешь часто видеть ее, — успокоил ее Лэнс.

Внезапно Саре пришла в голову ужасная мысль: Амелия очень красивая девушка, она может понравиться Лэнсу. Но потом она сообразила, что Эдна ни за что не позволит своему сыну заводить дружбу с осужденной.

Кейп-дю-Куэди

— Я так рада, что с Майло все будет хорошо, — обратилась Сара к Габриелю. Она разбирала и упаковывала детскую одежду в старые чемоданы, которые принес Габриель.

— Сисси говорила, что Майло заболел после того, как он съел печенье Карлотты, — сказал Габриель.

— Верно.

— Я размышлял об этом. Примерно неделю тому назад Карлотта внезапно стала проявлять интерес к растениям, которые можно использовать в приготовлении пищи.

— Значит, она могла что-нибудь добавить в печенье, не понимая, что это может причинить вред ребенку? — спросила Амелия. Она посмотрела на Габриеля. У того был довольно странный вид. — Не думаете же вы, что она могла сделать это специально, не так ли?

— Чего бы она этим добилась? — размышлял Габриель. Ему не хотелось верить, что Карлотта способна причинить вред ребенку. Конечно, итальянка по натуре недобрая женщина, но вряд ли она бессердечный и черствый человек.

— Эван переехал бы в Кингскот ради детей, и я отправилась бы с ними! Вот! Она, конечно, не желала отъезда Эвана с детьми, но Карлотта мечтает, чтобы меня здесь не было, и мы оба прекрасно это знаем.

Габриеля ужаснула мысль, что Карлотта может зайти так далеко.

— Я уже всеми известными мне способами давал ей понять, что она не нравится мне.

Амелия верила ему. Было очевидно, что Габриель недолюбливал

Карлотту.

— Стоит нам говорить об этом Эвану? — взволнованно спросила девушка. — Разве мы не обязаны рассказать ему, из-за чего заболел Майло?

— Нет. Я думаю, что в первый раз, когда Майло заболел, Карлотта была ни при чем. Возможно, тогда ей в голову и пришла мысль попробовать сделать с помощью своей стряпни так, чтобы мальчик заболел снова. Поэтому она спросила меня о растениях. Вероятно, она вызвала два последующих приступа болезни. Все равно жить здесь очень большой риск для маленьких детей. Правда, я хотел бы, чтобы Финнли и вы остались. Конечно, это эгоистично с моей стороны, но я просто не желаю, чтобы вы уезжали.

В этот же день Карлотта пришла на ферму со свежесдобитым хлебом.

— А где все? — спросила весело Карлотта, поставив корзину на стол. Она уже видела Габриеля только своим, была абсолютно уверена, что он поддастся на ее хитрости. Итальянка была убеждена, что ее будущее всего лишь в шаге от нее, и не могла скрыть своей радости.

— Здесь есть какие-нибудь «особые» добавки?

— Нет, — ответила Карлотта.

— Кажется, вы ужасно довольны собой, Карлотта, — заметила Амелия. Она не хотела ничего говорить, но поскольку они с итальянкой были одни, девушка не смогла сдержаться.

— Что ты имеешь в виду?

— Считаю, что вы намеренно сделали так, что Майло заболел, — твердо заявила Амелия.

— Какие ужасные вещи ты говоришь, — возмутилась Карлотта и покраснела. Она огляделась по сторонам, чтобы убедиться, что никто не услышит ее слов, а затем шагнула к Амелии. — Мне совсем не жаль, что ты уезжаешь. Мне нравится семья Финнли, но ты... ты — это отравка.

— Я не стала бы травить малыша только для того, чтобы получить того, кого хочу. Это ужасный, низкий поступок даже для вас. А что, если бы Майло... умер?

— Не говори ерунды, — оборвала ее Карлотта. — Я бы ни за что так не поступила. Это ты преступница, а не я. — Итальянка задумалась, рассказала ли Сара о своей догадке кому-нибудь еще.

— Ваш план не работает.

Карлотта ледяным взглядом окинула девушку. Когда эта преступница окажется в Кингскоте, а Габриель будет здесь, ничто не помешает ей

добиться своего. Но, подумала итальянка, надо убедить Габриеля и Эвана в том, что нельзя доверять этой осужденной. Вдруг она расскажет им о своих догадках.

Глава 24

Кейп-дю-Куэди

Со вчерашнего утра, когда Финнли начали собираться к отъезду, Габриель провел большую часть времени на ферме, помогая Эвану и Амелии. Карлотта заметила многозначительные взгляды и теплые улыбки, которыми он обменивался с преступницей, значит, они преодолели свои разногласия. И это бесило Карлотту. Меньше всего она хотела, чтобы Габриель остался в хороших отношениях с ее соперницей.

Утром, когда за семейством Финнли пришла шхуна, море было очень беспокойным. Корабль «Руби-Ли» вошел в бухту, Габриель сказал Эвану, что при таком сильном ветре нельзя опускать в грузовой сетке ни детей, ни животных.

— Прости, Эван, но это слишком опасно, — предупредил Габриель. Они вдвоем стояли на вершине скалы, наблюдая, как шхуна раскачивается у причала из стороны в сторону.

— Чарльтон Эшби сказал, что капитан может подождать несколько дней, если потребуется, — ответил Эван. — Как известно, погода часто и быстро меняется. А пока мы можем погрузить наши личные вещи. Это не займет много времени.

Эван сказал Саре и детям, что им не нужно забирать с собой мебель, так как в Фейт-Коттедж все уже есть, но им понадобится еще три матраса. Они также возьмут с собой всю посуду и одежду. Больше всего Эван беспокоился о своих животных. Кур и поросят они могут погрузить на корабль в последнюю минуту, но с коровой, лошастью и овцами все было не так легко. Он не мог их оставить, но при таком ветре нельзя спустить животных на пристань и погрузить на шхуну. Эван с Габриелем решили вести животных по суше. Габриель благородно предложил отправиться с ним, но поскольку лошадь была всего одна, от этой идеи решили отказаться. Эван знал, что Габриель не сможет пройти больше ста миль пешком. Даже если бы они ехали верхом по очереди, тот, кто шел пешком, выбился бы из сил, стараясь не дать овцам разбрестись.

— Ты можешь оставить овец, лошадь и корову. Я могу послать их потом, — предложил Габриель. — Или, если мы погрузим овец на корабль, можно отправиться на лошади вместе с коровой по суше. Другой альтернативы нет.

— Можно и так, — согласился Эван. Он смотрел на море. — Может

быть, ветер утихнет к вечеру. Я буду готов.

Габриелю нравился оптимизм друга, но насчет погоды у него были большие сомнения.

Однако Эвану повезло. Ближе к вечеру море немного успокоилось и ветер стих. Они решили воспользоваться представившейся возможностью. Фермер бросился к овцам и с помощью детей погнал их к маяку. Эван и Габриель по очереди опустили блеющих от страха животных в грузовой сетке на пристань, откуда их загнали на корабль, в специально сооруженный загон. Когда очередь дошла до коровы, ветер усилился, нужно было принять непростое решение. Габриель предлагал прекратить погрузку, но Эван думал только о том, чтобы скорее вернуться к Майло, и решил продолжать.

Корова взревела от ужаса, когда ее приподняли в специальной сети, перевесили через край скалы и начали медленно опускать на пристань. Несколько раз налетал сильный порыв ветра, который раскачивал бедное животное. Эван переживал, не совершил ли он ошибку, не закончится ли все тем, что корова сломает ногу.

— Спускай быстрее, — закричал он Габриелю и тем, кто помогал ему. Эван с облегчением вздохнул, когда наконец животное оказалось на пристани в безопасности. Когда Эван уже решил, что все неприятности позади, случилось самое ужасное. Моряк, по-видимому совершенно не знакомый с тем, как следует обращаться с животными, попытался загнать корову на корабль, но внезапно она поскользнулась и упала в воду.

Эван наблюдал за этим с вершины скалы и пришел в ужас. Кроме узкой полоски песка на другой стороне мыса, больше нигде нельзя было выбраться на берег. Течение утянет корову в открытое море, она утонет или волны разобьют ее о камни. Не обращая внимания на крики Габриеля, Эван бросился вниз по каменным ступеням. Спускаясь, он несколько раз едва не поскользнулся. Корова редела, плавая кругами в воде, волны захлестывали ее с головой.

К тому времени, как Эван добрался до пристани, один из моряков сумел набросить лассо на шею животного и подтянуть корову к пристани. Пока он держал веревку, не давая голове животного погрузиться под воду, Эван прыгнул в воду с грузовой сетью в руках.

Животное было в панике и безумно било ногами в воде, поэтому Эван рисковал жизнью, пытаясь протянуть сеть под коровой. Дети вместе с Амелией находились на вершине скалы и были в ужасе оттого, что их отец может утонуть, но наконец он вынырнул и прокричал Габриелю, чтобы тот поднимал животное из воды. Габриель с двумя моряками начали быстро

крутить лебедку и подтянули корову к скале. Матросам на пристани пришлось повернуть животное так, чтобы его можно было поставить на пристань. Как только корова почувствовала твердую поверхность под ногами, она бросилась в сторону, столкнув одного из матросов, стоявшего рядом, в воду. Корова попыталась удрать, но сеть с веревкой не позволила ей этого сделать. Другой моряк предусмотрительно сам отбежал от дико мычащей коровы.

Моряки быстро вытащили Эвана из воды, и фермер медленно пошел к корове. Он ласково поговорил с ней, успокоил животное. Затем он освободил корову от сети. Моряки подумали, что он сошел с ума. Они боялись, что фермер вместе с коровой снова окажутся в воде, но Эван осторожно снял свою мокрую рубашку, положил ее корове на голову, тем самым закрыв ей глаза, затем повел ее по узкому причалу к кораблю. Продолжая идти, Эван ласково говорил с животным. Завести корову на шхуну было непростым делом, но с помощью моряка, который подталкивал ее сзади, фермер справился с этим. Они поместили ее в загон на палубе, и Эван, сняв импровизированную повязку с глаз коровы, потрепал напуганное животное по шее. Команда корабля шумно выразила свое одобрение удачным завершением операции. Эван молился, чтобы из-за пережитого стресса корова не перестала давать молоко.

После того как Эван переоделся в сухую одежду и выпил горячего чая в доме Габриеля, ветер снова стих. Габриель предложил спустить кур и поросят.

— Да, давай погрузим их на корабль, — согласился Эван, — но после того, что случилось с коровой, я не могу рисковать лошадью. Мне придется пока оставить Клайда здесь. — Волны прокатывались по пристани, и лошадь, гораздо более норовистое животное, чем корова, могла легко поскользнуться.

Габриель видел, что друг волнуется о своей семье.

— Если хочешь, отправляйся с Клайдом по суше, а я могу поехать с Сарой и детьми, прослежу, чтобы они благополучно добрались до Фейт-Коттедж.

— Ты правда мог бы это сделать, Габриель? — спросил Эван. Он волновался, что его работнице будет трудно справиться одной. — Ты очень помог бы мне.

— Да, конечно. Ночи становятся короче, поэтому Эдгар может управиться здесь один. — Габриель с нетерпением ждал возможности уехать от Карлотты хоть на несколько дней, и, кроме того, в городе у него были некоторые дела. — Выпей еще чаю, — предложил Габриель Эвану. —

Я пойду посмотрю, чтобы поросят и свиней благополучно погрузили на корабль.

Карлотта стояла на вершине скалы. Она никому не помогала, но и не хотела пропустить ничего интересного. Услышав, что Габриель отправится с Сарой Джонс и детьми в Кингскот, она побагровела от злости и ушла домой.

Когда поросят и кур погрузили на шхуну, Эвана снова спустили на пристань. Габриель собрался спускать старших дочерей Эвана в грузовой сети, их отец хотел сам убедиться, что его дети благополучно окажутся на борту. Сначала спустили Сисси, Розу и Бесс. Девочки были достаточно взрослыми и понимали, что им нужно выставлять ноги, чтобы не удариться о скалу, если вдруг их подхватит порыв ветра. Джесси и Молли пришлось спускать на лебедке вместе с Габриелем.

Амелия до ужаса опасалась за детей, пока все не оказались в безопасности на пристани. Когда настал ее черед, она застыла от страха. Она боялась, что снова ударится о скалу. Габриель пытался убедить ее спуститься, Эван проводил детей на корабль и сказал, что поедет на лошади по суше.

— Но Сара поедет с вами на корабле вместе с Габриелем, — добавил он.

Габриель обвязал Амелию страховочной веревкой, подбодрил ее. Тут снова появилась Карлотта, но они не обратили на нее никакого внимания.

— Я буду спускаться рядом. Вам не о чем волноваться. — Теплота его голоса успокоила Амелию, приободрила ее.

Карлотта сгорала от зависти, наблюдая за ними. Итальянка зашла в дом и заперлась, чтобы никто не видел ее ярости и не слышал, как она кричит от злости. Потом Карлотта снова вышла из дома.

— Где мое кольцо? — прошипела итальянка.

Габриель и Амелия удивленно уставились на Карлотту.

— Какое кольцо? — спросила Амелия.

— Ты знаешь, какое кольцо. Ты украла его, — закричала итальянка.

Эдгар был рядом и услышал свою жену. Он подбежал к ней.

— О чем ты говоришь, Карлотта? — возмутился он.

Амелия, оцепенев, смотрела на Карлотту. Она не верила своим ушам.

— Вчера я оставила свое кольцо в доме Финнли, а теперь его нет. Она взяла его. — Итальянка показала пальцем на Амелию.

— Я не видела никакого кольца, — ответила девушка.

— Ты лжешь! Я видела, как ты все время заглядывалась на него! — злобно прокричала Карлотта.

— Это неправда, — твердо заявила Амелия.

— Ты воровка и перед отъездом воспользовалась шансом украсть кольцо, — обвинила девушку Карлотта.

— Нет, я ничего не *брала*. — Амелия повернулась к Габриелю, который в замешательстве смотрел на нее. — Вы же мне верите, ведь так?

— Да... конечно, — ответил Габриель. И обратился к Карлотте: — Вы, верно, ошибаетесь. Должно быть, вы просто куда-нибудь сами положили его.

— Действительно, Карлотта, — произнес Эдгар. — Ты, наверное, забыла, где оставила его.

— Я не сумасшедшая. Я никуда не положила его! — закричала итальянка. — Она украла его. Обыщите ее, и сами убедитесь!

Амелия запаниковала. Она испугалась, что итальянка подбросила свое кольцо, чтобы выставить ее воровкой и лгуньей. Амелия машинально проверила карман, но там было пусто. Она вздохнула с облегчением, но затем подумала, что Карлотта могла подложить кольцо в один из ее чемоданов.

— У меня нет вашего кольца, — заявила девушка, находясь на грани истерики.

У Амелии было такое чувство, что она видит кошмарный сон. Она знала, что невиновна, но поверят ли ей. Девушка задумалась, не случилось ли подобное с ней в прошлом, когда ее обвинили в краже у хозяйской дочери. Она взглянула на Габриеля.

— Я не брала кольца Карлотты. Клянусь.

— Знаю, — произнес Габриель.

— Я не брала кольца, Эдгар. Вы должны поверить мне.

Никто из мужчин даже не думал обыскивать ее.

— Ты делала это раньше, — прошипела Карлотта. — Поэтому тебя и посадили в тюрьму.

— Не помню, чтобы я воровала, — сдерживала слезы Амелия. — Я не стала бы брать кольцо. Ни за что на свете!

— Уверен, здесь какая-то ошибка, — сказал Эдгар. Ему было очень жаль эту девушку. От свирепого взгляда жены он содрогнулся.

— Я хочу, чтобы ее арестовали, — требовала Карлотта. — Хочу, чтобы вы связались с властями в Кингскоте и отправили ее обратно в тюрьму.

— В этом нет необходимости, дорогая. Пойдем поищем твое кольцо. — Эдгар попытался увести Карлотту, но она вырвалась из его рук.

— Я хочу, чтобы эту воровку отправили туда, где ей самое место! — завопила итальянка.

Эдгар снова взял свою жену за руку и дал знак моряку у лебедки и Габриелю, чтобы они начали опускать Амелию на пристань.

— Пойдем в дом, Карлотта.

Эдгар потащил жену к дому. Габриель с Амелией в изумлении наблюдали за ними. Они впервые видели, что Эдгар не подчинился жене. Но Карлотта не собиралась молчать. Она ужасно кричала и осыпала мужа оскорблениями.

Когда они скрылись за дверью, Амелия повернулась к Габриелю.

— Вы не верите, что я не брала кольца, не так ли? — спросила она.

— Нет, конечно, верю. Я думаю, что Карлотта старается насолить вам.

— Не могу поверить, что это происходит со мной. — Амелия начала всхлипывать.

— Не волнуйтесь, Сара. Вы знаете, что Карлотта завистливая женщина. Уверен, что она обвиняет вас в воровстве из-за ревности.

Когда Амелия оказалась на корабле, Габриель забрался на вершину скалы и поднял наверх Эвана, потом он пошел домой, где быстро собрал необходимые вещи. Примерно через полчаса Габриель уже прощался с Эваном.

— Не волнуйся о своей семье и животных, — проговорил он. — Я прослежу, чтобы они устроились, буду помогать, пока ты не приедешь в Кингскот.

— Не могу выразить, как я благодарен тебе. — Зная, что его семья будет с Габриелем, Эван чувствовал, что с его плеч словно камень свалился. — А что кричала Карлотта? — спросил Эван. Будучи на корабле, даже несмотря на ветер, он слышал ее крики.

Габриель был уверен, что Эван узнает об этом еще до того, как корабль отплывет, поэтому ему пришлось сказать правду.

— Она обвинила Сару в том, что та украла ее кольцо. Но Эдгар уверен, что Карлотта просто куда-нибудь его положила.

— А ты как думаешь? — спросил Эван.

Габриель встретил пронизательный взгляд Эвана. «Эван пытается выяснить мое отношение к Саре», — подумал Габриель.

— Думаю, Эдгар прав. Ты же знаешь, что Карлотта и Сара не ладят. Возможно, Карлотта просто хочет сделать ей гадость.

— Она выбрала для этого странный способ, — заметил фермер.

Габриель хотел признаться Эвану. Он считал его другом, но не знал, как тот отреагирует. Габриель решил пока держать язык за зубами. «Как досрочно освобожденной заключенной, Саре вовсе не нужны лишние проблемы», — подумал он.

По пути в Кингскот Амелия была очень подавлена. Габриель заметил это, но он был занят тем, что приглядывал за животными, особенно за коровой. Моряки поместили ее в отдельный маленький загон, так как ей было тяжело держаться на ногах из-за того, что корабль качало. Корова постоянно редела. Через два часа пути, когда почти стемнело, ветер стих, море стало спокойным, что было для всех облегчением.

Габриель в очередной раз проверил животных и отправился вниз посмотреть, все ли в порядке с Сарой и детьми. Они находились в трюме, в каюте команды. Девушка лежала на одной скамье вместе с Молли и Джесси, которые спали. Сисси, Роза и Бесс расположились на других скамейках, они тоже спали. Сара была мрачнее тучи.

— Не принимайте так близко к сердцу слова Карлотты, Сара. — Габриель попытался успокоить девушку.

— Не могу. Эдгар и Эван подумают, что я действительно взяла у нее кольцо. Я потеряю уважение, которое с таким трудом постаралась заслужить.

— Эдгар не поверил Карлотте, Сара. Вы видели. Вы же понимаете, что она просто хотела досадить вам. — Габриель даже боялся возвращаться на мыс, так как знал, что Карлотта только усилит свои попытки его соблазнить. — Мы несколько дней сможем провести вместе. Давайте лучше будем думать об этом.

Лицо Амелии просветлело. Побывать с Габриелем действительно будет здорово.

— Девочки очень рады. Им так не терпится снова увидеть Майло, впрочем, как и мне. Я сильно по нему соскучилась.

— Он будет счастлив видеть всех вас. Но я уверен, Эдна и Чарльтон очень рады повозиться с ним. Их единственный сын вырос, поэтому им, вероятно, приятно снова видеть у себя дома малыша.

— А вы их хорошо знаете?

— Да, они замечательные люди. Я с нетерпением жду встречи с ними. — Габриель увидел, как изменилось выражение лица девушки, и понял, что она внезапно вспомнила Амелию Дивайн, девушку, которая выжила вместе с ней в катастрофе и теперь живет у Эшби. Она вспомнила и то уничтожающее письмо, которое та написала.

Корабль прибыл в Кингскот, когда было еще темно. Пассажиры даже не почувствовали, что команда выгружала улов до рассвета. Габриель отдежурил первую смену на маяке за день до прихода шхуны. За это время он очень устал, заснул после полуночи. В шесть часов, приготовив чай на камбузе, капитан Бернс разбудил Габриеля, Амелия и дети тоже проснулись. На улице начало светать. На причале шхуна стояла в окружении других кораблей, по большей части рыболовецких, которые тоже выгружали пойманную рыбу. Шумные чайки дрались в воздухе за отбросы, что выкидывали за борт, а пеликаны боролись за добычу в воде.

— Я пойду на главную улицу в кузню и приведу лошадь с телегой и двоих помощников верхом, — сообщил капитан Бернс. — Чарльтон Эшби сказал, что все организует. Я просто хочу известить его о нашем прибытии.

— Спасибо, — поблагодарил Габриель. — Могу я чем-то помочь?

— Нет, просто сами налейте себе чаю, — ответил капитан. — Если дети хотят молока, то посмотрите свою корову. Кажется, у нее полное вымя.

Часом позже команда начала грузить на телегу вещи Финнли. Дети разместились на телеге вместе с пожитками, с поросятами и курами в клетках. Двое мужчин на лошадях, что приехали на пристань, погнали овец к Фейт-Коттедж. Корову привязали позади телеги, и процессия в сопровождении Амелии и Габриеля, которые шли пешком, направилась в город. Амелия подоила корову на корабле, и дети выпили на завтрак теплое молоко. Немного молока досталось и морякам, которые с благодарностью приняли его.

Дети и Амелия были очень рады ехать через город. Было рано, магазины еще не открылись, но все равно очень интересно было по пути заглядывать в витрины. На улице было мало людей, только хозяева магазинов готовились к открытию. Тем не менее было в диковинку видеть новые лица.

Они добрались до Фейт-Коттедж, и пока всадники сгоняли овец в стадо, Габриель пошел в Хоуп-Коттедж известить Эшби о прибытии. Амелия осталась с девочками у повозки перед их новым домом.

Эдна открыла дверь Габриелю, держа Майло на руках.

— Габриель, как приятно вас видеть.

— Доброе утро, Эдна. Простите, что так рано...

— Не говорите ерунды, проходите...

— Я пришел сказать вам, что Финнли приехали. — Он отошел в сторону, чтобы Эдна могла видеть повозку и детей на дороге у Фейт-

Коттедж.

— О! — воскликнула Эдна.

Сисси первая увидела Майло и позвала своего брата. Майло завизжал от восторга, когда узнал свою сестру. Амелия помахала ему. Услышав шум, к двери подошел Чарльтон. Он тоже удивился, увидев Габриеля.

— Дорогой, принеси, пожалуйста, ключи от соседнего дома, — попросила Эдна. — Финнли приехали. — Эшби не ожидали, что Габриель будет сопровождать семью Финнли, но они были рады видеть его.

— Добро пожаловать, — прокричала Эдна детям Финнли. Она опустила Майло, и малыш, перебравшись через забор, подбежал к сестрам, которые, спрыгнув с повозки, засуетились вокруг него.

— А где Эван? — спросил Чарльтон.

— Он едет на лошади по суше. Погода не благопритствовала тому, чтобы грузить Клайда на корабль. Корова вообще упала в море, но Эван смог ее спасти.

— Боже мой! — воскликнула Эдна.

Когда они дошли до повозки, где стояли Амелия и дети, Габриель начал представлять Эшби им всем.

— Сара, хочу вам представить чету Эшби, Чарльтона и Эдну.

— Рада познакомиться, мистер и миссис Эшби, — робко улыбнулась Амелия.

— Как добрались? — спросила женщина.

Амелия уловила сдержанный тон ее голоса, и это было ей еще одним напоминанием, что она не из их круга, что она преступница.

— Было не так уж плохо, особенно когда ветер немного стих, — спокойно произнесла она. Амелия обняла Майло и поцеловала его.

— Надеюсь, вам здесь будет удобно, — начала Эдна, посмотрев на детей. Девочки стояли рядом, вцепившись в юбку Амелии. Эдна явно видела, что они от девушки без ума, она также с удовольствием отметила, что девочки были чистыми и опрятными.

Пока Чарльтон показывал Габриелю, куда поместить овец, Эдна открыла дом. Она провела внутрь девушку с детьми, показала им комнаты, отметила, что пристройка предназначается только для девушки. Чарльтону пришлось сделать в пристройке специальную ширму, чтобы у девушки было личное пространство.

— Все просто замечательно. Спасибо вам за то, что вы сделали для нас. — Теперь у Амелии вместо матраса на полу была настоящая кровать. — Я знаю, Эван очень рад, что у него есть место, куда он смог перевезти семью, — добавила она.

— Уверена, что так. Вообще-то все оказалось для всех неплохо. Мы лишились съемщика, а Эвану нужно было где-то жить. Прошлый год был для него нелегким.

— Я только недавно с этой семьей, но знаю, вы правы. Майло выглядит намного лучше.

— Доктор Томпсон говорит, что он быстро поправляется.

Амелия вспомнила, что они с Габриелем подозревали Карлотту в отравлении мальчика.

— Он не доставил вам много хлопот? Наверняка Майло ужасно скучал по отцу. Обычно они никогда не расстаются.

— Иногда он плакал, поэтому я знаю, что Майло скучал по отцу и сестрам, но он не доставлял нам никаких неприятностей, во всяком случае, пока мы развлекали его. Я уже и забыла, как могут утомлять малыши, а может, я просто старею.

— Майло проводил уйму времени с отцом на ферме, но когда я присматривала за ним, то уставала тоже. Он ни минуты на месте не может посидеть.

— Это точно, — согласилась Эдна. — Я совершенно забросила бы вышивку, если бы не моя подопечная Амелия. Она ходит с ним гулять...

Девушка опустила голову. С тех пор как она прочитала ответ подопечной Эдны на письмо Габриеля, она чувствовала себя оскорбленной при одном упоминании этого имени. Последовала неловкая пауза. К счастью, ее прервала Сисси, которая вошла в пристройку и увидела диванную подушку, украшенную затейливой вышивкой.

— Миссис Эшби, а это сделала та леди, что жила здесь раньше? Такая прелесть.

— Бетти? Боже, нет, милая. Это моя вышивка.

— Это очень красиво. — Сисси замерла от удивления.

— Спасибо, милая. Мне нравится вышивать.

— Сара тоже очень красиво вышивает, — сообщила Сисси.

— Неужели? — изумилась Эдна. Она задумалась, почему ее подопечная не может вышивать, а осужденная может.

— Мне тоже нравится вышивать, но мои работы далеко не так хороши, как ваши, — заметила девушка. — У меня не было возможности уделять этому занятию достаточно времени на мысе.

— Сара научила нас нескольким французским словам, — похвасталась Роза.

— Правда? — спросила недоверчиво Эдна. — Моя подопечная тоже говорит по-французски.

— *Bonjour, Madame. Comment etes-vous?* — гордо проговорила Роза.

— Очень хорошо. А что это значит? — Эдна вспомнила, что ни разу не слышала от своей подопечной ни единого французского слова.

— Здравствуйте, мадам. Как поживаете? — перевела Амелия.

— О! Прекрасно поживаю, — Эдна улыбнулась Розе. — Что ж, покидаю вас. Разбирайте вещи и устраивайтесь. Да, я забыла сказать, что в кладовой достаточно продуктов. Хаммонды оставили все свои припасы. Само собой, это теперь ваши продукты. Еще моя домработница принесет немного свежего хлеба, масла и джема. Уверена, что вы проголодались после путешествия. — Она обратилась к Сисси. — Скажите отцу, что если что-то понадобится, пусть заходит к нам.

— Еще раз спасибо за все, что сделали для нас, миссис Эшби, — поблагодарила Амелия.

— Пожалуйста. — Эдна была немного озадачена. Эта осужденная девушка оказалась совсем не такой, какой она ожидала ее увидеть. Она держалась с особым достоинством. Но, наверное, и люди с хорошим воспитанием могут пасть низко и совершить кражу, подумала Эдна.

Через некоторое время Полли принесла немного хлеба, свежего взбитого масла и баночку абрикосового джема. Дети с жадностью набросились на еду, так как не ели со вчерашнего дня. Вскоре к ним присоединился Габриель, который поместил поросят в загон, кур в курятник с огороженной площадкой, а овец в загон у поля. Габриель с Чарльтоном внимательно осмотрели изгородь, так как им не хотелось, чтобы овцы испортили пшеницу.

— Я буду ночевать у Лэнса, сына Эшби, — сказал Габриель. — Он один живет в Черити-Коттедж, так что там много места. Его дом на противоположной стороне от дома Эшби. Лэнс еще не вернулся домой с работы, но Эдна и Чарльтон заверили меня, что он не будет против.

— Вы уже видели подопечную Эшби? — нерешительно спросила девушка. Теперь, когда она знала, какого мнения о ней мисс Дивайн, она особенно нервничала, думая о встрече с ней.

— Нет, — ответил Габриель. Он ожидал встретить ее, пока они с Чарльтоном и Эдной шли к дому Лэнса, хотел переговорить с ней, но ничего не сказал об этом Эшби. Он даже был не уверен, знали ли они о письмах, которыми они обменялись.

Амелия чувствовала, что подопечная Эшби окажется, как минимум, вдвое злореднее Карлотты. И она поневоле задумалась о том, что, выйдя из одной трудной ситуации, попала в еще худшее положение.

Глава 25

Амелия только начала распаковывать вещи, когда появилась Полли, которая поинтересовалась, нужно ли им что-нибудь еще. Амелия, удивленная добротой Эшби, вежливо отказалась. Полли немного поговорила с детьми, рассказав им несколько забавных историй про Майло. Она тоже явно была рада видеть, как счастлив был Майло снова оказаться вместе со своими сестрами. Амелия оценила ее дружелюбие, казалось, Полли не осуждает ее. Вероятно, она знала, что работница Эвана условно освобожденная, но относилась к ней добродушно.

— Если вам потребуется какая-нибудь помощь, обращайтесь, — сказала, уходя, Полли.

— Спасибо, — поблагодарила Амелия, почувствовав, что предложение Полли было искренним. — Уверена, что нам всем будет здесь очень хорошо. Условия на Кейп-дю-Куэди были куда более примитивными.

— Даже не представляю, как я жила бы там, — заметила Полли. — Я слышала, что там по большей части плохая погода, а такая удаленность от людей свела бы меня с ума.

— На мысе есть своя красота, — улыбнулась Амелия. Она вспомнила красивые просторы, которые открывались с вершин скал. — Но вполне понятно, почему немногие люди согласятся жить там. Эвану нравилось одиночество, но такое глухое место очень опасно для детей, в случае если они заболеют. Например, как Майло.

— Я знаю, что подопечная миссис Эшби была с вами там всего несколько часов, но она немного рассказывала об этом. Она не говорила о кораблекрушении, но... — Полли заговорщически зашептала. — Она довольно нервная девушка. — Взгляд, которым Полли обменялась с Амелией, означал — не такая, как вы. — Это было... ужасно?

— Я не помню, — ответила Амелия. — Разве она не сказала, что я потеряла память, когда ударились головой, пока меня поднимали наверх?

— Нет, может быть, она говорила об этом миссис Эшби, но мне ничего не сказала. Вы вообще ничего не помните о кораблекрушении и о том, что было до него?

— Вообще ничего.

— Должно быть, это ужасно.

— Это суший кошмар. Я не знаю, есть ли у меня семья, где я жила раньше, даже где я родилась. Когда я пришла в себя, мне сказали, что я

преступница. Я просто не могла в это поверить. Я понятия не имела, за какое преступление оказалась в тюрьме. Вряд ли мне кто-то поверит.

Несмотря на признание девушки, что ее считают воровкой, Полли все равно пожалела ее.

— А есть ли надежда, что к вам вернется память?

— Я каждый день молюсь об этом. Не могу представить, что всю оставшуюся жизнь мне придется прожить с таким клеймом. Мне больше всего жаль, что я не помню свой любимый цвет, какие стили мне нравились в одежде, ходила ли я когда-нибудь в театр...

— Возможно, доктор Томпсон сможет вам помочь, — предположила Полли.

— Не знаю, позволит ли мне Эван увидеться с ним, — сомневалась Амелия. — Он очень жесткий человек. И потом, у меня нет денег, чтобы заплатить.

— Миссис Эшби очень отзывчивый человек, пожалуй, она сможет помочь.

— О нет, я не могу просить ее о помощи. Если память не вернется ко мне до конца моего срока работы на Эвана, я найду себе где-нибудь работу, и тогда смогу позволить себе пойти к доктору.

Сара была в своей комнате, когда услышала разговор Эдны с Чарльтоном. Окна ее спальни выходили на дорогу и Фейт-Коттедж. Последние несколько часов Сара выглядывала из-за штор, наблюдая за тем, что происходит в соседнем дворе. Когда она увидела, что Эдна разговаривает с Амелией и детьми, Сара от волнения едва не лишилась чувств. Она уже всерьез задумалась о том, чтобы сбежать, но решила сначала успокоиться уже проверенным способом. Она налила себе большущий бокал любимого хереса Эдны. Сара еще не позавтракала, поэтому сразу же опьянела и перестала нервничать.

— Не верится, что Сара Джонс преступница. — Эдна обратилась к Чарльтону.

Сара оставила свой пост у окна и подошла к двери, чтобы лучше слышать их разговор.

— У нее осанка и манера держаться, как у девушки, воспитанной в очень хорошей семье, вдобавок она очень привлекательна, — продолжала Эдна.

Услышав это, Сара поморщилась от злости.

— Она действительно красивая, — согласился Чарльтон. — И очень хорошо говорит. Могу поклясться, что уловил оксфордский акцент. Может

быть, даже и Хенлион-Темз. Ты слышала?

— Не могу точно сказать, — заметила Эдна. — Но у Амелии нет определенного акцента. Она приехала в Австралию еще совсем маленькой, возможно, как и мисс Джонс. Знаешь, Чарльтон, одна из девочек Финнли сказала мне, что мисс Джонс прекрасно вышивает и говорит по-французски.

— Правда? — Чарльтон был удивлен.

«Неужели все кончено?» — не верила Сара.

— Она совсем не такая, какой я ожидала ее увидеть.

— У меня такие же ощущения, — согласился Чарльтон. — Конечно, нехорошо так говорить, но преступники обычно из самых бедных слоев общества и, как правило, всегда плохо образованны.

— Должна признаться, что мне очень интересно узнать, как случилось так, что она оказалась в тюрьме. Я всегда считала, что хорошо понимаю людей, но если бы нам не сказали, что эта девушка — осужденная, я никогда бы сама не догадалась, — заключила Эдна.

— Мы не должны торопиться и осуждать ее. Ее могли обвинить в том, чего она не совершала. Судебная система, безусловно, работает на благо, но и она не застрахована от ошибок.

— Ты прав, дорогой, — согласилась Эдна.

Сара больше не могла этого терпеть, позволять Эшби думать, будто Амелия была такой замечательной, невинной овечкой. Это из-за нее Люси лишилась жизни. Сара ворвалась на кухню.

— Эта... преступница — невероятная эгоистка. И уж точно не жертва обстоятельств! — прокричала она.

Эдна и Чарльтон в изумлении посмотрели на девушку. Наступила пауза.

— Я слышала, как вы говорили о ней.

— Да, Амелия, мы говорили о ней, дорогая, — сказала Эдна, слегка ошарашенная таким эмоциональным порывом своей подопечной.

— Если бы не эта женщина, то... моя попутчица Люси была бы жива, — заявила Сара. Она с ужасом поняла, что едва не произнесла «ее попутчица». Она не рассказала Эшби историю, которую изложила в письме Габриелю Доннели, так как не хотела, чтобы ее опекуны задавали ей слишком много вопросов, но Сара не могла позволить им верить, что эта девушка стала жертвой ошибки судебной системы.

— О чем ты говоришь, Амелия? — спросил Чарльтон.

Сара заставила себя успокоиться.

— Я была в спасательной шлюпке и звала Люси, когда... Сара Джонс

оттолкнула ее, чтобы самой занять единственное оставшееся в шлюпке место. Люси утонула вместе с кораблем. Она лишилась жизни из-за эгоизма этой... этой женщины.

— О! — воскликнула Эдна. Она была в шоке. Эдна задумалась, почему ее подопечная ничего не рассказала им раньше? — Присядь, Амелия, и выпей чашечку чая, милая. Эдне показалось, что от ее подопечной пахнет хересом. Но этого не может быть. Она никогда не замечала, чтобы девушка наливала себе вина.

— Я не хочу чаю, — бросила раздраженно Сара. Всегда, когда она думала о том, что сделала Амелия с Люси, Сара начинала злиться.

— Все, кто был на корабле, наверняка пришли в ужас, когда корабль наткнулся на риф, — заметила Эдна. — Никто не может поручиться за то, как будет реагировать в подобной ситуации, Я не утверждаю, что Сара Джонс была права, но, вероятно, она была не в себе от страха, как и все остальные.

— Вот именно, Амелия. Я уверен, что все толкались и боролись за места, — добавил Чарльтон.

Сара не могла сказать, что настоящая Амелия практически приказала Люси выйти из лодки, чтобы занять ее место. Это было правдой, но Эшби верили, что эта девушка заключенная, и поэтому у нее не было возможности сделать что-то подобное.

— Нет оправдания ее поступку, — горячилась Сара. — Я никогда не прощу ее. — Она повернулась и вышла из кухни, хлопнув за собой дверью.

Эдна и Чарльтон в изумлении переглянулись.

— Вероятно, на борту корабля был сущий ад, — тихо произнес Чарльтон.

Его жена подумала то же самое.

— Невероятная история. И вполне понятно, что Амелия хочет обвинить кого-то в смерти своей спутницы. Теперь нам надо следить за тем, о чем мы разговариваем, когда она неподалеку.

— Мне показалось, что от нее пахнет хересом, — заметил Чарльтон.

— И мне тоже. Видимо, она действительно сильно расстроена тем, что Сара Джонс живет по соседству.

Со двора вошла Полли. Она все еще думала о том, что сказала ей девушка про потерю памяти. Полли с трудом пыталась понять, как ужасно, когда твое прошлое становится просто белым листом бумаги.

— Что случилось, Полли? — спросила Эдна, когда заметила, что она чем-то озабочена.

— Ничего.

— Тогда почему ты хмуришься? Ты была в соседнем доме, верно?

— Да, миссис Эшби. Мисс Джонс сказала мне, что потеряла память в тот день, когда спасли ее и мисс Амелию. Я просто представила, как это ужасно. Я предложила ей обратиться к доктору Томпсону, но она не знает, позволит ли ей это мистер Финнли, к тому же у нее нет денег. Она говорит, что, когда закончится срок ее работы на мистера Финнли, она найдет работу и тогда сможет пойти к доктору, если память все еще к ней не вернется.

Эдна вспомнила, что ее подопечная рассказывала, что осужденная потеряла память, но она подозревает, что преступница тем самым хочет выдать себя за другую женщину, одну из тех, что погибли во время кораблекрушения. Но Эдна по-прежнему испытывала симпатию к Саре Джонс.

— Не говори ничего Амелии о мисс Джонс, Полли.

Полли была немного озадачена такой просьбой, но знала, что лучше не спорить с хозяйкой.

— Как скажете, миссис Эшби.

— Что-то случилось, когда корабль тонул, и Амелия затаила злобу на мисс Джонс. Она слышала, как мы говорим о ней, и сильно разнервничалась, поэтому впредь нам следует быть очень внимательными, — объяснила Эдна.

— Да, миссис Эшби.

— Я собираюсь пригласить мистера Доннели на ужин сегодня вечером. К нам также присоединится и Лэнс, поэтому приготовь что-нибудь особенное. Я также скажу мистеру Доннели, что ты приготовишь что-то для детей и мисс Джонс. Пусть это будет что-нибудь простое, но главное, мы покажем, что с радостью принимаем здесь ее и детей.

Раздался стук в дверь. Это пришел Габриель.

Эдна пригласила гостя войти.

— Мы как раз говорили о вас, Габриель.

— Вы устроили поросят и кур? — спросил его Чарльтон.

— Да, еще раз спасибо за корм.

— Не стоит благодарности. У меня много зерна, так что берите, сколько вам нужно.

— Вы очень любезны, Чарльтон, но завтра я отправлюсь в магазин и куплю все, что необходимо, чтобы Эвану не пришлось делать этого, когда он приедет. Уверен, что он очень устанет.

— Габриель, Хаммонды оставили в кладовой все свои продукты, так что у вас есть мука, соль, овсянка, разные соленья и прочее. Я показала

мисс Джонс, где продукты. А теперь мы будем собирать оставшуюся еду для поросят Эвана.

— Спасибо, Эдна.

— Когда Эван отправился с мыса? — спросил Чарльтон.

— Сегодня рано утром.

— Тогда нам стоит ждать его через несколько дней. Даже если ему придется часто останавливаться, чтобы дать отдых лошади, ему не надо следить за скотом, так что он не должен задержаться.

Габриель представил, как Эван подстегивает Клайда, гоня лошадь во весь опор, чтобы скорее оказаться с детьми. Габриель все же надеялся, что ему удастся побыть несколько дней с Сарой. Когда придет Эван, ему придется возвращаться на Кейп-дю-Куэди.

— Вы поужинаете с нами сегодня, Габриель? — спросила Эдна. — Это даст нам возможность снова оказаться в курсе всех последних событий.

Габриель колебался. Он собирался провести вечер с Сарой и детьми.

Эдна заметила его нерешительность и задумалась, не велел ли ему Эван приглядывать за мисс Джонс?

— Габриель, вы волнуетесь, что мисс Джонс, возможно, попытается бежать?

— Нет, конечно нет. Сара ни за что не оставит детей Эвана. — Габриель удивленно взглянул на Эдну.

Женщина уловила глубокую симпатию в голосе Габриеля.

— Я попросила Полли принести угощение детям и мисс Джонс.

Габриель понял, что ему не удастся избежать приглашения на ужин. Иначе это будет выглядеть очень странно.

— Спасибо, Эдна. Я с удовольствием приду.

— Лэнс тоже присоединится к нам. Вообще-то, — Эдна посмотрела на часы, — он скоро должен быть здесь. Лэнс очень удивится, увидев вас.

Когда Лэнс приехал, они с Габриелем проговорили почти час, обсуждая город, его жителей, работу Лэнса в банке. Потом Габриель сказал, что ему нужно зайти в Фейт-Коттедж проведать детей Эвана.

— Сегодня Эшби пригласили меня на ужин, — сказал Габриель девушке, и увидел, что она так же разочарована, как и он. — Как только вырвусь оттуда, я сразу приду. Обещаю.

— Будь осторожен. Не нужно, чтобы Эшби заметили наши чувства. — Она была в ужасе от мысли, что ее могут отправить обратно в тюрьму, о которой она не помнила.

— Они хорошие люди, Сара. Но я знаю, что пока мы должны хранить в тайне наши чувства друг к другу.

Эдне было ясно, что ее подопечная вовсе не обрадовалась, когда узнала, что на ужине будет не только Лэнс, но и Габриель. Когда Эдна спросила ее о причинах плохого настроения, она решила, что настало время рассказать Эдне о письме, которое прислал Габриель.

— Вы помните, когда пришло письмо от мистера Доннели, тетя?

— Да. Ты сказала, что он спрашивал о том, хорошо ли ты устроилась здесь.

— Он спрашивал и еще кое-что, тетя, но я не хотела волновать вас.

— О чем ты говоришь?

— Мистер Доннели интересовался, возможно ли, что я ошибочно приняла Сару Джонс за осужденную, тетя.

— А почему он подумал, что ты ошиблась?

— Потому, что мисс Джонс сама заставила его так думать. Я говорила вам, что она утверждает, будто потеряла память. Эта женщина смогла убедить мистера Доннели, что произошла ошибка. Я ответила на его письмо, сообщила, что она просто пытается обмануть его и всех остальных, что я не ошиблась, назвав ее осужденной Сарой Джонс.

— Разве ты не веришь, что она потеряла память, Амелия?

— Когда я была там, мне показалось, что она не обманывает, но кто знает, что случилось после моего отъезда? Вернулась ли память к ней или нет, но я правильно назвала ее тогда, когда нас спасли, я хорошо помню, что происходило, когда тонул корабль.

— Есть ли хотя бы небольшая вероятность, что ты все-таки ошиблась, Амелия? В конце концов, ты все же ее не знаешь.

— Конечно нет. Она познакомилась с Люси на корабле и рассказала ей, что она досрочно освобожденная преступница, направляется на ферму к мистеру Финнли на работы сроком на два года. Об этом я рассказала мистеру Доннели, когда он спас нас, и потом еще раз в письме. Я не могла допустить, чтобы она обманула его или еще кого-нибудь. Если мне придется писать начальству тюрьмы, то я напишу без промедления. — Это был чистый блеф, но у Сары не было другого выхода. Ее жизнь зависела от разрешения этой ситуации.

Эдна была шокирована такой мстительностью своей подопечной, но считала, что девушку сильно потрясла смерть ее попутчицы. Ее подопечной некого было винить за смерть родителей и брата, поэтому она излила всю свою обиду и злость на Сару Джонс, так безжалостно обвиняя ее в смерти Люси.

— Мы с Чарльтоном знаем Габриеля очень давно, Амелия. Он очень

честный человек. Уверена, что раз он получил твой ответ, он понял, что мисс Джонс именно та самая преступница. Я очень хочу, чтобы ты познакомилась с ним поближе, поэтому, пожалуйста, поужинай с нами сегодня вечером.

— Хорошо, тетя, — угрюмо проговорила девушка.

— Спасибо, дорогая.

Сара с нетерпением ждала встречи с Лэнсом, поэтому с особой тщательностью подобрала себе наряд и попросила Эдну сделать ей прическу.

Габриель переоделся в доме Лэнса. Ровно в семь часов двое мужчин прибыли в Хоуп-Коттедж. Эдна и Чарльтон вместе с девушкой пили херес в гостиной. Лицо Сары озарила счастливая улыбка, как только она увидела Лэнса, но, встретившись взглядом с Габриелем, несколько смутилась.

— Добрый вечер, мисс Дивайн, — вежливо произнес Габриель, с трудом сдержав охватившее его чувство негодования. «Я знаю, что абсолютно глупо обвинять мисс Дивайн в том, что случилось с Сарой, но я ничего не могу с собой поделать», — подумал он.

Когда все уселись за стол, Чарльтон спросил о новом смотрителе маяка на Кейп-дю-Куэди.

— Эдгар Диксон служил до этого на маяке в Британии. Он приехал в Австралию с надеждой разбогатеть на золотых приисках. Именно там он и увидел объявление в газете о том, что на Кейп-дю-Куэди требуется еще один смотритель.

— Очевидно, он так и не разбогател, — заметил Лэнс.

— Нет, ему совсем не повезло, — ответил Габриель, вспомнив Карлотту.

— Что вы имеете в виду? — спросила Эдна.

— Я говорю о его жене, которую он встретил на приисках.

Эдна уловила пренебрежение в голосе Габриеля. Она не помнила, чтобы он когда-нибудь плохо говорил о ком-то, поэтому это очень заинтересовало ее.

— Неужели она такая плохая?

— У них совершенно нет ничего общего. Эдгар, которому почти шестьдесят, даже не думал о женитьбе, но отец Карлотты хотел избавиться от одной из многих дочерей, которых ему приходилось кормить, и поэтому он уговорил Эдгара жениться на ней.

— Полагаю, она намного моложе Эдгара, — произнес Чарльтон.

— На тридцать лет, — ответил Габриель.

— Вот это да! — воскликнул Лэнс. — Может, тебе стоит последовать

его примеру, Габриель.

— Поверь, мне и одной Карлотты вполне достаточно. Мне очень жаль беднягу Эдгара.

— Габриель, вы уверены, что не завидуете ему? — серьезно спросила Эдна. — Вы живете в одиночестве уже довольно давно.

— Абсолютно уверен. — После некоторой паузы Габриель добавил: — Я серьезно думаю о том, чтобы в скором времени переехать в город.

— Одиночество стало переносить труднее? — спросила Эдна.

— Нет, — ответил Габриель. «Я просто буду очень скучать без Сары », — подумал он.

— Наверное, проживание рядом с молодоженами слишком утомляет, Габриель, — озорно улыбнулся Лэнс.

— Вы привыкли жить по-своему, — заметил Чарльтон, — а теперь в ваш привычный уклад вмешивается этот Эдгар Диксон. Не так ли, Габриель?

— Нет, Эдгар хороший человек и очень старательный. Мы хорошо работаем вместе.

Чарльтон взглянул на свою жену. Они чувствовали, что Габриеля что-то беспокоит.

— Миссис Диксон доставляет вам неприятности? — спросил он.

— Очень важно, чтобы мы ладили, а с Карлоттой очень трудно жить даже по соседству, не говоря уже о том, чтобы вместе, — вздохнул Габриель.

Эшби поняли, что Габриелю действительно жаль Эдгара Диксона.

— Кроме того, мне самому пора двигаться дальше. — У Габриеля была еще одна причина оставить Кейп-дю-Куэди, о которой он не мог говорить.

Когда Полли убрала тарелки с первым и подала жареных цыплят с овощами, за столом наступила тишина. Габриель заметил, что подопечная Эшби не сказала ни слова и даже не притронулась к супу.

— Полагаю, вы уже привыкли к жизни в Кингскоте, мисс Дивайн? — спросил Габриель.

— У меня же нет выбора, не так ли, мистер Доннели? — отрывисто произнесла девушка, не глядя на него. Она посмотрела на Эдну. — Прошу прощения. Я сегодня не голодна и хотела бы лечь спать пораньше.

— Хорошо, милая, — огорчилась Эдна.

Сара поднялась из-за стола и, войдя в свою комнату, закрыла за собой дверь. Она почувствовала едва заметное презрение со стороны Габриеля, и это разозлило ее. Сара подозревала, что смотритель, вероятно, влюбился в

настоящую Амелию, и это означало, что он наверняка обвиняет ее, Сару, в том, что его возлюбленная вынуждена работать на Эвана. Сара только надеялась, что Габриель не обратится к тюремному начальству, чтобы узнать, не произошла ли ошибка. Ведь он писал об этом в письме.

Эдна решила, что у нее нет выбора, она должна быть откровенной с Габриелем, рассказать Чарльтону о том, что в письме, которое прислал Габриель их подопечной, он интересовался, не ошиблась ли Амелия, назвав вторую спасенную девушку Сарой Джонс.

— Пожалуйста, извините Амелию, Габриель. Она переживает, что теперь рядом с нами живет осужденная, — тихо начала Эдна. — Она рассказала мне о письме, в котором вы спрашивали о мисс Джонс. — Эдна взглянула на мужа, который удивленно смотрел на нее. — Она рассказала мне только сегодня днем, дорогой. — Эдна снова обратилась к Габриелю. — Вы знаете, она обвиняет мисс Джонс в смерти своей попутчицы.

— Мисс Джонс винит сама себя, хотя и не помнит, что случилось на корабле, — ответил Габриель. — Она ничего не помнит о себе до того, как прибыла на Кенгуру-Айленд. Мисс Джонс ужасно переживает по этому поводу.

— Не могу представить, как это — потерять память, — проговорила Эдна, — но наша бедная Амелия лишилась гораздо большего. — Эдна вспомнила об отвратительной истории с Брайаном Хаксвеллом. — Думаю, горе девочки, потерявшей семью, слилось с болью утраты ее попутчицы, Люси. Я знаю, что ей нужно кого-то обвинить, но поскольку она не может обвинять дерево за то, что оно упало на экипаж с ее семьей, единственным подходящим человеком остается мисс Джонс.

— Вы думаете, что ее возмущение и обида со временем утихнут? — спросил Габриель.

— Даже не представляю. Мы с Чарльтоном совершенно ничего не знали о смерти Люси до сегодняшнего дня. Знай мы об этом, мы дважды подумали бы о том, чтобы предложить Эвану снять Фейт-Коттедж.

— Эван был в отчаянном положении, Эдна, — напомнил Чарльтон. — Я беспокоюсь за Амелию, но у Эвана шестеро детей. Уверен, со временем мы поможем Амелии пережить ее горе. А пока она и мисс Джонс не должны встречаться.

Глава 26

Это был длинный день, дети устали. Поев холодного мяса и хлеба, которые принесла Полли, они отправились спать. Амелия тоже очень устала. Она с трудом боролась со сном, так как хотела дождаться Габриеля.

Габриель сказал Лэнсу, что собирается проверить детей Финнли.

— Сейчас? — воскликнул Лэнс. — Они наверняка спят.

— Возможно, но я хочу убедиться, что все в порядке. — Казалось, Лэнс был удивлен, и Габриель решил, что нужны дальнейшие объяснения. — Самые маленькие могут испугаться незнакомого дома, а Эвана нет. Я пообещал ему, что присмотрю за ними, иди домой. Я скоро приду.

— Хорошо. — Лэнс понимал, что Габриель должен присматривать за детьми, пока нет Эвана, но Лэнс был совсем не уверен, что работница Эвана, о которой говорила его мать, одобрит его визит. Было не так поздно, но она наверняка устала после такого утомительного путешествия и хлопот по обустройству на новом месте.

— Как прошел вечер? — спросила Амелия, когда Габриель вошел. Она давно мечтала оказаться на кровати под одеялом, но была рада видеть его.

— Все прошло... очень мило, — ответил Габриель дипломатично.

Амелия почувствовала, что он что-то скрывает.

— Мисс Дивайн что-то говорила обо мне?

— Нет, — ответил Габриель.

— Вы уверены?

— Вообще-то она ушла из-за стола, даже не доев суп. Сказала, что не голодна.

Когда стало ясно, что Габриель больше ничего не добавит, Амелия позволила высказать свои догадки.

— Вы поверили ей, или вы думаете, что она чувствует неловкость из-за письма?

— Я... — Габриель колебался. Потом решил, что лучше все рассказать. — В письме она четко дала понять, как относится к тому, что случилось на корабле, так что не стоит удивляться, если мисс Дивайн будет недовольна, что вы поселились рядом.

Амелия с трудом сдержалась, чтобы не всхлипнуть.

— Вы правы. Она не простит меня в ближайшем будущем, если вообще когда-нибудь простит. Я знаю, Габриель.

— По всей видимости, мисс Дивайн рассказала о содержании писем,

которыми мы обменялись, сегодня днем, так как Чарльтон Эшби был совершенно не в курсе дела. Эдна считает, что Амелии некого винить в смерти ее семьи, так как это был несчастный случай, поэтому вы стали для нее мишенью, объектом, на который можно излить всю обиду и злость. Возможно, будет лучше, если вы будете избегать встречи с ней. Со временем все может измениться. Эшби говорят, что сделают все, чтобы помочь пережить ей эти страдания.

— Габриель, мне не скрыться ни от того, что совершила, ни от мисс Дивайн. Если она хочет что-то мне сказать, мне придется это выслушать.

— Знаете ли вы, как я восхищаюсь вашим мужеством, Сара? — Сердце Габриеля наполнилось нежностью.

— Я совсем не тот человек, кем следует восхищаться, Габриель, Совершенно не тот. Но я смирилась с тем, что не могу изменить прошлое, и потому мне приходится думать о своем будущем. Пока не кончился срок моего заключения, я сделаю все, чтобы помочь Эвану и его детям. А потом... — Амелия улыбнулась, подумав, какое совместное будущее может ждать их.

— А потом, — проговорил Габриель, — если вы согласитесь выйти за меня замуж, впереди у нас будет вся жизнь. — Он привлек Амелию к себе и нежно поцеловал.

Следующим утром Амелия кормила кур, а Сисси тем временем собирала яйца. Младшие дети весело играли неподалеку. Уголком глаза Амелия заметила какую-то фигуру во дворе дома Эшби. Сначала она подумала, что это Полли. Амелия повернулась, чтобы помахать ей рукой, но потом увидела, что это подопечная Эшби. Девушка неловко опустила руку.

В этот момент Сара тоже заметила ее. Несколько мгновений она глазела на Амелию, затем резко развернулась и быстро направилась в дом.

Амелия не сильно удивилась такому поведению мисс Дивайн, но это заставило ее вспомнить о письме, о том, как ее описали в нем. Чувство вины снова закралось в ее душу. Амелия задумалась о том, неужели страх утонуть заставил ее поступить так гнусно? Если бы она только могла вспомнить те обстоятельства! Амелия постаралась вспомнить, но у нее тут же заболела голова.

Был понедельник, но Лэнс взял выходной и не поехал в банк. Габриель взял у Чарльтона лошадь с экипажем и поехал в магазин пополнить запасы. Лэнс решил отправиться в Хоуп-Коттедж, чтобы посмотреть, что Полли приготовила к завтраку. Проходя по двору к дому родителей, он заметил

темноволосую девушку у Фейт-Коттедж. Она стояла к нему спиной. На секунду Лэнс подумал, что это подопечная его родителей, но как только девушка повернулась, его поразила ее красота. Девушка посмотрела в его сторону. Лэнс улыбнулся ей, но она смущенно отвернулась.

Должно быть, это осужденная, направленная на работы к Эвану Финнли, о которой рассказывала мне мама, решил Лэнс. «Неудивительно, что Габриель хочет проводить здесь больше времени. Она на редкость милая девушка», — подумал он.

— Доброе утро, — вежливо поздоровался он, подойдя поближе к Фейт-Коттедж.

— Здравствуйте, — ответили девочки.

Три самые маленькие девочки были так рады, что переехали на новое место, что, забыв о манерах, бросились навстречу поприветствовать гостя.

В отличие от своих сестер, Майло застенчиво подошел к Амелии, и она взяла его на руки.

— Доброе утро, — ответила она, когда Лэнс приблизился к ней.

— Меня зовут Лэнс Эшби, — представился он. — Я сын Чарльтона и Эдны. Я живу в Черити-Коттедж, позади Хоуп-Коттедж.

— Рада познакомиться, мистер Эшби. Меня зовут Сара Джонс.

По мнению Амелии, Лэнс был красивым мужчиной, но не таким красивым, как Габриель, хотя, конечно же, это было ее предвзятое мнение.

— Зовите меня... Лэнс, если я могу называть вас Сарой.

Амелию удивило его предложение. Она надеялась, что ее примут в обществе, но не представляла, что это будет так просто.

— Да, мистер Эшби, то есть... Лэнс.

— Вы уже устроились?

— Да, но дети с нетерпением ждут, когда приедет их отец. — Амелия заметила, что Лэнс без стеснения разглядывает ее, и смутилась.

— Конечно. Вы отведете их в школу, чтобы познакомиться с учительницей, мисс Сильвией Стратборн?

— Я не могу этого сделать. У меня совсем другие обязанности, — ответила она. Амелия подумала, что Лэнс, возможно, не знает, что она досрочно освобожденная преступница. Должна ли она что-то сказать?

Лэнс понял свою ошибку и почувствовал себя виноватым, ведь он поставил девушку в неловкое положение.

— О, простите. Я... забыл, — запинаясь, проговорил он.

Они оба покраснели и отвели глаза.

Девушка была так красива, говорила так грамотно, легко, что у Лэнса совершенно вылетело из головы, что она осужденная.

Сисси была рядом и слышала, что сказал Лэнс.

— Габриель может отвести нас в школу, Сара, — проговорила она. — И ты тоже можешь пойти с нами. Папа не будет возражать.

— Ваш папа будет здесь через пару дней. Думаю, нам надо подождать.

Она не хотела рисковать и злить Эвана. Когда дети пойдут в школу, возможно, Эван больше не будет так нуждаться в ее помощи, и, если другие жители города, например такие, как Эшби, станут помогать ему, то Эван может отправить ее обратно в тюрьму, на Ван-Демьенз-Лэнд.

Сисси также очень боялась, что Эван может отправить Сару отсюда, зная, каким ее отец может быть безжалостным в гневе.

Лэнс, немного сбитый с толку, побоялся, что может сказать что-нибудь лишнее, и решил уйти.

— Я пойду. Надеюсь, вам будет здесь хорошо.

Он взглянул на детей, понял, что с трудом может отвести взгляд от лица Амелии. Девушка посмотрела на Лэнса, солнечные лучи, отразившись в ее карих глазах, замерцали теплыми искорками, загипнотизировав молодого человека. Вдруг Лэнс почувствовал себя четырнадцатилетним мальчишкой, зеленым юнцом, который не знает, как вести себя с красивой женщиной.

— Спасибо, что зашли познакомиться, — поблагодарила Амелия. Майло просил пить, и она пошла с ним в дом.

Еще на веранде родительского дома Лэнс почувствовал соблазнительный аромат свежей выпечки. Войдя на кухню, он увидел, как Полли только что вытащила из печи целый противень горячих булочек.

— Как вкусно пахнет! — воскликнул он, взяв одну и перебрасывая ее с руки на руку.

— Вы обожжетесь, мистер Эшби, — предупредила его Полли.

Лэнс вдруг подумал, что Полли никогда не называла его по имени, а он предложил Саре Джонс называть его Лэнсом. Теперь молодой человек чувствовал себя глупо. Лэнс забыл, что она заключенная, он не мог отрицать, что красота этой девушки произвела на него огромное впечатление.

Эдна и Чарльтон были в гостиной, когда услышали голос сына.

— Лэнс, — позвала его Эдна.

— Я принесу вам чашку чая, мистер Эшби, и еще булочек, — сказала Полли.

— Доброе утро, — проговорил Лэнс. Чарльтон сидел с книгой в руках, а Эдна занималась вышивкой. — А где Амелия? — спросил он.

— Она в своей комнате, — ответила Эдна.

После того как Сара увидела настоящую Амелию, ей потребовалось некоторое время провести в одиночестве, чтобы решить, как справиться со сложившейся ситуацией. В глубине души она осознавала, что надо покинуть остров, вдруг к Амелии Дивайн вернется память, но Сара не хотела упускать шанс завладеть наследством и сердцем Лэнса. После всего, что пришлось ей вытерпеть за последние несколько недель, притворяясь другим человеком, после всей лжи, интриг и хитроумных планов Сара совсем была не готова признать, что ей придется сдаться. Но должен быть выход, и она найдет его.

— Я только что встретил помощницу Эвана Финнли, — сообщил Лэнс.

Сара снова стояла под дверью своей спальни и подслушивала. Когда Лэнс заговорил о настоящей Амелии, ее сердце бешено забилося.

По голосу сына Эдна поняла, что Сара Джонс произвела на него сильное впечатление.

— Трудно поверить, что она преступница, правда? — спросила она.

— Действительно, — ответил Лэнс. — У меня создалось ощущение, что она образованна. — Они обменялись всего несколькими фразами, но этого было достаточно, чтобы понять, что Сара Джонс не обычная простушка.

— Она учит дочерей Финнли французскому, и одна из девочек сказала, что она красиво вышивает. Но, как ты знаешь, бедняжка потеряла память, поэтому не может рассказать ни о себе, ни о том, как попала в тюрьму.

— Интересно, какая жизнь была у нее раньше? — Лэнс был заинтригован.

Сара все слышала и решила прекратить этот разговор. Она не желала, чтобы Лэнс интересовался настоящей Амелией Дивайн или сочувствовал ей.

— Доброе утро, Лэнс, — поздоровалась Сара, войдя в гостиную.

— Доброе утро, — ответил он, едва взглянув в ее сторону.

Сара с раздражением отметила, что Лэнс все еще поглощен своими мыслями.

— Разве ты не хотела прилечь, милая? — спросила ее Эдна.

— Я немного поспала, тетя, — солгала Сара.

В гостиную вошла Полли с чайником и булочками на подносе.

— Ммм. Замечательно, Полли, — похвалил Лэнс, взяв еще одну булочку и откусив кусочек.

— Лэнс, возьми тарелку, — велела Эдна.

— Э-эй, — позвал кто-то у двери черного хода.

Эдна с удивлением посмотрела на Чарльтона.

— Кто же это? — спросила она, вставая. Эдна прошла на кухню и увидела, что за решетчатой дверью стоит Сильвия Стратборн.

— Доброе утро, Эдна, — поздоровалась Сильвия. — Я могу войти?

— Пожалуйста, заходите, Сильвия. Мы как раз собирались пить чай.

— Простите, что беспокою вас, но до меня дошли некоторые слухи, поэтому я решила проверить их, пока у меня перерыв. Моя мама присматривает за детьми.

Эдна уже догадалась, о чем хочет спросить Сильвия, но промолчала. Учительница поздоровалась с Лэнсом, Чарльтоном, Амелией, потом присела на диван.

— Вы хотите знать, правда ли, что Хаммонды вернулись на Большую землю? — спросила Эдна.

— Да, — ответила Сильвия. — Дети Хаммондов три дня не появлялись в школе на прошлой неделе. Когда они не пришли и сегодня утром, я решила, что лучше все проверить самой. Я слышала, что Хаммонды покинули остров. Неужели это правда? Я полагала, что Бетти известит меня о своем отъезде. Это весьма некрасивый поступок с ее стороны — уехать без предупреждения.

— Действительно, — согласилась Эдна, когда Сильвия прервалась, чтобы перевести дух. — Хаммонды вернулись на материк во вторник вечером, их отъезд был очень поспешным.

— Вот как. А что случилось?

Эдна понимала, что Сильвия хочет проверить слухи и именно поэтому пришла прямо в Фейт-Коттедж — выяснить, там ли еще Хаммонды.

— Честно говоря, я не знаю.

Сильвия была не склонна верить Эдне.

— Ее дети хорошо учились, — проговорила она. — И потом, это плохо для нашей школы. Мы и так получаем скудные средства от властей, а если мы лишимся учеников, то школу вообще могут закрыть.

— Что касается количества учеников, у меня есть для вас хорошие новости. — Эдна налила Сильвии чашку чая.

— Неужели? — Лицо Сильвии прояснилось.

— У вас будет четыре ученицы на следующей неделе, а потом и еще две, когда они станут немного постарше.

— Правда?

— Да, Эван Финнли с семьей вселились в Фейт-Коттедж. Эвана пока нет, но его дети прибыли вчера. Габриель Доннели приехал с ними и с работницей Эвана. Она присматривает за детьми.

— Она осужденная, — вставила Сара.

Эдна бросила на свою подопечную укоризненный взгляд, но Сара не обратила на нее никакого внимания. Она намеревалась сделать так, чтобы все поверили, что работница Эвана — преступница, которой нельзя доверять.

— Осужденная! — в ужасе воскликнула Сильвия. — Вы хотите сказать, что Эван доверяет уход за своими детьми... заключенной?

— Совершенно верно, — проговорила Сара.

— Она кажется весьма приятной девушкой, — заверила Сильвию Эдна. Она снова с укором посмотрела на Сару. — Я разговаривала с ней и уверена, что дети в надежных руках.

— Как вы можете говорить так, Эдна? — воскликнула Сильвия. — Эта женщина, наверное, совершила что-то ужасное, раз ее осудили и направили на работу.

— Не обязательно. На Ван-Демьенз-Лэнд посылают детей, а какие ужасные преступления могли совершить они? Мисс Джонс обвинили в воровстве, но я не знаю всех деталей, Сильвия. Эван очень осторожный человек. Он не стал бы доверять своих детей кому попало. Вероятно, он доверяет ей, да и Габриель Доннели, кажется, о ней тоже высокого мнения.

— Я пойду туда, — решительно заявила Сильвия. Она поднялась и поставила чашку на поднос. — Я хочу сама увидеть, что это за женщина. Если дети собираются посещать мою школу, я должна знать, в какой обстановке они живут дома. И если им угрожает хотя бы какая-то опасность с моральной точки зрения, то у меня с Эваном будет серьезный разговор.

— Я уверена, что как только вы познакомитесь с мисс Джонс, все ваши страхи отпадут сами собой, — заверила Сильвию Эдна. — Не так ли, Чарльтон?

— Да, дорогая. Дети, кажется, от нее в восторге, за ними хорошо ухаживают. Они чистые и опрятные, откровенно сказать, чего я совсем не ожидал.

— Сильвия, я провожу вас и представлю ее, — предложил Лэнс к огромному неудовольствию Сары.

— Вы видели ее? — спросила Сильвия.

— Да, сегодня утром. Кажется, она довольно милая, — ответил Лэнс. Он не мог сказать, что на самом деле думал, что она самая красивая девушка, которую он когда-либо встречал.

Казалось, учительницу не убедили слова Лэнса.

— Она хитрая, — вставила Сара. — Но не настолько, чтобы уйти от наказания за свое преступление.

Эдна, Чарльтон и Лэнс с возмущением посмотрели на нее, но Сара не испытала никаких угрызений совести.

— Я заскочу, после того как познакомлюсь с этой женщиной, — пообещала Сильвия, обращаясь к Эдне.

— Да, пожалуйста.

Лэнс отправился провожать гостью.

Эдна повернулась к Саре.

— Эван Финнли доверился мисс Джонс, Амелия, и его дети, кажется, очень ее любят, поэтому я не думаю, что тебе следует так говорить о ней в обществе тех, кто еще не знаком с мисс Джонс.

— Я лишь говорю правду, тетя. Вам придется согласиться, ведь надо, чтобы о ней все знали правду. Она преступница, нельзя это скрывать, — Сара повернулась и ушла в свою комнату. Она закрыла за собой дверь, подошла к окну посмотреть, как Лэнс сопровождает Сильвию Стратборн.

Лэнс постучал, Амелия открыла дверь. Сара не могла слышать, о чем они говорят, но с интересом продолжала наблюдать.

— Снова здравствуйте, — приветствовал Амелию Лэнс. — Это Сильвия Стратборн, учительница, о которой я вам говорил.

— О! — воскликнула Амелия. — Рада познакомиться с вами, мисс Стратборн.

— Сильвия, разрешите вам представить мисс Джонс, — произнес Лэнс.

Сильвия внимательно оглядела Амелию, что не укрылось от взгляда Лэнса.

— Совершенно случайно Сильвия только что заглянула к моим родителям, поэтому я подумал, что она сможет заодно познакомиться с детьми, — добавил Лэнс.

— Пожалуйста, входите, мисс Стратборн, — пригласила Амелия.

— Спасибо, что проводили меня, Лэнс. Увидимся позже.

Лэнса поразил сухой и резкий тон Сильвии. Он был расстроен, что не сможет побыть еще некоторое время в обществе этой прекрасной девушки, помощницы Эвана, но, не говоря ни слова, Лэнс повернулся и направился обратно в дом родителей.

Через час Сильвия Стратборн вернулась в Хоуп-Коттедж. Полли проводила ее в гостиную, где ее возвращения ждали Лэнс, Чарльтон и Эдна. Сара из окна увидела, как Сильвия возвращается домой, и присоединилась к остальным.

— Завари еще чаю, — попросила Эдна Полли.

Выражение лица Сильвии, как всегда, было бесстрастным, поэтому невозможно было понять, какое мнение сложилось у классной дамы.

— Спасибо, мне не надо, Полли, — отказалась Сильвия. — Я выпила чаю с мисс Джонс.

Лэнс, Чарльтон и Эдна переглянулись. Они не осмелились даже представить, что все пройдет настолько хорошо.

— Ну, как вы находите мисс Джонс, Сильвия?

Сильвия откинулась назад и поджала губы.

— Мне показалось, что она удовлетворительно ухаживает за детьми Финнли, — проговорила она своим обычным тоном классной дамы.

— Удовлетворительно, — повторила Эдна. Она не понимала, как толковать подобную оценку, но, по крайней мере, было ясно, что Сильвия не увидела, что детям угрожает опасность с моральной точки зрения.

— Да. Когда я пришла, мисс Джонс давала детям уроки чтения и письма.

— Неужели? — удивилась Эдна.

— Она, очевидно, учит их на протяжении нескольких недель. Она не только обучает их читать и писать по-английски, но также учит их французскому языку. Мисс Джонс утверждает, что дети не очень хотели учиться, пока она не включила французский в программу. Кажется, они вполне успешно осваивают предметы. Майло, конечно, еще слишком маленький, но Джесси, которой всего четыре года, уже знает азбуку, что весьма впечатляет. Шестилетняя Молли знает множество простых слов, а Бесс, Роза и Сесилия показывают для своего возраста неплохие знания. В более серьезной школьной обстановке они, конечно же, преуспеют значительно больше, но дети не такие отсталые, как я думала. Я очень хорошо понимаю, что Эван не обращал внимания на задания, которые я посылала ему, поэтому это настоящее благо, что его работница образованна. К сожалению, она не помнит, где научилась французскому, где ходила в школу. Это очень печально.

Лэнс, Эдна и Чарльтон были рады услышать, что Сильвия одобрила работницу Эвана. Только настоящая Сара Джонс была недовольна. Она отчетливо понимала — надо срочно принять решительные меры, чтобы все, к чему она так долго стремилась, стало наконец ее. Амелия Дивайн не должна помешать ей.

Габриель вернулся в Фейт-Коттедж с различными товарами. Амелия уже начала волноваться, так как он задержался.

— Ничего не случилось? — спросила она.

— Нет. Все в порядке, — ответил он. — У меня были дела. Как вы тут?

— У нас все хорошо.

— Наша новая учительница приходила, — сообщила Роза.

Габриель был удивлен.

— Как мисс Стратборн узнала, что вы здесь?

— По всей видимости, она посетила дом Эшби, и они рассказали ей, что мы здесь. Она показалась мне милой женщиной, она осталась довольна успехами детей.

— Эван будет рад это слышать. Он очень переживал, что не может посвятить свое время обучению детей. Вас можно поздравить, Сара. Если бы вы не занимались с детьми, они бы очень отстали.

Амелии было приятно это слышать.

— У меня есть новости, — сказал Габриель.

— Какие?

— Помните, я говорил, что иногда работал лоцманом в бухте Непеан-Бэй?

Амелия кивнула.

— Очень скоро я собираюсь устроиться на постоянную должность лоцмана в Непеан-Бэй, — весело сообщил Габриель.

— Вы хотите сказать, что уедете с Кейп-дю-Куэди?

— Да, Эдгар Диксон сможет справиться и один. Мне это удавалось. Дни становятся длиннее, времени будет достаточно, чтобы найти мне замену, если он захочет. Часто смотрители маяка с женами неплохо справляются и сами.

— Почему вы хотите покинуть маяк, Габриель? Я думала, что вам нравится работать там.

Габриель понизил голос, чтобы дети не могли слышать его.

— Я очень люблю вас, Сара. Я не смогу мириться с тем, что вы так далеко от меня. Если я буду работать в Кингскоте, то я смогу найти предлог навестить Эшби или Эвана с детьми и увидеть вас.

Амелия обрадовалась. Она боялась того дня, когда Габриель отправится обратно на маяк.

Позднее, в этот же день, Габриель отправился в Черити-Коттедж переодеться. Лэнс читал газету, сидя за столом на кухне.

— Сегодня я познакомился с мисс Джонс, — сказал он Габриелю.

Амелия уже рассказала ему, что Лэнс представился ей.

— Она упомянула, что ты заходил.

Лэнс не удивился, что Габриель и мисс Джонс говорили друг с другом

обо всем.

— Теперь я понимаю, почему ты так предан семье Финнли, — пошутил молодой человек.

— Меня не волнуют твои домыслы, Лэнс, — раздраженно ответил Габриель. — Я безмерно уважаю Эвана. Ему пришлось очень тяжело с тех пор, как умерла Джейн. Я с большим уважением отношусь к мисс Джонс.

— Только слепой не заметит, что она необыкновенно красивая женщина.

Габриель не ответил. Неосторожные слова могли бы выдать его истинные чувства, а он не хотел этого.

Молчание же убедило Лэнса, что он прав. «Габриель равнодушен к мисс Джонс», — подумал Лэнс. Он знал, что Габриель не мог иметь никаких серьезных намерений по отношению к осужденной, но возможность тайной связи между ними существовала.

— Твоя мать рассказала, что ты встречаешься с Оливией Хорн.

— Верно.

— У вас серьезные отношения?

— Пока нет. Но возможно, однажды они станут таковыми.

— Она замечательная девушка, — проговорил Габриель.

— А ты положил глаз на кого-нибудь? — спросил Лэнс, внимательно наблюдая за Габриелем.

— Возможно, но пока слишком рано объявлять об этом. Извини. — Габриель вышел, оставив Лэнса недоумевать в одиночестве.

— Объявлять? — пробормотал Лэнс. — Он не может быть серьезно настроен по отношению к осужденной.

Оказавшись на улице, Габриель вздохнул свободно. Тайна едва не раскрылась, подумал он. Ему было трудно скрывать все от Эдны и Чарльтона, так как они были очень хорошими друзьями. Слова Лэнса напомнили ему, что для большинства людей его возлюбленная — всего лишь «осужденная». Габриель решил, что ему нельзя упускать Лэнса Эшби из виду.

Глава 27

— Могу я спросить вас о чем-то, дядя Чарльтон? — проговорила Сара. Она намеренно обратилась к нему, когда Чарльтон был один в конюшне и кормил лошадь.

Сара заметила, что Чарльтон часто ходил в конюшню, чтобы «поговорить» с лошадью. Она подозревала, что он наслаждается короткими минутами одиночества.

— Конечно, Амелия. Что ты хочешь узнать?

— Известно ли вам, когда я смогу распорядиться наследством, что оставили мне родители?

— Я не могу назвать тебе точную дату, Амелия. — Чарльтона удивил ее вопрос.

— Я не должна была спрашивать, но пока все находится в подвешенном состоянии, мне трудно планировать свою жизнь, дядя.

— Понимаю, милая. Но ты же не собираешься покинуть нас в будущем?

— Нет, — солгала Сара. — Я бы хотела отправиться в путешествие, чтобы отдохнуть, но я вернусь, если вы этого хотите.

— Конечно, мы хотим, чтобы ты вернулась, Амелия. Вообще-то я и не думал, что ты хочешь уехать. Ты уже решила, куда отправишься?

— Еще нет.

— В твоём возрасте для девушки совсем не безопасно путешествовать в одиночестве, но Эдна, конечно, сможет отправиться с тобой.

Сара испугалась такого предложения, ведь тогда она не сможет поехать повидаться с семьей. Сара должна была придумать, как избавиться от общества Эдны. Если бы не возможность завладеть богатством, Сара давно бы уже сбежала с этого острова.

— Уверен, что скоро мы получим письмо от Брайана Хаксвелла. Он сказал, что, как только бумаги будут подписаны, все остальное решится довольно быстро. Однако надо принять несколько серьезных решений, Амелия, особенно в вопросах недвижимости. И здесь не следует спешить.

— Я знаю, дядя Чарльтон. Но вы же поможете мне в этом, не так ли? — Сара чувствовала, что Чарльтон всегда на ее стороне. Она надеялась, что он поймет ее желание продать всю недвижимость семьи Дивайн.

— Конечно. Я сделаю все, что в моих силах.

— Спасибо, дядя Чарльтон.

Как только настоящая Амелия Дивайн поселилась по соседству, Сара была почти на грани нервного срыва. Она не могла спокойно спать. Ночью она решила, что ей придется сблизиться с Амелией, чтобы знать, вернулась ли к ней память или нет. Сара поняла, что нельзя пытаться отправить соперницу обратно в тюрьму, ведь охранники сразу поймут, что это ненастоящая Сара Джонс.

Сара сидела у себя в комнате, когда приехал доктор Томпсон.

— Как мой пациент? — донесся до нее голос доктора Томпсона. — Я несколько волновался, что три дня не смог осматривать его, но я был вынужден оставаться на ферме семьи Олбрайт. Маргарет родила близнецов, роды были нелегкими.

— Не стоит волноваться. Майло с каждым днем все лучше. Надеюсь, и Маргарет в добром здравии? — спросила Эшби.

— Да. Она и ее два мальчика прекрасно себя чувствуют.

— Замечательно. — Эдна была рада слышать это. — Майло в соседнем доме.

— О, значит, Финнли уже приехали?

— Дети и работница Эвана приехали в воскресенье. Эван отправился сюда верхом, поскольку они не смогли погрузить лошадь на корабль. Мы с Чарльтоном как раз собрались в город, но я могу проводить вас в Фейт-Коттедж и представить мисс Джонс, работницу Эвана. Она присматривает за детьми. Мы ждем Эвана. Помните, я рассказывала вам о ней. Она та самая вторая девушка, выжившая в результате крушения корабля.

— Да, я помню, вы рассказывали мне о ней. Не стоит меня провожать, Эдна. Я сам представляюсь мисс Джонс. Могу я оставить здесь мой экипаж?

— Да, конечно.

Сара испугалась. Амелия наверняка скажет врачу, что у нее амнезия. Что, если он поможет вернуть ей память?

Дэннис постучал в дверь Фейт-Коттедж и произнес:

— Это доктор Томпсон. Могу я войти?

— Да, пожалуйста, заходите доктор, — пригласила Амелия.

Майло уже узнавал доктора Томпсона и сразу пошел к нему. Дэннис осмотрел малыша, послушал его сердце, легкие, ощупал селезенку и почки. Он посмотрел и белки глаз.

— Похоже, малыш полностью выздоровел, — заключил врач.

— Его отец очень обрадуется, услышав это.

— Но я хотел бы навещать его еще в течение двух недель. Правда, никакой необходимости осматривать его каждый день я не вижу. Если

вдруг появятся какие-либо признаки недомогания, незамедлительно обращайтесь ко мне. Эдна Эшби скажет вам, где я живу.

— Я так и сделаю, спасибо. Вы знаете, что стало причиной болезни Майло, доктор?

— Единственной причиной, по моему мнению, может быть отравление каким-то ядовитым веществом. Скорее всего, Майло проглотил какой-то яд, но я не знаю, как это возможно, наверное, он принял какое-нибудь дикое растение за лакомство.

— Майло очень капризен в еде, доктор Томпсон, поэтому такое маловероятно.

Теперь Амелия была абсолютно уверена, что именно Карлотта виновата в болезни Майло, что итальянка намеренно сделала это. То особое печенье и хлеб, которые она пекла для него, вероятно, содержали яд какого-то растения. Амелия не сомневалась — Карлотта специально травила Майло, чтобы отделаться от нее.

— Как себя чувствуют девочки? — спросил доктор Томпсон.

— Хорошо. Сисси повела сестер на прогулку, пообещав, что они не пойдут далеко.

— Никто не простужен, температуры нет?

— Нет.

— Они хорошо устроились?

— Да. Они все еще под впечатлением от нового окружения. Полагаю, они в восторге оттого, что скоро пойдут в школу и обретут новых друзей.

— Да уж, наверняка. Откуда вы родом, мисс Джонс?

— Я? — Амелия непонимающе посмотрела на врача.

— Да, вы англичанка, не так ли? Где в Англии вы родились? — спросил Дэннис.

— Я не... знаю.

— Вы сирота? — Дэннис Томпсон был сбит с толку таким ответом.

— Нет. — Амелия покраснела до корней волос. — Я осужденная.

— Это я знаю, мисс Джонс, но вас же не с самого рождения держали в тюрьме. — Он не мог представить себе, что девушка была в тюрьме так долго, что забыла, откуда родом. Доктор также отметил про себя, что ее речь весьма изысканна, словно она получила хорошее образование.

— Нет, мне сказали, что я провела пять лет в заключении на Ван-Демьенз-Лэнд, прежде чем меня отправили на этот остров, но... я не помню.

— Почему же?

— Я потеряла память.

— Когда это случилось?

— Когда меня спасли с корабля вместе с мисс Дивайн, которая живет по соседству. Меня поднимал на скалу... смотритель маяка, и я ударилась головой. Когда же пришла в себя, я ничего не смогла вспомнить. Не помню, кто я и откуда. Мисс Дивайн узнала меня.

— Могу я осмотреть вашу голову? — спросил Дэннис.

— Я не могу заплатить за ваши услуги, мистер Томпсон, — ответила Амелия, снова покраснев.

— Я и не требую этого, мисс Джонс. — Он осмотрел голову девушки и почувствовал в том месте, которое она указала, небольшое уплотнение, оставшееся от удара. — Теперь все, кажется, в порядке. У вас бывают головные боли? — Дэннис заглянул Амелии в глаза, чтобы посмотреть, не расширены ли ее зрачки.

— Только когда я пытаюсь что-нибудь вспомнить.

Доктор был явно озадачен.

— Ко мне когда-нибудь вернется память, мистер Томпсон? — спросила Амелия.

— Трудно сказать, мисс Джонс. За время своей медицинской практики я редко сталкивался со случаями амнезии, но знаю, что каждый такой случай по-своему уникален. К некоторым быстро возвращается память, к другим — не скоро. Однажды у меня был пациент, который ударился головой, упав с невысокой лестницы. Он потерял память на довольно долгий срок. Он не мог вспомнить ни жену, ни детей, вообще ничего. Но так случилось, что он снова ударился головой о дверцу буфета, и память чудесным образом вернулась к нему. Однако я категорически не рекомендую биться головой о какие-либо предметы в качестве терапии.

Амелия печально улыбнулась.

— Вы вспомнили хоть что-то?

— Вообще-то нет. Иногда случаются какие-то проблески. Когда я была на Кейп-дю-Куэди, я внезапно обнаружила, что могу разговаривать по-французски и понимать итальянский.

— Это хороший знак. Но, вероятно, вам придется запастись терпением.

— Это очень трудно. Если бы я знала, что ко мне вернется память, я смогла бы потерпеть. А неопределенность просто убивает.

— К сожалению, я не могу вас обнадежить. Здесь о лекарстве от амнезии ничего не известно, но я мог бы написать своим коллегам в Америку. Возможно, там уже нашли способ лечения этой болезни, о котором я не знаю.

У Амелии затеплилась надежда.

— Я была бы вам весьма признательна, мистер Томпсон.

— А пока постарайтесь меньше волноваться. Это не доказано, но я полагаю, что при спокойном образе жизни больше надежды на то, что память начнет постепенно возвращаться к вам.

Сара ждала возвращения доктора Томпсона у его экипажа. Она была уверена, что Амелия Дивайн рассказала ему о потере памяти и спросила его мнение о том, вернется ли к ней память снова. От этого зависело будущее Сары.

— Здравствуйте, Амелия, — улыбнулся Дэннис.

— Доброе утро, доктор Томпсон. Как самочувствие Майло?

Выглядеть спокойной ей удавалось с трудом.

— Майло уже почти окончательно поправился, он рад снова видеть своих сестер. — Дэннису показалось, что девушка нервничает, но он решил, что у нее вообще чувствительная психика.

— Тетя Эдна говорит, что Майло очень любит женщину, что присматривает за ним.

— Да, похоже, что так и есть, — согласился Дэннис, поставив свой докторский саквояж на сиденье экипажа.

— Наверное, у нее самой есть дети? — спросила Сара, тщательно стараясь сохранять спокойствие.

— На вид девушке примерно девятнадцать или двадцать лет. Если учесть, что последние пять из них она провела в женской тюрьме, то вряд ли. Материнский инстинкт естественным образом проявляется у большинства женщин, этим, возможно, и объясняется, почему она так хорошо ладит с детьми Финнли. Однажды вы сами в этом убедитесь, когда у вас будут свои дети. — Дэннис улыбнулся Саре и сел в экипаж.

Сара не могла его отпустить. Ей нужно было узнать больше.

— Понятно, что вы не можете обсуждать своих пациентов, но, как вы знаете, мы с мисс Джонс оказались единственными выжившими после кораблекрушения, так что между нами особая связь.

— Да, верно. — Дэннису было любопытно, как повернулся их разговор. Очевидно, что Амелию что-то беспокоит, и он хотел по возможности развеять ее страхи.

— К ней снова вернется память? — напрямую спросила Сара.

— Мисс Джонс задала мне такой же вопрос. Она не моя пациентка, поэтому я не нарушу кодекса врача, если скажу вам то же, что и ей. Но не могу предсказать, вернется ли к ней память. Это может произойти скоро, внезапно или же вообще никогда. Не знаю, верующий ли вы человек,

Амелия, но все в руках Божьих. А сейчас мне нужно отправляться к своему следующему пациенту. Всего доброго.

— Действительно, в Божьих руках, — пробормотала Сара. — А мое будущее в ее руках, и мне это совсем не нравится.

Целый день Сара набиралась храбрости отправиться в Фейт-Коттедж. Она прокручивала в уме, что скажет Амелии Дивайн. Конечно, она ни за что не сможет предложить Дивайн стать подругами, но ей хотелось бы найти с Амелией общий язык, чтобы следить за ней.

Вечером Сара решила, что настало подходящее время. Дополнительной храбрости придали ей два бокала хереса, что она выпила после ужина. Она собиралась предложить Амелии, что поскольку они будут жить рядом, им стоит забыть о прошлом и начать все с нуля. Хотя вопрос о прощении вне обсуждения, все же им, как взрослым людям, стоит примириться и жить как добрые соседи. «Я смогу заговорить с ней, когда увижу ее в саду. Просто спрошу, помнит ли она что-нибудь».

Сара улизнула из дома незаметно для Эшби и направилась к Фейт-Коттедж. Через решетчатую дверь она видела свет на кухне и уже собралась постучать, как вдруг заметила Габриеля, он подошел к Амелии, заключил ее в свои объятия и страстно поцеловал.

Сара несколько мгновений смотрела на них, а потом бросилась бежать. Она разозлилась. Как все несправедливо! У Амелии с Габриелем любовь, а она не может обрести счастье с Лэнсом. Он даже не поцеловал ее ни разу. Эван Финнли должен узнать, что происходит, решила Сара. Но нельзя допускать, чтобы Финнли отправил Амелию обратно в тюрьму. Что же делать?

Эдна перестанет уважать Габриеля, когда узнает, что он завел роман с преступницей, решила Сара, внезапно поняв, как действовать дальше. Сара зашла в дом и в гостиной нашла Эдну. Чарльтона в это время не было дома, он отправился навестить друга, которому нездоровилось.

Эдна посмотрела на Сару, заметила, как бледна ее подопечная, и заволновалась.

— Что случилось, Амелия? Ты выглядишь так, словно увидела привидение.

— Я увидела что-то похуже, тетя. Я только что видела, как ваш друг, мистер Доннели, целовал мисс Джонс.

— Что? Наверняка ты ошиблась, милая.

— Нет, тетя. Я не ошиблась.

— Где ты это видела?

— Я пошла в Фейт-Коттедж. Я решила, что даже если и не смогу

простить мисс Джонс за то, что она совершила, то просто постараюсь поладить с ней ради вас с дядей Чарльтоном. Вы очень добры ко мне, и я не хочу осложнять вам жизнь. — Сара заметила, что Эдну тронули ее слова. — Я только собралась постучать, как увидела мистера Доннели на кухне.

— Наверное, он пришел проведать детей, Амелия.

— Я так и подумала, но... через секунду он обнял мисс Джонс и страстно поцеловал ее.

— Господь всемогущий. — Эдна побледнела. — Но это он сделал хотя бы не при детях?

— Я не видела их, предполагаю, что дети были у себя в комнатах.

Эдна покачала головой, не веря своим ушам.

— О чем же Габриель думает? — огорчилась она.

— Я не знаю, тетя, но наверняка он не может считать, что отношения с осужденной возможны.

— Конечно же нет, — согласилась Эдна. Она посмотрела на свои часы. — Я пойду к Лэнсу домой и подожду Габриеля там. Лэнс в гостях у Оливии Хорн, придет нескоро.

Саре было неприятно слышать это, но она обрадовалась, что Эдна, видимо, твердо намерена положить конец отношениям Габриеля с Амелией раз и навсегда.

Мать ждала Лэнса в его гостиной, когда вошел Габриель. Он выглядел счастливым. Эдна решила вразумить его. Габриель был удивлен приходу миссис Эшби.

— Эдна, вы ждете Лэнса?

— Нет, я жду тебя, Габриель, — сурово сказала она.

— Да? А почему?

— У вас есть какие-нибудь отношения с мисс Джонс?

Габриелю стало неловко, он побледнел.

— Почему вы меня спрашиваете об этом?

— Есть или нет, Габриель? Мы дружим давно, поэтому я буду очень разочарована, если ты солжешь мне.

Габриель сел в кресло напротив Эдны.

— Я бы ни за что не стал вам лгать, Эдна. Я люблю Сару, и она любит меня. — Габриель почувствовал, что, как только он произнес эти слова, ему сразу стало легче.

— Габриель, ты не можешь рассуждать трезво. Я знаю, она красивая девушка, но она же осужденная.

— Я знаю, Эдна. Она совершила ошибку, но все давно в прошлом. Та Сара, которую я знаю, — прекрасная женщина. Как только ее срок

закончится, я попрошу ее стать моей женой.

— Габриель, ты же ничего не знаешь о ней. Ты же уважаемый в обществе человек. Тебя поднимут на смех, если ты женишься на этой девушке.

— Мне все равно, Эдна. Я люблю Кенгуру-Айленд и не хочу жить в другом месте, но если люди на острове будут делать жизнь Сары невыносимой, нам придется уехать и начать все сначала где-то в другом месте. Я не смогу полюбить другую женщину, даже если попытаюсь. Сара пленила мое сердце навсегда.

— Вижу, ты вполне серьезно настроен, Габриель.

— Очень серьезно, но мне пришлось долго убеждать Сару, что мы должны быть вместе. Она старалась оттолкнуть меня, говорила, что она бывшая преступница и не достойна меня.

— Она мудрая женщина.

— Она не эгоистка. Знаю, что ваша подопечная о ней другого мнения, но она не знает Сару так, как знаю я. Она замечательно ладит с детьми Эвана, она тактичная и добрая. Настоящая леди, Эдна. Умна, образованна, у нее хорошие манеры. Я люблю ее.

Эдна видела, что Габриель искренне любит эту девушку, слова молодого человека тронули ее сердце.

— Я не хотел влюбляться в нее, Эдна. Но правду, говорят: сердцу не прикажешь. Когда Сара сказала, что у нас нет будущего, я был раздавлен. Жизнь потеряла смысл. Я живу только ради того дня, когда смогу назвать ее своей женой. Когда ей сказали, что она преступница, Сара была безутешна. Но она уверена, что не могла украсть, не такой у нее характер. Я даже хотел просить вас посмотреть ее дело. У вас есть связи. Я сам некоторое время назад написал в тюрьму, но пока не получил ответа.

— Габриель, ты все еще веришь, что произошла ошибка?

— Не уверен, но думаю, это стоит проверить.

— Моя Амелия убеждена, что не ошиблась, — заметила Эдна.

Габриель нахмурился.

— Эдна, если вы решите помочь мне, я не хочу, чтобы Сара знала об этом. Я подарил ей надежду, сказав, что написал мисс Дивайн. Про письмо в тюрьму я не говорил, не зная, какой ответ получу.

— Признаю, что мы с Чарльтоном были удивлены, когда увидели ее. Она совершенно не похожа на преступницу. Кажется, что она из высшего общества. Но само по себе это не означает, что она не совершила преступления, не так ли, Габриель?

— Если она и совершила преступление, то, вероятно, у нее была на то

причина, а может, ее просто оклеветали. Ей стало бы намного легче жить, если бы она узнала факты. Думаю, что больше всего ее терзает неизвестность.

— Хорошо. Я посмотрю, что можно сделать, Габриель. — Эдне тоже стало интересно.

— Даже если вы узнаете день ее рождения или возраст, это будет уже хоть что-то. Если же можно узнать, где она родилась и есть ли у нее семья, то она была бы просто счастлива.

— А Эван? Как он отнесется к тому, что у вас с мисс Джонс такие отношения?

— Не знаю, Эдна. Наверное, и Чарльтон не поймет их.

— Полагаю, именно из-за мисс Джонс ты приехал в Кингскот.

— Я действительно не мог смириться с мыслью, что Сара будет так далеко от меня, но есть и другая причина. Я не мог рассказать вам все вчера за обедом. Но Карлотта Диксон всячески старается добиться моего внимания совершенно неподобающим образом. Мне действительно нравится ее муж, Эдгар, и я уважаю его, но она делает жизнь на мысе просто невыносимой.

— Боже мой, Габриель. После нашей последней встречи твоя жизнь стала очень непростой.

— Действительно, Эдна. Несколько месяцев назад я был всего лишь смотрителем маяка, ведущим обыденную жизнь затворника. Затем на мысе на риф наткнулся корабль, и все изменилось. Мне очень жаль, что все эти люди погибли, но я ни капли не жалею о том, что в мою жизнь вошла Сара.

— Кажется, у меня нет выбора, кроме как принять то, что ты любишь мисс Джонс, Габриель, но ты не должен позволить детям Эвана заметить, что ты любишь девушку.

— Я знаю. Мы с Сарой выкроили всего несколько минут, чтобы проводить их вдвоем.

Когда Эдна возвратилась домой, Чарльтон уже ждал ее.

— Как Уолтер? — спросила она.

Уолтер Брэддок был хорошим другом Чарльтона. Последние несколько лет он страдал заболеванием легких, которое возникло вследствие его чрезмерной любви к табаку. Но он категорически отказывался признавать это.

— Он чувствует себя лучше, чем я думал. Дорогая, Амелия сказала, что ты пошла к Лэнсу. Разве сегодня он не у Оливии в гостях?

— Да, у Оливии. Я разговаривала с Габриелем.

— Кажется, ты взволнована. Что-то случилось?

— Амелия в своей комнате?

— Да.

Эдна закрыла дверь на кухню и села за стол.

— Габриель и мисс Джонс любят друг друга, — тихо проговорила Эдна.

— Что? — удивился Чарльтон.

— Я тоже была шокирована, но я не смогла вразумить его. Он намеревается подождать, пока не окончится ее срок принудительной работы на Эвана, а затем просить ее руки.

— Он сам признался тебе в этом, или же ты что-то заметила?

— Я вообще ничего не заметила. Сегодня вечером Амелия увидела, как они целуются.

Чарльтон был просто потрясен.

— По крайней мере, ему надо быть осторожнее, — заключил он.

— Этот молодой человек и так выкроил время, чтобы повидать ее, после приезда Эвана у него не будет такой возможности.

Чарльтон ничего не ответил.

— Я думала, ты будешь негодовать, — удивилась Эдна.

— Она красивая девушка, а Габриель — одинок, — ответил ее муж.

Чарльтон смотрел на эту ситуацию с точки зрения мужчины. Работница Эвана очень хороша собой, а за это мужчины могут простить многое.

— Я не знаю, что сказать Амелии. Она ждала, что я положу конец их встречам, но я сочувствую Габриелю. Он влюблен и просил меня узнать о ее прошлом, если к ней так и не вернется память.

— Амелии лучше ничего не говорить об этом. Где она их видела?

— Она пошла помириться с мисс Джонс, очевидно ради нас.

— Какая жертва с ее стороны.

— Да, действительно.

— Думаю, Габриеля больше всего волнует Эван Финнли. Зная Эвана, можно предположить, что он отправит девушку обратно в тюрьму.

Эдна не думала об этом.

— О боже, — воскликнула она. Чарльтон прав. Эван Финнли очень суров.

Глава 28

— Эван, наверное, приедет сегодня, — сообщила Амелия, когда Габриель появился на пороге. Дети были на улице. Роза и Бесс кормили кур, а Джесси помогала Сисси доить корову. Амелия только что покормила поросят, а Молли присматривала за Майло, который играл на земле с камушками и палочками.

— Да, скорее всего, — неохотно согласился Габриель.

Он выглядел усталым и расстроенным. После приезда Эвана у них не будет возможности видаться даже украдкой.

— Дети не могут дождаться, когда он приедет. Они очень соскучились по своему отцу. — Амелия рассказала Габриелю о визите врача, о том, что Майло снова здоров. По мнению доктора Томпсона, Майло съел какой-то яд.

— Несправедливо, что Карлотта не понесла наказания за то, что сделала с Майло, — гневно проговорила Амелия. — Если бы были доказательства, то я очень хотела бы рассказать все Эвану, чтобы он смог привлечь Карлотту к суду.

— Если бы Эван узнал, что она сделала, то уже жизнь Карлотты была бы в опасности, — ответил Габриель вполне серьезно. — Я знаю Эвана, и, поверь мне, он убьет ее своими руками. Она заслуживает наказания, но у нас нет доказательств, и я не думаю, что она как-то причастна к болезни Майло, когда его не тошнило.

— Но детям все равно безопаснее в городе.

Амелия была рада, что план Карлотты не сработал. Итальянка хотела отделаться от нее, чтобы соблазнить Габриеля, но он решил оставить маяк и работать в Кингскоте. Они оба знали, что Карлотта будет в бешенстве, когда узнает об этом. Габриель и Амелия жалели только Эдгара. Бедняге придется остаться с ней наедине.

— Может, порыв ветра сдует ее со скал, — пошутил Габриель, и они одновременно засмеялись. Но Габриель тут же стал серьезным.

— Что-то не так, милый? — Амелия боялась, что он размышляет об их отношениях. Она все еще не верила, что такой замечательный человек, как Габриель, может полюбить ее — преступницу, осужденную за кражу.

Габриель решил рассказать ей правду.

— Вчера вечером Эдна ждала меня, когда я вернулся к Лэнсу домой.

— Чего она хотела? — прошептала она.

— Она напрямую спросила меня, есть ли между нами какие-нибудь отношения.

Амелия ахнула.

— Что ты сказал?

— Я не смог солгать ей. Мы с Эдной дружим уже очень долго.

— Значит... ты рассказал ей правду?

— Да.

Амелия испуганно посмотрела на Габриеля.

— Откуда она узнала?

— Эдна не сказала, а поскольку она застала меня врасплох, я даже не подумал ее спросить об этом. — Габриель подумал, не могла ли неожиданно зайти Полли и заметить через дверь черного хода, как они обнимались.

— Она разозлилась? Она говорила, что ты совершаешь ошибку?

— Сначала она ничего не поняла, но потом я сказал ей, что мы любим друг друга и обязательно будем вместе, в Кингскоте или где-то еще.

Слезы заблестели в глазах у Амелии. Чувства переполняли ее. Она очень любила Габриеля.

— Как она отнеслась к твоим словам?

— Она понимает меня.

Амелия не поверила своим ушам. Она смахнула слезы.

— Тогда почему у тебя такой угрюмый вид? — Она не думала, что Габриель будет лгать ей, но что-то явно тревожило его.

— Эдна заметила, что Эван вряд ли поймет это, и она права. Но я должен все ему рассказать прежде, чем кто-то другой это сделает. Мы с Эваном друзья, а друзья не обманывают друг друга. Я волнуюсь потому, что у него свое твердое мнение о том, как все должно быть в жизни. За себя я не боюсь, но он может... — Амелия поняла его. Габриель собирался сказать, что Эван может отправить ее обратно в тюрьму.

Амелия разволновалась.

— Мы не должны говорить ему, Габриель. Это слишком рискованно.

— Сара, будет хуже, если ему об этом скажет кто-то другой. Может, нас вместе видела одна из девочек, а может, мисс Дивайн что-то рассказала. Если Эдна знает, то, возможно, знает и она. — Они были осторожны, не показывали своих чувств, когда рядом находились люди, поэтому Габриель не понимал, откуда все стало известно Эдне. — Не волнуйся, никто не сможет помешать нам быть вместе. Нужно только набраться терпения и ждать.

Кто бы знал, как это тяжело — вздохнула Амелия.

Эван прискакал верхом на Клайде сразу после обеда. Дети очень обрадовались, увидев его, но Амелия и Габриель испытывали смешанные чувства.

Эван, прежде чем слезть с лошади, спросил девушку, как себя чувствует Майло.

— Он совершенно здоров, — заверила его Амелия, — но доктор хочет навещать его еще две недели, раз в несколько дней.

Эван вздохнул с облегчением. Он сполз с седла, со стоном опустил затекшие ноги на землю, поднял сына на руки, а девочки обняли отца.

— Как добрался? — спросил Габриель.

— Ужасно устал, — ответил Эван. — Бедный Клайд заслужил хороший отдых, а мне нужно срочно помыться.

Габриель отвел Клайда в конюшню, распряг, накормил его и хорошенько потер щеткой. Чтобы не расстраивать Эвана своей неважной стряпней, Амелия просто нарезала хлеба, сделала несколько сандвичей с джемом и заварила крепкого черного чая. Пока она нагревала воду для ванны, Эван общался с детьми.

Приняв ванну, он заулыбался:

— Сегодня я буду спать как убитый, но сейчас хочу поведать животных.

Эван проверил корову, овец, поросят, кур, а затем подошел к Габриелю, который чистил конюшню.

— Спасибо за все, что ты сделал, Габриель, я был спокоен, зная, что ты здесь.

— Рад, что помог. Дети очень скучали, но быстро привыкли к новому месту.

— Спасибо Саре. Никогда не думал, что скажу это, но детям с ней очень хорошо, особенно старшим девочкам. Знаю, я слишком занят своими делами, и мне больно признавать, что я не обращал внимания на их проблемы. Они в том возрасте, когда рядом должна быть женщина, которая могла бы... все объяснить, поэтому не знаю, что бы я делал без Сары. Теперь мне очень неловко вспоминать о том, что я считал ее совершенно бесполезной, когда она появилась у нас. — Эван покачал головой. — Если бы она только умела готовить.

Габриель не ответил. Ему было все равно, хорошо готовила Амелия или нет. Он готов был питаться чем угодно, только чтобы быть рядом с ней.

— Когда отправляешься на маяк? — спросил Эван. — Не хочу и не могу больше задерживать тебя.

— Завтра, на корабле «Рыба-меч». Но вскоре я снова собираюсь приехать в Кингскот. Я устраиваюсь на постоянную должность лоцмана в бухте Непеан-Бэй.

— Неужели? — удивленно воскликнул Эван. — Твоя смена на маяке еще же не закончилась, верно?

— Верно, но Эдгар Диксон сможет справиться и сам. Я работал один очень долго, а у него есть жена, которая поможет ему. — Габриель не хотел рассказывать Эвану о Карлотте.

— Ты прав. Эдгар всегда сможет попросить себе сменщика, если станет слишком тяжело. Здорово, что ты будешь поблизости.

Сердце Габриеля отчаянно билось, потому что сейчас Эван сам предоставил ему возможность рассказать правду об отношениях с его работницей. Ведь именно из-за Сары Габриель хотел жить в Кингскоте.

— Я должен кое-что сказать тебе, Эван, — мрачно начал Габриель.

— Что? — спросил Эван. Он думал, что это касается детей или его животных.

Габриель вздохнул.

— Я полюбил девушку, — наконец проговорил он.

— Неужели?

— Да, и ее зовут Сара.

— Что? — переспросил Эван. Он был уверен, что ослышался.

— Не сердись, Эван.

— Ты уже?..

— Нет, Эван, конечно нет. — Габриель и не представлял себе, что Эван может подозревать их в пылкой связи.

— Мои девочки видели?..

— Нет, Эван. Мы с Сарой будем ждать. Когда окончится ее срок, мы поженимся. До этого будем сдерживать свои чувства. Эван, я просто хотел, чтобы ты знал об этом, потому что я уважаю тебя.

— Это из-за уважения ты вызвался проводить мою семью в Кингскот или же просто воспользовался возможностью провести время с Сарой в мое отсутствие?

Габриель огорчился, что Эван так нелестно мог думать о нем.

— Я хотел помочь тебе, и потом, приехав сюда, я собирался поступить на службу лоцманом.

Эван едва слушал Габриеля.

— Сара должна быть хорошим примером для моих девочек, — гневно выкрикнул он.

— Так и есть, Эван. Ты сам говорил об этом.

— Но до того как я узнал, что она проделывает за моей спиной. Теперь начал злиться Габриель.

— Не принижай наши отношения, Эван. Я хочу жениться на Саре. Я знаю, что она сделала ошибку, но она не должна расплачиваться за нее всю оставшуюся жизнь. Она хорошая женщина. Ты сам знаешь.

— Пусть собирает вещи, — бросил Эван и направился к дому.

Габриель хотел догнать его, чтобы просто убедиться, что он не выместит свой гнев на Саре, но понимал, что Эван измотан. Габриель надеялся, что после того, как отдохнет, он трезво сможет взглянуть на вещи.

Когда хозяин вошел в дом, Амелия с опаской посмотрела на него. Она заметила раздражение Эвана. Очевидно, Габриель рассказал ему об их отношениях, и все прошло плохо. Сисси тоже заметила, что отец чем-то разозлен. Она не знала, что случилось, но, взглянув на Амелию, поняла, что та чем-то обеспокоена.

Амелия, не отрывая взгляда, помешивала суп из баранины. Сисси подошла к ней и встала рядом. Эван посмотрел на них, уселся за стол и посадил Майло на колени. Он видел, что его дочь очень привязана к Амелии. Это заставило Эвана задуматься, и он спросил себя, почему он так разозлился, узнав, что у Габриеля с Амелией взаимные чувства. Она красивая девушка, Габриель одинок. И все же он никак не мог допустить мысли о том, что они могут полюбить друг друга.

Габриель застал меня врасплох этой новостью, подумал Эван. Вот почему я так отреагировал. Когда речь зашла о любви, Эвану стало очень грустно, он знал — ему больше никогда не встретить такую женщину, как его Джейн.

Вечером, когда настроение Эвана значительно улучшилось, он снова повстречал Габриеля, коловшего дрова.

— Тебе не надо делать этого теперь, ведь я здесь, — произнес он.

— Я не могу уехать раньше завтрашнего утра, поэтому просто стараюсь занять себя полезным делом, — ответил Габриель.

После того разговора, когда Эван ушел к себе, Габриель подкрался к окну кухни, чтобы послушать, что происходит в доме. Если бы Эван стал кричать на Амелию, он увел бы ее. Поскольку ничего подобного не случилось, Габриель отправился к Лэнсу.

— Ты трудился за меня достаточно и теперь заслужил хороший отдых, — проговорил Эван.

Габриель выпрямился и положил топор на землю. Он увидел, что гнев

Эвана уже прошел, и поэтому решил воспользоваться возможностью, чтобы задать мучивший его вопрос.

— Ты не отправишь Сару обратно в тюрьму, ведь так?

— Я и не говорил, что собираюсь это сделать. — Эван сначала хотел припугнуть девушку, обвинив ее в том, что она охмурила Габриеля, но его гнев быстро прошел. Когда Эван успокоился, он признал, что у нее доброе сердце.

— Все вышло так неожиданно, Эван. Никто этого не ожидал. Сара даже пыталась отвергнуть меня. Она — особенная девушка.

— И все равно у Сары есть обязательства, поэтому вам обоим придется подождать, пока ее срок не закончится. — Эван не думал о том дне, когда она уйдет, но он понимал, что дети будут скучать по ней. И если быть честным до конца, то и он тоже. Когда Сара выйдет замуж за Габриеля, возможно, они устроятся в Кингскоте, и девочки смогут видеться с ней, если только люди станут уважать ее как жену Габриеля.

— Знаю, Эван. И я даю слово, что буду вести себя достойно.

— Больше не будем говорить об этом, — вздохнул он. Его всегда смущали разговоры о чувствах. — Мне надо позаботиться о поросятах.

Настоящая Сара наблюдала за ними из окна своей комнаты. Она не слышала, о чем говорили Эван и Габриель, но по жестам поняла, что Финнли зол. Вероятно, вмешательство Эдны уже разрушило идиллию любовников. «Вот и поделом этой мерзкой, заносчивой девице!» — подумала Сара. Когда она спросила, как прошел разговор с Габриелем Доннели, Эдна заметила, что молодой незамужней девушке не пристало говорить о таких вещах. Сара надеялась, что Эван не отправит Амелию в тюрьму, а просто разлучит любовников. Именно этого она и хотела.

Эдна написала другу семьи Артуру Буну, который сам не мог помочь ей, но его брат работал клерком в городском Верховном суде и имел доступ к различным бумагам. Эдна подумала, что Артур сможет добыть какую-нибудь информацию о Саре Джонс через своего брата. У миссис Эшби были друзья и в Англии, которые тоже смогли бы помочь, но на выяснения ушли бы месяцы, а от Артура можно получить ответ уже через три недели.

На следующее утро Габриель зашел в Хоуп-Коттедж попрощаться с Эдной и Чарльтоном. Сара осталась в своей комнате, предусмотрительно открыв дверь. Она не хотела видеться с ним, но надеялась подслушать разговор.

— Я хочу поблагодарить вас за гостеприимство, — сказал Габриель.

— Ты вскоре вернешься, не так ли, Габриель? — спросила Эдна.

— Да. Надеюсь, что через пару дней.

— Эдна сказала, что ты поступил на работу лоцманом в Непеан-Бэй. Я рад, что ты вернешься в город, — улыбнулся Чарльтон. Он понимал, что Габриель больше не мог оставаться на маяке, в первую очередь из-за жены Эдгара Диксона. Мисс Джонс — не единственная причина устроиться в Кингскоте, подумал Чарльтон.

— Спасибо, Чарльтон, я с нетерпением жду, когда снова буду работать лоцманом.

— Простите, мистер Эшби, — вмешалась Полли. — Мне нужен мешок муки из кладовки.

— Ах да, Полли, сейчас принесу. Одну секунду, Габриель, — добавил он и отправился помочь Полли.

Когда Полли и Чарльтон ушли, Эдна проговорила:

— Я написала о мисс Джонс одному нашему другу в Хобарт-Таун, Габриель. Я еще не сказала об этом Чарльтону. Сначала посмотрю, что он ответит.

Сара едва не лопнула от злости, услышав это. Во-первых, потому, что Эдна ничего не сказала об этом ей. И во-вторых, потому, что все прямо-таки горели желанием помочь этой ужасно эгоистичной и самодовольной девице. Никто не захотел помочь ей, Саре, когда она была осужденной. Но чары Амелии, казалось, действовали даже тогда, когда все знали, что она преступница. Ну почему? Сара с трудом удержалась, чтобы не заплакать.

Она быстро прикинула в уме, какие черты могли отличать ее от настоящей Амелии. Основные приметы: возраст, цвет волос, телосложение, родимые пятна. Об этом можно не волноваться, но что, если Эдна все же узнает? Сара постаралась вспомнить что-то такое, что отличало двух девушек.

— Спасибо вам, Эдна, — поблагодарил Габриель. — Как я уже сказал, буду рад узнать хоть что-нибудь. Дату рождения, место, где она родилась. Есть ли у нее семья. Уверен, Сара захочет однажды вернуться в Англию, чтобы повидать свою семью. Если вы сможете узнать адрес, это будет великолепно. Возможно, она захочет написать им.

У Сары перехватило дыхание.

— Я попросила узнать все, что только возможно, — ответила Эдна.

— Я начинаю работать в следующий вторник. Но приехать собираюсь в понедельник утром, так как мне еще нужно найти жилье.

— Почему бы тебе не остановиться у Лэнса? — предложила Эдна. — Там полно места. У тебя будет своя комната, ты можешь пользоваться

кухней, ванной и гостиной. Лэнс раньше сдавал комнату и отлично ладил с квартирантом. Он очень покладистый молодой человек.

— Уверен в этом, и он тоже предложил мне снимать комнату. Конечно, это очень мило с его стороны, но я не уверен, что это хорошая идея. Я не хочу расстраивать Эвана.

— Полагаю, что ты рассказал ему, что влюблен в мисс Джонс?

— Да, он очень разозлился. Наверное, я выбрал неподходящее время. Он очень устал после долгой дороги, но я понял, что больше нельзя ждать. Но когда Эван отдохнул, он отнесся к этому гораздо лучше. Больше всего я боялся, что он отправит Сару обратно в тюрьму, но Эван заверил меня, что не сделает этого.

Сара обрадовалась. Теперь она могла надеяться, что вступит в права на наследство, прежде чем Эдна получит ответ из Хобарт-Таун.

— Ты долго жил рядом с Эваном на мысе, поэтому я уверена, что у тебя не будет проблем, если устроишься у Лэнса. Скажи об этом Эвану, и посмотри, что он скажет, — посоветовала Эдна.

Габриеля одолевали сомнения. Он отчаянно хотел быть рядом с возлюбленной, но не хотел неприятностей. Габриель попрощался с Эдной и Чарльтоном и, передав поклон их подопечной, которая не выходила сегодня из комнаты, ушел.

Он отправился попрощаться с семьей Эвана. Габриель осторожно постучался в дверь. Эван сидел за кухонным столом, а Майло расположился у него на коленях.

— Заходи, — позвал он.

Амелия мыла посуду. Понимая, что Эван внимательно наблюдает за ним, Габриель не стал обращаться к ней.

— Я направляюсь на пристань, — сообщил он.

Эван бросил мимолетный взгляд на девушку. Она слушала, но не смотрела на Габриеля.

— Значит, ты уезжаешь.

— Да, корабль отходит в десять. Капитан Картрайт высадит меня на мысе вечером. А потом они отправятся рыбачить с южной части острова.

— Счастливого пути. И еще раз спасибо, что помог перевезти сюда мою семью.

— Мне это было приятно, — ответил Габриель и тут же покраснел, поняв, что Эван может неверно истолковать его слова.

Наступило неловкое молчание.

— Где ты собираешься остановиться, когда вернешься? — наконец спросил Эван. Амелии тоже хотелось знать.

Габриель начал говорить, осторожно подбирая слова.

— Я еще не решил. Лэнс предложил мне комнату... но, может быть, я устроюсь где-нибудь поближе к пристани.

Эван оглядел пустой стол и ничего не ответил.

— Что ж, всем до свидания. Я зайду, когда вернусь. — Направившись к двери, Габриель взглянул на Амелию, девушка печально улыбнулась, словно стараясь подбодрить его.

Амелия повернулась к раковине, чтобы Эван не увидел ее слез, но он заметил, как вздрагивали ее плечи. Эван не выносил женских слез и вышел на улицу.

Кейп-дю-Куэди

Корабль «Рыба-меч» вошел в бухту Вейрс-Коув на закате. Эдгар как раз зажег лампу и наблюдал за этим. Когда он добрался до скалы, Габриель уже карабкался вверх по скользким ступеням.

— С возвращением, — приветствовал его Эдгар, когда Габриель оказался на вершине.

— Спасибо, Эдгар, — ответил Габриель, оглядывая море. Он будет скучать по этому прекрасному месту, но не так сильно, как он уже скучал по Саре.

Мужчины направились в дом Габриеля, чтобы скрыться от никогда не утихающего ветра.

— Если бы я знал, что вы приедете сегодня вечером, то натопил бы печь. Можем пойти ко мне, если вам очень хочется чаю.

— Не беспокойтесь, Эдгар. Я пил чай на корабле. Как тут дела?

— Хорошо. Все тихо, на море без происшествий.

— Значит, вы легко справляетесь?

— Да. Теперь ночи короче, так что нет никаких трудностей.

— Рад это слышать, Эдгар, потому что я не останусь. Я буду работать лоцманом в Непеан-Бэй.

— Вы уже работали лоцманом раньше, не так ли?

— Да, и мне по душе эта работа. Я бы не оставил вас одного, но у вас есть Карлотта. Большинство смотрителей справляются с работой, если у них есть жена.

Эдгару пришлось признать, что последние несколько дней Карлотта стала спокойней. Казалось, она даже вполне довольна всем. Возможно,

было бы проще жить с ней, если бы они остались только вдвоем.

— Когда вы собираетесь уехать? — спросил он Габриеля. Вошли в дом, где Габриель бросил на пол сумку, висевшую у него на плече.

— Я должен быстро собраться, хочу уехать в воскресенье вечером. Я попросил капитана Картрайта забрать меня, если вы, конечно, не против.

— Нет, конечно. Ваше решение несколько неожиданно, но я очень рад за вас, — с теплотой произнес Эдгар.

— Спасибо. — Габриель был тронут. Как ужасно, что такому милому человеку приходится страдать от злой и избалованной жены, подумал он. — Сегодня я подежурю в первую смену, чтобы вы могли отдохнуть.

— В этом нет необходимости. Я могу дежурить всю ночь — надо к этому привыкать. Вам еще нужно собрать уйму вещей.

Карлотта искала мужа, когда услышала голоса в доме Габриеля. Ее сердце радостно забилося.

— Габриель, — проговорила она с улыбкой, войдя в дом.

Эдгар удивился, как счастлива его жена видеть Габриеля.

— Да, дорогая, Габриель приехал, — проговорил Эдгар и повернулся к нему. — Нужно почистить линзы, поговорим позже.

— Хорошо, — ответил Габриель, надеясь, что Карлотта уйдет вместе с мужем.

— Ты идешь, дорогая? — спросил ее Эдгар.

— Нет. Я догоню тебя, — ответила Карлотта.

— Простите, Карлотта, но у меня есть дела.

Габриель надеялся, что женщина поймет этот недвусмысленный намек и оставит его.

Карлотта не двинулась с места. Она лишь улыбнулась.

— Как дела у Финнли? — стараясь казаться спокойной, спросила она.

Габриель не мог поверить, что у нее хватило наглости остаться и спрашивать о чем-либо. Больше Габриель не мог сдерживать себя. Подумав о том, что Карлотта сделала с малышом, он вскипел.

— Как вы смеете задавать мне такие вопросы после того, что сделали с Майло?

Карлотта покраснела.

— Я не знаю, о чем вы говорите.

— Черта с два. Вы отравили Майло, чтобы отделаться от Сары.

— Я ничего такого не делала, — мрачно ответила она, безуспешно стараясь изобразить невинность.

Эдгар был уже на полпути к маяку, когда вспомнил, что хотел спросить Габриеля о масле для лампы, и вернулся к дому. Кипя от гнева, Габриель

обвинял его жену в отравлении сына Эвана. Эдгар был так потрясен, что застыл у двери.

— Я сразу подумал — это довольно странно, что вы внезапно проявили интерес к растениям на острове, а затем вдруг очень захотели приготовить печенье для семьи Финнли. Очевидно, вам удалось незаметно дать Майло особую выпечку, чтобы заболел только он. Не смейте этого отрицать. Врач в Кингскоте сказал, что мальчик съел что-то ядовитое. И если вы думаете, что победили, отделавшись от Финнли, его семьи и особенно от Сары, вы ужасно ошибаетесь. Карлотта, вам не удалось соблазнить меня. Я уезжаю.

Эдгар был просто раздавлен. Уж точно его жена не могла сотворить подобное.

— Уезжаешь! — завизжала Карлотта. — Ты не можешь уехать.

Эдгар услышал отчаяние в голосе жены, и это поразило его до глубины души.

— Могу. И уеду. Я устал от вашей назойливости. Я уважаю Эдгара, он нравится мне как человек, но судьба жестоко пошутила над ним, когда он решил жениться на вас. Вы — жестокая и злая женщина. Признайтесь, что ваше кольцо никто не брал! Вы просто спрятали его, не так ли?

— Ну... да! — бросила в ответ Карлотта. — Но она *могла бы* украсть кольцо. Она ведь воровка.

Эдгар услышал достаточно. Он повернулся и направился к маяку. На негнущихся ногах бедняга поднялся по ступеням. Наверху, в ламповой комнате, он рухнул на стул и посмотрел на море. Вода мерцала, переливаясь в алых лучах заходящего солнца, но сейчас эта красота не трогала Эдгара. В глубине души он знал, что Карлотта никогда не любила его, но все же надеялся, что со временем он понравится ей. Эдгар надеялся, что она научится ценить его доброту и чуткость, поймет, что он надежный человек. Но после всего, что он услышал сейчас, он почувствовал себя последним глупцом на свете. Боже! Карлотта пыталась отравить Майло! А ведь это муж помог найти ей ядовитое растение.

Кингскот

— Где отец? — спросил Лэнс Эдну, когда заглянул к ней вечером.

— Он в соседнем доме, с Эваном. Они осматривают посевы пшеницы.

— Разве она уже созрела?

— Вообще-то ее не стоит убирать еще пару недель, но в ближайшее время предсказывают дожди, и твой отец боится, что урожай погибнет. Думаю, он попросит Эвана приступить к уборке. Я не уверена, что мы за нее выручим достаточно, но что-то все же лучше, чем ничего. А так может случиться, если начнутся дожди.

— Сбор урожая — слишком тяжелая работа для одного человека, особенно для такого неопытного в этом деле, как Эван Финнли. Габриель рассказывал, что он занимался на ферме только скотиной.

— Уверена, что твой отец поможет ему.

— Я могу отпроситься с работы на несколько дней, чтобы помочь, — проговорил Лэнс. — Сейчас у нас не так много дел.

Эдна засмеялась, и Лэнс несколько обиделся.

— Твои нежные руки не выдержат такой работы, сынок.

Лэнс продолжал обиженно смотреть на нее.

— Я не слышал этого, мама. — Лэнс взглянул на Полли, которая собиралась налить ему чаю. — Не надо, Полли, я пойду предложить свою помощь.

Сара сидела в гостиной и все слышала. Она была уверена, что Лэнс отправился в дом по соседству еще и потому, что хотел видеть Амелию. Сара позеленела от злости.

Эдна и Полли все еще смеялись над Лэнсом и не заметили, как Сара выскользнула на улицу. Амелия снимала белье и складывала его в корзину. В золотистых лучах заходящего солнца ее лицо было особенно прекрасно. Затаив дыхание, Сара следила, остановится ли Лэнс рядом с Амелией.

— Много же вам приходится стирать, — проговорил Лэнс, обращаясь к Амелии. Корзина была полна.

— Когда в семье шесть детей, стирка кажется бесконечной, — дружелюбно ответила Амелия.

И снова Лэнса поразила ее красота. Даже после тяжелого дня девушка выглядела восхитительно. Неудивительно, что Габриель отдал ей свое сердце.

— Позвольте, я помогу вам донести корзину.

— Это очень галантно с вашей стороны, но я сама справлюсь, — ответила немного смущенно Амелия. Она радовалась, что Эван сейчас в поле, Амелия не хотела, чтобы он злился.

— Мне нужно поупражняться, — улыбнулся Лэнс. — Я только что сказал маме, что буду помогать Эвану и отцу собирать урожай. А мама посмеялась надо мной. Конечно, я работаю в банке, но мои руки не такие уж нежные.

Амелия не смогла сдержать улыбки, уловив мальчишескую обиду в голосе Лэнса.

— Видели бы вы мои волдыри, когда я начала работать на ферме у Эвана. Не руки, а одна сплошная рана.

Лэнсу хотелось знать об этой женщине все.

— Расскажите поподробнее, — попросил он.

Сара смотрела и сгорала от злости. С тех пор как приехала Амелия, Лэнс практически перестал замечать ее. Сара мечтала о том, что женит на себе Лэнса, но она не хотела прибегать к решительным действиям. Теперь она передумала.

Глава 29

Кейп-дю-Куэди

На следующее утро Габриель начал собираться. Карлотта, к счастью, весь день оставалась у себя в доме. Эдгар спал до полудня, а затем принес Габриелю список того, что ему понадобится из продуктов и товаров. Он хотел, чтобы Габриель забрал список с собой в Кингскот. Он также написал письмо властям города с просьбой о том, чтобы почту доставляли по морю, так как на мысе больше нет лошади, нет возможности забирать корреспонденцию у Роки-Ривер. Эдгар написал все это на маяке, чтобы избежать встречи с женой и Габриелем. Его очень ранили слова, которые он услышал вчера.

Днем Габриель поспал. Он настоял, что отправится дежурить в первую смену. Габриель признался, что хочет насладиться видом, открывающимся с маяка, еще один раз.

Только смотритель маяка мог понять такое желание, и Эдгар сдался, содрогнувшись при мысли, что эту ночь ему придется провести с женой.

У Карлотты весь день было отвратительное настроение, она занимала себя приготовлением еды, выпечкой и отправилась спать рано. Карлотта легла спать, когда пришел Эдгар. Он должен был сменить Габриеля примерно в полночь. Целый час пролежав в постели, Эдгар так и не смог уснуть. Он продолжал размышлять о том разговоре, когда вдруг услышал, как Карлотта осторожно слезла с кровати и оделась в темноте. Она выскользнула из спальни, и Эдгар тихо последовал за ней. Карлотта открыла входную дверь, чтобы выйти на улицу, Эдгар понял, что она задумала.

— Вернись в постель, Карлотта, — гневно велел он.

Итальянка вскрикнула от неожиданности и обернулась. В темноте она могла различить только темный силуэт мужа.

— *Я* хотела... выйти погулять, — пробормотала она. На улице моросил холодный дождь, ее оправдание было абсурдным. Карлотта даже не надела плащ.

— Ты слышала, что я сказал, — прорычал Эдгар. Никогда раньше муж так не разговаривал с ней. — Ты моя жена и будешь делать так, как я скажу.

Карлотта потеряла дар речи. Перед ней стоял словно незнакомый человек.

— Когда Габриель уедет, ты сможешь переселиться в его дом или же

убраться отсюда. Мне совершенно все равно, что ты решишь, но больше ты не будешь спать в одной постели со мной. Когда мой контракт здесь закончится, я вернусь в Англию один. И я буду молить Господа, чтобы он помог мне забыть, что я вообще когда-то видел тебя.

Впервые Карлотта не нашлась что сказать. Она молча прошла мимо мужа в спальню и снова разделась. Эдгар последовал за ней и тоже лег. Он чувствовал себя так, словно тяжелая ноша свалилась с его плеч. Женитьба на Карлотте была самой большой ошибкой в его жизни. Он не ждал, что она будет любить его, но, по крайней мере, надеялся на ее верность, однако напрасно.

На следующий день Габриель решил сходить проведать ферму Эвана. Габриель был уверен, что Эван спросит его о том, как дела на ферме, и ему хотелось рассказать приятелю, что он побывал там. Когда-нибудь, когда дети вырастут, фермер собирался вернуться сюда.

Он знал, что продавать ферму нет смысла, так как немногие согласятся жить в такой глуши, и он всегда чувствовал, что однажды он должен найти покой рядом с Джейн и малышом Джозефом. Эта мысль успокаивала Эвана и давала силы жить. Посетив их могилы перед отъездом в Кингскот, он поклялся, что вернется. Эван понимал, что это не очень разумно, но ему казалось, что он получил благословение от Джейн, потому что поступает правильно, во имя их детей.

Карлотта наблюдала за Габриелем из окна своего дома. Она старалась не попадаться Эдгару на глаза, что было совсем не трудно, так как Эдгар избегал встречи с ней. Когда Габриель по узкой тропе направился в сторону фермы, Карлотта поняла, куда он идет. Это была последняя возможность оказаться с Габриелем наедине. Она решила действовать. Эдгар ушел в ламповую, поэтому не мог видеть, что она последовала за Габриелем.

Габриель проверил крышу дома Эвана и хижину, в которой спала Сара. Так как ветра на мысе, по обыкновению, довольно сильные, то плоские железные листы, несмотря на верхний слой из соломы, иногда слетали. Затем Габриель зашел за дом, проверив стены снаружи, чтобы убедиться, что никакие животные не постарались пролезть внутрь. Выходя из-за дома, Габриель наткнулся на Карлотту и вздрогнул от неожиданности.

— Что вы здесь делаете? — проворчал он.

— Ну, не нужно быть таким букой, Габриель, — нежно проговорила Карлотта. — Мы ведь можем остаться друзьями, *vero*?

— Конечно нет. Меня от вас тошнит.

Габриель протиснулся мимо итальянки и пошел к конюшне. Он снова посмотрел на железную крышу, а затем мельком оглядел хлев. Дикая животные, очевидно, побывали здесь и покопались в земле, но в основном все было в порядке.

— Как ты можешь обвинять меня в том, что я желаю тебя, ведь я замужем за стариком? — спросила она.

— Вы никогда не найдете себе такого хорошего мужа, как Эдгар, — гневно ответил Габриель.

— Ему недолго быть моим мужем. Я уеду отсюда, как только смогу.

— Не появляйтесь даже в окрестностях Кингскота. — предупредил ее Габриель.

Карлотта не обратила внимания на железные нотки в его голосе и направилась к Габриелю, покачивая бедрами. Шаг за шагом она приближалась к нему, медленно расстегивая блузку, а в ее черных глазах горел огонь вождления.

Габриель взглянул на ее пышные груди, когда она раскрыла блузку.

— Я могу сделать тебя очень счастливым мужчиной, — хрипло прошептала она.

— Не трать время зря, Карлотта. Я бы не дотронулся до тебя, даже если бы мы остались единственными людьми на острове на десять лет.

Карлотта замахнулась на Габриеля, пытаясь ударить его по лицу, но он намертво схватил ее руку.

— Я скажу мужу, что ты насильно взял меня, — злобно выпалила итальянка.

— Если ты будешь делать мне гадости, я расскажу властям, что ты травила Майло.

— Никто тебе не поверит, — прошипела она.

— Хочешь проверить? — Габриель оттолкнул женщину и направился обратно к маяку.

Эдгар вышел из дома, когда Габриель шел к маяку. Он искал его и начал волноваться, заметив, что жены тоже нигде нет. Эдгар увидел, что Габриель чем-то разгневан, и сразу же подумал, что Карлотта последовала за ним на ферму Эвана. Но где же она?

— На ферме все хорошо? — спросил Эдгар.

— Да. Если у вас будет время, могли бы вы иногда навещать туда? Эван собирается когда-нибудь вернуться. Возможно, и я вернусь сюда. — Габриель подумал, как прекрасно будет провести здесь несколько месяцев наедине с Сарой, когда закончится ее срок. Конечно, если она согласится. Однако он никогда не вернется на мыс, пока здесь будет Карлотта.

— Я буду присматривать за фермой, — пообещал Эдгар. — Когда я соберусь уехать, то попрошу моего сменщика делать это.

— Спасибо, Эдгар, — поблагодарил Габриель. — Мы работали не так долго вместе, но мне было приятно работать с вами.

Эдгар понял, что Габриель был с ним откровенен.

— Мне тоже было приятно работать с вами.

Эдгара злило, что именно Карлотта была виновна в отъезде Габриеля. Ей за многое предстоит держать ответ. Эдгар все еще никак не мог поверить, что она травила малыша Майло. Этого он никогда не простит ей.

Габриель направился в свой дом, а Эдгар пошел по тропинке к ферме. Как он и предполагал, вскоре на тропинке появилась Карлотта, которая шла ему навстречу, поправляя прическу. Эдгар не без удовольствия отметил, что у жены очень недовольное лицо.

— Вот ты где! Что, Габриель снова отшил тебя?

— Нет, — ответила она и покраснела.

— Ты лжешь. Но мне наплевать, даже если бы ты переспала с десятью.

Самолюбие Карлотты не могло вынести, что мужа не интересуется ее поведение. Он блефовал. Она была уверена в этом.

— Я уезжаю вместе с Габриелем.

— Только не на том же судне, дорогая, — улыбнулся Эдгар.

— Ты меня не остановишь, — выпалила Карлотта. Ночью он застал ее врасплох, но итальянка знала, что, когда она выходит из себя, муж всегда сдается.

— Мне и не придется, — ответил Эдгар на удивление спокойно. — Габриель скорее бросит тебя акулам, чем возьмет с собой.

— Ты уверен?

— Совершенно.

Полностью униженная, Карлотта замахнулась на Эдгара, но второй раз за двадцать минут ее остановили.

— Я почти могу понять, почему ты засматриваешься на молодых мужчин, Карлотта, но я не в силах осознать, как ты решилась травить маленького мальчика только для того, чтобы отделаться от Сары. Ты мерзкая, мне тошно даже говорить с тобой. — Эдгар повернулся и пошел прочь.

— К черту вас обоих, — закричала вслед ему Карлотта. Эдгар не видел, как слезы побежали у нее по щекам, но теперь ему было все равно.

Вечером после ужина Сара сказала Эдне и Чарльтону, что ляжет спать рано. Они же захотели прогуляться. Так как вечер был прекрасным, на небе светила полная луна, мерцали звезды, чета Эшби направилась в Ривз-Пойнт. Полли закончила все свои дела и пошла в свою комнату написать семье. Сара, воспользовавшись тем, что осталась одна, тайком направилась в дом Лэнса. Она предусмотрительно оставила окно открытым, чтобы вернуться домой незамеченной.

Сара тихо постучала в дверь Лэнса.

Через несколько мгновений он открыл дверь. Лэнс был явно удивлен.

— Амелия, что ты тут делаешь? — спросил он.

— Я хотела тебя видеть. Могу я войти?

— Да, конечно.

Сара нервничала. Ей требовалось несколько глотков хереса, чтобы обрести уверенность и выполнить задуманное.

— Я не помешала, да? — спросила она.

— Я занимался бумагами, что принес с работы, — ответил Лэнс. Правда, все это время он думал о работнице Эвана и поэтому почти ничего не сделал. — Не желаешь чаю? — спросил он, провожая Сару в гостиную.

— Нет, но я с удовольствием выпила бы вина.

Лэнс немного удивился, но не подал виду.

— Моя мама всегда заботится о том, чтобы у меня дома было вино. Она говорит, что это для гостей, но только сама его и пьет. — Молодой человек налил гостею вина, а себе бренди.

Сара взяла бокал и залпом опустошила его.

— Вот это да! — Лэнс в изумлении посмотрел на нее.

— Я просто хочу пить. Можно еще?

— Еще только один, — сказал Лэнс шутливым тоном, взяв у Сары бокал. — Но теперь пей вино медленно. Если ты появишься дома навеселе, мама отберет у меня спиртное.

Девушка с притворно скромной улыбкой приняла полный бокал из рук Лэнса и сделала несколько глотков. Она почувствовала, как тепло разлилось по телу, и это придало ей смелости.

— В этой комнате обстановка кажется такой теплой, — заметила Сара.

— Ты так думаешь?

Лэнс никогда не обращал на это внимание. Его гостиная была совсем не так хорошо обставлена, как комната в доме родителей, но он и не бывал здесь часто. Большую часть времени он проводил на работе, в разъездах или у родителей. Дома Лэнс только спал. Почему она вдруг так заинтересовалась его гостиной?

— У тебя замечательный дом, Лэнс. Он такой... уютный. — Сара часто представляла себя, как живет вместе с Лэнсом в этом доме.

— Это просто крыша над головой. — Лэнс удивился такой внезапной перемене настроения девушки.

— Могу я осмотреть дом?

— Да, пожалуйста.

— Сколько у тебя спален?

— Три.

Сара пошла по коридору. Она открыла дверь комнаты, которая, очевидно, была спальней Лэнса. В ней стояла огромная железная кровать, рядом с которой был гардероб и туалетный столик.

— Должно быть, это твоя спальня. В ней чувствуется мужская сила, — прошептала девушка, смутив Лэнса еще больше.

— Неужели? — Он начал слегка нервничать.

Эта девушка изменилась каким-то странным образом. В ней ощущалась уверенность, доселе не замеченная Лэнсом.

Сара поставила бокал с вином на прикроватный столик и села на кровать, несколько раз подпрыгнув на матрасе.

— Эта кровать, наверное, очень удобная. — Она посмотрела на Лэнса и призывно взмахнула ресницами.

Лэнс застыл у открытой двери.

— Да, — произнес он. Ему стало как-то не по себе.

— Я часто мечтаю о том, где буду жить после свадьбы, и о том человеке, за кого выйду замуж. Будущее так загадочно, не так ли?

— Вероятно, но полагаю, что неопределенность только добавляет интереса.

— Могу я спросить тебя о чем-то очень личном, Лэнс?

— Полагаю, да. — Он молил о том, чтобы она снова не заговорила об их отношениях.

— Я бы не стала задавать этот вопрос, но у меня нет человека, с которым я могла бы быть откровенной.

— А моя мать? Ты можешь поделиться с ней, — быстро предложил Лэнс.

— Ее удар хватит, если я задам ей вопрос, который хочу задать тебе. — Сара нервно рассмеялась.

— О! — растеряно воскликнул Лэнс. Он попытался не обращать внимания на охватившее его чувство тревоги. — Тогда, может быть...

Сара легла на кровать, откинувшись на подушках.

— Расскажи, каково это, заниматься любовью? — перебила его она на

полуслове.

— Амелия! — Глаза Лэнса, казалось, сейчас выскочат из орбит.

— Мне некого спросить, — продолжала бесстыдница. — Ты же знаешь, ведь так?

Лэнс готов был провалиться сквозь землю.

— Прости, что смутила тебя. — Сара опустила глаза. Она была рада, что хотя бы заставила его думать о сексе. Девушка снова посмотрела на Лэнса. — Подойди, сядь рядом, — попросила она.

— Думаю, нам надо пойти в гостиную, — прервал он ее и вышел из спальни.

Сара не собиралась так просто сдаваться. Она глубоко вздохнула, поднялась и последовала за Лэнсом в гостиную. Когда она вошла туда, он уже сидел в большом кресле.

«Если он так скромно ведет себя, то я должна взять инициативу в свои руки», — подумала Сара и села к Лэнсу на колени, одной рукой обняв его за шею.

— Что на тебя нашло, Амелия? — Лэнс был поражен.

— Почему ты никогда не целовал меня, Лэнс?

— Я... не знаю, — пробормотал он. — Амелия, ты пьяна?

— Пока нет, но я не откажусь еще от одного бокала, если ты не против.

— Не думаю, что это хорошая идея.

— У тебя есть идеи получше? — Она прижалась к Лэнсу грудью.

— Амелия, что ты делаешь?

Сара была уверена, что Лэнс в ее руках.

— Пытаюсь тебя соблазнить, — промурлыкала она ему на ухо.

— Зачем ты это делаешь?

— Лэнс, ты очень красивый мужчина, и я хочу, чтобы ты занялся со мной любовью. — Она поцеловала его в ухо. — Прямо сейчас.

— Амелия! — Лэнс встал. — Я не могу. Думаю, тебе лучше сейчас пойти домой.

Сара оторопела. Она знала, что она не самая привлекательная девушка в округе, но была уверена, что если открыто предложит себя Лэнсу, он непременно воспользуется такой возможностью.

— Почему ты отвергаешь меня?

— Я не прощу себе, если скомпрометирую тебя. А теперь иди домой. — Он проводил девушку к двери и почти что вытолкнул ее на улицу. — Утром ты будешь благодарить меня, Амелия.

Сара заплакала. Она была уверена, что Лэнс не сможет устоять и займется с ней любовью, если она открыто скажет, что желает этого.

— Это все ты виновата, Амелия Дивайн, — прошипела Сара.
Потрясенный Лэнс остался стоять за дверью и услышал ее слова.

— Почему Амелия разговаривает сама с собой? — пробормотал он. —
Какая странная девушка.

Униженная и злая, Сара направилась домой. Она пошла в обход дома к открытому окну и сквозь пелену слез не заметила Эдну и Чарльтона, которые шли по дороге, возвращаясь с прогулки.

— Амелия, дорогая, что случилось? — спросила Эдна, услышав, что девушка всхлипывает.

Сара испугалась. Как она объяснит все это? Она покачала головой, притворившись, что не может сейчас говорить.

— Что произошло? — спросил Чарльтон.

Сара подошла к Эдне и положила голову ей на плечо. Женщина повела ее в дом и проводила в комнату.

— Я принесу вам шерри, — пообещал Чарльтон.

— Нет, спасибо, Чарльтон, — поблагодарила Эдна. Она почувствовала, что от ее подопечной пахнет вином, поэтому посчитала, что девушке пить больше не нужно.

Эдна закрыла дверь в комнату и усадила Сару на кровать.

— А теперь успокойся и расскажи мне, что случилось, милая, — нежно попросила она.

Внезапно Саре пришло в голову, что она, вероятно, сможет извлечь выгоду из этой ситуации.

— Мне так стыдно, — прохныкала Сара, уткнувшись лицом в подушку.

— Стыдно? — забеспокоилась Эдна. — Ты не сделала ничего такого, чего можно было бы стыдиться, милая.

Сара кивнула, а затем вытерла слезы.

— Я не хочу, чтобы вы ненавидели меня, тетя.

— Амелия, милая, такого никогда не случится. Ты же знаешь. Расскажи, что произошло?

— Я была... только что в Черити-Коттедж.

— Да? — удивилась Эдна.

— Я была... — Сара нарочно запнулась и глубоко вздохнула. — Кое-что случилось, — наконец проговорила она. Надо было заставить Эдну думать, что Лэнс обесчестил ее, тогда она велит сыну жениться на ней.

— О чем ты говоришь, Амелия? У Лэнса все хорошо?

— Да, с ним все в порядке. — Сара старалась выглядеть так, словно сгорает от стыда.

— Тогда что значит... кое-что случилось?

— Я не хочу, чтобы вы сердились на Лэнса, тетя. Обещайте, что не рассердитесь.

— Конечно, я не стану сердиться, — пообещала Эдна. — В чем дело, Амелия? Лэнс чем-то расстроил тебя?

— Нет... он...

— Он что, Амелия? Он сделал что-то другому человеку?

— Нет.

— Тогда почему ты плачешь? — Эдна вдруг вспомнила слова Лэнса о том, что Амелия часто выдает желаемое за действительное, считает, что он питает к ней романтические чувства. Вероятно, девушка снова захотела внимания с его стороны, но сегодня Лэнс расставил все точки над «i», что и расстроило бедняжку. Ее подопечная утверждала, что ей стыдно. Вероятно, девушка сказала ему о своих чувствах. Зная, что Лэнс обожает Оливию, Эдна подумала, что сын слишком жестко обошелся с Амелией. — Не надо больше ничего говорить, дорогая. — Эдна не хотела еще больше смущать девушку.

— Но...

— Иди в постель. Если захочешь, мы поговорим завтра утром. — Эдна вышла из комнаты, оставив Сару в полном недоумении. Для нее было полной неожиданностью, что тетушка не стала больше расспрашивать ее.

На следующее утро ни Эдна, ни Чарльтон не сказали ни слова о вчерашнем вечере. Они вели себя так, словно ничего не случилось. Эдна решила сначала спросить Лэнса, что произошло. Но не застала сына дома в воскресенье утром, он уехал на чай к своему другу, Джонатану Андерсону.

Хотя Сара и была поражена, что Эдна словно забыла о случившемся, она приготовила запасной план. Когда Полли отправилась кормить кур, Сара отправилась вслед за ней.

— Полли, могу я задать тебе личный вопрос? — спросила Сара.

— Да, Амелия. — Полли была заинтригована.

Сара поморщилась, делая вид, будто трудно подобрать слова.

— А как... женщина узнает, что у нее... будет ребенок?

— Ребенок? — Полли удивленно посмотрела на Сару.

Сара кивнула и огляделась вокруг, словно не хотела, чтобы кто-то мог подслушать их разговор.

— Да, — прошептала она. — Сколько времени после... — Ей не пришлось притворяться, ее лицо залила краска при одной мысли о том, что могло бы произойти тогда у Лэнса дома. — Ты знаешь, сколько времени

должно пройти... после близости с мужчиной, когда женщина поймет, что она зачала?

— А зачем вам, Амелия?

— Не могу сказать, Полли, но я была бы признательна, если бы ты рассказала мне о признаках беременности.

Полли задумалась.

— Полагаю, у вас должна быть пауза в месячных, возможно, вас начало бы тошнить. Это все, что рассказала мне мама. Она сказала, что мы еще поговорим об этом после моей свадьбы.

— Спасибо, Полли.

— Вам разве не лучше поговорить об этом с миссис Эшби, Амелия?

— Когда... будет подходящий момент. — Сара поспешила домой, в свою комнату, где долгое время размышляла над сложившейся ситуацией. Она была уверена, что рано или поздно Полли начнут одолевать сомнения или же она просто не сможет больше умалчивать об этом разговоре.

— Полли, я пришла, — прокричала Эдна в сторону кухни, когда вернулась домой от Сильвии Стратборн, где они пили чай.

Полли все утро думала только о том, с кем же могла быть близка молодая леди. Она ездила в город лишь однажды, единственным знакомым мужчиной, с кем она встречалась, был Лэнс. Лэнс! Он — единственный мужчина, кто мог бы... быть с мисс Амелией, внезапно поняла Полли. Она решила, что должна сказать миссис Эшби.

— Полли, почему ты такая бледная? Что случилось? Ты себя хорошо чувствуешь?

— Я... Амелия недавно спросила меня кое о чем, миссис Эшби. Она не предупредила, что это следует сохранить в тайне.

— Тогда расскажи мне, — попросила Эдна. После того, что случилось вчера вечером, любая информация о ее подопечной полезна.

Полли решила, что, если молодая госпожа ждет ребенка, миссис Эшби все равно станет известно.

— Амелия спросила меня, как женщина узнает, что станет матерью, миссис Эшби.

— Станет матерью? Ты хочешь сказать... беременна?

— Да, миссис Эшби.

— Зачем Амелии спрашивать об этом?

Полли не нашлась, что ответить. Она просто стояла и смотрела на Эдну.

— Наверняка... Амелия не имела в виду себя? Нет, конечно же нет, —

размышляла Эдна, сама отвечая на свой вопрос. — Сама мысль об этом абсурдна. Амелия ни с кем не встречалась... кроме... — Эдна побледнела. — Кроме Лэнса, — прошептала она. Вчера вечером Амелия была в доме Лэнса. Но Лэнс ни за что не переступил бы черту. Никогда!

— Она ничего мне не сказала, миссис Эшби. Она просто хотела знать, как скоро после... близости с мужчиной... женщина узнает, что беременна.

Эдна ахнула. Она вспомнила, что девушка говорила, как ей стыдно, и просила не сердиться на Лэнса.

— Мой Бог! — Эдна рухнула на стул.

Глава 30

Эдна сделала глубокий вдох и постучала в дверь комнаты своей подопечной.

— Войдите, — тихо сказала девушка. Она ждала Эдну и была готова исполнить свою роль до конца. От этого зависела вся ее дальнейшая жизнь.

Эдна вошла в комнату и села на кровать. Она долго размышляла о том, как максимально дипломатично начать разговор с девушкой о возможной беременности, но потом решила, что ничего не получится, ей следует сразу перейти к делу. Эдна поняла причину страхов и слез своей подопечной, но была огорчена, что та не пришла к ней со своими проблемами.

Сара сидела опустив голову. Но сразу сообразила, что ее план сработал. Полли не сохранила их беседу в тайне, а из разговора со служанкой бедная женщина могла сделать лишь один вывод.

— Амелия, милая... — Эдна замолчала и сделала робкий вдох; в тщетной попытке сохранить видимость спокойствия она старалась тщательно подбирать слова. — Если тебя что-то беспокоит, Амелия, что угодно, ты можешь поделиться со мной. Я помогу тебе. Ты же знаешь, да?

Девушка молчала.

— Я не стану осуждать тебя, не буду сердиться. — Эдна была рассержена на своего сына и намеревалась все высказать ему.

Эдна понимала, что время для утешения прошло. Она больше не могла сдерживаться.

— Амелия, возможно ли, что ты беременна?

Сара закрыла лицо руками. Она знала, что Эдна воспримет ее молчание и мнимый стыд за утвердительный ответ.

— Прошлой ночью ты сказала... — Эдна запнулась. — Ты сказала, что-то произошло, просила не сердиться на моего сына.

Сара продолжала молчать.

— Из твоих слов, из того, что рассказала мне Полли, я могу предположить только одно. Лэнс лишил тебя невинности. — Слезы заблестели в глазах Эдны, когда она вспомнила свою подругу Камиллу. Та доверила ей судьбу своей дочери, доверила оберегать ее девочку, а она... — Я не понимаю, как это случилось. — Эдна старалась сохранить самообладание. — Я должна была оберегать тебя.

— Не вините себя, тетя, — прошептала Сара. Она не ожидала, что все так обернется, — И пожалуйста, не надо меня ненавидеть.

— О, Амелия, я и не думала. Однако не могу не сердиться на Лэнса. — Эдна встала. Хотя ситуация была вполне очевидной, она никак не могла понять, как это могло случиться. Ведь Лэнс питает нежные чувства к Оливии. «Тогда зачем соблазнять Амелию? — подумала Эдна. — Одно ясно — мы не можем винить бедную девочку! Она молода и наивна ». Ее сын должен был думать.

— Вы думаете, я плохая, тетя? — Сара снова опустила голову.

— Конечно нет, Амелия. Ты невинна, никто не имеет права этим пользоваться. Не волнуйся. Я позабочусь о том, чтобы Лэнс поступил с тобой как полагается.

Эдна представила, как расстроится Чарльтон. Какой скандал! Столько лет они старались заработать доброе имя, а теперь даже нельзя представить, какое унижение их постигло.

Сара ликовала, когда тетушка в полном смятении покинула ее комнату и отправилась искать Чарльтона.

Чарльтон немедленно заметил, что его жена сильно взволнована.

— Что-то случилось, Эдна?

Жена кивнула, в ее глазах заблестели слезы.

— Что такое?

— Амелия... может быть... беременна, — прошептала Эдна.

Чарльтон ахнул.

— Беременна. Как такое возможно? — Он был уверен, что девушка всегда находилась у них на глазах.

Эдна взглянула на мужа, но не смогла заставить себя произнести, что в этом виноват Лэнс. Она боялась реакции Чарльтона.

Чарльтон лихорадочно пытался сообразить, кто мог быть с Амелией.

— Единственным мужчиной, с кем она встречалась, был... Лэнс! — воскликнул Чарльтон.

Эдна опустила голову.

— Ты хочешь сказать, что... Лэнс... лишил девушку невинности?

Эдна боялась, что Чарльтон очень рассердится, тут же отправится в отель «Озон» и там будет разговаривать с Лэнсом.

— Прежде чем делать выводы, мы должны сначала поговорить с Лэнсом, — с мольбой в голосе обратилась она к мужу.

— Если Амелия беременна, вывод может быть только один, — ответил Чарльтон, побагровев. — Я считал Лэнса более благоразумным человеком.

Чарльтон говорил громко, Сара услышала его из своей комнаты. Сначала она испугалась открытого разговора Лэнса с ней, но теперь это было неизбежно. Сара была уверена, что все выдержит. Конечно, Лэнс

отчаянно станет отрицать, что трогал ее. Но ей нужно будет придерживаться своего вымысла. Теперь обратного пути нет. Если Лэнса быстро заставят жениться на ней и она скоро забеременеет, то Эдна и Чарльтон никогда не узнают, что она солгала им. Лэнс станет ее мужем, она унаследует все ценности семьи Дивайн, они навсегда будут вместе. Все будет идеально, правда, если к Амелии не вернется память.

Когда Лэнс днем возвращался домой, он не стал заходить в Хоуп-Коттедж. Он не мог заставить себя увидеться с девушкой после событий вчерашнего вечера. Он убеждал себя, что думает о ее благе, так как был уверен — она переживает, и не хотел своим присутствием напоминать ей о вчерашней некрасивой ситуации.

Эдна и Чарльтон услышали приближающийся стук копыт. Лэнс ехал дорогой, на которой стоял дом родителей. Когда же он не остановился перед домом родителей, Эдна и Чарльтон сделали свои выводы. Им больно и печально было думать, что их сын стыдится своего поступка.

Эдна и Чарльтон отправились к Лэнсу. По их лицам сразу Лэнс понял, что родители чем-то огорчены. Ему показалось, что это связано с событием прошлой ночи.

Не успел Лэнс спросить, что случилось, как Эдна взорвалась.

— Лэнс, как ты мог лишиться Амелию невинности? — вскричала она. Эмоции, которые Эдна сдерживала несколько часов, наконец вырвались наружу.

— Что? — изумился он.

— Я очень разочарован в тебе, сын, — сердито произнес Чарльтон. — Настоящий джентльмен должен вести себя подобающим образом.

— Кто-нибудь, пожалуйста, скажите мне, о чем вы говорите. — Лэнс совершенно был сбит с толку таким напором родителей.

— Если Амелия беременна, тебе придется жениться на ней, — твердо заявила Эдна.

— Беременна? Как Амелия может быть беременна? При чем здесь я?

— Лэнс, ты обесчестил девушку, — продолжала Эдна. — Ты не можешь этого отрицать. Она больше ни с кем не встречалась.

— Я могу это отрицать, мама. Я не дотронулся до Амелии. — Лэнс покраснел, вспомнив вчерашнее поведение подопечной родителей. Чарльтон и Эдна заметили его смущение. Наверняка между ним и Амелией что-то было той ночью, решили они.

— Ради Амелии мы не можем позволить и намека на скандал, — чуть не плача проговорила Эдна. — Камилла и Генри перевернутся в могилах,

если имя их дочери будет запятнано.

— Ты ничего не хочешь сказать? — спросил Чарльтон сына, который в полном недоумении смотрел на родителей.

— Да, отец. Я хочу знать, как вам в голову пришла эта нелепая мысль о том, что я лишил Амелию невинности?

— Лэнс, хоть сейчас ты мог бы вести себя как джентльмен, — сквозь слезы проговорила Эдна.

— Я всегда вел себя достойно, мама. Если бы я поступил скверно, то не стал бы этого скрывать. Я не понимаю, о чем идет речь.

— Я настаиваю, чтобы ты женился на Амелии, — потребовал Чарльтон. — Нам нельзя забывать и о собственном добром имени. Если девушка расскажет кому-нибудь в городе, что ты обесчестил ее, то скандал убьет твою мать.

Их семью уважали в городе.

— Я не представляю, что Амелия вам рассказала, но когда она пришла ко мне вчера ночью, она вела себя очень странно. Она даже предложила, чтобы я... занялся с ней любовью.

Эдна ахнула, Чарльтон побледнел.

— Я отказал ей и выставил за дверь. Клянусь, что это правда. Не понимаю, что на нее нашло. Признаю, я был резок с ней. Вероятно, она приняла мой отказ слишком близко к сердцу и выдумала эту возмутительную историю. Но от меня она не может быть беременна.

Чарльтон с Эдной переглянулись. Их сын никогда не обманывал их, но они не могли себе представить, что девушка может такое наговорить на себя.

— Амелия очень переживает, что мы станем плохо думать о ней. Просто невозможно поверить, что она стала бы выдумывать такую историю про себя.

— А возможно, что она была с каким-нибудь другим мужчиной и теперь стыдится признаться в этом? — парировал Лэнс.

— Нет, она лишь однажды была в городе, пила чай в отеле «Озон».

— Со временем вы увидите, что я говорю правду, ведь ребенка никакого не будет.

— Мы не можем ждать, сын.

— Вы хотите сказать, что мне придется... жениться на ней? — Лэнс побледнел.

— Вы будете помолвлены, и вскоре после этого ты должен жениться на ней. Надо сохранить ее и твою репутацию.

— К чертям мою репутацию, мама. Я не люблю Амелию. И абсолютно

точно я не лишал ее девственности. Вы знаете, что я никогда бы не солгал вам. Почему вы мне не верите?

— Лэнс, не имеет значения, чему мы верим. Очевидно, что Амелия беременна, и мы не можем позволить, чтобы пошли слухи. Ради ее *блата*, ради нас самих. Пока не видно, что она беременна. И если ты говоришь правду, то мы можем предположить, что она забеременела до приезда к нам. — Внезапно Эдна подумала, что, вероятно, в этой истории замешан Брайан Хаквелл, но сама мысль была настолько мерзкой, что она отогнала ее от себя. — Но кто в это поверит? Люди будут думать, что наша подопечная забеременела от нашего сына. Какой стыд! Мы даже не сможем ничего объяснить. Репутация Амелии будет погублена навсегда, если у нее родится ребенок вне брака. Это неприемлемо! Ты знаешь! Она наша подопечная, Лэнс. — Эдна тяжело вздохнула. — Как бы то ни было, есть только одно решение: ты должен жениться на Амелии.

— Не все браки заключаются тогда, когда муж и жена любят друг друга, Лэнс, — Чарльтон старался успокоить сына. — Но со временем появляется привязанность.

Они с Эдной полюбили друг друга еще в молодости. Лэнс знал об этом и надеялся, что ему тоже посчастливится найти настоящую любовь.

— Приходи сегодня на ужин, Лэнс, — велела Эдна. — Надо обсудить вашу помолвку с Амелией в ее присутствии.

Направляясь к родителям, Лэнс размышлял, как Амелия поведет себя, когда разговор пойдет о выдуманной ею истории. Он был уверен, что она не сможет выдержать открытого разговора, не сможет, глядя ему в глаза, сказать, что он лишил ее невинности. Только поэтому Лэнс согласился прийти.

Сара находилась в гостиной с Чарльтоном.

— Добрый вечер, — поздоровался Лэнс, глядя на нее. Он сразу же заметил, что она не смотрит на него.

— Могу я поговорить с Амелией наедине? — спросил Лэнс отца.

Девушка испуганно посмотрела на Чарльтона.

— С тобой все в порядке, милая? — спросил он ее.

Она поняла, что не удастся избежать разговора с Лэнсом, и кивнула.

Чарльтон вышел из комнаты. Проходя мимо Лэнса, он посмотрел на сына, словно предупреждая его не расстраивать Амелию.

Лэнс сел в кресло рядом с девушкой.

— Амелия, что все это значит? Мы оба знаем, что я не дотронулся до тебя, так что носить моего ребенка ты не можешь. Посмотри на меня,

Амелия, — сердито потребовал Лэнс. — Что ты сказала моим родителям? Почему они поверили в то, что я лишил тебя невинности?

Лэнс говорил резко, и у нее на глазах выступили слезы. Он был очень зол. Сара ничего не могла ответить, ей оставалось только всхлипывать, что она и делала достаточно громко.

Как только Эдна услышала, что ее подопечная плачет, она немедленно пришла ей на помощь.

— Что ты наделал, Лэнс? — воскликнула она.

— Ничего, мама, — ответил Лэнс, едва сдерживая гнев.

— Ты наверняка что-то сделал, иначе Амелия не стала бы так расстраиваться.

Девушка вскочила со стула и бросилась в свою комнату, продолжая громко всхлипывать.

— Она лжет, вот поэтому плачет, — ответил Лэнс матери.

— Ты не должен огорчать ее в таком положении, — заявила Эдна.

— Я только хотел, чтобы она сказала правду. — Лэнс раздраженно фыркнул.

Закрыв за собой дверь, Сара сделала глубокий вдох.

— Лэнс не сможет все время сердиться на меня, — сказала она себе. — Со временем он простит меня, и мы будем жить счастливо, как муж и жена.

— Тебе придется перестать встречаться с Оливией Хорн, — заявил Чарльтон, войдя в гостиную.

— Что? — воскликнул Лэнс.

— Конечно, ты должен это сделать, — настаивала Эдна. — Ты не можешь встречаться с Оливией, будучи помолвлен с Амелией.

— Амелия не беременна от меня, — раздраженно повторил Лэнс.

— Лэнс, Амелия ждет ребенка, и она, очевидно, верит, что причина этого в том, что случилось между вами. Возможно, ее соблазнил другой мужчина еще до приезда к нам, но она продолжает утверждать, что ты отец ребенка. Это не имеет значения. Как ни несправедливо это может показаться, тебе все равно придется жениться на ней, чтобы спасти ее доброе имя.

— Ты что, говоришь это серьезно? — не успокаивался Лэнс.

Ему казалось, что ему снится кошмар и он никак не может проснуться.

— Даже очень серьезно, сын. Ты сегодня же должен встретиться с Оливией и объявить ей о разрыве ваших отношений, — приказал Чарльтон.

Лэнс настолько был шокирован и огорчен, что, ничего не ответив, вышел из дома и хлопнул за собой дверь.

В гостиную вошла Полли.

— Лэнс будет ужинать с нами сегодня? — спросила она.

— Выходит, что нет, — ответил Чарльтон. — У него очень важные дела.

— Амелия, милая, ты хорошо себя чувствуешь? — заботливо спросила Эдна.

— Да, тетя, — ответила она, утирая платком мнимые слезы.

— Все будет хорошо. Обещаю тебе, — тепло проговорила Эдна.

— Не знаю, что бы я без вас делала, тетя. — Переманив Эдну на свою сторону, она может получить почти все, что пожелает. — Лэнс сердится на меня?

— Нет, милая. Он... он успокоится, вот увидишь. — Без сомнения, Оливия замечательная девушка, но Лэнс изменит свое отношение к Амелии, подумала Эдна. Она была уверена в этом. Со временем он, пожалуй, найдет привлекательность в ее огромном состоянии и поймет, что они могут быть счастливы. Он ни в чем не будет нуждаться, а это не так уж плохо.

— Ты пойдешь ужинать? — спросила Эдна.

— Да, тетя. — Внезапно у нее проснулся дикий аппетит.

Лэнс сразу же направился домой к Оливии. Она увидела, что Лэнс очень расстроен и повела его на веранду, где они устроились в тени.

— Что случилось, Лэнс? С твоими родителями все нормально?

Лэнса не удивляла забота Оливии о других людях, она умела сострадать. Она могла бы стать хорошей женой и замечательной матерью его детей. Он совершил огромную глупость, не признавшись ей в своих чувствах. Теперь все навсегда потеряно.

— Кое-что случилось, Оливия. Я больше не смогу видеться с тобой.

— Что произошло?

Лэнс покачал головой. Он до конца не мог поверить, что надо рассказать Оливии такую шокирующую историю. Но если он не расскажет ее сам, то Оливия вскоре услышит ее от кого-нибудь другого.

— Амелия обвинила меня в том... — Лэнс знал, что его слова больно ранят Оливию, самую милую девушку на свете.

— В чем, Лэнс. В чем она обвинила тебя?

— В том... что я... лишил ее невинности, — промолвил он.

Глаза Оливии округлились, она уловила боль в словах Лэнса. Он взял ее за руку. Пальцы девушки дрожали.

— В этом нет и доли правды, но мои родители настаивают, чтобы я

женился на ней.

Оливия верила ему. После встречи с подопечной Эшби она не сомневалась, что та способна на любую подлость.

— Как ей может это сойти с рук, Лэнс?

— Сегодня я вызвал ее на открытый разговор, но она только хныкала в ответ. Я никогда не испытывал к ней доверия, но не мог представить себе такого, Оливия. Ты же веришь мне, да?

— Если говорить начистоту, Лэнс, я ожидала нечто подобное.

— Правда?

— Да, с того момента, когда мы вместе отправились на танцы. Амелия очень коварная, и я боялась, что она ни не перед чем не остановится, чтобы заполучить тебя. — Слезы заблестели в глазах Оливии. — Мне все равно, что станут говорить, Лэнс. Если хочешь, чтобы мы *были* вместе, откажи ей.

Лэнс сжал дрожащие руки Оливии.

— Я правда очень хочу быть с тобой, Оливия. Ты даже не знаешь, как сильно я этого хочу. Мне стыдно лишь потому, что только сегодня я понял, какая ты необыкновенная женщина. Поэтому я не могу позволить тебе быть замешанной в этом скандале, не могу и подвести своих родителей. Амелия их подопечная. От меня зависит их репутация, как и наше доброе имя, хотя я не отец ребенка.

— Лэнс, мне очень тяжело расстаться с тобой. — Оливия едва сдерживала слезы.

— Это... к лучшему, Оливия. Прости. — Лэнс встал, собираясь уйти, но Оливия тоже поднялась, и Лэнс обнял ее. — Повезет тому счастливцу, кто будет с тобой, Оливия, — прошептал он ей на ухо. — Я говорю это от всего сердца.

Девушка подняла голову и заглянула Лэнсу в глаза. Он наклонился и поцеловал ее на прощание. Лэнс почувствовал горечь слез в этом сладостном поцелуе. Он сам едва сдерживал слезы. Молодой человек отпустил Оливию и пошел прочь по тропинке. Он был зол на себя за то, что так долго не замечал, какая Оливия прекрасная девушка.

Оливия вытерла слезы. Она подумала, что натворила эта мисс Дивайн, сколько людей пострадало от нее. Она разозлилась.

Глава 31

На следующий день небо заволкло тучами, что беспокоило Чарльтона. Пшеница уже начала золотиться, ее можно было убирать. Но если пойдет дождь, урожай погибнет. Чарльтон отправился в Черити-Коттедж за Лэнсом.

— Нам нужно поторопиться, — начал Чарльтон. — Дождь может пойти через несколько часов. — Пока Лэнс с отцом, вооружившись косами, шли к Фейт-Коттедж, никто из них не говорил о вчерашних событиях. Они встретились с Эваном и вместе приступили к работе.

У Чарльтона дело спорилось — казалось, он косит без особых усилий, а Лэнс с Эваном с трудом пытались добиться плавности и точности движений. Скосив большую площадь, они собирали колосья в снопы и связывали их переплетенными колосьями. Для этого требовалось мастерство, но вскоре Лэнс и Эван овладели им.

Чарльтон сказал жене, своей подопечной и Полли, что они должны будут помочь им молотить пшеницу. Эван тоже попросил свою работницу и девочек помочь.

В десять часов Эдна и Полли взяли чай с булочками, чтобы отнести мужчинам в поле. Дождя еще не было, и мужчины продолжали косить.

Как только Сара осталась в доме одна, раздался стук в парадную дверь. Она открыла дверь и с удивлением увидела на пороге Оливию.

— Оливия! Что вы здесь делаете? — холодно спросила Сара. Она не ожидала ее прихода.

— Я знаю, вы хотите заполучить Лэнса, — заговорила Оливия, и слезы заблестели у нее в глазах. Она всю ночь думала о том, что сделала эта негодяйка мисс Дивайн. — Как вы могли так поступить с ним?

Зная, что она одна в доме и никто не сможет ее подслушать, Сара решила, что может позволить себе все.

— Лэнс не мог отпустить меня из своих объятий, так что последствия не заставят себя ждать. — Она положила руку на живот, желая усилить сказанное.

— Я не верю вам. Лэнс настоящий джентльмен. — Оливия посмотрела на ее тонкую талию.

— Возможно, таким он бывает с вами, потому что не хочет вас, — с удовольствием нагрубила Сара.

— Вам лишь так кажется. Лэнс жалеет вас, и только.

— Он это вам сказал? Полагаю, он должен был что-то сказать, чтобы скрыть свои чувства.

— Вы завидовали нашим отношениям с самого начала. Лэнс никогда не полюбит вас. Если он женится на вас, то будет очень несчастлив.

Слезы потекли по щекам Оливии — Сара обрадовалась этому. Она была убеждена, что их жизнь с Лэнсом сложится замечательно.

— Если бы вам не был безразличен Лэнс, вы хотели бы для него счастья! — вскричала Оливия.

— Он мне действительно не безразличен. Я люблю его. А еще мне никогда не придется работать в банке, когда мы поженимся, потому что я получаю огромное наследство. Лэнс знает об этом, поэтому я уверена, что ему не составило особого труда разорвать с вами отношения.

Оливия была раздавлена. Она подумала, что эта женщина — самая жестокая на свете.

Клайда запрягли в телегу, на которую погрузили снопы и отвезли их в сарай Чарльтона. Лэнс разгружал телегу, а Эван с Чарльтоном продолжали косить. После завтрака Чарльтон развязал несколько снопов и разбросал колосья на большом холсте, расстеленном в сарае. Недавно он смастерил несколько молотилок, используя ветви деревьев диаметром полтора дюйма. На концах Чарльтон проделал отверстия и пропустил через них веревки, соединив таким образом две ветви вместе. Они были не идеально прямыми, но Чарльтон продемонстрировал, что с их помощью можно отлично молотить.

Чарльтона и Эвана очень волновал надвигающийся дождь, поэтому они попросили Амелию с Сисси начать молотить, а Саре с Полли доверили следующую ступень обработки, менее трудоемкую. Они просеивали зерно через специальное сито, отделяя зерно от шелухи.

Когда Амелия и Сара оказались лицом к лицу, никто не произнес ни слова. Они работали молча, избегая смотреть друг на друга. Атмосфера была напряженной.

Роза, Бесс и Молли перекидывали зерно на другую ткань под открытым небом. По их мнению, это была отличная игра, но тем самым они до конца очищали зерно. Эдна собирала зерно в мешки, а Джесси и Майло играли неподалеку.

Мужчины продолжали работать в поле. Чарльтон пристально следил за небом, особенно когда на землю упали первые капли дождя.

После обеда на ферму пришел Габриель. Он приехал в Кингскот утром и пытался найти жилье поблизости от бухты, однако потратил полдня

впустую. Габриель зашел к Лэнсу в банк, там ему сказали, что Лэнс взял выходной, чтобы помочь собрать урожай пшеницы, и Габриель направился на ферму. Дома никого не было, все работали в поле. Чарльтон первый заметил гостя.

— Ты вернулся, Габриель, — заметил он, утирая пот со лба.

— Да. Я был в банке, искал Лэнса, мне сказали, что у него выходной.

Лэнс стоял спиной и вязал снопы, но, услышав голос Габриеля, обернулся.

— Отец и Эван хотят убрать пшеницу до дождя, поэтому я вызвался им помочь. — Работа оказалась намного тяжелее, чем он себе представлял, но Лэнс намеревался доказать матери, что он не неженка.

— Могу вам помочь, — предложил Габриель. — Я заступаю на работу только завтра.

— Это было бы здорово, — обрадовался Чарльтон. — С твоей помощью мы уберем большую часть урожая до дождя.

— Ты устроился? — спросил Лэнс у Габриеля.

— Нет, поэтому я и искал тебя, Лэнс. — Габриель посмотрел на Эвана, но тот никак не отреагировал на его слова. — Я собирался спросить, в силе ли твое предложение. Тем временем я продолжу искать другие варианты.

— Конечно. — Лэнс надеялся, что каким-то образом ему удастся избежать свадьбы с подопечной своих родителей. И даже если этому не суждено случиться, Габриель может поддержать его морально.

— Ты не будешь возражать, если я устроюсь у Лэнса? — спросил Габриель у Эвана.

Лэнс был озадачен тем, что Габриель спрашивает разрешения Эвана, так как не знал, что Габриель и осужденная девушка любят друг друга, но Чарльтон думал, что Эван может возражать.

Фермер наблюдал, как переживала Амелия последние несколько дней, и даже несмотря на то, что он пытался не обращать на это внимания, плач девушки ночью, который он случайно услышал, и ее печаль тронули его.

— Не буду, — ответил он. — Мы и раньше были добрыми соседями, и я рад продолжить эту традицию.

— Тогда я принимаюсь за работу. — Габриель закатал рукава. Он был доволен, что сможет жить рядом с любимой и часто встречаться с ней.

Амелия была счастлива видеть Габриеля. Он принес в сарай следующую охапку снопов. Полли, Эдна и девочки тепло встретили Габриеля, а Сара едва поздоровалась с ним. Он разложил снопы, нежно улыбался Амелии, когда никто не смотрел на них. Сисси предложила младшим девочкам сходить с ней домой попить воды. Эдна и Полли уже

ушли к себе домой, чтобы приготовить мужчинам чай. Сара жаловалась, что натрудила руки, просеивая зерно. Кожа на ее руках стала нежной, так как она теперь ничего уже не делала. Эдна предложила своей подопечной пойти домой надеть перчатки.

— Я буду жить у Лэнса, — сказал Габриель, когда они остались одни.

— Это замечательно. Мы будем видеться каждый день, но надо быть осторожными, чтобы не рассердить Эвана. Он не против того, что ты переезжаешь к Лэнсу, да?

— Да, он не возражает. Как с тобой общается мисс Дивайн? — Габриель *был* удивлен видеть их за работой вместе.

— Мы не разговаривали. Она меня просто игнорирует.

— Не обращай на нее внимания.

— Как Эдгар воспринял твой отъезд?

— Очень хорошо.

— А Карлотта?

— Как всегда. Я несколько раз терял терпение.

Амелии все было интересно. Карлотта пыталась соблазнить его? Ей хотелось это знать, но она не решалась спросить.

— У меня состоялся очень откровенный разговор с Эдгаром, когда я ждал корабль. Очевидно, он услышал, как мы ругались с Карлоттой в тот вечер, когда я приехал. Тогда он узнал, что она пыталась отравить Майло и ложно обвинила тебя в воровстве кольца.

Амелия в ужасе ахнула. Хорошо только, что итальянка призналась, что солгала насчет кольца.

— Эдгар был очень расстроен этим, — продолжал Габриель. — Я заставил его понять, что он больше не может жить с ней вместе. Мне совсем не хотелось рассказывать ему о том, как она вела себя, я не желал обижать или унижать его. Мне было очень неприятно, что он случайно подслушал наш разговор. Эдгар сказал мне, что попросил Карлотту переехать в мой дом. Он еще сказал, что, когда закончится его контракт на маяке, он собирается вернуться в Англию без нее.

— Мне совсем не жаль Карлотту. То, что она сделала с Майло, простить невозможно. Счастье, что мальчик полностью выздоровел. Эдгар хороший человек. Он заслуживает другую хорошую жену.

— Я не слышал, чтобы они ругались между собой, — продолжал Габриель. — Эдгар почти не разговаривал с Карлоттой, пока я там был. Я не слышал, чтобы она кричала, не заметил я и припадков гнева. И вообще Карлотта была на удивление сдержанна. Она сказала мне, что собирается покинуть Кейп-дю-Куэди. Не знаю, верить ей или нет, но я предупредил ее

держаться подальше от Кингскота.

— Как же Эдгар справится с дежурствами один?

— У него все получится. Я же справился, и он сможет. Он подписал договор только на полгода, так что ему осталось недолго. После он вернется обратно в Англию. А если Карлотта уедет, Эдгар обретет мир и покой на маяке, и, по моему мнению, это все, что он сейчас хочет. Думаю, он мирился с ее характером только для того, чтобы хоть немного побыть в тишине.

— Надеюсь, он обретет счастье, которого заслуживает.

— Я тоже надеюсь. Эван и Чарльтон станут думать, куда я подевался, так что я лучше вернусь в поле. — Никого рядом не было, и Габриель быстро поцеловал Амелию и вышел.

Габриель был уже далеко, когда в сарай вернулась Сара. Амелия попыталась поймать ее взгляд, но Сара намеренно обходилась с ней так, словно ее и вовсе не существовало. Амелия решила, что настало время помириться с ней, особенно принимая во внимание, что теперь они будут жить рядом.

— Я понимаю, что вы обвиняете меня в смерти вашей попутчицы, мисс Дивайн, но поскольку теперь мы будем соседями, вы не считаете, что нам следует примириться? — спросила Амелия.

Сара была довольна, что Амелия заговорила первой.

— Я думала о том, что нам нужно поладить ради семьи Эшби. Я не прощу тебя за то, как ты поступила с Люси, — добавила Сара, — но мы сможем стать хорошими соседями.

— Пожалуйста, поверьте, я совсем не помню, что я сделала. Вы и не представляете, как мне тяжело было узнать, что я была такой эгоисткой.

Сара хотела, чтобы Амелия рассказала ей, что она вспомнила, для нее это было жизненно важно.

— Больше не будем говорить об этом.

— Спасибо. Вы очень добры.

В сарай вошли Полли, Эдна и девочки, поэтому Сара прекратила разговор, и они с Амелией принялись за работу.

Чарльтон пришел в сарай через час и принес еще снопов. Он был приятно удивлен, как много сделали женщины.

— Мы почти все скосили, — сообщил он. Слышно было, как по железной крыше стучат редкие капли дождя.

— Вы довольны своей работой? — спросила Эдна. Она понимала, как волнуется ее муж.

— Да, мы собрали большую часть урожая с помощью Габриеля. Если

бы не он, у нас с Эваном на это ушло бы три дня. Но вместе с Лэнсом и Габриелем мы хорошо поработали. Конечно, Лэнс тоже здорово нам помог, хотя я не думаю, что он оставит работу в банке и станет фермером. К чести Лэнса будет сказано, он ни разу не пожаловался, однако я уверен, что руки у него сильно болят. Я сам давно не косил и поэтому натер мозоли. — Несмотря на напряжение, возникшее между ними, Чарльтон не мог не улыбнуться. Он гордился своим сыном.

Когда дождь усилился, Эван, Габриель и Лэнс пришли в сарай.

Сара внимательно следила за Лэнсом. Она была довольна, что добилась своей цели. Теперь Лэнс женится на ней. И она сделает его счастливым.

— Больше мы сегодня работать не можем, — заявил Эван. — На поле осталось мало пшеницы.

— Мы должны радоваться, что успели собрать урожай до дождя, — заметил Чарльтон. — Надо это отпраздновать. Мы собрали почти все. Но самое главное — Амелия и Лэнс будут обручены.

Все ахнули от удивления: они обратили внимание что Лэнс подавлен, а невеста в замешательстве.

— Что ж, — смутился Эван. — Мои поздравления. — Он взглянул на Габриеля.

— Да, поздравляем, — добавил Габриель.

Хотя не понял, что за это время произошло. Лэнс так тепло говорил ему недавно об Оливии Хорн.

— Не стоит беспокоиться по пустякам, дядя, — тихо проговорила Сара. Ее вполне устроила бы тихая помолвка.

Чарльтона уже было не остановить. Он пребывал в отличном настроении.

— Ерунда, не каждый день мой сын женится, а у меня появляется дочь!

Он действительно был счастлив и уверен в том, что они с Эдной поступили правильно, во благо для всех. Он не сомневался, что Лэнс скоро свыкнется с мыслью о свадьбе с Амелией Дивайн и найдет в этом браке счастье. Сына лишь требовалось подбодрить, чтобы он смирился и принял все как данность, большинство тех, кого женят родители, нуждаются в этом. А потом молодые отлично ладят друг с другом. Они не планировали выбирать невесту для Лэнса, но чем дольше Чарльтон думал об этом, тем больше именно выбор Амелии казался ему идеальным.

Лэнс промолчал. Он стоял опустив голову. Настоящая Амелия,

Габриель и Эван явно чувствовали какую-то неловкость.

— Мы все хорошо поработали, Чарльтон, и очень устали, — начал Эван, желая нарушить неловкое молчание.

— Мы можем отпраздновать это в выходные, — предложила Эдна. Она хотела, чтобы у Лэнса было немного времени свыкнуться с мыслью о предстоящей свадьбе. У жениха на собственной свадьбе не должен быть унылый вид. — Надо хорошенько подготовиться.

Лэнс представил, как его мать организует торжественный вечер в церкви, куда будет приглашен весь город. Он подумал, сколько боли и страданий это причинит Оливии, и его охватило отчаяние.

— Я не хочу никаких торжеств, мама, — заявил он. — Мы не хотим никаких торжеств, не так ли, Амелия?

— Да, — согласилась Сара. Она была рада, она боялась, что Лэнс может взбунтоваться.

— Очень хорошо, — не стала настаивать на своем Эдна. — Мы просто устроим чаепитие дома в субботу.

Не проронив больше ни слова, Лэнс направился домой.

Сара решила сменить тему и обратилась к Эвану.

— Пока старшие дети завтра будут в школе, можно ли мне отвести Майло и Джесси на прогулку к океану: собирать ракушки? — спросила она. Днем она несколько раз разговаривала с Майло и Джесси и, кажется, понравилась им.

Сара узнала у Сисси, что старшие девочки должны завтра пойти в школу и с волнением ожидали этого момента. Она искала возможность показать Лэнсу, что будет хорошей женой и хорошей матерью их детей, поэтому и придумала такой план.

— Можно, — согласился Эван.

— Хорошо, тогда я найду и заберу их после завтрака.

Вечером Лэнс и Габриель помылись и сели за стол пропустить бокальчик-другой бренди хорошей выдержки. Они оба были приглашены на обед к Эшби, но оба отказались, сославшись на усталость. Эдна с пониманием отнеслась к отказу Габриеля, но была очень недовольна своим сыном. Однако не стала настаивать. Эдна знала, что Амелия расстроится, но она постарается объяснить ей, что мужчины устали, ведь Лэнс не привык к такой тяжелой физической работе.

— Прости, что заговорил об этом, Лэнс, но я очень удивился, узнав, что ты собираешься жениться на мисс Дивайн, — начал Габриель.

— Я сам удивлен, — проворчал Лэнс.

— Значит, ты не рад этому?

— Конечно нет. Она утверждает, что я обесчестил ее. Хотя мне стыдно говорить об этом, но она лжет. — Лэнс понимал, что не должен никому рассказывать об истинной причине такой скорой свадьбы. Но он был настолько утомлен физически и морально, что больше не мог держать все в себе. Ему просто необходимо было с кем-нибудь поделиться своим горем. А Габриель был честным и порядочным человеком.

— Почему она так поступила? — Габриель был шокирован.

— Чтобы женить на себе. Я лишь был добр с ней, но с самого начала она придумала себе, что я питаю к ней теплые чувства.

— Прости, Лэнс. Вероятно, тебе сейчас нелегко. — Габриель вспомнил историю с Карлоттой.

— Мне пришлось сказать Оливии, что я больше не могу встречаться с ней. Я разбил ей сердце, — продолжал Лэнс. Он потянулся к бутылке, до краев налил себе второй бокал и осушил его одним залпом. — Почему ты спрашивал разрешения у Эвана поселиться у меня?

— Дело в том, что я сказал Эвану, что люблю Сару Джонс и она любит меня. Я не рассказал тебе об этом, так как мы думали, что лучше сохранять наши отношения в тайне. Эван не обрадовался такой новости, но ему пришлось смириться с этим и согласиться, что мы с Сарой не будем показывать наши чувства, пока не закончится ее срок.

Несколькими днями ранее Лэнс, возможно, сказал бы Габриелю, что он глупец. Хотя эта женщина и очень красивая, но она преступница, и Габриель ставит себя в неловкое положение перед обществом. Но, потеряв Оливию, Лэнс изменил свое мнение.

— Габриель, если вы любите друг друга, тогда не имеет значения, что думают другие. Я желаю вам счастья.

Габриелю было приятно услышать мнение Лэнса. Он ожидал от него нравучений.

— Спасибо, Лэнс. Надеюсь, у тебя тоже все образуется.

Лэнс вздохнул. Он даже не подозревал, что его беззаботная жизнь может так круто измениться. Он снова наполнил бокалы и выпил за их откровенную беседу, прекрасно зная, что сказанное здесь останется в этих стенах.

На следующий день старшие дети ушли в школу, а Сара забрала Майло и Джесси из дома и повела их на прогулку к морю. Было облачно, но не очень ветрено. Эдна сказала ей, что Лэнс вернулся на работу, так как Эван и Чарльтон смогут справиться с оставшейся пшеницей сами. Ночью

прошел небольшой дождь, и колосья намокли. Влажное зерно стоит дешево, но, к счастью, большинство урожая, который теперь хранится в сарае, высокого качества. Эдна знала, что истинной причиной возвращения Лэнса в банк, было желание узнать, все ли с Оливией в порядке.

Когда Сара привела детей домой к обеду, в доме никого не оказалось, и она пошла искать Амелию. Та была в конюшне и гладила Клайда. Сара подошла к Амелии.

— Мы пришли, — проговорила Сара, но Амелия, казалось, не слышала ее.

Только когда Майло подбежал к ней, Амелия поняла, что в конюшне кто-то есть.

— О! — воскликнула она. — Вы вернулись. Хорошо погуляли?

— Ракуски. — Джесси показала ей носовой платок, полный морских ракушек.

— Ракушки, — поправила ее Амелия. — Какие красивые!

Джесси кивнула.

— Что-то не так? — спросила Сара.

— Я стояла здесь и вдруг вспомнила что-то из моего прошлого. — Амелия снова погладила Клайда.

— Что же? — Сердце Сары гулко забилося, а во рту пересохло.

— Я помню, что у меня был пони, его звали Кусочек Сахара.

Сара знала об этом. Она читала дневник Амелии, где та писала, что отец подарил ей пони.

— Правда? — спросила Сара. Во время прогулки с детьми она мечтала о прекрасном будущем с Лэнсом. Сара была в ужасе, что теперь, когда успех близок, как никогда, все может рухнуть.

— Да. Я помню, что он был очень игривый и все время тихо ржал, как только видел меня. Еще он любил яблоки и морковку. Я вспоминаю, как сама ездила на нем. Разве это возможно? Как я могла владеть пони, если была служанкой?

— Не знаю. Наверное, он принадлежал людям, на которых ты работала.

— Нет, я уверена, что пони принадлежал мне.

— Ты... помнишь что-нибудь еще?

— Нет, но доктор Томпсон сказал, что могут всплывать в памяти разные подробности. Может быть, это только начало и ко мне вернется память.

Амелия не могла скрыть своей радости. Правда, есть события, о которых ей никогда не захочется вспоминать, как, например, крушение

корабля. Но обрести память все же лучше, чем каждый раз, оглядываясь в прошлое, видеть лишь пустоту.

Сара оставила детей у Амелии и пошла домой. Она оцепенела от ужаса, представив, как рушится ее идеальный план. Нельзя этого допускать.

Когда Сара вошла в дом, Чарльтон окликнул ее из гостиной.

— Хорошо погуляла? — спросил он.

— Эмм... да, дядя, — с отсутствующим видом ответила Сара.

— Что-то не похоже, — заметил Чарльтон, обеспокоено глядя на нее.

— Со мной все в порядке, дядя. — Девушка увидела в руках Чарльтона письмо. — У вас есть какие-то новости?

— Да, от Брайана Хаксвелла. К сожалению, бедняга заболел сразу, как только прибыл домой, поэтому завершение передачи наследства было отложено. Брайан приносит свои извинения, у него воспаление легких, и ему придется провести в постели еще несколько недель. Он попросил, чтобы его секретарь написал это письмо от его имени, дабы поставить нас в известность. Это весьма благородно с его стороны, ты не находишь?

Сару огорчила эта задержка. Она надеялась, что все завершится очень быстро. К сожалению, Амелия начинает что-то вспоминать. А это может разрушить все ее планы.

— Разве больше никто не может сделать все за него, дядя?

— Не думаю. Брайан всегда занимался делами твоих родителей. Мне очень жаль. Для тебя это, конечно же, удар. Конечно, тебе очень хотелось поскорее закончить с делами, связанными с трагедией. Но ты помолвлена с Лэнсом, и об этом тебе надо думать сейчас. И пожалуй, эта задержка с наследством только во благо. У тебя будет время подумать о том, как всем распорядиться.

Сара разволновалась. Она была так близка к своей мечте. Если бы память не начала возвращаться к Амелии, она могла бы спокойно ждать, когда станет обладательницей капиталов семьи Дивайн.

— Я пойду прилягу, дядя.

— Хорошо, милая. Попросить Полли, чтобы она принесла тебе чаю?

— Нет, спасибо, дядя. Я выпью чай позже. — Надо действовать. И как можно скорее.

Глава 32

К обеду Сара едва притронулась, вышла на улицу и увидела Амелию, которая работала в саду. Саре очень хотелось узнать, вспомнила ли девушка что-нибудь еще.

— Как сегодня твои дела? — спросила Сара.

Амелия очень удивилась, что благородная леди интересуется ее делами.

— Хорошо, — ответила она, нахмурившись, и выкопала очередной сорняк.

— Уверена? Кажется, ты чем-то озабочена.

— Вообще, вы правы. У меня в мозгу не переставая крутится одно имя, и я пытаюсь вспомнить, что оно значит для меня.

— Что... за имя? — спросила Сара, и ее сердце снова бешено забилося.

— Муркрофт. Я не знаю что это, место или чье-то имя.

Сара прекрасно знала это слово. Муркрофт — так называлась недвижимость семьи Дивайн в Хобарт-Таун. Это место часто упоминалось в дневнике Амелии.

— Впервые слышу, — солгала Сара. В это время мимо Амелии пробежал Майло. Он гнался за Джесси.

— *Маркус!* — закричала Амелия. — Подойди сюда. — Девушка забрала у него из рук ветку. — Ты можешь пораниться сам и поранить свою сестру. Теперь давай, беги.

Майло снова бросился в погоню за сестрой.

— О боже, — произнесла Амелия, закрыв рот рукой. — Я только что назвала Майло *Маркусом*, да?

— Да, — ответила Сара, с ужасом ожидая следующих слов Амелии.

— Я несколько раз называла его так и раньше. Не знаю почему. Возможно, Майло напоминает мне мальчика по имени Маркус. Хотела бы я знать, кто это.

Сара побледнела. Теперь она не сомневалась, что нужно срочно что-то делать. К Амелии все чаще стали приходиться воспоминания. Сара придумала план еще утром. Теперь же она была убеждена в этом. Больше медлить нельзя. Нужно действовать сегодня.

— Я собиралась просить Эвана, чтобы он отпустил тебя на прогулку вместе со мной сегодня после обеда. Как ты думаешь, он не будет против?

— На прогулку... с вами? — удивилась Амелия.

— Да. Ведь ты единственная ровесница, с которой я могу посекретничать. Полли очень близка с Эдной и, если я расскажу ей про Лэнса, тут же все передаст хозяйке. Ты не против?

— Конечно, не против, но вы уверены, что хотите поговорить со мной?

— Я немного нервничаю по поводу предстоящей свадьбы и, поскольку со мной рядом нет Люси... — Сара специально упомянула Люси, чтобы заставить Амелию чувствовать себя виноватой и обязанной ей.

— Я понимаю, — ответила Амелия, опустив голову.

— Тогда ты не возражаешь, если я попрошу Эвана отпустить тебя?

— Конечно. — Амелия не отходила от дома с тех пор, как Финнли прибыли в Кингскот. — Кажется, Эван чистит конюшню, не расстраивайтесь, если он откажет вам. Дети придут из школы в три, и он захочет, чтобы я присматривала за ними.

— Мы уйдем всего на час. Уверена, что он не будет возражать. — Сейчас от решения Эвана зависело ее будущее. Амелия была уверена, что с этой затеей ничего не выйдет, поэтому снова занялась сорняками.

Через несколько минут Сара вернулась.

— Эван сказал, что не возражает, если ты сделала все дела по дому и приготовила что-нибудь на обед. — На самом деле Эвану вовсе не понравилась эта затея, но Сара напомнила ему, что Лэнс, ее жених, помог ему собрать урожай. Эван был вынужден сдаться.

— О, — удивленно воскликнула Амелия. — Я закончила почти все дела. Мне нужно лишь снять белье, но чуть позже, и потушить баранину.

— Ты можешь готовить? — спросила Сара, не подумав. Та заносчивая девица на корабле не смогла бы отличить сковородку от филенной части лошади.

— Теперь я немного преуспела в этом, но сначала у меня либо все сгорало, либо оставалось полусырым. Сисси научила меня готовить такое же тушеное мясо, которое делала ее мать. Оказалось, в этом нет ничего сложного. Вы просто кладете все в котел, добавляете немного воды, соли и долго держите на огне. Нам повезло, что у прошлых хозяев здесь хороший огород, есть из чего готовить. — Амелия как раз пропалывала грядки с морковью и картошкой.

— Тогда я зайду за тобой примерно в половине пятого. — Пока все шло по плану. Уже сегодня Сара избавится еще от одного препятствия на пути к своему счастью.

— Хорошо, — ответила Амелия.

Сара вернулась домой и сказала Эшби, что собирается на прогулку в

Ривз-Пойнт до ужина и что Сара Джонс будет сопровождать ее.

— Я думала, что тебе неприятна мисс Джонс, Амелия. Зачем ты идешь с ней гулять? — удивилась Эдна.

Сара подготовила ответ заранее.

— Чтобы помириться.

— Это великолепно, Амелия, — воскликнул Чарльтон. Он бы уверен, что только так их подопечная сможет жить дальше полной жизнью.

— Я не простила ее за то, что случилось с Люси, но я стараюсь. Сегодняшняя прогулка и разговор должны помочь мне примириться с ней.

Эдну явно не убедили ее слова. «Но это не имеет никакого значения, — подумала Сара, — потому что после прогулки у меня будет все, чего я хочу».

В половине пятого девушки отправились в путь. Сначала Сара хранила молчание. Она взвешивала свои шансы. В это время в Ривз-Пойнт никого нет, поэтому вряд ли найдутся свидетели. Нет, надо действовать. Ее будущее под угрозой.

— Очень ветрено, — произнесла Амелия, закрывая воротником уши.

— По-моему, ветер бодрит, — проговорила Сара, делая глубокий вдох.

Амелия думала о Лэнсе, о его странной реакции, когда Чарльтон объявил об их предстоящей свадьбе. Казалось, его принудили к свадьбе. Интересно, собирается ли молодая леди поведать ей причины такой реакции.

— Вы сказали, что хотите поговорить о вашей свадьбе, — напомнила Амелия.

— Да, я немного нервничаю, но полагаю, это естественно, — ответила Сара. Она действительно нервничала и переживала по любому поводу, но всегда винила в этом Амелию.

— Не знаю. Я не помню, чтобы когда-нибудь выходила замуж.

— Ты еще что-нибудь вспомнила? — спросила Сара.

— Я вспоминаю, как в огромном бальном зале танцевала с красивым молодым человеком. Зал очень большой, и мы танцуем вальс. Кажется, я очень любила танцевать и хорошо умела это делать. — Теперь Амелия все больше убеждалась, что не могла быть служанкой. Все воспоминания, которые недавно вернулись к ней, не подходили к описанию жизни служанки, но она не могла утверждать это наверняка, не обвинив напрямую подопечную Эшби во лжи или же в том, что она ошиблась и приняла ее за другого человека.

— Наверное, твоя семья когда-то была состоятельной, но потом наступили тяжелые времена. Вот поэтому у тебя когда-то был пони, а

закончилось все тем, что ты стала служанкой, — попыталась объяснить Сара.

— Возможно, — задумалась девушка, но почему она ничего не помнит о своей жизни в качестве служанки.

Девушки дошли до утеса, там ветер был сильнее, его резкие порывы трепали волосы Амелии и Сары. Ветер срывал с вершушек волн пену, создавая жутковатую дымку вдоль всего побережья. Амелию била мелкая дрожь. Ее охватила необъяснимая тревога, особенно когда она увидела лодку, которую волны швыряли из стороны в сторону. Амелия не помнила, как тонула «Антилопа», но она стала иначе относиться к морю.

— Пойдем туда, — проговорила Сара, увлекая Амелию за собой к скалам.

Девушка нерешительно остановилась.

— Пошли, — воскликнула Сара.

— А там не слишком ветрено? — спросила ее Амелия. Она собиралась сказать, что там может быть опасно, но не захотела показаться трусихой. Молодая леди и так о ней невысокого мнения.

— Оттуда прекрасный вид. Неизвестно, когда еще Эван тебя отпустит, поэтому не стоит упускать такой шанс.

Сара права. Может пройти очень много времени, прежде чем Эван согласится отпустить ее на прогулку, но что-то останавливало Амелию.

— Но если вы хотите поговорить, разве нам не следует отправиться в какое-нибудь тихое место?

— У нас еще полно времени, — ответила Сара.

Девушки взобрались на крутой склон, ведущий к скалам. Оказавшись на вершине, Амелия отступила назад, а Сара подошла к самому краю.

— Будьте осторожны. — Амелии казалось, что край может обрушиться в любую минуту.

— Здесь безопасно. Подойди, посмотри, какой вид. — Нужно, чтобы Амелия подошла к самому краю.

Амелия нерешительно двинулась вперед. Почва казалась ненадежной.

— Разве это не прекрасно? — спросила Сара. Облака и дымка из соленых брызг окутали заходящее солнце, смягчив его свет. Вид был не столь захватывающим, как на мысе Кейп-дю-Куэди, но Амелия не сказала об этом.

Эдна никак не могла объяснить чувство тревоги, возникшее неизвестно откуда. Лэнс зашел к ней выпить чаю. Днем он пытался поговорить с Оливией, но она отчаянно избегала встречи с ним. Лэнс

понял, что нанес девушке неисцелимую рану и она больше не хочет иметь с ним ничего общего.

— Я волнуюсь по поводу Амелии, — сказала она сыну. — Она и мисс Джонс ушли гулять в Ривз-Пойнт.

Лэнсу показалось странным, что девушки отправились туда вместе, но Эдна тут же пояснила, что Амелия хочет помириться с мисс Джонс.

— Уверен, с ними все будет хорошо, — успокоил ее Лэнс.

— Но они ушли уже довольно давно.

— Не так уж и давно, — возразил Чарльтон, сверившись с часами.

Эдна представляла, как они ссорятся. Амелия очень ранима.

— Ты не сходишь посмотреть, все ли с ними в порядке, Лэнс? Мне было бы намного спокойней.

— Не думаю, что стоит им мешать, — ответил Лэнс.

— Просто посмотри за ними издали. Если все хорошо, тогда оставь их. Пожалуйста, сделай это для меня, Лэнс. Если ты не пойдешь, от волнения у меня случится удар.

— Ну хорошо, мама. — Я просто посмотрю, все ли с ними в порядке, и сразу вернусь.

— Спасибо тебе, сынок.

Амелия и Сара стояли на самом краю бок о бок. Ветер свирепствовал, и Сара снова вспомнила о том, как корабль наткнулся на риф, как они с Люси сидели в спасательной шлюпке. Сара увидела Люси перед собой так ясно, словно девушка действительно была здесь. Сара снова услышала, как Амелия требует освободить место в шлюпке. Сара посмотрела вниз, на зубчатые скалы и бушующие волны. Всего одно мгновение, одно легкое движение, и Амелия, а заодно и все проблемы Сары исчезнут навсегда. Все так просто, вокруг никого нет. Несчастный случай, служанка поскользнулась.

Когда Лэнс добрался до Ривз-Пойнт, из-за дымки он никого не увидел. Лэнс подумал, что его мать ошиблась и девушки пошли в другое место, но тут он взглянул на скалы и увидел у самого края две женские фигуры.

— Что они там делают? — произнес он. На вершине очень ветрено. Его мать, кажется, волновалась не напрасно.

Слезы навернулись Саре на глаза, когда она вспомнила растерянное и печальное лицо Люси. Девушка, сопровождаемая матросом, возвращалась на корабль, а Амелия заняла ее место в лодке. Люси понимала, что обречена. Тогда, в лодке, Сара была вне себя от злости. Вот и сейчас волна

гнева снова охватила ее.

Сара повернулась к Амелии и толкнула ее к краю. Но в последний момент, поскользнувшись на мелких камнях, сама потеряла равновесие. Падая с обрыва, Сара посмотрела Амелии в глаза. Все было словно в замедленной съемке.

Лэнс увидел, что одна из девушек падает, а другая пытается спасти ее. Когда Лэнс взбежал на холм, Сара висела над обрывом, а Амелия держала ее за руку. Сара с ужасом смотрела, как ее рука медленно начинает выскользывать из пальцев Амелии.

— Нет, — закричала она. — Держи меня!

Лэнс бросился к обрыву. Оказавшись рядом с Амелией, он схватил Сару за другую руку и вытащил ее наверх.

Сара зарыдала от смешанных чувств, разом нахлынувших на нее.

— Амелия, о чем ты думала, забравшись на самый край? — спросил Лэнс свою невесту. — Тебе повезло, что ты осталась жива.

Сара молчала. Она хотела столкнуть Амелию со скалы, но сама едва не погибла. Сара не могла поверить, что Амелия поймала ее. Амелия спасла ей жизнь! Но Сара была в бешенстве — ее план провалился.

Лэнс взглянул на настоящую Амелию.

— Если бы не ваша превосходная реакция, она бы погибла, — произнес он.

— Я не знаю, как смогла поймать ее. Это чудо, но мне не хватило сил ее вытащить. Если бы не вы... — Девушка замолчала и посмотрела на пепельно-бледную Сару. — С вами все в порядке? — с тревогой спросила она.

Сара только кивнула в ответ, ей хотелось кричать. Судьба вновь сыграла с ней злую шутку!

— Пойдемте домой, — предложил Лэнс.

Дома Лэнс рассказал о героическом поступке работницы Эвана.

— Она спасла жизнь Амелии.

— Не совсем, — возразила Амелия. — Это вы вытащили ее.

— Я не смог бы это сделать, если бы вы вовремя не схватили ее за руку.

Саре было противно слышать, что все хвалят Амелию. Хоть бы она шлепнулась в конский навоз и воняла, как лошадиная задница, подумала со злостью Сара.

— Что вы делали на скалах, Амелия? Вы же знали, что там опасно, — спросила Эдна.

Сара промолчала и за нее ответила Амелия.

— Я хотела полюбоваться видом, но вы правы, там слишком опасно.

Сара не поверила своим ушам. Неужели она изображает из себя великодушную особу?

— Я волновалась о вас не напрасно, — сказала Эдна. — Но теперь вы обе в безопасности. Я так рада, что хочу отпраздновать это. Сегодня вечером я приглашу Эвана с детьми в гости, и мы будем слушать музыку и танцевать. Полли, передвиньте с Лэнсом мебель в гостиной и освободите место для танцев. И Чарльтон, пригласи Габриеля тоже, хорошо?

Эдна проводила Амелию в Фейт-Коттедж. Эван был на кухне с детьми. Он подавал на стол тушеное мясо.

— Где ты была? — сердито спросил он Сару.

— Спасала жизнь моей Амелии, — ответила за нее Эдна.

— Что случилось?

— Амелия поскользнулась на краю скалы, а мисс Джонс успела поймать ее за руку.

— К счастью, рядом оказался Лэнс Эшби, который втащил ее обратно, — добавила Сара. Она чувствовала себя неловко от такого повышенного внимания.

— Я пришла пригласить вас всех на вечер. Мы должны отпраздновать спасение Амелии.

— Нас тоже приглашают? — спросила Роза.

— Роза. — Эван строго посмотрел на дочь.

— Ничего-ничего, Эван. Конечно, вы тоже приглашены.

— Сара научила нас танцевать вальс, — похвасталась Роза. — Можно мы вам покажем?

— Конечно, можно, — ответила Эдна. Она очень удивилась, что работница Эвана умеет танцевать вальс. — Полли и Лэнс сейчас освобождают место для нас, я буду играть на пианино.

— Ой, здорово, — воскликнула Роза.

— Мы сможем спеть несколько французских песенок, если вы нам сыграете, миссис Эшби, — обрадовалась Сисси.

— Неужели? Это было бы замечательно. Приходите примерно через час. Я знаю, что завтра у вас занятия в школе, поэтому мы не будем веселиться допоздна.

Неспешно возвращаясь домой, Эдна думала о девушке, которая спасла жизнь ее подопечной, и о самой Амелии. Внешне девушки очень похожи. Хрупкое телосложение, длинные темные волосы, карие глаза, светлая кожа, примерно один и тот же возраст. Но во всем остальном они совершенно разные. Амелия — очень нервная и не блещет манерами. Эдна ни разу не

слышала, чтобы ее подопечная сказала хоть слово по-французски, а из слов одной женщины на почте Эдна поняла, что Амелия плохо танцует. Сара же грациозна, говорит на нескольких языках и научила детей Эвана танцевать. Вообще, она была именно такой, какой Эдна ожидала видеть свою подопечную.

Боже! А вдруг та девушка, которую Эдна знала как свою подопечную, на самом деле осужденная и выдает себя за Амелию? А работница Эвана — настоящая Амелия Дивайн? Девушка обладала всеми качествами дочери Камиллы Дивайн, которой она так гордилась. В это трудно поверить, но это многое могло бы объяснить!

Внезапно Эдна почувствовала радостное возбуждение. Она поклялась, что сегодня вечером она выяснит всю правду.

Глава 33

Эдна налила своей подопечной большой бокал шерри, чтобы успокоить ее. Женщина понимала, что девушка испытала сильный шок, но она заметила, что ее беспокоит еще что-то. Эдна строила множество догадок, но не стала задавать вопросов.

Когда пришел Эван с детьми, Габриель и Лэнс были уже в доме. Лэнс подробно рассказал Габриелю о сегодняшнем происшествии. Габриель ужаснулся, представив, что его возлюбленная могла поскользнуться, упасть и разбиться о камни.

Как только дети вошли в гостиную, Эдна села за пианино и начала играть. Дети, Амелия, Лэнс, Габриель и Чарльтон закружились в танце. Эван наблюдал за ними. Габриелю безумно хотелось танцевать со своей возлюбленной, но из уважения к Эвану он не пригласил ее. Когда же Эван наконец сам предложил Габриелю потанцевать с Сарой, тот был счастлив.

Эдна видела, что детей учили танцевать, и снова она всерьез задумалась о том, что девушка, которую все знают как работницу Эвана, — дочь Камиллы. Идея невероятная, но если та, что выдает себя за Амелию, на самом деле Сара Джонс, то Эдне нужно это доказать.

Дети пели песенки на французском, и Амелия подбадривала их. Эдна заметила, что девушка знала все слова, а ее подопечная даже не пыталась подпевать. Когда Эдна спросила ее, знает ли она еще какие-нибудь песни, девушка ответила, что до сих пор не отошла от потрясения и ей ничего не приходит в голову. Эдна не стала дальше расспрашивать ее, чтобы не показаться бессердечной.

Когда Полли подала всем освежающие напитки, Эдна снова обратилась к своей подопечной.

— Амелия, милая, я знаю, что ты все еще не пришла в себя, но не могла бы ты прочесть нам что-нибудь из своих стихов? В твоём дневнике их довольно много. — Сара внезапно покраснела, и Эдна подумала, что, возможно, нашла способ доказать, что эта девушка выдает себя за мисс Дивайн.

— Пожалуй, не стоит, тетя. — Ее сердце едва не выпрыгивало из груди.

— Пожалуйста, Амелия! — Эдна повернулась к детям. — Вы же хотите послушать стихи, не так ли, дети? — спросила она.

Дети начали умолять Сару почитать стихи.

Самозванку охватил панический ужас. Она поняла, что не сможет просто уйти, надо вспомнить хоть что-то из дневника Амелии. Сара взглянула на настоящую Амелию, которая смотрела на нее с таким же нетерпением, как и все остальные.

Сделав глубокий вдох, Сара встала. Надо вспомнить хотя бы самые простые строки, иначе Эдна может что-то заподозрить. Эшби должны верить ей, пока она не найдет способа избавиться от Амелии. Сара кашлянула, чтобы прочистить горло.

*В прекрасном платье золотисто-голубом
Пойду к любимому каштану у пруда...*

Ее голос дрожал, но она постаралась продолжить:

И там...

Что там дальше? Сара отчаянно постаралась вспомнить, но все напрасно. В отчаянии она стала говорить первое, что придет в голову:

...под сенью... бархатной листвы...

Больше ничего не приходило на ум. Это была настоящая пытка. Внезапно настоящая Амелия поднялась и закончила рифму тихим голосом:

В грядущее я устремлю мечты.

Все взоры обратились на настоящую Амелию. Все были потрясены, что совершенно чужой человек знает чьи-то личные стихи.

Гости и хозяйева, затаив дыхание, ждали, кто продолжит декламировать стихи дальше.

Амелия медленно сделала глубокий вдох и, к ужасу Сары, начала читать следующую строчку. Изумленно глядя на всех, словно сама не веря в то, что происходит, Амелия продолжила:

*Наполнил воздух звонкий детский смех,
Порхали бабочки и пташки в вышине,
И вот, устав от зноя, ярмарки утех,
Веселая песня дня затихнет во тьме.*

Внезапно острая боль пронзила голову Амелии. Она схватилась за виски руками. Картинки прошлой жизни замелькали у нее перед глазами... Ее детство в Муркрофте. Она вспомнила друзей юности, всех своих пони и самого любимого — по имени Кусочек Сахара. Амелия вспомнила танцевальную школу, вспомнила, как ходила на балы с родителями. Ее лицо исказилось от мучительной боли, когда к ней пришло воспоминание о несчастном случае с ее родителями и обожаемым младшим братом Маркусом. Дни, последовавшие за смертью родителей, были самыми ужасными в ее жизни. Затем Амелия увидела себя на борту «Антилопы» с Люси. Слезы покатались по щекам девушки, когда она вспомнила крушение корабля. Тогда она испытала ни с чем не сравнимый ужас. Сдавленный крик вырвался из груди Амелии. Эдна и Чарльтон смотрели на нее в изумлении.

Никто в комнате не понимал, что происходит, кроме Сары Джонс.

Амелия посмотрела на Сару.

— Я — Амелия Дивайн, — произнесла она твердым голосом. Она даже не услышала возгласов изумления. Взглянула на Габриеля — он тоже ничего не понимал.

Амелия смотрела на Сару в упор. Она вспомнила, как стукнулась головой, когда ее поднимали на скалу. Потом несколько часов она была без сознания, а когда очнулась, ей сказали, что она осужденная.

— Ты Сара Джонс, заключенная, направленная на работу к Эвану Финнли. — Амелия показала пальцем на Сару и услышала, как Эван воскликнул:

— Что?

— Это неправда, — пришел своей мнимой подопечной на помощь Чарльтон. — Вы лжете.

— Боюсь, это правда, — прервала его Эдна. — В это трудно поверить, но правда. Сара Джонс выдала себя за нашу подопечную, когда та потеряла память.

— Не так ли, мисс Джонс?

Сара ничего не ответила.

— О чем ты? — спросил Чарльтон Эдну. — Кто-нибудь скажет мне, что тут творится?

Прежде чем Эдна смогла все объяснить, заговорила Амелия. Она больше не могла сдерживаться.

— Зачем ты выдала себя за меня? — спросила она Сару. — Как ты могла так поступить со мной?

Сара прищурилась. Она медленно обвела взглядом комнату, заглянув

каждому в глаза.

— Да, это правда, — бросила она в ответ. — Она Амелия Дивайн — презренная особа, испорченная, вредная и самая эгоистичная женщина на свете. Ты обращалась с бедной Люси, словно с ковриком для ног, и когда «Антилопа» разбилась о риф, а Люси села в лодку, ты заставила ее выйти оттуда и заняла ее место. Бедная Люси сделала, как ей приказали. Я просила ее не слушать тебя, но ты была в воде и раскачивала лодку. Дети кричали, боясь, что лодка перевернется и все погибнут. Люси вышла ради них и ради тебя, и это стоило ей жизни.

Амелия заплакала, вспомнив о том, что сделала.

— Ты права. Я действительно так поступила. Я запаниковала. Я была эгоисткой и считала, что пассажиры первого класса имеют право первыми занять место в спасательной шлюпке. И я не хотела, чтобы Люси бросила меня.

Амелия услышала вздох Эдны и ее сдавленный всхлип. Чарльтон обнял жену.

— Мне нет прощения, — откровенно призналась Амелия. — На корабле оставались еще люди, пассажиры первого класса, но никто не поступил так, как я. — Амелия взглянула на Габриеля, на мужчину, которого любила.

Он смотрел на нее так, словно видел впервые.

— Мой эгоизм стоил Люси жизни, — продолжила Амелия. — Все, что сказала про меня Сара Джонс, — правда. Я была заносчивой, испорченной. Я была ужасным человеком, который не заслуживал любви, не заслуживал того, чтобы выжить в кораблекрушении.

Габриель был потрясен. Его возлюбленная внезапно стала Амелией Дивайн, испорченной, заносчивой дамочкой из высшего общества, которая не станет тратить всю оставшуюся жизнь на смотрителя маяка и лоцмана. Габриель был потрясен до глубины души и покинул дом.

Амелия проводила его взглядом, и ее сердце сжалось. Но чего еще она могла ожидать? Он старался убедить ее в том, что она хороший человек. Теперь он знает правду. Габриель ошибался. Она холодная, расчетливая и злая.

— Чарльтон, ты должен послать за констеблем и отправить эту обманщицу в тюрьму, — проговорила Эдна, указав на Сару пальцем.

— Нет, — перебила ее Амелия.

— Ты шутишь? — вскрикнула Эдна. — Посмотри, что она сделала с тобой! И что она сделала с нами! Все это время мы верили в то, что она это ты, а ты трудилась, как рабыня, на ферме Эвана.

— Мне не жаль ни одного дня, что я провела на ферме Эвана, — ответила Амелия. — Я думаю, что Господь хотел, чтобы я оказалась там, чтобы я упорно трудилась и заботилась о детях Эвана. Мне нужно было преподать урок.

— Нет, Амелия, не верь, что ты испорченная и эгоистичная девушка. Камилла была моей лучшей подругой. Она и Генри *любили* тебя. Твоей вины нет в том, что они были богаты. Они любили тебя и Маркуса, и слава богу, что они баловали тебя, потому что им на этой земле было отпущено мало времени. — Голос Эдны едва не сорвался. — Эта женщина не вправе судить тебя, не вправе наказывать.

— Я действительно сказала Люси, что она не может уплыть без меня, и она вышла из шлюпки. Из-за меня она лишилась жизни.

— На корабле был суший ад, Амелия. Никто не знает, как он поведет себя в такой ситуации. Твоя гибель ничего бы не дала. У Господа была причина, чтобы сохранить тебе жизнь.

— Я не хочу, чтобы арестовывали мисс Джонс, — заявила Амелия.

— А что нам с ней делать? — спросила Эдна.

— Она приехала сюда, чтобы работать у Эвана, так пусть и работает. — Амелия посмотрела на Сару. — Ты же знаешь, что мы можем отправить тебя обратно в тюрьму, не так ли?

— Тогда почему не отправляете? — угрюмо спросила Сара.

— Потому, что ты сделала все это ради Люси, — тихо ответила Амелия.

Сара промолчала.

— Ты сможешь ухаживать за детьми Эвана? — спросила Амелия.

— Подождите-ка, — перебил ее Эван. — Я не хочу, чтобы человек, способный на такой подлый поступок, ухаживал за моими детьми.

— Я не причиню им вреда, — ответила Сара. — Я хотела отомстить лишь мисс Дивайн. — Сара посмотрела на Эдну и Чарльтона. — Вы были так добры ко мне. Я не желала причинить вам страданий. Я ничего не брала у Мердоков. Их избалованные дочери все время издевались надо мной. Поняв, что им не удастся довести меня до слез, они подставили меня. Я просто хотела вернуться домой.

— Тогда отработай свой срок и иди с миром. Я не буду выдвигать против тебя обвинения, — заявила Амелия.

— Что скажешь, Эван? — спросил Чарльтон.

— Не знаю. Я должен подумать.

— Сегодня я пойду домой вместе с вами, Эван. — Амелия хотела еще побыть с детьми. Девушка посмотрела на Чарльтона и Эдну. — Сара Джонс

может переночевать сегодня у вас?

Чарльтон посмотрел на жену.

— Ты попытаешься бежать? — спросила она Сару.

Сара покачала головой.

— Куда?

Эдна согласилась. Чарльтон тоже неохотно кивнул.

В Фейт-Коттедж Амелия усадила детей и постаралась объяснить им, кто она такая и почему больше не может оставаться с ними. Она хотела вернуться в Хобарт-Таун, чтобы навестить могилы родителей и брата и увидеться с Брайаном Хаксвеллом. Конечно, Габриель пережил шок и, вполне вероятно, передумал жениться на ней. Амелия не могла винить его за это. Она чувствовала себя недостойной этого мужчины. Слишком много страданий она ему принесла.

Дети, особенно младшие, не поняли, почему Амелия не может остаться с ними. Они заплакали, и девушка плакала вместе с ними.

Уложив их спать, Амелия пришла к Эвану на кухню.

— Я буду скучать по вас, — произнес он. — Зато теперь я хоть знаю, почему вы не умеете готовить.

Амелия улыбнулась.

— Вот и нашлось объяснение тому, что я ничего не умела делать по хозяйству, но спасибо, что терпели меня, Эван. — Она чувствовала себя неловко. После того, что сказала Сара Джонс, Эван, наверное, считал ее ужасным человеком.

— Не позволяйте чувству вины жить в вашем сердце, Сара... то есть... Амелия, — продолжил он. Эван не смотрел на нее, но девушка знала, что он имел в виду свое решение поселиться в уединенном месте. — Если вы совершили поступок, за который вам стыдно, и уже ничего нельзя изменить, чувство вины ничего не исправит. Мы все ошибаемся.

Амелия дотронулась до руки Эвана. Она была благодарна ему за откровение, за его попытку подбодрить ее.

— Вы правы, Эван, но я должна найти возможность что-то исправить. Иначе я не смогу жить дальше.

— Не представляю, как вам это удастся. Что сделано — то сделано.

Амелия не могла оставить все так, как есть. Она видела перед собой лицо Габриеля, его глаза. Она никогда не забудет этот взгляд.

В Хоуп-Коттедж Эдна и Чарльтон сидели на кухне и пили чай. Полли пошла спать, а Сара ушла в свою комнату. Лэнс отправился искать

Габриеля. Он был уверен, что тот пережил сильнейшее потрясение.

— Как же она нас обманула? — спросил Чарльтон Эдну.

— С самого первого дня, как она появилась здесь, я чувствовала, что что-то не так, но я и не подозревала...

— ...что она выдает себя за другую, — закончил Чарльтон. — Я даже не усомнился ни на секунду. Я думал, она просто переживает, ведь от таких несчастий люди долго приходят в себя. Мы должны были догадаться, когда она не захотела видеть Брайана Хаквелла. Конечно же, она знала, что он тут же все поймет.

— Как же мы сможем простить себя за то, что насильно заставили сына обручиться с ней? Почему мы не поверили ему? — проговорила Эдна со слезами на глазах. — Я хотела избежать скандала, думала о положении в обществе. И получила хороший урок.

— Полагаю, теперь доверять людям мне будет не так просто, — ответил Чарльтон.

Сара подслушивала их разговор. Она поняла, что причинила Эшби страшную боль. У Сары на душе было мерзко. Она вошла на кухню. Эдна вздрогнула от испуга, когда Сара появилась в дверном проеме.

— Я знаю, что никакие мои слова не исправят того, что я сделала. Но я хочу, чтобы вы знали, что я никогда не забуду вашей доброты ко мне. Я многое повидала, и, может быть, вы не поймете или не поверите в то, что вы первые, не считая моих родителей, кто обращался со мной уважительно и по-доброму.

— Не понимаю, зачем вы сказали, что Лэнс обесчестил вас, мисс Джонс. Наш сын хороший человек, — перебила ее Эдна. — Он не заслужил, чтобы его так очернили.

— Вы правы. Я никогда раньше не встречала такого мужчину, как Лэнс. Я просто в него влюбилась, хотя понимала, что он никогда не ответит мне взаимностью. Я лишь надеялась, что когда он женится на мне, со временем я хоть немного понравлюсь ему.

— А что вы скажете о наследстве, мисс Джонс? Когда вы узнали, что получите богатое наследство, вы сделали все, чтобы заполучить его. Вы даже убедили нас, что Брайан Хаквелл вел себя по отношению к вам неподобающим образом, — гневно проговорил Чарльтон.

— Можете не верить мне, но я не знала о деньгах, когда решила выдать себя за Амелию. Однако, узнав о наследстве, подумала, что смогу помочь своим родным, у которых была нелегкая жизнь. Мне казалось, что судьба вознаградила меня за все мои страдания. Когда Амелия не смогла вспомнить, кто она, я сравнила наши судьбы. Она жила в достатке и любви,

а я должна была прозябать два года у Эвана Финнли. Я провела пять долгих лет, стирая чужие тряпки, из-за таких, как Амелия. На корабле я подружилась с Люси, она была очень милой девушкой. Я видела, как Амелия обращается с ней. Это было несправедливо, и я увидела шанс исправить это.

В Фейт-Коттедж разговор продолжался. Эван спросил Амелию, говорила ли она когда-нибудь Саре Джонс, что к ней возвращаются воспоминания.

— Да, сегодня утром, а потом днем она спросила меня, вспомнила ли я еще что-нибудь, и я ей рассказала.

Эван побледнел.

— Что случилось, Эван? — разволновалась Амелия.

— Как вы оказались с ней на скалах?

— Она сказала, что хочет показать мне красивый вид, — ответила Амелия.

— А как она поскользнулась?

— Она повернулась... — Амелия постаралась вспомнить, что именно случилось. — И потянулась ко мне, а потом поскользнулась. — Девушка в испуге посмотрела на Эвана и закрыла рот рукой.

— Она привела тебя туда, чтобы столкнуть вниз, — заявил Эван.

Амелия ахнула. Как она могла быть такой наивной.

Амелия появилась в доме Эшби, когда Сара говорила Чарльтону и Эдне, что хотела только справедливости. По их лицам девушка поняла, что они уже жалеют Сару. Амелия вошла на кухню.

— Ты привела меня на скалы, чтобы убить, не так ли? — прямо спросила она Сару.

Сара быстро обернулась и посмотрела на Амелию безумными глазами. Отрицать это было невозможно. Эдна и Чарльтон изумленно переглянулись. Неужели она снова обманула их?

— Когда я сказала Люси, что она не может уехать без меня, я хотела присоединиться к ней в шлюпке. Я до смерти боялась остаться одна, — произнесла Амелия. — Я не хотела занять ее место. Помню, что звала ее, говорила, чтобы она поплыла со мной, но матрос сказал, что так нельзя. Признаю, я была наивной. Поверила ему, когда он пообещал, что отведет ее в безопасное место. Я честна перед собой, ведь я неосознанно приговорила ее к смерти, но ты обманом заманила меня на скалы, чтобы столкнуть с обрыва. Ты повернулась, чтобы сделать это, но поскользнулась на камне. Ты планировала убить меня, потому что память начала возвращаться ко

мне. Ты хотела получить мою жизнь и мое наследство. — Амелия посмотрела на Чарльтона. — Думаю, нам стоит вызвать констебля. Я не смогу спокойно спать, если за детьми Эвана будет присматривать такой подлый и злой человек.

Глава 34

На следующее утро в восемь часов из гавани города Кингскот вышел корабль. На борту в сопровождении полицейского плыла заключенная Сара Джонс.

В это время Амелия Дивайн отправилась в дом Лэнса, чтобы встретиться с Габриелем. Но, придя туда, узнала, что он уже ушел на работу. Амелия не очень удивилась, но ее огорчило поведение любимого. Ночью она приняла важные решения, которые теперь ей нужно было обсудить с Эдной и Чарльтоном.

— Я не могу оставаться в Кингскоте, — объявила Амелия супругам Эшби, которые пили чай у себя на кухне.

— Куда ты собираешься отправиться? — спросила ее Эдна. Она была очень обеспокоена.

— Я хочу вернуться в Хобарт-Таун. Пожалуйста, поймите, мне это необходимо. Я хочу навестить могилы родителей и Маркуса. Только так я смогу пережить этот кошмар.

— Я буду тебя сопровождать, — предложил Чарльтон. Он посмотрел на жену. — Она не может ехать одна.

— Конечно, — согласилась Эдна.

— Я хочу уехать как можно скорее, сегодня, если можно, — сообщила Амелия.

— Вчера в гавани я видел «Сигнет». Я пойду посмотрю, отходит ли он сегодня на Большую землю, — сказал Чарльтон. — Ты сможешь мне помочь, Эдна?

— Да, дорогой.

Когда Чарльтон ушел, Эдна спросила Амелию:

— Ты не хочешь увидеться с Габриелем перед отъездом?

Миссис Эшби подумала, что в том, что Габриель полюбил осужденную, которая вдруг оказалась богатой леди, есть некая грустная ирония.

— Нет слов, которые могли бы унять его боль или разочарование, Эдна.

— Вчера он был потрясен. После того как все обдумает, он захочет поговорить с тобой.

— Я просто хотела увидеться с ним, но он уже ушел на работу. Я честно не знала, что скажу ему. Мне нужно время обо всем подумать, Эдна.

Эдна понимала ее. Бедная девушка пережила столько горя, сколько не выпадает на долю и троих за всю жизнь.

Днем Чарльтон и Амелия отплыли на корабле «Сигнет» в Аделаиду. Они должны были переночевать в Аделаиде, а затем отправиться в Мельбурн, откуда на другом корабле отплыть в Хобарт-Таун. Во время путешествия Амелия собиралась многое обдумать. Ей хотелось, чтобы все трагические события остались в прошлом, а ее будущее вновь наполнилось бы солнечным светом и радостью.

Хобарт-Таун

Прибыв в город, Чарльтон и Амелия направились в Конституишн-Докс, где находился дом Брайана Хаксвелла. Дверь открыла сиделка. Она сказала, что мистер Хаксвелл не принимает посетителей.

— Он примет нас, — заявила Амелия, протискиваясь в дом. Оказавшись в холле, она позвала:

— Дядя Брайан. — За ней последовала сиделка, крупная и крепкая женщина, которая пыталась сказать Амелии, что мистеру Хаксвеллу нельзя волноваться.

Даже из холла Чарльтон и Амелия слышали удивленный возглас Брайана.

— Амелия, — воскликнул он хриплым голосом. — Это ты? — От высокой температуры у него бывали галлюцинации, поэтому он не был уверен, что на самом деле слышит голос Амелии.

Девушка не смогла сдержать слез, когда открыла дверь его спальни. Она подбежала к кровати Брайана и, всхлипывая, обняла его за худые плечи.

Когда она, наконец, вытерла слезы и оглядела старика, ее поразила его бледность и худоба. Чарльтон пожал руку Брайана. Его тоже шокировал вид несчастного. Брайан Хаксвелл был тенью того человека, который приезжал в Кингскот.

— Амелия, милая, почему ты не захотела меня видеть, когда я приехал на остров? — спросил Брайан сквозь кашель.

— Это была не я, дядя Брайан, — ответила Амелия, вытирая слезы. Она так разволновалась, что едва могла говорить.

Брайан не понял ее.

Чарльтон решил, что надо все объяснить.

— Девушка, которая приехала к нам, выдавала себя за Амелию, мистер Хаксвелл. Я и моя жена последний раз видели Амелию, когда та была еще совсем маленькой, поэтому мы не заметили обмана.

— Как... такое могло случиться? — спросил Брайан. — И где ты была, Амелия?

— После кораблекрушения в живых остались только я и одна осужденная, — объяснила Амелия. — Когда нас спасали, я ударила головой и потеряла память. Она воспользовалась этим — сказала, что она Амелия Дивайн, а я осужденная, которую направили на ферму на принудительные работы. Ферма находится в очень уединенном месте, на мысе Кейп-дю-Куэди, в сотнях миль от Кингскота. Девушка направилась к Эшби, выдав себя за Амелию. У Эшби не было причин не верить ей.

— Невероятно, — удивился Брайан. Сколько раз он мучительно думал об Амелии, пытаясь найти какое-нибудь объяснение тому, что она не захотела видеть его, но Брайан не мог даже представить ничего подобного. — Я должен был настоять на встрече с той девушкой. И тогда мы бы сразу узнали, где ты.

— Девушка знала, что вы сразу же поймете, кто она, поэтому не соглашалась на встречу, — пояснил Чарльтон. — Когда мы попытались заставить ее увидеться с вами, она выдумала про вас страшную историю. Мне ужасно жаль, мистер Хаксвелл. Я понимаю, что причинил вам ужасные страдания.

— Вы даже не представляете, насколько ужасные, — устало произнес Брайан. Он так переживал, что это сказалось на его здоровье. Когда Эшби выставили его из дома, Брайан был близок к самоубийству. Он с трудом добрался до дома. Когда он заболел воспалением легких, у него не было желания бороться с болезнью. — Теперь ты здесь, Амелия, и я так рад, что с тобой все хорошо. Я не понимал, почему ты не захотела встретиться со мной, и это было невыносимо.

— Теперь все позади, и мы должны жить дальше, — произнесла Амелия. — Довольно боли и страданий. Отныне, дядя Брайан, вы — моя семья, и этого ничто не изменит. Я люблю вас и останусь с вами, пока вы не поправитесь.

Брайан посмотрел на Чарльтона. Он надеялся, что Амелия собирается остаться здесь.

— Ты вернулась навсегда, Амелия?

— Я не заглядываю так далеко вперед, дядя Брайан, — ответила она, снова подумав о Габриеле. — Но у меня здесь много дел, и мне

понадобится ваша помощь. Однако прежде всего вы должны поправиться и окрепнуть.

Брайан сжал ее ладони в своих. Встреча с родным человеком наполнила его желанием поправиться.

У Амелии были планы. За время путешествия она много думала и решила, как распорядиться наследством. Она обсудила свои планы с Чарльтоном, и он остался доволен ее решением.

Через пару недель к мистеру Хаксвеллу начали возвращаться силы. Мрачную сиделку освободили от ее обязанностей, за Брайаном стала ухаживать Амелия. Чарльтон тоже оставался с ними.

Минули рождественские праздники, и девушка получила письмо от Эдгара Диксона, который спешил выразить свою радость, что она наконец обрела себя. Он написал в Кингскот, а Эдна ответила ему и рассказала о последних событиях. Эдгар писал, что собирается через несколько месяцев вернуться в Англию вместе со своей беременной женой, Карлоттой. Через какое-то время, после своего решения разорвать отношения, итальянка выяснила, что беременна, конечно, от своего мужа. Боясь остаться одной с ребенком на руках, она умоляла простить ее ужасное поведение. Прочитав письмо, Амелия подумала, что теперь Карлотта наверняка стало покладистой и тихой. Эван, добрейшей души человек, собирался дать ей еще один шанс, ради их ребенка. Амелия надеялась, что он обретет счастье с женой и ребенком.

Приезд Амелии оказался для Брайана лучшим лекарством. Она наполнила его дом любовью и радостью.

— К счастью, у вас есть отличная домработница, которая прекрасно готовит, — однажды вечером сказала Брайану Амелия, когда они с аппетитом ужинали у камина. — Моя стряпня загнала бы вас в могилу раньше времени.

Брайан расхохотался. Он часто смеялся с тех пор, как Амелия вернулась. Он был удивлен, как повзрослела и посерьезнела Амелия.

— Твоя мама никогда не готовила, поэтому я не думал, что ты умеешь это делать, — пошутил он.

— Я умею тушить мясо и овощи, — похвасталась Амелия.

Через месяц Брайан был здоров. Он набрал вес, хотя все еще быстро уставал. Чарльтону пора было уезжать домой. Амелия поблагодарила его за все, что он сделал для нее, и пообещала когда-нибудь навестить его и Эдну. Девушка не знала когда, так как ей предстояло многое сделать. Она будет

писать Эшби, чтобы держать их в курсе дел. Чарльтон оставил Амелию на попечение Брайана, совершенно ни о чем не волнуясь.

Получив наследство, Амелия прежде всего основала танцевальную школу. Ее отец владел несколькими зданиями в местечке Салливанс-Коув, включая склад и магазин шерстяной пряжи на берегу. Эти здания больше не использовались, и Амелия отремонтировала магазин, где открыла танцевальную школу Люсиль Кларк, в честь погибшей Люси. Месье Жильбер, владеющий частью акций школы, в которой работала Амелия до смерти своих родителей и которая закрылась в ее отсутствие, был приглашен преподавать новые танцы — польку, шотландку и вальс. Он был тоже рад участвовать в этом проекте.

Затем она отремонтировала часть склада и открыла школу. Амелия собиралась принимать на учебу прежде всего сирот и девушек, освобожденных из тюрем. Она назвала школу именем Люси и собиралась финансировать дальнейшее образование по их выбору.

Через две недели после открытия в танцевальной школе было двадцать учеников, которые платили за обучение. А в образовательной школе было всего тринадцать учеников. Только пять из них могли платить за обучение. Остальные же девушки только что вышли из тюрьмы. Амелия заключила соглашение с миссис Робинсон, владевшей небольшой гостиницей неподалеку. И если она размещала у себя бывших заключенных или сирот, Амелия должна была направлять к ней девушек, которые могли убирать, готовить и стирать. Амелии было трудно найти девушек, которые умели бы это делать. Тогда она решила открыть школу домашнего хозяйства.

Амелия пробыла в Хобарт-Таун чуть более трех месяцев, когда решила отправиться в женскую тюрьму, увидеться с ее главным надзирателем, Джеймсом Паттерсоном. Он был хорошим другом ее отца. Амелия хотела повидаться с Сарой Джонс. Но прежде у девушки с Джеймсом Паттерсоном был длинный и непростой разговор о Саре.

По просьбе Амелии Сару передали в руки полиции острова Кенгуру-Айленд в ночь, когда выяснилась правда. Сару вернули в женскую тюрьму Каскейд, но при этом не сообщили властям, в чем она провинилась. Эван сказал, что он больше не нуждается в ее услугах, и для полиции этого оказалось достаточно.

— Я получил письмо от смотрителя маяка с Кейп-дю-Куэди, от мистера Доннели, — внезапно признался Джеймс. — Смотритель хотел подтвердить личность Сары Джонс. Я подумал, что это довольно странно, но мистер Доннели писал, что у нее амнезия и ее спасли после

кораблекрушения вместе с вами. К сожалению, я не мог сообщить каких-то особых примет, назвать людей, видевших или знавших ее, поэтому я собирался послать кого-то на остров.

Амелия ожидала, что Джеймс скажет еще что-нибудь про письмо, но она хотела избежать разговора о Саре.

— Мистер Доннели хотел убедиться, что я не ошиблась. Так как мисс Джонс потеряла память после кораблекрушения, и только я могла сказать, кто она. Но так как я едва знала ее, то могла произойти ошибка, — солгала Амелия.

— Это очень достойный поступок с его стороны. Я обязательно отвечу и принесу извинения за свою нерасторопность.

— Мистер Доннели больше не работает на маяке. Я не знаю, где он теперь, — добавила она печально.

Сара была в тюремной прачечной. Она стирала белье на доске, когда ее известили, что к ней пришел посетитель. Это само по себе было удивительно, но когда Сару провели в камеру для свиданий, где ее ждала Амелия, она застыла от изумления.

Как только Амелия увидела Сару, она поняла, что девушка потеряла смысл жизни. Ее потухший взгляд и сгорбленная спина говорили об этом. Сара была похожа на тех девушек, которые впервые приходили в школу Амелии. Их самооценка была сильно занижена, они думали, что у них нет будущего. Сара испугалась, но ее можно было понять. Она слышала о танцевальной школе Амелии и о курсах стенографии. В газетах несколько раз писали об этом, и заключенным, которые умели читать, раз в неделю разрешалось их просматривать. Сара знала, сколько Амелия сделала, ей было известно, что у Амелии есть могущественные друзья. Сара боялась, что она передумала и теперь пришла сказать, что за все, что обманщица сделала на Кенгуру-Айленд, ей добавили срок.

— Как поживаешь, Сара? — спросила Амелия.

— Работаю и не ищу себе неприятностей, — ответила Сара. Она очень хотела узнать, зачем Амелия пришла к ней. Если ей добавили срок, она бы знала об этом.

— Мне не нужно спрашивать, как ваши дела. Я читала о том, что вы открыли танцевальную школу Люсиль Кларк.

Сара знала, что Амелия помогает бедным, сиротам и бывшим заключенным.

— Зачем вы пришли? — спросила она, не в силах больше сдерживать свою тревогу.

— Я хотела предложить тебе работу, когда ты выйдешь на свободу.

— Работу? — удивилась Сара.

— Да, у большинства сирот нет никакой профессии. Они не знают, как обеспечить себя, когда приходит время покинуть приют. Похожая ситуация и с некоторыми девушками, которые выходят из тюрьмы. Они не могут найти работу и становятся проститутками. Я открываю еще одну школу — школу домашнего хозяйства. Я подумала, что ты можешь преподавать. У тебя есть необходимое образование. Я буду хорошо платить, и ты сможешь накопить на поездку домой.

У Сары округлились глаза. Больше всего она хотела домой, но накопить столько денег, чтобы хватило на возвращение в Англию, было просто невозможно.

— Мне не верится, что вы делаете это для меня, — произнесла Сара со слезами на глазах. — Я буду хорошо работать. — Она не знала, что Амелия попросила Джеймса Паттерсона освободить ее досрочно и согласилась стать ее учителем на время испытательного срока.

— Если мы будем работать сообща, чтобы почтить память Люси, то сумеем сделать вдвое больше. Согласна?

— Да, но... мой срок еще не закончился. — Сначала девушка испытала радостное возбуждение от определенности в будущем, но тут вспомнила, что сможет выйти из тюрьмы только через полтора года.

— Он может закончиться раньше, чем ты думаешь, — улыбнулась Амелия. Джеймс не назвал ей точную дату, поэтому она не хотела больше ничего говорить, чтобы зря не обнадеживать Сару.

— Правда?

Амелия кивнула. Она протянула Сару руку.

— Я смогу простить тебя за все, что ты сделала, если ты сможешь простить меня, — серьезно сказала она.

Сара пожала руку Амелии.

— У меня было много времени, чтобы подумать о своих поступках, и мне действительно очень стыдно, — проговорила она. — Мне было очень горько от несправедливости по отношению ко мне. Это не оправдание, я не должна была вымещать свою злость на вас...

— Мы не в силах изменить прошлое, но вместе мы можем сделать будущее лучше для нас и для тех, кому нужна помощь, — сказала Амелия.

Сара кивнула. По щекам у нее текли слезы. Амелия дала ей адрес школы и попросила приходить сразу после освобождения. Сара пообещала, что придет. Она шла в свою камеру, все еще не переставая удивляться тому, что Амелия смогла простить ее. Сара Джонс наконец признала, что Амелия Дивайн — хороший человек. Конечно, она отнюдь не безупречна, но ее

поступками можно восхищаться.

Глава 35

Кингскот

В этот день Габриель провел в гавань два корабля, не зная, что на одном из них была Амелия. Она решила установить памятный знак в Ривз-Пойнт, камень в честь Люси и всех тех, кто погиб в том кораблекрушении, и Амелия хотела, чтобы для Эшби это стало сюрпризом.

Когда Габриель закончил свою смену, он попросил одного рыбака подбросить его на лодке до Макларен-стрит. Оттуда он обычно шел пешком по Сивью-роуд, с которой открывался вид на Ривз-Пойнт. Габриель все еще жил в Черити-Коттедж. После того как Лэнс получил повышение, он переехал в дом, который ему предоставил банк. Узнав, что Сара выдавала себя за Амелию, Лэнс, не теряя ни минуты, отправился к Оливии и попросил ее руки. Он не хотел дважды совершать одну и ту же ошибку. Свадьбу назначили на 26 июня, и у Эдны с матерью Оливии было достаточно времени, чтобы подготовиться.

Габриель шел по дороге и на холме Ривз-Пойнт увидел силуэт девушки. Он был уверен, что ему это кажется, так как солнечные лучи, играющие на волнах, слепили его.

Амелия искала подходящее место для мемориального камня.

— Амелия! — внезапно раздался чей-то голос.

Она обернулась и увидела Габриеля. На его лице застыло выражение крайнего изумления. Их взгляды встретились. Теперь она не сомневалась, что любит его и всегда будет любить.

— Я не знал, что ты собиралась вернуться. — Эшби сообщали ему обо всем, что делала Амелия, но они не говорили, что она намеревается приехать на остров. — Эдна рассказала мне все о твоих школах, — объяснил он.

Амелия еще не писала Эшби, что на нее работает Сара Джонс и они хорошо ладят. Она хотела рассказать это при встрече. Сара просто расцвела. Ей так нравилось преподавать, что после поездки домой она собиралась вернуться в школу.

— Я очень горжусь твоими достижениями, — произнес Габриель.

— Правда? — спросила Амелия с неподдельным удивлением.

— Конечно. — Ему стало неловко.

— Я думала, ты разочаровался во мне. Эшби ни разу не упоминали в

своих письмах о Габриеле. — Амелия думала, что он разлюбил ее и они просто не хотят делать ей больно. Но он сам просил не писать о нем, так как не желал, чтобы Амелия чувствовала себя обязанной ему, и не хотел напоминать ей о той жизни, когда ее звали Сара Джонс.

— Наверное, ты хочешь знать, почему я ушел в тот вечер, когда к тебе вернулась память, — сказал Габриель.

— Я думала об этом каждый день, — призналась Амелия.

— Я был потрясен. И очень обрадовался за тебя, но, узнав, что ты принадлежишь к высшему обществу, совершенно растерялся. Думал, что это изменит твоё отношение ко мне и я потеряю тебя. Я обычный человек, лоцман и смотритель маяка. Я ничего не знаю о том мире, в котором ты жила. И ты уехала так внезапно...

— Моя жизнь перевернулась, и мне пришлось хорошо поразмыслить над тем, что делать дальше. Я хотела навестить могилы моих родителей, и брата, увидеться с Брайаном Хаксвеллом. Брайан мне как дядя, самый близкий человек, что у меня остался. Я не знала Эшби по-настоящему. Они поняли меня.

— Я думал, тебе не терпится вернуться к своей прежней жизни, но потом Эдна и Чарльтон рассказали мне о том, что ты делаешь... Я горжусь тобой.

— Правда?

— Да, Амелия. Ты осталась той женщиной, которую я любил.

— Почему ты не писал мне, Габриель?

— Я не знал, что тебе сказать. Я собирался поехать в Хобарт-Таун, чтобы увидеться с тобой, ждал подходящего момента. Эдна сказала, что тебе нужно время, чтобы заниматься своими школами и разобраться с чувствами. Ты много страдала.

— Все это время я думала, что ты больше меня не любишь.

— Я очень люблю тебя, но когда любишь по-настоящему, ты можешь отпустить любимого человека, если он этого действительно хочет.

— Я всегда любила тебя, Габриель. Ты единственный, с кем я хочу провести всю жизнь.

Габриель на мгновение закрыл глаза. Он так ждал этих слов.

— Ты хочешь сказать, что все еще хочешь выйти за меня? — с улыбкой спросил он.

— Да, и это сделает меня самой счастливой женщиной на свете.

— Тогда я отправлюсь с тобой в Хобарт-Таун. Там у них большая гавань, не так ли? Уверен, я найду там работу.

То, что Габриель готов пойти на такую жертву, было для Амелии

доказательством, что он ставит ее счастье выше всего.

— Я буду счастлива остаться с тобой здесь.

— Но как же твои школы? Эдна мне рассказывала, как ты любишь преподавать танцы.

— Я нашла и обучила людей, которые будут управлять моими школами и продолжать начатую работу. Кроме того, я поняла, что мне еще очень нравится ухаживать за детьми Эвана. Я очень соскучилась по ним.

— Они соскучились по тебе тоже.

— Если я поселюсь в Черити-Коттедж, то смогу больше времени проводить с ними, пока мы не заведем своих детей. — Амелия покраснела, и Габриель заключил ее в свои объятия.

— Думаю, с этим я могу тебе помочь, — засмеялся он, крепко обнял девушку и горячо поцеловал.

Через полчаса Амелия и Габриель подошли к Фейт-Коттедж. Майло играл на дорожке перед домом и первым увидел Амелию. Он завопил от восторга и бросился к ней. Эван подумал, что с его сыном что-то случилось, и выбежал из дома. На крик Майло выбежали и сестры, которые тут же кинулись к Амелии и обняли ее со всех сторон.

— Сара... то есть, Амелия, мы так по тебе соскучились, — запрыгала Сисси.

— Ну уж точно не так, как я по вам всем. Как же вы выросли! — воскликнула Амелия.

— Рад видеть тебя снова, девочка, — улыбнулся сквозь свою кустистую бороду Эван.

— Не надоем ли вам, если буду все время рядом? — спросила Амелия. Эван удивленно посмотрел на нее.

— Думаю, нет. Точно, дети? — Ему не хватало ее так же, как и детям. Они каждый день спрашивали об Амелии, и Эвану все время приходилось отвечать, что она уехала туда, где жила раньше.

— Хорошо, потому что я выхожу замуж за этого замечательного мужчину. Мы собираемся стать вашими соседями и поселиться в Черити-Коттедж.

— Ты выучилась готовить? — спросил Эван, и его глаза озорно заблестели.

— Ну, вообще-то, я брала уроки, — с гордостью ответила Амелия.

— Неужели? — изумленно воскликнул фермер.

— Я организовала школу, в которой девушек обучают всем премудростям домашнего хозяйства, воспользовалась положением и посещала кулинарный класс.

— Это потрясающая новость, — засмеялся Эван.

— И не думайте, что я буду вам стирать. Я могу послать за женщиной, которая посещала мою школу. Она очень хорошая домохозяйка. — Амелия думала об одной женщине, которая могла бы стать женой Эвану и хорошей матерью его детям. Девушка была уверена, что у Матильды и Эвана все получится.

— Уж не собираешься ли ты меня женить? — ужаснулся Эван.

— Нет, — ответила Амелия, и в ее глазах блеснули задорные икорки. — Но у меня есть на примете одна дама, которая не боится работы и любит свежий воздух. Она придется здесь очень кстати.

— О боже, — пробормотал Эван. — Потом ты начнешь сватать всех одиноких фермеров на острове.

Амелия удивленно посмотрела на него.

— А ведь это прекрасная идея...

notes

Примечания

1

Замечательные дети (*ит.*).

2

Красиво (фр.).

3

Быстрее, кретин (*ит.*).

4

Божественно — *divine*, звучит и пишется точно так же, как и фамилия подопечной Эшби, за которую выдает себя Сара.

Table of Contents

[Элизабет Хэран Шепот ветра](#)

[Глава 1 Австралия, сентябрь 1845 года](#)

[Глава 2 Мыс Кейп-дю-Куэди](#)

[Глава 3 Мыс Кейп-дю-Куэди](#)

[Глава 4 Мыс Кейп-дю-Куэди](#)

[Глава 5 Кейп-дю-Куэди](#)

[Глава 6 Кейп-дю-Куэди](#)

[Глава 7 Кингскот](#)

[Глава 8 Кейп-дю-Куэди](#)

[Глава 9 Кингскот](#)

[Глава 10 Кейп-дю-Куэди](#)

[Глава 11 Кингскот](#)

[Глава 12 Кейп-дю-Куэди](#)

[Глава 13 Кингскот](#)

[Глава 14 Кейп-дю-Куэди](#)

[Глава 15 Кингскот](#)

[Глава 16 Кейп-дю-Куэди](#)

[Глава 17 Кингскот](#)

[Глава 18 Кейп-дю-Куэди](#)

[Глава 19 Кингскот](#)

[Глава 20 Кингскот](#)

[Глава 21 Кингскот](#)

[Глава 22 Кингскот](#)

[Глава 23 Кейп-дю-Куэди](#)

[Глава 24 Кейп-дю-Куэди](#)

[Глава 25](#)

[Глава 26](#)

[Глава 27](#)

[Глава 28](#)

[Глава 29 Кейп-дю-Куэди](#)

[Глава 30](#)

[Глава 31](#)

[Глава 32](#)

[Глава 33](#)

[Глава 34](#)

Глава 35 Кингскот

Примечания

1

2

3

4